

РЕЗНИЧЕНКО ДЕКО О. А.

СВЕТО

БУДУЩЕ

Тернистый путь поиска своего "я", путь ошибок, мытарств и сломанных грез. Дорога, ведущая прямым из безоблачного детства... в "светлое будущее". Вот только... будет ли солнце улыбаться всем им там, за горизонтом взросления? Будет ли оно добрым, нежным... заботливым, радетьным? Али сожжет дотла... не щадя ни плоть, ни душу? Будет ли свет... в конце туннеля — выходом... из темени бед, или же станет прощальным блеском лобового фонаря, прожектора электрички, машинисту которой... уже поздно жать по тормозам?..

Пролог

Тик-так. Тик-так. Грохочет сердце.
Натянутые мысли — открыты дверцы:
Безумие влезает, плетя из боли
Немые сети убитой воли.
Остыло тело. Остались кости.
Ушла душа, сгорев от злости.

И вера детская в удачу

Спустила дух — уже не плачу.

Слезам нет места там, где стужа.

Надежда мертвая — она не нужна.

И гений мира, придумал всё,

Что в сути равно — "ничего".

А то, что жаждет сердце вечно,

Осталосьдохлым и беспечным.

И время вспять не повернуть.

И не пройти нам снова путь.

Все, кто ушли — ушли навеки.

И не раскрыть им свои веки.

Не слышать смех, не слышать крики.

И их улыбку оживляют блики,

Играющие на немом овале,

Гранитном сером покрывале.

Жизнь, как девица, неприступна.

И за короткую улыбку — плата крупна.

Ой, не нужны ей уговоры!

Мы для нее — лишь только воры.

Крадем у жадной свои судьбы.

Мы глупо ждем "авось" и "тут бы"

Чужие силы, чужое горе.

А нам — лишь радость, счастья море.

Мы злим, красивую, грехами,

Не понимая, что виновны сами.

Чего хотели — получили.

Что уж смогли — то утащили.

Но скоро лица занемеют,

И, как душа, глаза запреют.

И, может, кто-то и всплакнет.

Но ветер память заметет.

И нас забудут. Мы растаем.

Уже другой здесь грезит раем.

И вновь виток — и вновь надежды,

Рассыпанные по земле...

небрежно.

Резниченко Дехо О. А., 2013 г.

Август, 2005 г.

Год. Сегодня ровно год... как суд окончательно поставил точку в это долгом, жутком... в конечном счете, нудном (как бы ужасно это не звучало... но своей безысходностью, явностью... на чьей стороне «правда», да и вина — то именно так, нудном) деле относительно Рогожина Федора Романовича, 1986 г.р. Он же Рожа, двоюродный мой брат, друг, товарищ... душа моя.

Лет шесть мне было, когда Ее не стало. Мамы... Болезнь забрала. Увы, в живую Ее почти не помню: лицо — только с фото. Чего не скажешь про сам... чертов, «черный» день — вспышками, психопатический привет детскому сознанию общими образами... как блик на мокрой ладони, как явь вчера, идущая отныне по пятам за мной.

Отец? Отец же почти сразу после моего рождения от нас ушел. Оставив по себе на память лишь только фотографию, фамилию и долги (еще одна... фотография для моей жуткой коллекции). А после — и вовсе, как ходят слухи, благополучно скончался, отошел в мир иной, не поделив территорию али понятия с товарищами-собу... политологами-философами. Грустила, скучала ли я по...? По отцу — нет: то ли всеобщее мнение так меня подковало, убедило, то ли личная обида, но... факт есть факт, и я особо не заморачивалась. А вот по маме... Тут да: не простила я жизнь даже со временем... не смогла... за такую пощечину. Подставу. Предательство. Нельзя так, нельзя!.. Не в столь юном возрасте... Пусть даже... если и воспоминаний почти не осталось. Нельзя...

Но мир не без добрых людей, а потому... мой родной дядька по матери, Рогожин Роман Викторович, батя Федьки и Ритки, со своей женой забрали меня к себе — «третей недотепой» до кучи... Там я и нашла свое пристанище, веру, надежду... и мечту. Они и стали моей семьей. Познала вместе с ними и радости, и беды. Дружбу, родительскую, братскую любовь... и в то же время — горькое разочарование. Очередное... горькое разочарование.

Рожа... Если со своей близкой родней у него не сложились отношения, даже с матерью общего языка не смог найти, то со мной — напротив.

Будто чудо... будто какой-то Вселенский Разум разделил наше естество напополам и всучил в два разных флакона: в меня, Нику, Веронику Бирюкову, и в Рожу, Рогожина Федьку.

Понимать с полуслова? Угадывать желания? Более того — почти всегда желать одно и то же? Это про нас.

Мы — как сиамские близнецы, только что я на годок младше. Не беда! Мы даже в школу пошли одновременно, в один класс!

Никогда разница в возрасте не коробила Федьку, а уж тем более... меня. Я тянулась к нему, как дитя к матери. А он ко мне — как к самому верному и любимому другу.

Некит. Я не была Никой, девчонкой сцыкливой. Я была — НЕКИТОМ, дружбаном братаном Рожи. И даже когда мы подросли и стали возиться с остальными ребятами во дворе (чаще всего такими же забияками, как и мы с Рожей) — то никто не смел ставить под сомнение, что я им всем ровня. А если кто из новеньких или «чужих» и зал*пался, то тут же получал в жбан. От меня. Лично. И хоть чесались у Федьки руки каждый раз «вставить свои пять копеек» в дело, везде и всегда я заступалась сама за себя, несмотря на то, что чувствовала за спиной дюжее прикрытие (четко знала: даже если солнце на землю упадет,

Рожа меня непременно прикроет и спасет).

Кто побил местную шпану? Рожа с Некитом. Кто в школе разбил окно? Некит с Рожей. Кого сторож на территории соседнего завода поздно вечером чуть не подстрелил? Кто чуть не спалил раздевалку в школе? Кто нахамил учительнице и обидел ее сына? Кого в сотый раз вызывают к директору? Ну, вы поняли...

Честно, поначалу... этот наш «школьный батя» даже обалдел, когда узнал, что перед ним... не два парня, а...

Долгая, муторная речь о «взяться за ум», «ты же будущая мать», «оба закончите на нарах или в подворотне...»

Ничего нового, в общем-то, он и не сказал: повторил лишь нудные нравоучения дядьки Романа... Да толку? Что с гуся вода... Батя Рожи, "наш" батя, давно уже бросил эту затею — ждет только, когда мы окончательно разможемся, чтоб уже на собственных кровавых шишках дошло, что хорошо, а что — плохо. Хотя поначалу не раз рвался, пытался разогнать нашу «шайку», «тандем беспредельщиков». Как только ярким заревом небосвод окропился первыми нашими выходками... (а-ля подожгли крышу и закинули под окна брюзгесоседу (вечно сетующему, что шумим, что надоедаем, что вишни его святые (невольно) ломаем, когда ягоды тырим; и который уже не раз нас уксусом поливал) или залили краской клумбу постоянно, бешено на нас орущей, веником гоняющей по подъезду, бабки с первого этажа) — так и начал составлять коварные планы «разлучить» взрывную смесь и привести каждого по отдельности в чувства, в нормальное, адекватное, разумом, а не «опой» контролирующееся, состояние, сознание. Конечно же, дядька не верил бабкам (что вечно под окнами кости всем, а не только нам, перемывали), что зачастую это я зачинщик всех этих «хождений по мукам». А потому влетало исключительно Роже — меня же лишь напутствовал словом, да так... что однажды, дабы спасти (!), несчастную, отправил к бабушке жить, в деревню. Хотя бы... «лето перекуковать, а там видно будет...» — невнятная речь, явно пахнувшая ложью.

Ну да. Здравствуй. И пусть Роже ток четырнадцать, но этот «говнюк» пронюхал всю историю (что, куда: что не в детдоме я, как грозился батя, а у бабули), умудрился раздобыть денег (тачки мыл, бутылки собирал, макулатуру сдавал), купил билет и рванул за мной... никому ничего не сказав. Долго родители его искали, в ментовку даже заявку написали. Местную округу с волонтерами прочесывали...

А этот индюк — два дня — и у меня. Видели бы вы мою рожу от явки этой Рожи! И никакой принц не нужен!

На танцы вечером пошли уже вместе. Стоит ли говорить, что кое-где кое-что странным образом запылало, прибежал участковый, и не только бабулю, но и всё село на уши поставил. А уже следующим утром — Рогожины старшие получили телеграмму о том, чтоб «срочно приезжали и забирали своих... хороших деток обратно».

Весело было... Очень весело. Чудили... Жестоко порой, безрассудно, бесстыдно, но без фанатизма. Всегда знали, когда остановиться, чтобы не наделать беды и чтоб сильно кого не задеть, не обидеть. Если кому и влетало от нас — то только за дело. Как грится, «зло должно быть наказуемо»... и вот тут-то мы брали разгул, как верные «Всадники Апокалипсиса»...

Ритка... Ритка же была словно из другой вселенной. Если мы гоняли собак по двору или мяч, то она с другими девчонками — в куклы играла. Мы в казаков-разбойников или по крышам, а она — книги, песни, плакаты...

Не срослась ни наша дружба, ни взгляды на жизнь.

Так и теперь.

Рожи нет — и для меня всего того мира... больше не стало. Поистине, сиротой себя впервые отчетливо почувствовала...

С Риткой общение натянуто, нехотя... да и то, когда приезжаю к родителям на каникулы. В остальном же — живу здесь, в областном центре, где и учусь в университете. С подругой (с одного факультета: она — журналистка, я — перевод) снимаем на двоих квартиру.

Черт... год. ГОД... как я уже окончательно одна.

Хотя, чего таить? Дороги наши с Рожей разошлись гораздо раньше... (просто, что окончательная точка поставлена лишь теперь). А так... да. Повзрослели — и тучи заслали наш горизонт: ему где-то шестнадцать, мне — пятнадцать... Я — к нему, а он — от меня. У него новые друзья, серьезные дела... Даже не знакомил ни с кем из них: запретная зона. А вот дома все, как прежде, Рожа — мой Рожа: обнимет, по-братски приласкает, поцелует, с учебкой поможет, советом где... Но, как только за порог, — словно и не мы... делили беды и радость напополам, «защищали друг друга от шальной, бандитской пули», словно не мы кровь проливали вместе... и носы ломали врагам.

Черт, я до сих пор не пойму... Как так? Буквально в один миг, в один вечер. Новая компания, новые варианты... и всё — Некит, отойди в сторонку, не для твоих ушей, ума, понятий.

Так я и зависла с тех пор. Вот уже и восемнадцать мне стукнуло, а я всё еще стою в сторонке... и жду Его. ЖДУ, пока он придет и снова позовет, заберет, пустит в свой мир дружбы и братства. В душу. Да только — глупо. Отныне — глупо: закрыли его за разбой. Статья 162 УК ч. 2 и 3: «...нападение, в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, совершенный группой лиц по предварительному сговору... с применением оружия... и с незаконным проникновением в «иное хранилище»». Семь лет. Как с куста... С*КА, СЕМЬ ЛЕТ! Минус полгода... отбытых СИЗО — и вот он... срок на двоих, который так любезно заработал нам Рожа. Он — там, за решеткой. Я — здесь, «в стороне»... под серым, пустым небом.

Ничего даже не объяснил, не сказал. Только... «прости».

На суды не ходила — не смогла, но и Федька не хотел: говорил матери, что тяжело ему их, всех нас, видеть. Просил не являться — что мы покорно, как те тупые амебы, и исполнили...

Жалею ли? Жалею... Сейчас жалею, что так поступила. Но верни время обратно — и опять бы не пошла. Да что там? Я и писем-то не пишу. Как и он уже мне...

Не могу... Не могу его простить. СЕМЬ ЛЕТ!

...РОЖА! ЗА ЧТО?!!

Том I. Ч.1. Глава 1. Рокировка. Квинтэссенция самообмана

ТОМ I. ТЕМНОЕ ПРОШЛОЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Бой с Тенью

Глава 1. Рокировка. Квинтэссенция самообмана

30 сентября, 2005 г.

Второй курс. Еще только второй курс, а я уже всё здесь ненавижу: начиная с учебы и заканчивая последней тварью, что здесь «обитает». Хотя... ненависть эта, скорее, и не к ним, а к себе... родимой.

Как началось мое прозрение... на выпускном (своей, моей никчемности, ненужности... ошибки существования) так и продолжается по сей день — мало мне моих доводов, еще и остальные не отстают: каждый норовит сие подтвердить, втолковать, вбить в мою дурную... беспросветную голову, окрестить сознание столь вопиющей истиной.

Выпускной. Третье черное пятно на киноплёнке моей жизни: приплюсованное к кадрам Её похорон и Рожи приговора...

Буквально за пару недель до того, как менты Фёдку забрали... у нас в школе начался ажиотаж по поводу выпускного: определение, распределение, репетиции, сбор средств. Рожа к тому времени после девяти классов пошел учиться в ПТУ, а потому его всё это не коснулось. Конечно, с парнем я никаким не встречалась на то время — куда мне, Некиту? Да и ухажеров, явных воздыхателей, тоже не наблюдалось... Может, конечно, кто и косился на меня — да я не замечала. Мне было не до этого: учеба, Рожа... и те редкие моменты, когда мы всё же вместе выбирались во двор (а вернее, наши «владения», карта «выджигериваний» распространялась минимум на парочку микрорайонов) и отжигали... не по-детски.

Так что вопрос особо и не стал между нами. Вопрос, ответ на который удивил, конечно, батю, матушку и Ритку... но не меня. Прочитав в очередной раз мои мысли, Рожа четко и с порога: со мной пойдешь. Вот мой кавалер на выпускной.

Кто же знал... что, когда я впервые за столько лет облачусь в красивое платье (цвета бордо)... ты, мой верный друг-товарищ-брат... будешь сидеть под семью замками и мерить мыслями скудное... наше, о котором столько грезили... «светлое будущее».

Когда буду сидеть в углу... пьяная — и рыдать, осознавая окончательно, что я осталась одна. Что ничего хорошего... тебе не светит.

И даже когда... эта тварь, гнида, ублюдок... со мной, всё что хотел сделал, когда бросил рыдать на кровати... окровавленную, под цвет багровых ошметков своего некогда битого лоском платья, захлебываться слезами и дурманом вина, что ядом сейчас растекался по моим венам — давая оправдание... ему, и лишая всяческого приличия меня.

Тебя рядом не было.

Некит пал — и тебя... рядом не оказалось.

Как, впрочем, и сейчас.

Опять... чертов универ, чертовы одноклассники... которые невзлюбили меня почти с первой нашей встречи. Но что я им, скотам, сделала? ЧТО?

Ровным счетом ничего.

После того, как Рожа меня бросил... — я закрылась в себе, конфронтаций усердно избегала, временами даже унижения терпела, многое пропуская мимо ушей, закрывая глаза на дерзость. Старалась ни с кем не общаться. Пришла — отучилась — и ушла.

Но мало этого было. Мало... Особенно этой, Алёне. Не знаю... почему я ее бесила. Сначала легкие докапывания, а затем — чуть ли не явная война. Более того, такую несуразицу придумывала, такую чушь... и главное, к чему цеплялась? Стрижка под мальчика, широкие джинсы, толстовка...

КОМУ. КАКАЯ. РАЗНИЦА?.. Как я одеваюсь, какую музыку слушаю, что ем, что делаю за пределами универа?

Ан-нет. ВАЖНО. ОЧЕНЬ ВАЖНО — прямо до скрежета зубов. Не такая, как она — значит, не имею права... на существование. Так и норовит чем-нибудь меня укусить, ущипнуть, унижить. И не понимает, овца, элементарного... что я... Я — ЕЕ ЖАЛЕЮ. Оди мой прямой с правой — и плакала ее карьера местной красавицы. Идиотка общипанная. Но вместе с тем — и мой придет конец: учебе, будущему... и мечтам стать независимой от опекунов... которым и без того немало нервов потрепала, из которых заботы... и денег много высосала — а в ответ лишь только разочарование подарила. Как и Рожа: только что он — загремел, а я нет — не успела еще достаточно оступиться... пока.

А потому — молчу. Скрипя зубами, кривляясь, сжимая руки в кулаки, душа гордость — ТЕРПЛЮ.

Черт, и когда уже под наш факультет в основных корпусах универа найдут, выделяют аудитории? Как и в прошлом году (хотя нет, судя по расписанию, ныне — и того будет чаще), несколько раз в неделю — наши пары так и приходится на «общагу». Что не есть, самой оную, жилую. Одно крыло здания отдали под «аудитории»: комнаты — для семинаров, а какой-то огромный зал — под лекционку. И такая «кара» настигла не только переводчиков, но и журналнюг (из первых уст да воочию — мне моя подруга Женька (с которой квартиру снимаем напололам) сама не раз здесь на глаза попадалась, да и если что, коль состыковка, то на большой перемене в местном буфете пироги вместе точим) и, конечно же, юристов (куда ж без них, родимых?).

И вот, 30 сентября. Сутки изначально не задались, ознаменовываясь громогласным неформальным названием "День переводчиков". И это в довесок к трем парам после большой перемены (то бишь после полудня) и кураторскому часу опосля, в ведомой нам «аудитории» (опять, наверно, уборка грядет), во всё той же пресловутой общаге... Но мало всего этого. Наша горячо любимая "опекунша", как всегда, «не успела»/«забыла» к нам явиться — вот и сиди теперь, жди, сомневайся в вероятностях и возможностях. Хотя грустить, конечно, по сему поводу... особо никто не стал.

— Ну, что... товарищи-коллеги, — ядовито выдал наш Староста (и кто этого обалдуя избрал?), — ждем положенные пятнадцать минут... — выдержал театральную паузу. А после, с не менее важным видом, нежели его пушок под носом, добил окончательно: — И по домам?

— Может, десять? — коварно улыбнулась мадемуазель Алёна и захлопала коровьими ресницами. — И не по домам, а пошлите бухать... отпразднуем уже нормально! Наш день, как-никак! Наш праздник!

— Я бы рад... — заблеял враз с перепугу влюбленный барашек, — но только... правила...

— По правилам, все час двадцать ждать надо, — не выдержала моя соседка по парте и

опрометчиво вклинилась со своей пылкой речью... в планы «бандитского синдиката». Ну, черт возьми, будто первый день на свете существует?! Что за зельц у этой курице в башке?

— Чё ты вякнула? — чуть ли не с разгону к ней Лукьянова. — Какие на**й час двадцать?! Ты че... е**нулась?! Опять нарываешься?!

В этот раз наша "богиня" уже точно серьезно запыхтела: вот-вот свои острые коготки войдут в кожу, уже млеющей от ужаса, дурехи.

— Че молчишь, с*ка? — бешеный рев. — Опять всех подставишь?! КАК ТОГДА?! — руки сжались в кулаки.

— Отвали от нее, — тихо, но твердо. Я.

— Чё? — уже в меня негатива посыл, выстрел. — ТЫ МНЕ? — молчу, учтиво пряча взгляд, дабы еще сильнее не разжигать и без того больное пламя. — Ты че молчишь, тварь?! ТЫ мне вякнула? ЗА НЕЕ? Ты че, на ее стороне? А, лес*уха? Небось... спелись уже?

— Слизались, — слышу ржач за спиной. Узнаю голос Узика (то еще пресмыкающиеся... всем нороящее воткнуть свой хвостик).

— Че за шум, а драки нет? — послышалось яркое, борзое, развеселое. Чужое.

Отчего даже я не сдержалась — обернулась: взгляд на выход, к двери.

— О, зай! — вмиг просияла Алёнушка и кинулась к своему «Иванушке». — Да с*ки тут две... рогом уперлись, уходить не хотят.

— А вы че, уже что ли?

— Да не пришла эта карга, видишь же... — повела рукой около.

— Так внизу она. «Борьку» сложно не заметить, та еще дама...

— Б***ь! — резвое и отчаянное. — Валим!.. Пока не пришла. Пусть следующий раз думает... курва старая.

— Да не такая она уж и старая...

— Лет тридцать, вроде, — слышится еще один голос из толпы, полный задумчивости и мудрых размышлений.

— Вы идиоты, что ли?! Какая на*** разница! Валим, говорю! И вы, с*ки, с нами, — рявкнула, уперев свой исступленный взгляд в меня. — А иначе сама вы*бу!

— Зайчонок, че ты такой злой сегодня?!

— Да бесят эти тупые твари!

— Та-ак! — слышится протяжное из коридора. — Что за переполох? Что за крик? И что это за чужие молодые люди? Покиньте, будьте добры, аудиторию...

— Ну, с*ка... Ну, Лес**ха... я предупреждала, — злобное, жестокое, сверля очами. — Раком поставлю. После пары — беги.

— Я ее сам... — послышалось язвительное (резво перевожу взор на незнакомца — товарищ ее «Иванушки»): двухметровый... «дяденька». Убийственная ухмылка. — Сам... перевоспитаю. Не парься. Да, сладкая? — уже мне. И приговором — будто сам бес, подмигнул.

И что самое... смешное или обидное, Кураторша нас продержала не больше... получаса. Основные положения, напутствия, то да сё — и «досвидос».

И даже... «соседка по парте» умудрилась свалить не тронутой.

А вот меня... ждала месть. Если не Смерть.

И я бы не поверила, успокоилась, наплевала... рискнула, в конце концов, если бы не... самодовольная ухмылка Лукьяновой и ядовитый шепот, что скрежет метала:

— Уж он-то... точно из тебя «нормальную» сделает.

А за окном — уже и сумерки на землю спустились.

Чертова общага. Даже если и прорвусь за ворота — впереди «тропа смертника»... То еще злополучное место... Еще немного — и темнеть станет совсем рано... А там, то и дело, посыплются истории о студентках, «павших» на ней: если не изнасиловали, то, как минимум, ограбили. И никакие менты не спасают: даже патрули с собакой... Все равно как-то умудряются одни — свернуть "не туда" (хотя, куда там можно свернуть "не туда"? ума не приложу, ведь дорога прямая, просто, что через дебри да мимо свалки бетонных плит и свай), а другие — сделать свое черное дело. Да что там в потемках?! Тут и днем... не все спокойно: сама лично двух онанистов видела. И, что самое обидно, всем плевать: идут, отворачиваются — и будто так и надо. ДАЖЕ МУЖИКИ!

Так что... путь мне заказан... и даже палач определен.

Замерла, смотрю через окно. Стоят уроды у выхода: сначала у подъезда, но их погнали дальше (или сами те пошли) — но замерли у ворот. А ход-то тут один... никак не прорваться, не столкнувшись с ними. Разве что через забор: пусть высокий, но в темноту и на озеро (на пригорке около которого этот «студгородок» и расположился). Но тоже... так себе вариант: через пляж nudистов — не меньший экстрим. Там... и не на одного маньяка можно нарваться.

Остаться здесь? Заночевать? Но у кого?

Из всех знакомых хороших/друзей в городе — моя Женька. Но она такая тихоня, овечка, покруче... той идиотки, за которую я вступилась. Даже если и дозвониться к ней — не спасет.

Рожа-Рожа... где же ты, родной мой?

Да мы бы... сейчас в две пары рук, в четыре кулака!.. Да, черт! Даже если бы и отгребли... то не так страшно и больно бы было.

Черт! Черт! ЧЕРТ!!!

ЧТО ДЕЛАТЬ?!

С*ка...

Будь что будет, но добровольно не сдамся.

Стоят, хохочут.

Сколько же вы ждать меня собираетесь? И кто из нас быстрее сдуется?

Но еще бесит тот факт, что когда совсем стемнеет и волны студентов от общаги в сторону проезжей части, остановки, спадут... я всё равно окажусь нос к носу с опасностью, пусть даже... и не такого размера. Но не факт, что окажется она по моим зубам, а вернее, ровней кулаку.

Ну, Роженька... Федька... помоги мне, молю... Как сможешь. Яви мне умную мысль... в мою дурную, малолетнюю голову.

Еще один ход скользящего взора около — и вот оно. Током прошибло.

Может, конечно... Может (да и скорее всего) обозналась я, но за забором, недалеко от ворот стояла белая тачка — а рядом с ним — Рыжик, из нашего двора. Товарищ Рожи, Андрюха. Они с Федькой последнее время очень хорошо сдружились — так что есть шанс... на спасение.

Ну, с*ки, брата у меня забрали, так хоть делом подсобите.

Шумный, глубокий вдох — и, не рискуя гневить судьбу лифтом, живо бросаюсь на лестницу — с восьмого на первый влёт.

Задыхаясь, заикаясь, бегу к выходу. От моей резвости, смелости, непредсказуемости, да и темени вокруг, не сразу враги мои меня различают, узнают: молнией мимо них, да в совсем в иную сторону — полная растерянность.

Резвые шаги, тормозя, гася инерцию, и замираю рядом с двумя особями мужского пола: Рыжик. Мать т*ою, действительно Рыжик! И еще кто-то — не знаю его, первый раз вижу. А потому невольно отворачиваюсь от него — пристальный, молящий взор в лицо своему старому знакомому:

— Привет, Рыжий!

— Чего тебе, малой? — не дает ответить (застывшему в рассуждениях Андрюхе), вклиниваясь, его товарищ, мистер «ядовитая ухмылка».

— Не с тобой говорю, — борзое мое через плечо. — Гриб, ты че, не узнаешь? — и снова на Рыжика взгляд. — Это я, Ника, — криво улыбаюсь. Нервически облизала губы и стащила с себя капюшон.

— О, Рожина!

— Ну, так! — счастливо захохотала я.

— Мать т*ою! — живо распахнул объятия — враз поддалась, плюхнулась ему на грудь и обняла в ответ. — Как ты? Какими судьбами? Как Федька?

— Да че ему? — ржу, смущенная. — Сидит, отдыхает.

— Так а ты как? Че тут? — насильно отстраняет меня от себя.

Глаза в глаза. Кривлюсь в смущенной улыбке:

— Учусь, на переводчика. Второй курс!

— У-у! — взревел шутливо. — Совсем взрослая! Молодец!

— Слушай, — перебиваю отчасти излишне нагло (чувствуя, как затылок мой уже пропалил, просверлил своим взглядом незнакомец, товарищ его, с кем беседу я столь бесстыдно прервала). — У меня дело тут...

— Какое? — ухмыльнулся.

— Докопались одни... Не мог бы провести до остановки?

— А дальше что? — ехидно.

— А дальше — будет дальше, уже как-нибудь сама разберусь.

Вздернул бровями, скривился.

Нервически переступила я с ноги на ногу. Ухмыльнулась пристыжено.

— А че, не в общежитии живешь?

— Нет, квартиру с подругой снимаем.

Поджал губы на мгновение:

— Понятно...

Взор мне за спину. Невольно оборачиваюсь и я.

— Ты это... — замялся от неловкости Рыжик. — Подождешь?

— Шутишь? — едкое, пронзительно, огорошивающие, сверкнув гневом в глазах, да так... что у меня даже от страха мышцы сжались.

— Ну, б*я... Мир, ну... сам, видишь, — несмело махнул рукой в мою сторону. — Друзей в беде... сам знаешь... некрасиво как-то.

Стоит каменный, что статуя, молодой человек — и ни единой лишней эмоции, кроме как ядовито-ехидная усмешка, что будто скульптором высечена навечно. Да такой непроницаемый, но давящий взгляд — что невольно идиотом, жутким грешником себя чувствуешь... беспросветно повинным, что вклинился со столь низменной, маразматической

идеей, и заживо сгораешь теперь в праведном огне.

— Ну, или ты подождешь? — метнул вдруг на меня взор Гриб.

Пытаюсь все свои чувства спрятать за лживой улыбкой:

— А сколько?

— Че городить? — резвое, пронзительное, отчего дрожь волной прошла по телу. Тотчас уставились мы с Рыжиком на «Командира». — Тебе сколько на наш... «проект» нужно времени? — не то паясничает, не то мутит.

— А... ну, — замялся Андрюха. — Минут сорок... час.

— Вот и вали, делай. А с ней — я сам. Доставлю, куда надо. И тебе в плюс, и мне — нескучно.

— Ну... — и снова невнятное. Пожал плечами мой знакомый. Растерянный взгляд около, а затем уверенно на меня: — Согласна?

— А она еще торговаться будет?

Глава 2. Бегство. Призраки прошлого

Глава 2. Бегство. Призраки прошлого

Провести взглядом Андрюху... и в растерянности, всё еще давясь малодушно страхом, уставиться на своего... новоиспеченного «ухажера».

— Ну, че смотришь? — дерзкое, внезапно. — Садись, — кивнул в сторону тачки. Живо распахнул дверь и завалился за руль. Взор на меня: — Че замерла? Или мы — принцесса? Особое приглашение надо? Или почести?

— Я не поеду.

— Чё? — округлил очи.

— Через плечо! — раздраженно. — Не поеду, говорю, — уже более сдержано, тихо.

— И че мне, на руках тебя нести?

— На ногах! — гневно. Разворот — и пошла в сторону «тропы...». Шумный вздох для храбрости, если всё же батальи с «Алёнушкой» и ее уродами не избежать.

— Ты че творишь?! Б***ь, стой! — грозное, бешеное за спиной. Отчего даже «эти» оторопели, застыли в удивлении, обернувшись. Отчаянно ловлю момент — да и от новой беды сбегая — живо кидаюсь в сторону кривой тропинки. По плитам — да на асфальт. Путаясь в благородных выемках да ухабах, едва не падаю — на ощупь сквозь темень пробираюсь на свет проезжей части, что в метрах двухсот отсюда...

— Стой, с*ка! Я чё бежать за тобой буду?! — жесткое, гневное, будто сам дьявол.

Накинуть капюшон и еще усерднее прибавить скорости, едва не срываясь уже на бег.

— Ты че, тварь?! — неистовое, где-то близко. Еще миг — и кандалами ухватил меня за руку. Резко по тормозам — отчего по инерции разворот и плюхнулась на него — едва удержал и сам не упал. Глаза в глаза. Наконец-то яд улыбки сменился на нечто иное: на ярости оскал...

— Отпусти! — рычу, рвусь, пытаюсь выдраться из его хватки.

— Ты че, ох*ела?! — очи вспыхнули больным пламенем.

— ОТПУСТИЛ! — уже я накаляю обороты буйства смертника.

— Эй, че за дела тут? — внезапно раздался незнакомый мужской голос за моей спиной. Тотчас обернулась я: двое парней шагало нам навстречу. Еще миг — и поравнялись. Кивнул вдруг головой на нас, на нашу схватку, тот, что покрупнее («дядя-шкаф»): — Чё пристал к ней?

— Иди, куда шел, — не сбавляя давления, гневно выдал ему мой "недо-кавалер".

— Слышь ты, хамло! Отпустил ее, быстро!

— А то чё?! — едко, с переливами нездорового смеха. Поддался мой захватчик — но явно не уступая. Наоборот, желая разорвать... уже нового «врага». Немного попятилась я в сторону, отчего тотчас оступилась, сойдя с асфальта на траву. Неуклюжее движение — и подвернула ногу, едва не грохнулась в кусты — чудом удержала равновесие. Движение вбок... и, ощущая всеми фибрами души минутную свободу, вмиг ринулась прочь: клала я на их терки.

Не оборачиваясь, терпя боль и временами прихрамывая, рванула к заветным огням.

Пройтись взволновано вперед-назад по остановке, сверля взглядом даль.

С*ка! Хоть бы один автобус, троллейбус или маршрутка! Что-нибудь! Куда-нибудь!

Лишь бы удрать отсюда побыстрее, прежде чем старые или новые истязатели не явились.

Черти что! Просто бред какой-то! Да еще и безлюдно уже, а так бы хоть какие-то свидетели. Пешком? Кинуться пешком куда идти? На окраину или в центр? Хотя так можно еще больше вляпаться... Да и эти, если что, то точно догонят. Ну же, родимый! Где ты? Авто-бус! Что-нибудь! Кто-нибудь! Да хоть такси!.. Если бы оно... тоже было. Чертовые Бермуды на краю Химики.

И вот оно, вот — спасение!.. Желтенький «бус». Еще несколько метров — и лениво докатился, остановился. Неспешно дрогнули, брюзгливо рыкнули, раскрылись дверцы. Вдруг шорох за спиной — едва я вперед, как меня тут же, ухватив за шкурку, кто-то назад.

Пронзительное, цепенящее... шепотом на ухо:

— Куда, зайчонок?

Резвый разворот. Лицом к лицу. Всё еще не выпускает из своей хватки — а потому мой рывок, да только глупо всё вышло, наивно: бес сильнее.

Шумные, поверхностные вдохи; бешено заколотилось, забилося в груди мое сердце, тщетно сияясь превратиться в пепел. Взгляды наши сцепились в мертвой хватке.

Тонкие губы захватчика скривились в маниакальной ухмылке:

— А как же я? Ниче не забыла?

— Че те надо? Провел — и вали!

— Провел, значит? — колко, едко захохотал. — Ты ох*ела?! Че это было?!

— Че те надо?! Вон мой автобус! — киваю в сторону.

— Уехал твой автобус! — жуткое, приговором. Пытаюсь вырваться, хотя бы обернуться, уловить взглядом, хоть краешком глаза... удостовериться, что врет, что надежда еще существует...

Да... глупо: давно покатился по дороге мой спаситель, мигая поворотниками и паясничая стоп-сигналами.

— Отпустил! — еще один рывок мой — и демон поддался. Выпустил из хватки. Глаза в глаза.

Только сейчас на его щеке различила дюжую ссадину. Но улыбается, подонок, скалится... Будто садомазохист, наслаждается разразившимися страданиями.

— Че ты увязался? — рычу.

— Не комильфо как-то вышло.

— А ты знаешь такое слово? — дерзко, едва осознанно.

— А ты нет? — еще шире улыбка.

— Выполнил "долг" — и вали, — за грубостью топчу страх.

— Хорошая признательность, — терновая ирония.

— А че те еще надо, отс*ать?

Заржал вдруг, на мгновение отведя в сторону взгляд. И снова глаза в глаза, а ну устах — традицией ядовитая змея-ухмылка:

— Да нет, не стоит. Боюсь, подавишься такой благодатью.

— Да пошел ты! — резвый разворот, и, молясь всем ведомым и неведомым святым, пошагала я прочь. Но рывок — и снова ухватил за руку. — Мне больно, отпусти! — сопротивляюсь. Тотчас обернулась, пытаюсь убедиться в личности захватчика и половчее вывернуться, вырваться заодно.

— Да стой ты! — гаркает гневно, уже серьезно, хотя не без раздражения.

— Отвали! — еще рывок, еще удар... и сама не поняла, как сошла с тротуара в сторону

зарослей. И снова чертова старая травма — подвернула уже и без того больную ногу на ровном месте. Его давление — моя неустойчивость и сумасбродство, ярость — рухнули, оба грохнулись на землю. Взвизгнула я испугано. Но только попыталась подняться, как тотчас подонок пресек возможность, стремление, забравшись на меня сверху, прибив обратно к земле. Лицом к лицу.

Темно, безлюдно... Страшно до одурения. Не там — так тут... настигла участь.

Мышцы сжались в камень в теле, погоняя малодушный трепет по жилам.

— Слезь, с*ка, — осмеливаюсь на тихий рык.

И снова ухмылка... казалось, меня этот его больной сарказм уже насквозь пропитал, что вряд ли когда смогу забыть этот шальной оскал не то радости, не то превосходства.

— Че те надо? Че ты увязался? Че ты, как больной? — попытка сгрести его с себя.

— Кто тебя так? — внезапно, тихо, спокойно... но не без ехидности. С какой-то притворной, маниакальной нежностью... шепотом на ухо, обжигая кожу. Показательный, шумный, пробивающий до мурашек, вдох, захватывая мой запах, будто дикий хищник, учуяв жертву.

— Что? — недоумеваю. Чувствую, как предательская дрожь охватывает мое все тело, доводя до лихорадки пляса.

— Кто тебя довел до такого? — и снова... игривое, пошлое движение... грозя телесной прелюдией.

— До какого? — пытаюсь привстать, скинуть его с себя, но не поддается: будто стену толкаю. — Свали с меня! — отчаянно, едва уже не моля.

Но миг — и немного отстранился. Глаза в глаза. И снова бесовская улыбка:

— Скажешь — встану. Рассказывай, че это было?

— Ниче.

— Это я уже понял. А че еще?

— Я с тобой никуда не поеду!

Заржал вдруг:

— Дак.... уже как-то и не надо, верно? — вмиг пошло прокатился рукой по телу, опробуя, казалось, всю меня на ощупь, но нигде не на мгновение не задержавшись. Вдруг движение — и стащил с меня капюшон. Пытливый, изучающий взгляд в лицо — и тихо:

— Красивая...

Отчаянный, дерзкий... смертника, мой плевок.

Но даже не дернулся. Лишь только еще шире заулыбался:

— Зря, — сарказма оскалом. — Я же тебя... пока не обижаю.

— Слезь с меня! — и снова злобный мой рык, толчок.

— Не трону тебя, не бойся, — хохочет.

— Чувствую твое "не трону".

Ухмыльнулся, на мгновение отведя взор в сторону и облизавшись. И снова глаза в глаза:

— Рассказывай. Кто?

— Никто.

— Тогда что это было? Что за "дурка"?

— Да иди ты, — и вновь попытка моя встать — и вновь прибил собой обратно.

— Я же по нормальному... пока.

— Тебе какое дело? — сцепились взоры.

— Не люблю непонятки... особенно с моим участием. Че за подстава?

— Не было подставы. Я просила лишь провести... а не катать меня... невесть где и с кем. Знаю я эту вашу "плату" — за маленькую услугу свою "услугу" в рот пихаете... если не еще куда.

Заржал вдруг громко:

— Как поэтично. Так кто?

Отворачиваюсь. Странное, бешеное чувство внутри. И прошлое волной, и настоящее — колючей проволокой по телу, особенно ощущая... всего его, где только можно и нельзя, забыв всякое приличие.

— Я ж не отстану, — гогочет едко. И вновь дыханием обжег висок, ухо, шею, скользя им, будто лобзаниями.

— А обязательно... лежа об этом говорить? — и снова силюсь заболтать, задурить ему голову, усыпить бдительность... воззвать к чему-то разумному, доброму внутри этого... явно отмороженного на всю башку типа.

— А вертикально ты не хочешь. Видимо, только по горизонтали кровь в твой мозг доходит, на умные мысли толкая.

Глаза в глаза резво, отчего губы наши едва не соприкоснулись. С обидной, злостью... давась уже слезами — эхом прошлого, жалостью к себе, сдаюсь позорно:

— Одноклассник. Доволен?

— А именно?

— Ты извращенец, что ли? — огорошено, и снова дергаюсь — тщетно.

— А че, не видно? — откровенно заржал. Губы еще ближе. Ухмыльнулся.

— Встань с меня, — злобно рычу. Отчаянная попытка в миллиардный раз столкнуть глыбу...

— Расскажешь?

— Нет.

— Ну, значит и я — нет, — и снова хохот.

— На выпускном! — криком. — Поехали компанией на квартиру «допраздновать». Ехали все — а добрались только шестеро. Вот на одного и не хватило дырки. Решил плату с меня взыскать... за столь прекрасную встречу рассвета. Доволен? Или еще подробностей?! — будто взрыв, вулкан очнулся внутри меня. Сама не знаю почему, зачем... но, что так долго во мне кипело, копилось... что никогда никому не говорила... сейчас вывалила, выплонула незнакомцу в лицо. — Или тебе нужны все подробности? Как силой брал? Как до крови тр**ал? Как потом выбросил, как последнюю шлюху? Как потом еще ржали они с меня? Тебе это, с*ка, надо? Да? Наслаждаешься? Тоже кайфуешь? Заводит? ДА. МР*ЗЬ? Или тоже так хочешь?

Обмер. Отстранился немного, отвел на мгновение взор в сторону. А затем и вовсе вдруг резвое движение — и сполз с меня, поднялся. Живо спохватилась, скрутилась я. Протянул мне руку, дабы помочь встать — игнорирую. На карачки — и самостоятельно выровнялась на ногах. Живо отвернулась и стерла сопливые потоки слабости и позора с лица.

— А эти че? — вдруг тихое, сдержанное, серьезное. Отчего непривычно — от колкости момента даже передернуло на месте.

Обернулась:

— Что? — шмыгнула носом. И снова рукавом вытерла мерзкие слезы.

— Эти... что у ворот... Это же они докопались? Судя по вашим обоюдным взглядам. Че за терки?

Нервически сглотнула слюну:

— Тебе какая разница? Или еще одно... "увлечение"?

Ухмыльнулся:

— Не набегался за сегодня еще. Б***ь! — враз вид стал грозный. — Че ты мне по нервам тренькаешь? Завязывай! Вляпалась — хочешь помощи — вываливай! Че за е**нутый детский сад?! — Немного помолчав, добавил более сдержано: — Бесишь уже...

— Однотруппница. Со своим хахалем и его товарищами.

— И чё не поделили?

— Меня.

— В смысле? — удивленно вздернул бровями.

— Да... — пристыжено спрятала взгляд. — С*ка одна... пустила слух что я... по девочкам выступаю. И понеслось. Вон... — кивнула в сторону общаги, — даже добровольцы-исправители сразу организовались...

— А это не так?

— Че? — удивленно уставилась в лицо этому странному типу.

Опять ухмыляется.

— Жаль, говорю, — паясничает. — А то бы с радостью понаблюдал.

— Ой, — вмиг скривилась я. — Да пошел ты!

Разворот — и попытка выйти ближе к проезжей части, да направиться в сторону остановки.

Тотчас догнал, поравнялся — но уже не хватает, не отдергивает обратно.

— А хотя хорошо... что вранье.

Молча, закатила глаза под лоб, скривилась. Еще больше прибавила шаг (но с моей хромотой это не особо заметно, удачно вышло).

Не отстаёт — семенит рядом:

— И куда ты? — наконец-то заговорил, явно понимая, что планы у нас с ним как-то не сходятся... вновь.

— Куда-куда? Автобус ждать.

— А эти? — кивнул в сторону общаг. — Или проблема сама за ночь рассосется? Или универ сменишь?

Шумный вздох. Короткий, колкий взор обрушить на собеседника:

— А что еще? Как-то да будет. Это что сейчас — в потемках, да спяну. Или чем они там обдолбались до этого?.. И потом... я — не ты: у меня нет патронов с ними воевать.

— Зато у меня есть, — едко заржал. Резвое, уверенное движение — и ухватил меня за руку. Поворот на девяносто градусов — и потащил на "тропу смертника" обратно.

— Ты че удумал? Не пойду я к ним! Да и не будут они нас ждать! — завизжала испуганно я.

— Стоят! Стоят родимые... и не переживай, не нас они ждут, а догон. Видел, кто и куда из них бегал.

— А ты прям спец, — отчаянное мое, на автомате.

— А я прям... телепат, — гогочет.

Еще шаги ближе — и только, когда едва не вклинились в толпу, выпустил меня из своей хватки (а уроды эти оказались намного-таки крупнее моего "заступника-извращенца" — и куда дурак поперся? да еще и против толпы!).

— Че, с*ки? — со старта, вместо "здрасте". — Какая тварь тут мою бабу оттр*хать

хотела? — Обомлели, окаменели с перепуга молодые люди. — Х** молчим? Че язык в **пу засунули? КТО, б***ь, спрашиваю?!

— Ты че, дядя, — наконец-то ожил, первым отозвался "Иванушка". — Бессмертный, что ли?

Но едва шаг вперед, как тотчас попятился обратно. Не сразу заметила, различила я в руке своего "кавалера" ствол:

— Я да, а ты? — ехидная ухмылка сего странного маньяка.

— Тише-тише... ты че? Она... просто что-то не так поняла, — тотчас испуганно запричитал ублюдок.

— Она? ИЛИ ВЫ? — дерзкое.

— Мы... всё поняли, — тихо, успокаивающим тоном, пробормотал вдруг и сам "Перевоспитатель".

— ППС-ники там идут, — тихо, перепугано пикнула неожиданно Алёна. — Сейчас всех повяжут.

— Да мне по**й, поняла? — кинул ей мой защитник глаза в глаза. — С вами и их положу. — Оскалился: — Пусть только еще раз.... хоть одна за*упа дернется в ее сторону, — кивнул головой на меня. — Я дважды повторять не стану. Усекли?

— Ясно, — гаркнула обижено Лукьянова, нервически сглотнув слюну.

— А ты, — внезапно вперил гневный взор в меня, отчего даже вздрогнула я после такого леденения, — в тачку... БЕГОМ!

Спрятал пистолет за пояс.

— Жду.

Покорно шаги мои к машине.

Обмерла я у двери:

— А если...

— На уроках русского будешь "еслять". Села быстро!

Смиренно подчинилась.

Подвез до подъезда. Но из машины не вышел. Опустил стекло. Взор на меня, застывшую в нерешимости на улице около его окна:

— Дальше сама, не маленькая? — едкое, серьезное, меряя взглядом.

— А... — заикнулась я от удивления. — Да... — тотчас киваю лихорадочно, заливаясь благодарностью. — Спасибо.

— Оделась бы, конечно, нормально... А то, и вправду...

— А что не так? — невольно (инстинктивно) злобно, с агрессией вышло. Надув губы, нахмурилась.

— Ниче. У меня б на такую даже не встал, а не то, чтоб... бабой моей была.

— Но встал же, — сама даже не ожидала, как выдала... сквозь ядовитую ухмылку. Тут же осеклась. Прокашлялась. Спрятала взор.

— Не паясничай, — грубое. — До завтра. Буду в четыре.

— В смысле? Зачем? — ошарашено. Уставила взгляд ему в лицо, невольно округлив очи.

Не ответил. Отвернулся, привычные движения — и взвизгнули шины.

Рванул прочь...

Глава 3. Расчет

Глава 3. Расчет

"Оделась бы нормально..." В смысле? Как это... "нормально"? А что не так? Не как шлюха же, и не как бомж...

Мать тв*ю... Модный критик нашелся.

Так и спросить... не у кого, что не так, уточнить свои догадки. Не вываливать же всю эту историю?..

Черт! Юбчонки-платица ему подавай, или что? Может, еще и боевой макияж возвести?

Гада кусок.

У Женьки что попросить? Черт, и зачем он завтра заедет?

Жарова такая мелкая, да и одежда... будто у малолетки... чудная.

Черт! ЧЕРТ! ЧЕРТ!!!

Так, стоп... Выдох. У меня есть юбка, которую мне мама на Первое сентября, на первый день первого курса, подарила... И блузка... белая.

Бред!

— Же-еня!

— А?

— Помнишь, у тебя была такая классная, с длинными рукавами... черная рубашка?

— Ага...

— Дашь сегодня надеть?

— Мда... Ник. Че-то ты совсем вся... в черном, как на похороны собралась, а не в универ. Может, красную? Она тоже... ниче.

— Не-не, черную... Как на похороны — в самый раз.

— Не поняла?

— Да шучу я так, — метнула взгляд на подругу, оторвавшись от картинки в зеркале.

Подкрасить ресницы, губы намазать гигиеничкой, в уши серьги-кольца (настоятельная, личная просьба Женьки — как в плату за подгон). Туфли — опять-таки дань прошлому "Сентябрю" — и выдвинуться на фронт.

Черт, если дело только в моих "знакомых" и дополнительной убедительности... Да нет, бред. Не стал бы он так распыляться ради малознакомой идиотки в "неправильной одежде".

Тогда что?

Грохочет сердце, словно товарняк.

А вдруг... то, что вчера не взял за "услугу" (может, дела какие срочные мешали), то сегодня?..

Мать тв*ю! А я еще и вырядилась! Вот — бери, не хочу... Овца туп*рылая! Ведь точно же — не иначе! И всем своим видом... якобы уже даю добро! И чего умная мысль... так поздно в башку пришла?.. Когда уже на пороге общаги стою... и вот-вот начнутся пары?

С*ка...

Надо было одеваться, как всегда! И не вестись на... полоумный бред.

Уже со старта было бы ему понятно, что в его игры точно не играю. НО НЕТ ЖЕ! НЕТ

Дернул черт... «исполнить веление»(?)

И, главное, ЗАЧЕМ?!

«Так, — шумный вздох. — Держись! Пошлем — как всех всегда посылали... и всё будет в норме. А вид так... мол, для... черт, совру, что праздник у... подруги... какой-нибудь... придумаю».

— О-о! Наша героиня! — выпалила Алёна, невольно столкнувшись со мной у первых парт в аудитории, дерзко вырывая меня при этом из сумасбродных размышлений на грани истерики.

— Чего тебе? Мало вчера? — гаркнула я в ответ.

— Не-е, — паясничая, протянула та. — Я даже... зауважала тебя. Только... зачем сразу с таким-то отморозком?

— Отморозком? — захохотала я, от удивления вскинув бровями: кто бы говорил. — Тебе что-то не нравится? Вот сама лично сегодня... ему в лицо и скажешь. Или только втихую таякать можешь?

Растянула губы в лживой улыбке стерва. Смолчала.

— И, кстати, по себе не судят, — смело добиваю ее я.

Тотчас заржала Лукьянова:

— Че? По себе? Думаешь, Гошик Миру не узнал? Тот еще ублюдок. И че ты мне лечишь, будто у вас всё серьезно? Так, подстилка на раз. Сегодня прям прикатит за тобой, ага. Держите меня семеро, а то упаду. Да у него... таких как ты, сотня по городу. Или ты это... к ним работать пошла? Не зря ж, наверно, — кивнула вдруг на меня, — нарядилась так сегодня. Небось, сразу после пар — на смену? Да?

— Ты че, с*ка?! — резво кинулась я к ней. И уже машинально дала замах, как тотчас кто-то перехватил мой кулак, не дав смачно расписать рожу этой жабе. Ловкое, проворное движение, и выворачивая руку в сторону, оборот — и плюхнулась в чьи-то объятия.

— Девочки, вы че тут? — знакомое, цепенящее, режущее плоть изнутри заживо. Перехватило дыхание. Взор упереть в лицо вчерашнего своего "ухажера". — Ты как тут, зайчонок? — дерзкое движение — и коротким, аляповатым поцелуем впился мне в губы. Тотчас оторвался и поровнял меня рядом с собой. — Что-то опять не поделили?

А у меня... и дар речи пропал, как и у Лукьяновой.

— Че обмерли?.. Словно покойника увидели, — ржет неожиданный гость.

— Т-ты же... в четыре, — пытаюсь выдавить из себя что-то людское.

— А получилось раньше. Дождь прошел — и грибной сезон начался раньше. Ну что, поехали?

— Куда? — ошарашено я. Взор около, ища, хватаясь за что-либо толковое, существенное, что может меня здесь удержать, не пустить к нему в клещи.

— Ну, я ж не буду ждать. Поехали...

Силой разворот — и, удерживая своей рукой мою, пальцами вцепившись, будто кандалами, силой потащил меня прочь из аудитории.

— Куда? — смелое, твердое, но ногами уже перебираю, семеню за ним.

Зажал кнопку лифта.

Молчит, строит непринужденный, полный безучастия вид. Ждет извозчика.

— Я спрашиваю... куда?! — гневное.

— Я слышу, — ехидно. Колкий, беглый взгляд на меня.

Дрогнули створки, являя логово-кабину.

И снова веление — затянул за собой — подчиняюсь.

Друг напротив друга. Оперся спиной на стену. Стоит, теребит, крутит на пальце связку ключей. Ядовитая ухмылка. Жует, словно корова, жвачку.

Испуганно сверлю взглядом — и чувствую, как уже задыхаюсь от страха.

— Еще раз... будешь меня лапать — пальцы сломаю, — отваживаюсь на неожиданное даже для самой себя. Злостью крою трусость.

— Какая боевая, — рассмеялся враз. Взгляд мне в очи. Тягучие мгновения тишины — и вдруг продолжил, резво оторвавшись от стены, выровнявшись вплотную со мной: — Где ж это вчера твоя храбрость бродила?

Смолчала. Опустила глаза.

— Да ладно... Я не против. Как ты уже... и сама поняла, люблю строптивость. Нс только... в меру, и не на людях.

— Да пошел ты... — тихо, отворачиваюсь вбок. — Губу закатай.

— Уверенна? — внезапно. Вдруг движение, шаг на меня его, отчего инстинктивно отступаю. Глаза в глаза... с опаской. Прибилась к стене. До неприличия близко — обжигает дыханием. Сверлит взглядом. Едкая ухмылка. Неожиданно лифт дрогнул, позорно замерев. Раскрылись створки. Застыли в растерянности наши невольные свидетели — те, кто снаружи.

Только пытаюсь сделать шаг на выход, но скала — непоколебима. Стоит, не шевелится мой захватчик, не дает выйти. Бурит взором. Улыбается.

— Выходите? — послышалось из-за его спины.

Не оборачиваясь и не отрывая от меня глаз:

— А похоже на это?

Движение — и зашло двое. Обмерли рядом. Дрогнула вновь кабина — тело охватила тяга вертикального хода. Помчали вверх. Тягучие, палящие мгновения интриги — и финиш: удалились из западни лишние. Писк — схлопнулись створки, снова оставляя нас двоих наедине, отгораживая от всего мира.

Секунды езды — и вдруг движение на ощупь моего Изувера — зажал кнопку «Стоп». Вздрогнул в очередной раз позорно зверь, подчиняясь велению.

Перепадка взглядов — и первым не выдерживает мой судья:

— Не слышу ответа.

Скривилась. Отвела очи в сторону.

Ухмыльнулась лживо, даваясь догорающим цинизмом:

— Что же вы... за шлюхи такие, — холодным голосом смертника рыкнула я, идя ва-банк. Вдох — и отваживаюсь взглянуть в глаза: — Чуть какое доброе дело сделали... хоть на грамм, и тут же счет предъявляете.

Заржал ехидно тотчас, но еще миг — и улыбка превратилась в оскал:

— А вы... не шлюхи? — дерзко, с отвращением. Движение еще ближе, отчего словно током прошибло — и не отпускает напряжение. Мерзкой тирадой на ухо: — Просто одни осмеливаются цену себе назвать, а другие... вые**ваются: букетики, конфетки, ресторанчики, — не выдерживаю — и отворачиваюсь. Продолжил: — Кино, поездки, клубы. Та же бутафория, те же фантики — только бартером. Так что... все мы — шлюхи... если на то пошло.

— Ну так бери... что тебе надо — и вали на х*й! — выпаливаю опрометчиво от злости,

сгорая. Очи в очи.

— Ах, так? — от удивления вытянулось его лицо. — Всё, что надо? — яд прыснул из жала. Настом все покрылось у меня внутри. Нервно сглотнула. — А за базар ответишь? — расстрел.

Окаменела. Не дышу. Волосы на голове стали дыбом. Мышцы позорно сжались в теле, взрываясь в каждой клетке мерзкой трусостью. Молчу.

— Ну, поехали... — не дожидаясь ответа, тотчас разворот — и бахнул рукой по кнопкам, запуская лифт...

Силой, не выпуская из стальной хватки, дотащил до своей тачки...

— Залазь!

— Не поеду! — очередная моя отчаянная попытка сопротивляться, орать, кричать, визжать, драться — тщетно. Ловко затолкал в машину на заднее сидение и, пока я пыталась выровняться, подняться с пола, сам за руль — и по газам.

— С*ка, выпусти меня! — горький, жалкий бой, отпор; силюсь дернуть руль вбок, остановить бег этой больной железяки, что тащит меня добровольно-принудительно в ад. — Я не это имела в виду!

— Свалила! — резвое движение — и толкнул от себя, невольно притормаживая, — улетела на кресло. — Че, б***ь?! — ржет бесовски. — Только пи*деть умеешь? А как за слова отвечать — так сразу ц*лка?! Нет, б***ь! Не будет такого!

По жилам разлилась агония былого. Сама даже не осознала, как сделала. Машинальные, инстинктивные движения. Резво к двери — и на ходу распахнуть настежь. Еще миг — и покатилась, гася дурной плотью инерцию. Визг шин. А я пытаюсь собраться, не реагировать на боль, стать на карачки и ползти.

А люди идут мимо... — и всем... пох*й.

Еще немного — и на тротуар, в сторону озера, на коленях. Но едва выровнялась, попытки идти, хромя, — как тотчас Палач меня за шкуру — и дернул, пнул в кусты да за мной подался. Отодрал от земли — разворот к себе лицом.

Пытаюсь вырваться, отбиться — выжить. Орать отчаянно.

— ОТПУСТИ, ТВАРЬ!

— Ты че, с*ка, творишь?! — бешеное на меня, игнорируя.

Ни он, ни я не поняли, как я умудрилась из-за пояса его выхватить пушку.

— Ну, б***ь, урод! Давай! — бешеным ревом... а перед глазами уже мутнеет, чернеет от прилива ненависти, ярости, зла. — ДАВАЙ, МРАЗЬ! — визжу, ополоумев. — Или ты герой только по ту сторону дула?!

Живо сняла с предохранителя. Руки дрожат, сердце бешено колотится, стынет в венах кровь... превращаясь из красной в белую. Но отчаяние и желание не даваться — сильнее. На грани жизни и смерти — ни за что, пока жива.

Заржал демон. Выровнялся, выпустил меня окончательно из своей хватки. Отступил шаг назад. Но вдруг рывок — и с ноги выпад. Бешеный удар по рукам — и завизжала я от боли. Выскочил ствол долой — оглушающий выстрел.

Еще миг — и за горло ухватил бес. Сдавил силой. Глаза в глаза. Искры так и посыпались из его тьмы в мою душу.

— Значит ТАК? Хочешь расчета? ДА ПОЖАЛУЙСТА!

Жесткое, грубое движение — забрался рукой под юбку, под белье... Давление, жуткий

напор — и проник, ворвался в меня пальцами... до боли, до крика.

Тотчас отстранился, отшвырнул меня от себя, рыдающую, словно что-то мерзкое, использованное.

Выровнялся во весь рост.

Сбитое, рывками, шумное дыхание. На лице — оскал:

— Еще раз схватишь мой ствол — завалю.

СВОБОДНА!

Глава 4. Должники и взыскатели

Глава 4. Должники и взыскатели

Неделю не появлялась на учебе. Страшно, противно, не было моральных сил... взять себя в руки и снова начать двигаться дальше. Но... тем не менее — обязана. Раны зажили, большинство синяков сошло. Чуть макияжа — и вперед, с песней...

С Женьки взяла слово никому ничего не рассказывать, хотя... и она — знала лишь крохи, на которые я расщедрилась во избежание лишней паники и головной боли.

Более того, я приняла решение... подыграть, выудить хоть какую-то пользу из того, что случилось. Если наши гастролы никто лишней, а вернее, из знакомых, не видел, то слава о моем «кавалере» все же, после его феерического появления на пары, должна была закрепиться, а значит, и бывшие дурные слухи обо мне и все ложные обвинения — сойти на нет.

Вновь юбка (другая, Женькина — свою я... в порыве гнева порвала); футболка (моя) более-менее приличная, женственная; каблуки; кольца-сережки — и в тернистый путь выжившего смертника.

— О! Пропажа явилась! — Лукьянова. — Небось, вырваться из любовного плена все никак не получалось?

— А тебе бы только кому завидовать, да? — едко сплюнула я ей в лицо, и тотчас завалилась за свою парту.

— Че сразу завидовать? — замаялась, кроя конфуз за улыбкой. Неспешные шаги ближе — присела на столешницу, нагло сдвигая своим «мягким местом» мои тетради. Взор сверху вниз: — Сарказм. Или ты не знаешь, что это такое?

Ядовито рассмеялась я:

— Не спорю, сарказм. Только чей над кем? — глаза в глаза смело. — Не я за тобой бегаю с плоскими шуточками, а ты — за мной. Во всё свой нос длинный суешь, слухи, сплетни по всей общаге собираешь и новые пускаешь. В то время как мне на тебя — глубоко пох**. Так что убрала свой зад с моего стола, — силой толкнула, сгребла ее с парты — поддалась овца. — И свалила на х**! — резвое, уверенное, приказное.

— Ты че, ох*ела?! — бешено выпучила на меня свои зенки.

Очи в очи. Борзо, я:

— Да. И че?

Вот и весь разговор.

Повезло. О моих «приключениях» никто не прознал, а «благое дело» этого ублюдка... осталось благим. Легенда сложилась — и рассеять ее никто не поспешил. Глупо и мне в нее не играть... ради своего же покоя, чтоб всякие такие занозы со своими отбросами не щемились ко мне, желая «перевоспитать» или явить иную свою «мудрость», «превосходство».

Как долго же сие счастье продлится — не знаю... и знать не хочу. Как Вселенский Разум решит... как судьба-злодейка подсобит, так и будет.

Но не прошло и недели... Пятница. Вечер, и меня около всё той же «любимой» общаги подкараулило двое. Вывели за территорию, чуть в сторону, ближе к озеру (но так, чтобы был виден вход в студгородок) и давай окучивать. И хоть, вроде, прямой агрессии пока не выказывали, но весь их вид и смысл странных, отрывистых речей — явный прессинг. Не сразу доходит, кто, что и где. Но очередной словесный выпад — и сжимаясь от волнения, шепчу сипло:

— Так от меня чего хотите?

— Звони ему! Поговорить надо.

— Кому ему? Роже?

— Какому «Роже»?! — гневно, звонко, бешено. — Хахалю своему! Мире, б***ь! За**ал он на наших давить! И от нас, с*ка, вилять. Здесь и сейчас. Назначай встречу — и вместе прокатимся.

— Я никуда с вами не поеду, — таращу на них очи. Отдергиваюсь от ублюдка хватки. — Мы с ним так... по сколько постольку. Пару встреч — не больше.

— Звони, б***ь! Хватит мне по ушам ездить! Видели вас тут! Не делай из меня идиота!

Невольно сжала я зубы от злости: мало, видимо, видели.

Твари. Но со стеной и то, наверно, проще, договориться. Тут еле вообще добила... что им от меня нужно, а вернее — кто.

Шумный вздох — попытка сыграть в их же игру:

— Послала я его. Зае**л по бабам шляться. И номер удалила. Так что... — живо ныряю в карман и достаю телефон, те даже не успели среагировать, только дернулись тщетно на месте. Протянула показательно аппарат тому, кто больше всех выступал. — На, гляди, — тычу взором. — Ищи — нет у меня его контакта. А этой гниды цифры запоминать... уж больно надо.

Скривился раздраженно. Но не поддался на предложение, не взял.

А вместо того — к себе в карман и достал «орехоколку».

— Набирай... под диктовку. И громкую включи. Пусть только сольешь, что мы здесь. Так... на перепихон зови. Пусть при параде... букетик тащит. А не своих... лосей.

Еще одни... с с*киным букетиком.

Мне так ни одна мразь и не дарила его. Хотя... и не надо. Не жду.

Бесит он меня.

Черт... черти что в башке... — пока гудки режущей музыкой, писком по трусливому нутру.

И когда я стала такой размазней?

Позор! ПОЗОРИЩЕ! Сама бы себя заплевала...

— Слушаю? — резкое, отчего даже подкинуло меня на месте. Испуганный, растерянный взор в лицо гаду, что аппарат держал у моего уха. Кивок.

Поддаюсь.

Шумный вздох:

— Привет. Это... Ника.

— Кто?

— Гриба знакомая. Если помнишь... из общаги.

— А-а-а... — едкое, помесь с хохотом. — Мало, что ли? Еще хочешь одну сделку?

— Почти.

Грозный оскал второго захватчика в мою сторону.

— Соскучилась, — бью по максимуму.

— Не понял.

— Че не понял? Что было, то было, — рычу. А сама уже сгораю от ужаса и страха. Глубокий вдох — и полился бред, сама не понимаю как, складывающийся в итоге во что-то толковое: — Давай начнем всё с чистого листа. Как в первый вечер... Только пусть теперь всё это будет не на моей территории, а на твоей.

Ну, черт! Пусть только не допрешь, идиота кусок!

Молчит, жуёт сопливые мысли... отчего только тихое потрескивание и какой-то шум, странный писк на заднем фоне.

Кивает резво на меня мой «обслуживающий».

— Ну? — выпаливаю уже и я, сама столь жуткой интриги не выдерживая.

Заржал внезапно мой «недо-кавалер».

— Эт че... типа... если что, то уже я буду во всем виноват?

— Да, — и снова кивок ублюдка головой на меня. «Сюда» — читаю по губам, и тычет пальцем себе под ноги. Поддаюсь: — Только заberi меня из общаги... а то я тут... зависла.

— Через сколько?

— Я уже... Тут всего-то... пара... одна толковая сегодня была. А так — подожду, у ворот.

— Хорошо, — замялся. — Дела улажу — и заскочу. Резина с тебя.

Отбил звонок.

Ублюдок. Ну, пусть только... облажаешься. Сама тебя добыю... с*ку.

И... «резина»? К чему «Резина»? Или он... реально не догнал ничего? Так с ходу, с перепугу...

Б***ь!

— Я могу идти, или без меня никак? — с наглой самоуверенностью рублю слова «захватчику».

— Ага, побежала, — съязвил Главный, жестами, мимикой паясничая.

— Да мне... по х**, что вы с ним сделаете, ясно? — резвое ему в глаза. — Хоть разопните.

— Хорошую... бабу себе нашел, — заржал неожиданно «Второй». — Верную такую... Чуткую.

— А ему можно, да?.. — грубое. — Что попало творить, так выходит? — язвлю из последней смелости, дабы если че — точно не подумали, что я слила ситуацию. — Или вы за праведность пришли его щемить?

— Никто никого щемить не собирается, — гаркнул, перебил Главный. — Так только... поговорить.

— Телефон вернешь? — опрометчиво... али нет, но борзо, выбивая до конца свое право на равню, чтоб больше и не хотелось им меня мешать с дерьмом.

— ЗАВТРА... здесь в кустах заберешь, — дерзкое. — И хватит пи**еть! Бесишь уже! С ним, — кивнул головой куда-то в сторону, — так базарить будешь! Усекла?

— Тут сиди, чтоб этот *** с ворот мог тебя засечь, — кивнул на кусок бетонной плиты около забора, что эхом нелепой свалки здесь затерялась. Подчинилась я, прошла в указанном направлении — присела на край. Продолжил «командующий», задумчиво, тихо: — Посмотрим, как и с кем явится, перестраховщик этот е**анный...

— Слышь... а телефон дай, а то вдруг позвонит, — обернулась я в его сторону.

— Облезешь! — гневное.

Скривилась. Покорно отвернулась обратно. Ковыряю пальцы, периодами нервически грызя ногти.

— А че здесь? — гаркнула, кое-что сообразив, себе под нос, но так, чтобы эти (заныкавшиеся среди деревьев, кустов) услышали. — Че не в подъезде или еще где... как вы там обычно любите, тихушники? — ехидничаю — ядовито улыбаюсь, давясь сарказмом.

— Ты че такая смелая, говорливая стала? — рывкнул раздраженно. — Сейчас точно доп**дишься, что не только он отгребет, но и ты заодно. И вообще, если че... мы знаем где тебя искать. Усекла?

— Усекла, — ухмыляюсь печально. — И то, это если Он... меня вперед вас... не прикончит за подставу.

— И че тогда... такая веселая, раз всё понимаешь?

Хмыкнула горестно, уныло повесив голову на плечах.

И в правду, чего? Сама не знаю.

— А зае*ало... — неожиданно даже для самой себя выдаю, прозревая. Смелый взор на Палача. Хохот смертника: — Если бы вы только знали... как всё зае*ало. Ведь ничего нет... хорошего, и ничего не будет. Нет никакого «светлого будущего». Нет. Есть одно... сплошное дерьмо, — повела взгляд около, упиваясь собственной обреченностью и никчемностью. Искренне, душу нараспашку: — И если... Он, или вы — всё это быстрее закончите — то буду только рада.

— Ты под наркотой, что ли? — встревожено гаркнул Второй.

Рассмеялась я скорбно. Взор на него. Глаза в глаза:

— Ага. Под наркотой, — киваю головой, паясничая. — Только, видимо, с рождения... Как накрыло — так и не отпускает.

— Ну, так че ты несешь? Какие у тебя могут быть проблемы? Шмотки, еда, крыша над головой. Даже учеба — вся в масле.

— Ну-ну... — язвлю.

— Тише! — приказное Главного. — Приехал. Вроде один...

Запиликал телефон.

— А я о чем, — ехидничаю. Резво встаю, хочу податься в его сторону.

— СЕЛА, б***ь!

Опешила я. Поддалась, задки — и опустилась на плитку обратно.

— Не смотри в его сторону! — и снова приказ. И снова подчиняюсь: покорно потупила взор в землю. Телефон заткнулся.

— Жди!

— А если не увидит? — тихо шепчу.

— Увидит. Тр*хаться захочет — увидит.

Поежилась невольно от его слов.

— А может, не узнает... — несмело я, чувствуя... как дрожь начинает охватывать конечности. Сердце набирает шальную скорость, забыв привычный ход. — Сумерки как-никак...

— Ты зае*ать меня решила в корень? Или че?! — грозное, тихим ревом.

— Да ниче, — рыкнула я, раздраженно. Скривилась сама себе под нос.

Идиоты. Какие-то... дилетанты, ей богу.

Шорох где-то впереди. Невольно бросаю из-под лба взгляд — идет, плетется неспешно, шаркая по траве.

Оглядывается по сторонам, мнется...

Но еще тягучие минуты — и вдруг обмирает рядом. Лицом к лицу.

Похож... но б***ь... ЭТО НЕ ОН!

Побледнела я от ужаса.

— Привет, зайчонок, — ухмыляется.

Не дышу... В груди застряли звуки.

Только ресницами хлопаю, как идиотка.

— Эт... че за х** еще? — вдруг резвое движение, шаг из темени Главного, но тотчас где-то сбоку щелчок предохранителя.

Живо устремила я взгляд. А дуло уже у виска моего захватчика. Рядом же... та самая Мерзкая Скотина со своей не менее... мерзкой ядовитой ухмылкой.

Нервически сглотнула я слюну.

Дошло ему, всё понял — но только... какова теперь моя участь?

Дрожь волной по телу... почему-то расправа этих мразей не так меня пугала, как вариации извращений сего странного существа. Ему даже в глаза порой страшно смотреть — в узких, прищуренных хитрых глазенках будто сам дьявол отбивает чечетку.

— Че, малыш, — заржал этот Ненормальный, глядя на меня, — в «казаков-разбойников» хорошо играла?

«Пошел ты», — шепчу, не издав ни звука, но отчетливо, дабы прочел по губам.

Паясничая, широко облизался.

— Свободна. Завтра сам тебя найду. А сейчас иди. Жман, проводи ее...

У всех... день как день, а я — на иголках. Причем, вчера страх так не грыз меня, как сегодня.

Не знаю, тогда... меня и вправду каким-то странным, я бы даже сказала, психопатическим пофигизмом накрыло: будь что будет.

А теперь, когда, вроде бы, вся беда позади... черти что творится.

«Что... если те вернутся, или их «крыша» какая придет? Или «Этот» че отчебучит?..»

Тысяча вопросов, и ни одного пока ответа...

Как по мне, лучше бы и вовсе не являлся. Сочлись — и хватит. Не сдала же, предупредила — так что с моей стороны... перед ним я чиста.

Но... все равно жду, как второе пришествие. В каждую физиономию на перемене всматриваюсь, ища если не «одного», то «других»...

И пары еще сегодня опять в общаге. Тут всего-то вариантов — раз, два и обчелся. А вот на основной территории универа — минимум шесть, если не семь, корпусов. Вот то-то и оно. Так что шанс, что найдет-найдут... сто процентный. Смотря, кому раньше или сильнее понадобится.

Нудный, бесконечный семинар. В голове такой кавардак — что выть хочется. А назойливый, старательный препод то и дело, что решил опрос всем устроить по пройденному материалу. А мне — что горохом об стенку. Ничего не уловила, да и слова из себя толкового не выдам, мысли умной, если вдруг что спросит. Хоть бы сжалился — да не тронул сегодня.

Лихорадочный пляс двоеточия на экране телефона — и вот он, звонок спасительный.

— Вероника, вы сегодня... целый день в облаках летаете... — внезапно отдернул меня наш «аспирантик». — Что на лекции, что сейчас...

Улыбнулась, пристыжено поджав губы:

— Простите... Проблемы просто.

— Я понимаю, — усмехнулся в ответ. — Но и про учебу забывать не надо. Проблемы всегда... были и будут. А вот это всё, — ткнул пальцем себе на стол, в тетрадь, — на зачете будет... всё буду спрашивать.

— Я дома перечитаю и подучу. Обязательно. Простите.

— А я прослежу, — ядовитое за моей спиной, отчего вмиг мурашки побежали по коже, а конечности пустились от дрожи в пляс.

Резвый разворот:

— Ты...

— Я, — паясничая.

Сердце мое заколотилось еще бешенее: из всех вариаций граней на костях выпало «он».

— Ладно, молодые люди, — вклинился в нашу жаркую перепалку взглядов препод. — Можете покинуть аудиторию? Мне ее закрывать надо. Да на следующую пару бежать.

— А мы сами ее закроем, — едкое, самоуверенное. Живо подался вперед и ловко выхватил из рук оторопевшего аспиранта ключ с деревянным брелком.

— А-а... — замялся в растерянности мужчина. Но миг — и выдох: не выдержал морального давления — сдался. Позорно захлопал ресницами, прогоняя шок. — Ну... Бирюкова... под твою ответственность. Отнесешь на кафедру.

— Хорошо.

Разворот к столу, засунул остатки своих вещей в портфель, прокашлялся показательно — и на выход.

— Слушаю... — первая решаюсь на выстрел.

— Это я слушаю, — парирует ехидно. Прошелся по кабинету и присел на парту. Взор на меня. На устах змеей расплылась ухмылка: — Че да как... Как докатилась до таких ухажеров... как вчера?

— Да че рассказывать? — следую его примеру и с той же уверенностью, наглостью и самодовольством забираюсь, сажусь на столешницу напротив. — Выследили, встретили. Номер всучили — сказали звонить.

— И ты позвонила... — ядовитое.

— А что мне еще делать? Глухие же. Пыталась объяснить, что ошибочка вышла: что не баба твоя, а так... «шлюха конченная», — передергиваю его слова. — Но им... плевать. Вот и пришлось выкручиваться.

— Но предупредила.

— Рада, что догадался, — съязвила.

— Какая-то ты не такая стала. То пряталась... по закоулкам от какой-то шпаны... А тут прям — «крепкий орешек». Ты там, случаем, за эти дни ниче не отрастила? — захохотал ублюдок.

Злобно стиснула зубы.

— Не дождетесь! — резво вскочила, выровнялась на ногах. — Басню, что бабы — слабый пол, вы сами придумали.

Повторил за мной. Шаг ближе.

Губы к губам:

— Или вы... чтоб сбить нас с толку. И кататься потом на шее.

— Не путай: это вы ездите нам по ушам.

— Так и тр*хаем мы.

— Тело. А мозги — мы.

Заржал. Немного помедлил, давась улыбкой:

— Ладно... — отвел взор в сторону на мгновение. — Что ты за это хочешь?

— В смысле? — оторопела я.

Скривился от раздражения:

— В прямом. Как могу отплатить за проявленное... благородство?

Окоченела, прозрев еще больше. Глаза мои невольно выпучились.

И дышать нормально не могу, а не то, что... сказать что-то толковое.

— Ну ладно, думай... пару дней хватит?

— Удавись.

— Че? — передернуло его от неожиданности. Взгляд мне в глаза сверлящий. Ухмылка просела линией кардиограммы.

— Ниче, — резвое мое. Злобное. Шаги в сторону. Прошлась к выходу. Обернулась: — По моим долгам — в расчете. Так что... свали из моей жизни... навсегда. И всех своих друзей заодно прихвати, чтоб никто так больше не подкатывал. Идет? — серьезно, грозно, догорающей храбростью.

Заржал вдруг. Ход ближе. Обмер рядом. И вновь оборотов набирает его улыбка:

— Ну... спасибо, что хоть пальцы никуда не заблагорассудилось засунуть.

Не выдержала я представленной картины — и заулыбалась позорно, малодушно, сдаваясь харизме гада:

— Если и «заблагорассудилось» бы совать, — паясничаю, нарочно кривя странное, непривычное (как для таких людей, кто вращается... в столь «интересной» среде) слово, — то только кочергу, а не пальцы свои... стала бы еще марать.

— У-у... змеюка, — тихо рассмеялся. А взгляд так и скользит по мне, меряя с головы до ног, будто впервые удалось узреть воочию.

— А «Резина»? — поддаюсь больному настроению. — Что это значило? — Не дождавшись участия, продолжила: — Время тянуть, или что?

Загоготал неожиданно:

— Ганд*ны, малыш. Ган-д*-ны... — подмигнул игриво. — Твари, веселье, которое ты нам и организовала.

Шаг ко мне ближе — но тотчас отступаю, немо взывая к дистанции:

— Ну всё, претензий больше нет?

— А их и не было, — колкость многозначительной улыбки на тонких устах.

— Так я могу идти? — взволнованно шепчу, напуганная его резвостью.

— Если хочешь, — едва заметно пожал плечами.

— Хочу. И учти, — дерзко; действительно из последних сил — вот только уже не только страх меня давил: — Теперь мы точно в расчете, — грозно замахала пальцем.

Ухмыльнулся:

— Ага, но если че... звони, — коварного беса пляс в глазах.

— Лучше убей сразу.

— Да ты отчаянная...

— С вами-то... и не будешь.

Рассмеялся, но сдержано. Печально.

— Ладно, — вдруг шумный вздох. Прошелся к двери, мимо меня, слегка задев (то ли нарочно, то ли так) плечом. Обернулся он, я. Движение — и обронил в мою сумку ключ от кабинета. Взор в лицо: — Но с меня должок. Я не отвиливаю. Если что — звони.

— Облезу.

— До встречи.

Ч 2. Глава 5. Перемены

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. По ту сторону грёз

Глава 5. Перемены

2008 год, сентябрь

Вот и три года лягнуло.

С Мирой так больше и не встречалась, не связывалась...

Хотя да. По началу, еще тогда, не удержалась — и у Рыжика аккуратно расспросила про него, якобы невзначай: Мирашев... Мирон, местная шишка, не без криминального «эхвекта». «Чем только не промышляет. Но конкретно — лучше не знать, чтобы крепче спать и меньше проблем иметь на свою голову, — цитата. — Главное, подальше держаться: от него и от его друзей».

Будет сделано.

Время шло. Я бы даже сказала, мчало... И пусть с головой опять ушла в учебу, все же перемены меня настигли. Радость, что меня больше никто не доставал по поводу моего внешнего вида, сексуальной ориентации и прочих предпочтений, я все же... вкусила и не хотела больше отпускать. А потому изменениям дала волю: отрастила длинные волосы и даже умудрилась пару раз перекраситься, на время забыв свой русый (сменив цвет от бледно-рыжего оттенка — вплоть до блондинки). Жаль только... жизнь это мою никак не поменяло. Как до этого не сходилась с людьми, так теперь не сошлась, особенно со сверстниками. Исключение — Женька... с которой до сих пор снимали квартиру на двоих, и ее парень, Леша (тоже вынужденный дружеский контакт). В остальном же — голяк, в том числе и на «личном фронте» — не срослось: да, были попытки, извне... грубо говоря, за пределами универа, некоторых ко мне подкатить... но, то они меня бесили своей «незрелостью», то я их — грубостью... и глупостью. Один — один, а потому и расходились наши дороги стремительно... причем кардинально в противоположные стороны.

И вот уже подкрался **2008 год** — более того, к закату движется. Как и моя учеба: последний курс. В общем, куча всего... непонятного и жуткого. Но, а пока — за окном все еще тепло, дразня не столь далеко убежавшим летом, солнце балует своими игривыми лучами, деревья — в яркой палитры красках... так что живем. Живем... сегодняшним, одиноким... пустым, скучным... но "живым" днем.

— Ну что, на выходные к своим мотнешь? — закинула мне Женька с порога, даже еще не сняв обувь.

— Не поняла, — хохочу. — Это допрос?

— Да нет, просто... — замялась та на месте. Щеки запылали смущением.

— Говори, — и хоть откровенно стебусь, но явно без всякого зла.

Поддается:

— Просто... у Леша День рождения в эту субботу...

— О-о! — взревела я, давась смехом. — Всё ясно. Да, поеду. Давно в планах было, а тут... раз и повод еще такой.

— Ура! Спасибо! — мигом кинулась ко мне и сжала в крепких объятиях. — Спасибо!

Спасибо тебе! — запрыгала на месте.

— Да иди ты, — ржу, смущенная уже я... столь ярким проявлением чувств. Силой выдираюсь из хватки, отталкиваю ее от себя. — Раздевайся и кушать пошли. Суп стынет.

— Какой? — радостно.

— Какой, — перекривила ее я, гримасничая. — Какой есть. Батон хоть купила?

— Забыла... — обижено надула губы.

— Ну, молодец... че сказать. Растяпа...

— Да тут Леша... — и понеслась... душа в рай, и "сопли" в мои бедные уши.

— Мам, пап... я дома.

— О, лапуля наша! Привет!

Обменяться с мамой поцелуями в обе щеки — и приняться разуваться.

— Мой руки — и за стол!

— А че батя, не дома? — удивленно, видя, что в комнате телевизор выключен, да и на кухне папани нет.

— В магазин пошел. Так, кое-что... забыли купить. Сейчас будет.

— А Ритка че? — крикнуть, силясь быть громче вредного потока воды. Черт, ошпарилась (пока привыкнешь после котла к обычному, центральному отоплению, где сразу кипятки из крана).

— А че Ритка... ушла гулять со своими. Кто-то там приехал по нее. Вот и убежала... побыстрому, чтоб мы не видели.

Вытереть руки — и повесить полотенце обратно на крючок.

Шаги на кухню. Взгляд на маманю, которая застыла у стола: крошит колбасу (судя по кубикам, грядет оливье).

— А ты молодец, что позвонила... предупредила. Хотя вкусенького успела приготовить. Правда, пока только отбивные пожарила, но вот, сейчас, еще чуть-чуть — и салат будет готов... А там и папа сладкого чего-нибудь принесет, к чаю. Бери, накладывай, не стой. Там еще... где-то картошка пюре есть в холодильнике... На сковородку кинь, будь добра...

— Ма... Так Ритка же там у нас... и че, тут тоже мутит?

— Ой, Ник. — Обмерла. Руки в боки. Отчаянный, полный боли взгляд на меня. — Будто она что-то нам говорит или слушается. Я уже устала... ей повторять. Как вам с Рожей — одна порода. Что горохом об стенку. Пока сами шишек не набьете — пока не остановитесь...

И снова обернулась. Застучала ножом по доске, «рисую» долготы и широты.

— Или не остановят... — тихо рычу себе под нос.

— А то я не знаю... — гаркнула. — Но... что поделаешь. У нее там... «любовь». Куда там мы с отцом со своими поучениями?

Скривилась я от злости.

— Какая... нафиг, — едва сдержалась от мата, — любовь! Не со всеми же подряд. Аж жутко смотреть на ее кавалеров. Кроме бабла — ниче нет. Даже мордой... противные.

— Ну... — и снова взор на меня. — А что я делаю? Ремнем бить уже поздно.

— Был бы Рожа... ума вставил, — буркнула я.

— О-о-о! — взревела мама. — Вы уже себе вставили! Так что не надо! — махнула на меня рукой. Резвые движения — разбивая яйца и чистя их от скорлупы. — Был бы... Будет. Вон... осталось недолго.

— В смысле? — будто кто холодной водой меня обдал. Оторопела я, вытаращив очи. — Ему ж еще...

— Да нет. Уже всё. Вон, батя придет... сам всё расскажет. Ты ток не истери сразу. Выслушай молча, согласишься. А там, как на самом деле поступите — дело ваше, сами разберетесь. Никто за вами следить не будет. Взрослые уже, как-никак. А его... лишний раз нервировать не надо. И так вон... сердце на днях хватало. Как раз, когда новость принесли на блюдечке.

— ТАК КОГДА?! — бешено. Казалось, я вот-вот разрыдаюсь от припадка. От шока... от паники.

— А че ты на меня орешь? — удивилась.

— Мам, но это же... РОЖА! — писк мой вырвался из груди, сдавая чувства сполна.

— Вы ж, вроде как... — замялась та, — последнее время совсем не общались? — удивленно: рушилось ее мировоззрение.

— Но это же... Федька, — горько. По моим щекам побежали слезы.

От стыда тотчас отворачиваюсь — и мигом прочь из кухни, в коридор, пряча позор... и растерзанную новостью душу.

— Ты там... гляди мне, за старое не возмись! Только на человека стала похожа! На девушку! А не на... второго Рожа! Не смей! Слышишь?! Он хоть и сын мне... но балбес! А ты не смей! — чую, идет. А потому я позорно еще дальше сбегая — в комнату. Но не последовала за мной. Обмерла на пороге. — Сомневаюсь, Ник... что из него там что-то... толковое воспитали. Раз мы тут с отцом ничего не смогли в голову вбить. Так что... я даже против этой идеи вашего папы. Нечего тебе с Федькой возиться. Услышала меня?

— Услышала, — грубо, кривляясь.

— И не начинай мне тут! И сопли подотри. А то сейчас придет... еще один нервный — и начнете. Тихо и смирно. Он сказал — ты согласилась. А выйдешь за порог — сделаешь, как посчитаешь нужным. ЯСНО?

— Так точно! — ехидно-саркастическое.

И еда в рот не лезла, а приходилось для «видимости» и «приличия», «вежливости» давиться. Изображать непринужденность — а голова просто разрывалась на части. Как и душа, сердце.

Рожа! Сколько обиды, злости на него... ненависти, в конце концов, но и любви одновременно... Что просто хотелось выть, орать, биться головой об стенку. Да просто задавиться, лишь бы все эти эмоции утихомирились, заткнулись.

— Короче, — не выдержал первым батя. — Судя по красным глазам и странным взглядам... мать уже рассказала новость, да?

— Да, — едва слышно. Неловко было сдавать ее — но и так... спалилась, а врать так глупо в лоб — моветон тот еще.

— Так вот... видеть я его здесь НЕ ХО-ЧУ, — будто гром, разорвали его слова мои небеса. Окоченела я. — Пусть у тебя там первое время побудет, проживет — присмотришь за ним. Работу ищет — и человеком становится. А дальше — посмотрим...

— В смысле, не хочешь? — сиплым, мертвым голосом прошептала я, едва нашла силы на звук.

— Ника! — гневно взвизгнула мама, отчего тотчас уставилась я на нее.

Но еще миг сражений с самой собой — и проигрываю.

Влет сорвалась с места. Криком:

— Он же ваш СЫН!

— А ты не ори на нас! Ишь какая! И не сын он мне! Он — ВОР! А мой бы себе такого не позволил! — бешено завопил батя. Лицо вмиг побагровело. Шумно, отрывисто задышал.

Давлюсь яростью и я.

— А я — СЕСТРА ВОРА! Значит и мне — здесь места НЕТ! — иступленно.

Швырнула вилку на тарелку. И в коридор.

— Не смей! — дикий вопль папани.

Пох**. В шлепки — и на площадку!

Подняться на верхний этаж — и засесть у двери (ведущей на крышу) — любимое наше с Рожей место.

— А ну вернулась обратно! — неистовый ор на весь подъезд бати.

— Да оставь ты ее... у нее шок. Пусть придет в себя, — слышу тихий, успокаивающий, убаюкивающий голос мамки.

Сплюнуть от злости на лестницу.

«На человека стала похожа! На девушку! А не на второго Рожу...»

Еще для одной — не люди мы, а... черти что. Если своим родителям он не нужен, то кому тогда вообще? Ну я, исключение. И то... столько времени отгораживалась от него. Злилась, бесилась. Пока, в конце концов, не простила его... и не приняла, не смирилась с тем фактом... что он влетел, и теперь там его дом...

И, более того, отныне и навсегда будет идти по жизни... с жуткой "пометкой": «ранее судимый».

Вытереть позорные сопли — и шумно вздохнуть.

Черт! И домой же никак — там эти... трутся. «ДР» свой отмечают.

Но, да ладно... переживем. Теперь надо... собраться с силами, расспросить что, как и когда — и за дело...

Рожа... Пи**ец. Реально, Рожа возвращается. Это сколько прошло? Пять лет? Да, пять лет ляпнуло. Неужто УДО?

...ко мне возвращается... мой Федька.

Глава 6. Репатриация

Глава 6. Репатриация

Странно... сколько всего пережить вместе с Рожей (не только взлеты, но и падения) — и теперь... его самого бояться. А вернее, скорее всего... стесняться, смущаться. Даже не думала... что я все еще подвластна сему чувству, этому состоянию. Тем более... относительно кого? Моего Федьки...

А потому — не одна, а Женьку под руку... и потащиться в указанное время, в указанное место в указанный день.

К самым воротам (серым, высоким, в два ряда проволокой колючей обвитым, как и весь бетонный забор по периметру) подходить не отважились. Замерли в стороне. Стоим, две идиотки, грызем губы, ногти от нервов, молча наблюдаем, выжидаем... момент "Икс".

— У них че... сегодня массовый выпускной? — заржала Жарова, показательно метнув взор в сторону целого импровизированного автопарка, скопления дорогих тачек, около которых (тоже в ожидании) бродили мужчины: кто курил, кто семечки жевал, кто так... без умолку выступал — сплошной шум да гам, переполох на радостях.

— Мож, кого важного тоже выпускают... — задумчиво протянула я.

— Ага, — залилась звонким хохотом Евгения и повисла у меня на руке. — Рожу твоего... местного авторитета.

— Да иди ты! — не сдержалась я... и тоже загоготала: от волнения уже готова была взвыть, а не только... ржать над недалекими шуточками подруги.

Еще резиновые, бесконечные минуты (от явной паники до откровенных психов) — и скрипнули наконец-то ворота, зарычали засовы. Залаяли собаки.

Едва я хотела кинуться с Жаровой вперед, как тотчас подались и молодые люди в ту же сторону — а потому... позорно, покорно отступаем. Такое количество грозных кобелей — даже моей храбрости... не по силам выдержать. А потому прижались с Женькой к бетонной стене-забору — и обмерли тихо в ожидании: наш — не наш. Кому повезло больше?

И вот она — истина. Высокий, худой... как глиста. Рожа... мой Рожа — что не есть рожа. Победа за нами. Но только я вперед, счастливая, силой потащив в омут за собой подругу, как огорошенная вновь покорно замерла.

Мужчины подались к нему — и принялись по-братски приветствовать...

— Какие люди! — взревел один из незнакомцев, разведя широко руки в стороны. — И без охраны.

— Е-е! — радостно в ответ, поддаваясь на участие, Федька. — Твоими молитвами!

Теплая, радушная встреча. Вмиг принялись протискиваться к нему и остальные молодые люди. Горячие рукопожатия, жадные объятия, дружеские по плечу похлопывания.

— Ну че, братуха?! — слышится... сквозь смех голос одного из толпы. — Заудошил систему? Молоток, че...

— Эт Мазуру спасибо, — заржал в ответ Рожа. — С моим-то везением и финансами... иного надо было ждать: думал, наоборот, добавят.

Загоготали остальные...

— Ладно, че стоять тут, глаза мозолить вертухаям? По тачкам и к Валику?

Черт! Дальше тянуть и страху уступать нельзя — бессмысленно... и чревато.

А потому резвые шаги вперед и замерли мы с Женькой за спиной... виновника торжества.

— А это че за... барышни? Фанатки твои пришли? — кивнул в нашу сторону, давась ехидным смехом, один из его товарищей.

— А? — живо обернулся.

Словно кто миллиарды вольт через меня пропустил, с головы до ног молнией прошибая. Родные, любимые глаза. Улыбка — век которую бы наблюдала.

Прошное... теплым, нежным беспечным эхом мне усмехнулось, все прошлые обиды, злость... смывая на нет. Позорно покатались по моим щекам слезы. Вот-вот разрыдаюсь во всю, идиотка. Как я могла... столько времени сопротивляться?..

Стоит, сверлит меня взглядом — и не узнает. Иногда все же метает взор на Женьку, но тотчас осекается — чувствует... но боится признаться.

— Ника, что ль? Ты это? — дрогнул голос... да и глаза уже заблестели в не менее позорной, изнеженной слабости, чем мои.

Визг, отчаянный, бешенный, горький, вырвался из меня наружу, вовсе срывая с петель приличия. Прожогом кинулась ему на шею. Обнял, сжал до боли, до хруста, казалось, и сам желая свою душу с моей связать.

Долгие, сладкие, волнительные мгновения — тону... с головой ныряю в его омут, и пусть это трясина — рвусь в его мир, отменяя все прошлые доводы окончательно.

Некит. Я была и всегда буду его Некитом, сколько бы себе не врала и не убеждала в обратном...

— С*ка ты... — только и смогла... что прорычать в ответ, на ухо, еще сильнее прижимаясь к нему всем телом.

— Я тоже тебя люблю, — тихо... сквозь смех, шмыгая носом. — Прости, Ник...

Задыхаюсь, заливаюсь, упиваюсь его ароматом, теплом.

Молчу, носом тычусь в шею. И плевать на свидетелей, на чужие мысли... на свое позорное проявление чувств. На весь мир плевать. Мой Федька — и он здесь, рядом. Свободен.

— Спасибо... что пришла, — тихо, несмело, шепотом.

— Я тебя убью... только опять вляпайся во что-то, — рычу сквозь откровенный уже рев. Заржал пристыжено:

— Заметано.

— Ну ладно... хватит, — решаюсь съязвить, дабы хоть как-то собраться с духом, подавить в себе и в нем и так зазорно при всех явленную хлябь. — А то еще подумают... что мы какие-то сопливые девчонки, — цитирую его же, эхом из детства.

Загоготал:

— Они и так уже это подумали.

Вторю смехом.

Открыла веки. Едва попыталась отстраниться, как что-то странное, жуткое взорвало, вывернуло меня наизнанку. Пронзительный взгляд Роже за спину... прямо по курсу — и окоченела, мертвая: Мира. Передо мной стоял Миращев и, хоть явно сражался с шоком, все же на губах нарисовал ядовитую змеюку.

Отстранился от меня Федька, отчасти даже силу приложив, сражаясь с моим оцепенением.

Шумный вдох, прокашлялся Рогожин:

— А это кто? — ухмыльнулся, кивнул в сторону Жаровой.

— А-а... — замялась я, казалось, вообще забыв все слова. Но еще усердия, дабы собраться с духом, мыслями. И хриплым, тихим голосом: — Подруга моя... Женя, познакомься, — махнула я рукой. — А это... — и снова невольное зависание, взгляд мой так и норовил коснуться... иного лица... иного человека, что буквально уже дыру во мне просверлил своим палящим взором. — Федька, брат мой.

— Ага, брат, — враз притянул меня вновь к себе Рожа, сжал в объятиях, потрепал волосы на макушке. — Ниче се... выросла. Почти меня по росту догнала.

— Да куда мне? — немного ожила, рассмеялась я. Взор на своего шкодника.

— Ну че, девчули, куда? С нами? — метнул счастливый, пылающий коварным предвкушением, взгляд около Федор. На меня, на Женьку. — А?

— «С вами» — это куда? — взволнованно, поспешно выпаливаю я.

— Как куда? — ржет. — Ну, не домой же? ПРАЗДНОВАТЬ!

— И вправду, — вмиг подключился знакомый Рожи — тот самый, кто первый его так горячо приветствовал. — Айда с нами на дачу! Шашлычки, винишко, природа! Там озеро, рыбалочка!

— Ага, именно, Мазур, еб*лочка! — слышится вдруг знакомый голос. Шаг ближе — и навалился на плечи ему мой "старый знакомый". — Привет, Ник, — ядовито-игривое.

Обмерли все.

Окаменела и я... разоблаченная. Черт, лишь бы обо всех наших приключениях не стал вещать — ибо... всё это явно не для нервной системы Рожи.

— А вы че, знакомы? — наконец-то совладав с собой и прекратив безумное метание взглядов то на меня, то на него, выдал Федька.

— Да так, — спешно отзываюсь я. — Чуток. Видела раз с Рыжиком, — резво, твердо, явно давая понять, где черта нашей правды.

Загоготал враз Мирашев. Шумный, глубокий вздох — и отстранился от товарища. Выровнялся во весь рост.

— Ага... разок, — едкое. — Просто... запоминающаяся очень... личность.

— Ты это, — сквозь улыбку, но довольно-таки серьезно, грозно рыкнул Рожа, — как и остальные... попридержите коней, а. А то я быстро вам... ваши бубенчики пооткручиваю.

— Да что ты?! — удивленный, понимающий возглас Мазура. — Без базара, братух! — постучал по плечу. Но Федька уже не реагирует — сверлит взглядом Мирона, а тот — меня... своим коварный, бесовским... будто назло, спецом разжигая бойню.

Тихо, грубо Рогожин:

— Только пальцем ее тронь.

— Гы... — вырвалось веселое из гаденыша. Вмиг перевел взгляд на Рожу. Еще шире, добро ухмыльнулся: — Да ладно... че ты? — кивнул. — Всё нормально. Я же понимаю...

— Ну че, погнали? — кто-то кинул за нашими спинами. — По машинам?

— Ага! — чужой ответ, вместо нас.

— Так как, едите? — наконец-то очнулся от внутренних сражений Федор. Взор на меня. Обмерла я в растерянности: и хочется, и колется... Но тяга побыть наконец-то с Рожей выше всякого чувства... адекватности и самосохранения.

Уставилась я на Жарову:

— Ты как?

Тотчас закачала та головой:

— Не, я не могу. Меня Лёша не поймет.

Скривилась невольно:

— Ну да...

— Да ты езжай, я сама... на такси домой доберусь, — поспешно перебила меня подруга.

— А че на такси? — вмешался Рожа. — Вон, мы и закинем. Садись к нам — отвезем, куда надо, а дальше сами уже — на дачу, к остальным. Ну?

— Решайте, девчата... — игриво запричитал товарищ Федьки. — Время — деньги... а вернее, голодные все, давно уже жрать охота.

— Кому че, — резво выпалил Рогожин, перебивая; смущенно загоготал.

— Ну да, ну да, — в момент навалился на плечи к нам с братом Мирон и метнул взор поочередно: то на него, то на меня. — Кому че.

— Я тебя предупредил, — злобно уже, откровенно грубо.

— Да че ты, шуток совсем не понимаешь? — хохочет. — Расслабься.

— Ну, что поехали? — вперила я взгляд в Женьку.

— Поехали... — заливаясь смущением, несмело пожала плечами та.

Мазуров Валентин Алексеевич, он же Мазур, Мажа или просто Валик. Старше нас наверно, лет на десять — как по мне, так примерно одинакового возраста с Мирашевым.

Как оказалось, последнее время — это и есть близкие товарищи, друзья Рожи. Особенно Валик. Серьезные общие какие-то «замуты», дела. Именно эти люди и поддерживали материально Федьку последние пару лет. В общем, спелись не по-детски... и, как я поняла, всё только начинается. Ибо грядет эра больших, "выгодных" перемен, причем для всех сторон сразу.

Но, а пока — мы в тачке Мазура... ибо именно он так любезно вызвался, решил помочь нам доставить мою Жарову домой, ну а дальше — действовать уже по их плану.

То и дело... что всю дорогу мой Рожа метал пытливые взоры на Жарову.

— Слюни подотри, — не выдержала я и заржала. — Пристроенная она уже девка, опоздал.

Загоготали и мужики.

— Ниче, Федька, — вмиг отозвался Валик. — Мы тебе там ух каких подобрали! Я сам аж обзавидовался! Но... куда мне? Всё лучшее — детям.

— Га-га, — отчасти злобно спаясничала я.

А Рогожин лишь залился сдержанной, загадочной улыбкой.

Чертов скромник...

Мира...

Мира же завалился в свою тачку... и вместе с остальными сразу укатил на пресловутую дачу. На которую... если так-то, мне даже думать ехать страшно, а не то... что бы действительно взять и туда податься. Но Рожа... и, чего греха таить, сам этот «слизкий гад», общество этих двух меня манило не на шутку.

Федька, конечно, Федькой...

...но, почему-то, именно разговор, будущая очередная «состыковка», встреча с этим странным Мирашевым влекла больше всего, занимала нынче все мои мысли и заставляла плясать, будто на иголках. Причем определенно: заживо сгорать от не менее странного предвкушения, волнения и тревоги. Естественно, если что случится, то Рожа (а это я знаю точно) непременно вступится за меня, станет горой. Так что... даже это не трусость меня

грызет. Нет. А вот что конкретно — я так еще и не поняла.

Но и вообще, чего я хочу? Так, по сути, перетереть всё то, что произошло тогда между нами, причем уже как некая ровня, а не идиотка-студентка и сверх блатной упырь...

И... да, если не извинения, то хоть какой-то проблеск осознания, раскаяния получить. Наивная, знаю. Но хочется хоть какой-нибудь справедливости. Или хотя бы... еще немного в отместку его побесить, повыводить из себя, но уже безнаказанно.

Провести до квартиры Женьку (я) — пошущукаться. Подумать над своим внешним видом и учтиво сменить каблуки на кроссовки, а платье — на джинсы со свитером.

Мысленно перекреститься — и выдвинуться в бой.

Едва вывалилась из подъезда, как чуть лоб в лоб не столкнулась с Риткой.

Ошарашено округлила очи я:

— П-привет... А ты... какими судьбами? — только и смогла я из себя выдавить.

Добрая, отзывчивая улыбка (ёё) — играет, с*ка.

— Да как, — запела невинно. — Мама про новость проговорила, вот я и решила повидаться. К самой тюрьме не решилась ехать... как-то неудобно, да и страшно. А вот адрес выпросила и приехала к вам. Батя ж... вроде как, запретил ему... Ну, — замялась вмиг, взгляд около. — В смысле, попросил... чтоб он с тобой пока пожил. Так что? Он здесь?

— Здесь, — коротко. Недоверчиво.

Вот хоть глаз мне выколите — а не поверю... что именно "любовь к брату" ее сюда привела.

Голову на отсечение даю — это не так. ВРЁТ! ВРЁТ, с*ка, и не краснеет! Притворяется шкура мелкая.

— А ну, я поднимусь? А ты надолго?

— Он не в квартире. В машине. Вон, — кивнула ей за спину. — Серебристый седан. Не промахнешься.

— А, он не один там? — даже просияла в момент.

Ну вот... уже что-то.

— Ага. С другом.

Но уже и не слышала меня. Тотчас рванула вперед.

Брат. Ага. А как же... именно.

Короткое «привет», объятия — не дольше пары секунд. А взгляд уже прикипел к симпатичному (как судя по ее, наверняка, мнению) водиле:

— Рита... — игриво выставила свою тоненькую ручонку для рукопожатия.

— М-м-м... — загадочно протянул Мазур и тотчас поцеловал тыльную сторону ладони.

Рожа лишь только скривилась. Что... даже странно.

— Ну ладно, хватит вам, — гневно. Сплюнул на землю. Еще одна затяжка — и выбросил бычок. Затоптал ногой. Взор на меня — как раз подоспевшую... а вернее, набравшуюся храбрости вклинить в это... неприятное лицедейство.

— Че, Ник, едем? — учтиво отозвался Федор.

— Ага, — живо киваю головой.

— Ой! — только всплеска в ладони этому писку чарующему не хватило. — А можно я с вами? — захлопала наивно-соблазнительно коровьими накладными ресницами.

— Ух! С удовольствием! — в момент выпалил Валик.

— Я против, — тихое, но грубое, твердое... Рогожина.

— Че это? — обижено рявкнула Малая. Зенки округлила. Враз запыхтела, что самовар

— как обычно это бывает.

Скривился. Отвернулся Федька.

— Я не обязан объяснять, — сдержанно, но не менее дерзко.

— А че ей можно? А? Ты опять?

— Поехали, — метнул взор на Валика, на меня. Сел в машину. — А ты вали домой! — рыкнул Ритке, даже взглянув на нее.

— Вот так, да? Она тебе даже не родная! — визгом; задергалась на месте от бешенства. — А ты опять за нее, всё для нее! А на меня по**й! Уродом был — уродом и сдохнешь! Правильно, что батя тебя видеть дома не хочет! К чертям собачьим прогнал! Ублюдок ты! Как и она!

Резво выскочил из машины Федор. Иступленный взгляд ей очи. Затрясся от ненависти:

— Я те сейчас по морде съезжу! — окоченела та вмиг от страха. Стоит, не шевелится, не дышит. — Если не заткнешься... Нику — не смей никогда трогать, усекла?

— Усекла, — тихо, но ядовитое.

— Да че вы? Пусть едет, — неожиданно вклинился Мазуров. — Места всем хватит. А то... сразу собачиться? Что было, то было. Начните с чистого листа. Сегодня хороший день для этого. Разве нет?

Подошел ближе. Силой отодвинул, отстранил от Ритки Рожу.

— Родственников не выбирают. И надо принимать друг друга такими... какими они, мы есть. Х*ровыми... временами глупыми... но родными.

— Федь, пусть едет, — тихо, взволнованно прошептала я.

Немая перепалка взглядов... двух бойцовских — и сдался:

— До первого косяка.

Глава 7. Светский раут

Глава 7. Светский раут

Пару часов езды за город — и вот оно, место назначения: небольшая деревушка... и дома здесь не то, чтоб виллы... Но есть в ней особый шарм, загадочность, красота.

Проехать мимо местного клуба, мимо озера — и едва ли не на противоположную сторону селения. Огромный двор, огороженный высоким деревянным забором, любезно приветствовал нас. Одноэтажный кирпичный дом, рядом — летняя кухня, гараж, ближе к огороду — сарай. По центру — импровизированная беседка, сколоченная из деревянных брусков и досок (явно на скорую руку). Вместо крыши — клеенка.

— Мазур, — загоготал Рожа. — При таком-то бабле... и такая халупа!

— Зато без палева, — ржет в ответ Валик. — Скрывайся... сколько влезет. И лишние вопросы соседи не задают.

— Даже когда такие пиры закатываешь? — вклинился поспешно знакомый голос. Вот оно: вылезла я из машины, выровнялась во весь рост, взор около — и... «долгожданная» встреча взглядов. Миращев. Ухмыльнулся гад, в глазах заплясали черти. Жгучее мгновение обоюдного сверления потаенными мыслями — и оторвался от меня, перевел глаза на Федьку: — Че застыли? Проходите, — кивнул головой. — А то мы уже заждались... пока вы там свои дела решали. А некоторые — так уже и совсем синие: неблагодарное это дело — вместо вас стопки мыть.

— Вы че, уже даже и шашлык пожарили? — захохотал Мазуров, ставя на сигнализацию авто (так и не загнал его двор, а бросил около забора рядом с остальным таксопарком, ибо там, за воротами — и без того не протолкнуться: под завязку забито людьми).

— Да куда? Мы-то ломанулись сюда: че тут да как — них*ра непонятно. Вот решили пока просто бухать, — загоготал Мирон. И снова обернулся. Взор около: — А вы, я как погляжу, бартер учинили? Одну мадемуазель на другую?

— Губу закатай, — в мгновение рывкнул Валик.

— А че я? — заржал громко. — Я ниче...

Еще шаги — и обмерли мы около беседки.

— Рита, — мило улыбнулась змеюка и тотчас протянула свою гадкую ручонку Мире.

Пристальный, изучающий, полный цинизма взор того на мою сестрицу:

— Восемнадцать хоть есть? А то еще посадят, — и снова идиотский гогот.

Стою, злюсь. Не менее моего закипает и Рожа.

— Есть, — ехидно-соблазнительное. И снова "наивные" взмахи коровьих ресниц. Игриво, эротично облизала губы. Коварная ухмылка. С*ка.

— Ну ладно, пошлите в дом. Покажу, девоньки, что где, — поспешно перебил зарождающийся флирт Рожиной Младшей Мазур. Обнял за плечи — и насильно потащил Ритку в сторону входа.

Так и не дождавшись приветствия... физического участия Миры, а там и вовсе обломанная влиянием Валентина, злобно скривилась Малая, невольно даже притормозив, прерывая вынужденный свой ход. Но еще один, прощальный, недовольный взор на нелепую свою попытку поймать удачу за хвост (а вернее, очередной похотливый "денежный мешок", а то вдруг, потяжелее Валиковского будет) — и уверенно уже сама пошла в дом.

Поддаюсь движению и я.

Вмиг за мной тенью, едва не наступая на пятки, да так — что тепло его даже ощутила спиной. Шаг в шаг.

Хохот на ухо:

— Че за странные у тебя подруги? Одна интересней другой.

Обмерла я, отчего в момент налетел на меня Мирашев, едва не сбив с ног. Обнял невольно за талию, но тотчас осекся. Застыл неподалеку и Рожа.

— Ну че вы, идете? — раздраженно Федька.

— Она моя сестра, — грубо рявкнула я в лицо кобелю. — Вторая Рогожина.

— Опа... еще одна заноза, — гыгыкнул идиотически Мирон. Пошатнулся невольно, корчась в кривляниях.

— Лучше бы ты не пил, — не выдерживаю и фыркаю недовольно.

Глаза в глаза:

— И че бы было?

— Ниче. Приятней было бы с тобой общаться.

— Да ладно? — захохотал. — Со мной? И приятно? Не наговаривай, — и снова гыгыканье, давя весельем свою саркастическую ухмылку.

— Да я уже поняла.

— Ника, — злобно. Живо оборачиваюсь к Федьке, проявляя участие.

Стиснул тот уже зубы от злости. Выжидает.

— Да идет твоя послушная Ника. Идет, — за спиной сверх мудрое замечание сквозь надменный смех. — Да, малыш?

Шумный вздох. Стремительный разворот вновь к этому гаду.

Но тот вдруг опять — то ли пошатнулся невольно, то ли нарочное движение — и вплотную ко мне. Лицом к лицу, губы к губам, до неприличия близко. Дюжая доза запаха табака и алкоголя ударила волной мне в лицо, отчего невольно поморщилась я:

— Выпей холодной водички.

Широко улыбнулся:

— А че еще?

Смолчала.

Резво отвернулась — и рванула в сторону дома, где давно уже скрылись Рогожина Младшая и Мазуров.

Поспешно последовал и Федька за мной.

— Точно один раз виделись? — вдогонку, едва мы остались наедине в сенях с Рожей. Обмерла — застыл покорно и брат. Вздох. Обернулась. Глаза в глаза:

— Ты хоть не доставай.

— Не пара он тебе.

— Без тебя разберусь, — грубое. Отвела очи в сторону.

— Не пара, — приказное.

— А кто пара? — дерзко. И снова взор в лицо.

Скрипнула дверь. Обернулись мы оба на автомате:

— Че зависли? Матрица заглянула? Дверь не можете выбрать? — загоготал Мирон, завидев нас — прошел мимо, рванул на себя очередную дверь — и скрылся за порогом.

— Ладно, иди, — скривился Федор, махнув рукой следом.

Да уж... я знала, что из девушек не только мы с Риткой будем (за что-то слава Высшим Силам), но такое количество баб... даже меня изумило. И все, действительно, как на подбор — одна краше другой. Даже наша Младшая Рожина меркла на их фоне — а потому, не удивительно, что теперь та гуськом ходила за Мазуром, а не наоборот... дабы вовсе не упустить свое «счастье».

Пока мы (я, Ритка и Валик) жевали полусырой шашлык (кое-кто... на букву Мирон срочно потребовал кровавого мяса) и вынужденно догонялись спиртным, чтобы быть хоть немного наравне с уже явно готовой компашкой, Рожу барышни утащили срочно нагуливать упущенное.

Находился, нагулялся наш занятой Мирашев. Наговорился по телефону — но за стол так и не спешил вернуться. Присел на скамью под яблоней неподалеку. С невеселым, задумчивым видом достал сигареты, зажигалку — и тотчас прикурил.

Решаюсь. Ибо дальше тянуть не как и незачем. Пока Федька не вернулся, нужно срочно расставить все точки над «и», иначе потом — может быть поздно.

Глубокий вдох — и подорваться с места. Под немые, удивленные взоры Мазурова и Ритки... податься в сторону «причинности».

— Привет... — глупо, но...

Удивленный взор на меня Миры. Паясничая, изогнул брови:

— А вам уже разрешили со злым дядькой говорить, да?

Ухмыльнулась притворно. Присела рядом.

Прокашлялась. Мысленно сняла с предохранителя ружье... и прицелилась: ни то в себя, ни то в него. Тихо, немного наклонившись ближе, чтоб за гулом, который стоял вокруг (разговоры, музыка, веселые временами крики, тосты), мой собеседник все же уловил мои слова:

— Слушай... я тут хотела... кое о чем тебя попросить.

Обмер в чудной гримасе. Глубокая затяжка — выдох. Хитро прищурился, заливаясь улыбкой:

— Меня? — ехидно. Молча выжидаю я — момент серьезности сего циничного клоуна. Продолжил, расстроившись моей безучастностью: — А не боишься, что опять... «платить придется»?

Безмолвствую. Надеюсь, что все же эта дурь пройдет — и речь моя действительно будет услышана.

— Ладно, — скривился, закатив раздраженного глаза под лоб — не выдержал. Грубо: — Че надо? — взор около. Сбил пепел на землю.

Шумный мой вздох для храбрости — и как на духу:

— Помнишь... наш кое-какой разговор в прошлом? Мою... историю. Про... одноклассника, — решаюсь уточнить менее конкретно.

— И? — кивает удивленно. Пристальный взор в лицо.

— Можешь Роже ничего не говорить? — глаза в глаза осмеливаюсь. — Ни слова, ни полслова. Чтоб даже не догадывался. Прошу.

Удивленно вздернул бровями:

— Да я... как-то и не собирался. Это ваши дела.

Прокашлялась я от неловкости. Виновато спрятала очи. Чувствую, как жаром запылали

щеки. Черт! Идиотка... зря напредила.

Молчит, скользит взглядом по мне, изучает — что-то свое странное, не менее пугающее думает.

— И это, — внезапно... словно молнией меня прошибло. Опять глаза в глаза. Чертова его ухмылка — и манит, и коробит одновременно. Снова вдох на полную грудь... перед погружением: — И про ту нашу... "состыковку"... на озере. Идет?

Заржал вдруг.

— Че, не понравилось? — загыгыкал, хотя явно какие-то иные, другие эмоции разразились в нем — отчего и попытался сразу спрятаться за смехом.

— Мирашев... — от обиды поджала губы я. — Ты вообще бываешь серьезным?

— Да, — уверенно, — когда шутки сочиняю.

Нервно цыкнула я, закатив глаза под лоб. Шумный вздох. Отвернулась.

— Да ладно тебе, — смеется. Придвинулся враз ко мне ближе, вплотную, отчего в испуге я резво обернулась. Чувствую его дыхание. Молчу. Дрожь волной прошла по всему телу. — Я че... сам себе враг? — рассмеялся внезапно. А в очах так и заплясали черти, отрицая любую адекватность.

Нервически сглотнула я слюну. Чувствую, что задыхаюсь. Но не от помеси табака и алкоголя. Нет. Нечто иное сейчас обволакивало, дурманило меня — ...разума, чувства самосохранения и гордости лишая.

Едва осознанная попытка моя отстоять жалкие, последние капли чести, трезвости:

— Судя по всему... тот еще смертник.

— Я бессмертный, — ядовито-деспотическое. Взгляд скатился к моим губам. Очередная волна жара обдала меня сполна, взрываясь необычными, приятными ощущениями внизу живота. — Ну ты... хоть не сильно в обиде на меня? — неожиданно продолжил.

— За что? — от удивления вздрогнула я. Не сразу поняла, собрала осколки бывших мыслей, нащупала нить разговора, которую уже так ловко-неловко потеряла... уступая обстоятельствам.

— За то, что... было, — тихо. — Я там... немного все же... перегнул палку, — нервический смех, сдержано.

— Немного? — неосознанно визгом вырвалось из меня. Отстранилась от него чуть в сторону, до расстояния приличия, дабы дышать свободнее.

Ухмыльнулся, но без особой радости, Мирашев:

— Ну-у, — врасстяжку. Взор оторвал от меня, поплыл им около. — Ты тоже там... подлила масла в огонь. — Немного помолчав, хмыкнул внезапно. Резко уставился мне в очи (отвечаю участием): — Давно меня так... никто не бесил. Вот и сорвался... чуток.

— Чуток? — язвлю, а сама утопаю в шоке: и хоть мечталось и надеялось, но до конца никак не верила, что нечто подобное от него возможно.

Проигнорировал:

— Я всего-то хотел... немного покатай тебя по городу. Максимум — в кафе, на обед сводить.

— Зачем? — искренне еще больше изумилась.

— Ну... — пристыжено рассмеялся. Пожал плечами. — Зачем?... — задумчиво. Отвел глаза в сторону. — Так... подразнить немного и... расслабить. Зажатая ты какая-то сильно была.

— Так не без повода, — невольно злобно вышло.

— Понимаю, — резво, с некой грубостью в ответ. Глаза в глаза: — Но это не причина... прогибаться и хоронить себя заживо. Таких уродов... — кивнул головой куда-то в сторону, — знаешь сколько еще по жизни будет? Не так, так иначе по хребту надают. Тут главное — не сломаться, а в остальном — по**й. Вся эта слепая предвзятость, слабость, трусость — они ни к чему. Толка ноль — только хуже. Даже если отх*ярили так, что уже не встать, — ползи. И ты сама это (где-то внутри себя) знаешь. Видел.

— Мира! — внезапно крикнул из-за стола Валик.

Злобный, недовольный взор на товарища:

— Че, б***ь?! — Мирашев.

— Хватит там по ушам ездить. Иди сюда!

— Я занят! — раздраженное. Отвернулся — взгляд вновь вперил в меня: — То, что ты там творила... по морде бы тебе, конечно, за такое съездить, и то — это как минимум. Но... нельзя не отдать должное: от такой безрассудной храбрости даже я ох**л. Как для бабы, — короткая пауза, видимо, подбирая слова. Продолжил: — зачетно, молодец. Так за свою честь стоять надо... а не вон, — кивнул в сторону стола — не договорил, смолчал учтиво. Но я и так поняла...

— Да хватит пи*деть, я серьезно! — и снова громкое, назойливое, гневное Мазурова. — Сюда иди! Пацан вон тему хорошую задвигает! Зацени!

Взор на оратора, на меня. Ухмыльнулся Мирон:

— Ну пошли... глянем, а то ж... за*бет, п*скуда. Хуже меня, когда за воротник зальет.

Глава 8. Фестиваль радуги. Или просто «чупа»

Глава 8. Фестиваль радуги. Или просто «чупа»

— Да хватит пи*деть, я серьезно! — и снова громкое, назойливое, гневное Мазурова. — Сюда иди! Пацан вон тему хорошую задвигает! Зацени!

Взор на оратора, на меня. Ухмыльнулся МIRON:

— Ну пошли... глянем, а то ж... за*бет, п*скуда. Хуже меня, когда за воротник зальет.

Встает Миращев — поддаюсь и я. Шаги к столу...

— А ну быстро подвинулись! — гаркнул на парней, мужчин, что теснились рядом с Валиком (Ритку трогать не рискнул).

— Широкий стал? — загоготали те, но подчинились.

Кивнул Мира на меня:

— Присаживайся.

Заливаясь смущением, поддаюсь, следуя указу. Залез, расселся подле меня и МIRON. Язвительный, насмешливый, хотя не без интереса, взгляд обрушил на Валентина:

— Ну че там? Удиви.

— Вот, — в момент протянул тот ему салфетку, на которой синей пастой была начерчена какая-то схема, по десять раз перерисованная, исправленная; наведенные в сотый раз по-новому стрелочки: что кто куда... так сходу и не поймешь. Да и нет желания разбираться, вникать. Отворачиваюсь.

— Короче, тут такой замут... — слышу сквозь гул доносящийся голос Мазура...

Взором кружу по столу:

— Та-ак... А где там моя тарелка, можете передать?

— А чаво б и не? — съязвил один из гостей. — Лови! — дерзкий замах, отчего невольно взвизгнула я, но тотчас захохотала, давась смущением из-за своей невольной наивности и нелепого страха.

— Та че я... дурак, что ли? — гогочет тот.

— Да я... то так, — махнула рукой, уже окончательно краснея. — Спасибо...

Еще один прицел — и выбрала себе интересный вариант, салат, который еще не успела попробовать.

— Слушай, — внезапно кто-то вскрикнул рядом. Смелое движение, напором — и едва ли не сверху навалился на меня, опершись на плечо. Метнул на него недовольный взгляд Миращев, но тут же отвернулся — не желая терять мысли относительно того, что ему все еще втесывал Валентин. Продолжил мой собеседник: — А попробуй вот этот бутер! Я сам готовил! Лично!

Скривилась я от удивления... и недоверия. Округлила очи:

— А он че, один? А где остальные? — забежала я взглядом (уж больно странная серо-зеленая жижа сверху намазана). — Сил не хватило долепить?

Ухмыльнулся:

— Да вон те хорошо приложились, и я не побрезговал. Ну так че? — молитвой мне в очи. Морально так и нависает, давит на меня.

— А почему именно я? — все еще не могу втолковать. Может, и предвзято отношусь, но чует моя «опа»: не спроста это всё, что-то неладное в этом есть. Хотя... а вдруг, реально

человека накрыло? Похвастаться хочет. А откажусь — обижу сильно...

— Да эти... — выпалил, махнув рукой в сторону, поспешно отвечая, — обожрались уже — не лезет, а те, — кивнул головой в дальний угол стола, — кроме водяры... ниче другого не признают. Ну? — и снова тычет мне в рот.

— А че там? — все еще торможу, сражаюсь отчаянно, цепляюсь из последних сил, выискивая возможность отказаться. — Майонез?

— Да его там бадыль! Приправа в основном, разная; рыба... но она о**енная, без косточек! Филе! Ешь! Понравится, не пожалеешь!

Скривилась горестно:

— Чет запах какой-то странный...

— То кориандр!

Поморщилась невольно. Черт... знать бы еще на вкус этот его «кориандр», если так же воняет — то ну его сразу!

— Да ладно, — отчаянно отодвигаю его руку, но тот непреклонен — вот-вот свалиться мне уже все это на кофту. Морщусь от раздражения, злости. — Я так... уже тоже многое не съем, а тут батон.

— Черт! — гневно. — Ну хочешь... слижи! Не ешь батон! Главное — начинка, верхний слой! Уваж! Я же старался! — щенячий взор, нытика причитание.

Шумный вздох — сдаюсь.

Но только хочу взять, как тотчас отдергивается этот упрямый, назойливый типок — не дает:

— Не, из моих рук! — игривое; счастливое.

Едва делаю укус — как едва ли не силой по самую глотку запихивает. Откусываю невольно, жую, периодически прокашливаясь.

Кривлюсь, не могу понять — чет... совсем не того...

Еще немного — и глотнуть. И снова морщусь.

— Во! Спасибо! Умница! Ну как?! — радушно, и аж глаза заблестели.

Лживо, криво улыбаюсь:

— Ну... так себе, — не охота и обидеть, но жуть жуткая... Не дай бог еще раз доведется.

И вновь злобный взор Мирашева на моего незваного «ухажера»:

— Ты че тут трешья?! — угрозой.

— Ниче, — неожиданно, даже как-то странно, резво переменилось лицо «шеф-повара», загадочная ухмылка. Попятился, отступил, а там — и вовсе затесался где-то в толпе, в темени...

Недовольный посыл, полный порицания взгляд получила и я от Миры. Отвернулся к Мазуру:

— Не, ну, б***ь! — резко, раздраженным криком вызверился на Валентина и ткнул пальцем на схему, что они до сих пор мусолили. — А если эта п**да развалиться, че я тогда делать буду? Ладно я, а ты?

— Ну... — задумчиво протянул Валик и скривился. Застыл в размышлениях.

Непонятная, пронзительная боль, резь раздалась в моем животе.

А затем — и вовсе... жуткая волна тошноты тотчас подступила к горлу.

Живо дернулась я, чуть со скамьи не скинув Миру и другого своего соседа, кое-как умудрилась перелезть на другую сторону и немедленно кинулась вперед. Неподалеку от яблони и рухнула: вдвое согнулась, и... позорно захлебываясь слезами, в паре с очередной

стремительной, безжалостной, неумолимой тягой, выплюнула всё, что когда-либо в жизни ела, пила, нюхала... Упала на колени и горько взвыла.

Шум. Музыка — в момент всё стало фоном. Слышала лишь собственное сердцебиение. Пульсация в висках. Казалось, я вот-вот сдохну — мозг лопнет от перенапряжения (если не удавлюсь иным, более креативным, способом).

Вдруг напор, движение — и силой обернул меня к себе. Подвожу отчаянный взгляд.

Взволнованно, удивленно вперился Мирон мне в очи. И даже язва-улыбка куда-то делась:

— Ты чего? — присел на корточки, вплотную.

Но не реагирую, не отвечаю. Вмиг оттолкнула его от себя, разворот — и, воя уже от боли, снова фонтаном вытолкнула из себя жидкость (казалось, и желудок заодно).

— ЧЕ ЗА Х**НЯ, я спрашиваю?! — дико завопил Мирашев, поведя взором около Стихла толпа. Перепуганные взгляды на меня и остальных: обернулись все подчистую... уставились, как на несуразного клоуна.

Пытаюсь вырваться вновь из хватки своего защитника — и отползти в сторону, скрыться от позора долой.

Но не дает — лишь пошатнулся (едва не упав). Удержался — выпустил на миг, а затем снова за шкуру поймал, остановил. Взор на публику:

— С*ка! Уроды, я спрашиваю... последний раз! Что с ней?! — Резво уставился на меня, согнувшуюся в рыданиях и очередных, уже тщетных, попытках блевать пустотой. — У тебя аллергия на что-то? — орет мне на ухо.

Шумный выдох. Сгорая окончательно в стыде, отваживаюсь ответить. Взгляд в лицо, потерянным фокусом:

— Нет.

— Да «чупу» ей дали! — выкрикнул кто-то из толпы.

Окоченел Мирашев. Но мгновение — и дернулся. Выровнялся на ногах:

— ВЫ ЧЕ... О**ЕЛИ? КТО? — бешеное, искря взглядом. Молчок, попрятали все глаза: пристыжено, в ужасе. А я дышу, наконец-то дышу — заливаюсь моментом паузы. Расселась отчаянно на земле. Сдохнуть — если будет хоть еще один позыв — то лучше сразу сдохнуть.

— Воды ей дайте, пусть желудок промоет! — неожиданно, чье-то девичье. А затем и вовсе подроспела одна из барышень, протянула мне стакан.

— Нет, — испуганно отдернулась я, взмолившись. Но тотчас волна — и снова рычу... давясь ужасом, болью и слезами. Завалилась я на траву, упершись руками. Пустить очередную радугу...

— Надо, малыш, — неожиданно тихо, заботливо прошептал мне на ухо Мирон, обнимая, едва я стихла. Отобрал у девушки тару и протянул мне. Назойливое давление — и поддаюсь. — Все равно, — продолжил. — Пока все не выйдет — не остановишься.

— Конфету ей дайте, или вон... рафаэлка с чесноком где-то — пусть перебьет.

— Шутите? — злобный взор Миры на товарищей-зрителей. — И вообще, — внезапно, — че уставились? Музыку погромче — и х**рьте водяру дальше!

— Точно, водку! Спиртное ей дай — и продезинфицирует.

Смолчал. Взгляд на меня:

— Ты как? Всю выпила? — кивнул на стакан, что стоял за моей спиной, куда я его отставила.

Киваю одобрительно.

— Много съела? — добрый, полный переживания взор мне в глаза.

— Не очень, — закачала несмело головой. — Чуть меньше половины... — и снова позыв... и снова мой визг, моля добить... но не дать так и дальше мучиться.

Обнял крепче — придерживает. Волосы, свалившиеся вниз, тотчас собрал, заправил за ворот толстовки.

...Мгновения — и опять победный вдох-выдох. Сдалась. Прижалась к нему — обвисла на груди, уткнувшись носом в шею. И пусть мерзко, позорно — но уже нет сил ни на какое приличие.

— Кто это сделал? — тихо.

Молчу. Догадываюсь, что тому придурку будет. А потому... молчу.

— Ну? — ноты раздражения.

— Неважно, — шумный, глубокий вздох. — Я думаю, он уже... за сто километров отсюда, — невольно рассмеялась, но тотчас очередной приступ рези в животе осек меня.

И снова разворот, отталкивая защитника...

Немало еще пришлось воды выпить, и даже где-то отыскивали активированный уголь, так что... шанс спасти «жертву доверия» — непременно был.

Опуститься на скамью. Прижаться спиной к столу. Сделать очередной глубокий, полный облегчения, вдох-выдох. Повела я глазами около — так и хочется взглянуть в рожу тому уроду, который со всем этим мне подсобил.

Присел рядом и Мирон. Достал из кармана сигареты, зажигалку. Прикурил. Длинная, задумчивая, тяжелая пауза, затяжка, глядя мне в лицо.

— Будешь? — неожиданно протянул пачку.

Тотчас закачала я отрицательно головой:

— Нет, спасибо. Не курю.

Ухмыльнулся довольно. Не прокомментировал. Взглядом бесцельно уткнулся вдаль, забродив по кронам деревьев:

— А я вот... — набрался «храбрости», — всё бросить никак не могу: то возможности нет (одна нервотрепка), то потом... желания заморачиваться всем этим. Так что... как-то так, уже второй десяток лет. Да и поздно уже... наверно.

— Никогда не поздно, — тихо смеюсь. Смолчал. Лишь только взор метнул на меня, да на губах растянулась добрая улыбка. — А я вот, — решаюсь продолжить, — потому и не начинала... чтоб потом не мечтать, не ломать голову, как закончить...

— Да ладно? — загоготал.

— Ага, — киваю головой. — Сама в шоке. Во многом подражала Федьке — а тут... сдержалась. А там и он, слава богу, в спорт подался — а потому одумался. Так только... иногда, когда выпьет — может, ну и после... — учтиво не договорила.

— Жвачку? — сообразил, неожиданно вспомнил. Тотчас нырнул в карман — и протянул мне упаковку.

Благодарно улыбнулась:

— А вот от этого не откажусь.

— На, бери все.

— Куда мне? — тихо хохочу.

— Ну, выброси, — съязвил.

Забросил внезапно мне руку на плечо и притянул к себе. Поддаюсь — плюхнулась на

грудь. Странное, необычное, трепещущее ощущение укололо меня. И не сказать, что противное, жуткое — никак нет. Наоборот... — тем и пугает. Всё как-то сразу стало ни по чем. Что было доселе — словно рукой сняло: совсем другие мысли, чувства разразились внутри.

Его запах, тепло... лишь поначалу ужалили, и то... шипами моего детского страха, неизвестности, неловкости, неожиданности. А далее — словно море, чувства захлестнули, отчего невольно, уступая какой-то непонятной слабости, зависимости, упоению... от невероятного, безудержного, порабощающего удовольствия, зажмурилась я бесстыдно. Сжалось мое сердце, вторя и остальным мышцам во всем теле. Хотелось провалиться в этот омут, уйти на самое дно — и никогда уже из него не выныривать обратно.

— Так че это было? — несмело. Отчаянная моя попытка прогнать дурные мысли из головы. Уставилась ему в лицо, взор из-под лба.

— А? — дернулся. Глаза в глаза. До неприличия близко. И еще хуже стало — волнение дрожью пошло по всему телу, заживо испепеляя меня под его давлением, обаянием. Но выдерживаю напряжение, нещадный взлядов бой.

— Говорю... — хрипло, отчего поморщилась невольно, — вы как-то его, ее назвали. Что это... за гадость? — прокашлялась.

— А, — ухмыльнулся. Отвел очи в сторону, взор бесцельно поплыл около. — «Чупа», «чупакабра», — тихий, смущенный смех. — Та еще ядерная штука: всякой х*рни намешают. И пока весь желудок не выплюнешь — не остановишься.

— Так, а че именно... «чупакабра»? — не унываю, хватаясь за этот интерес, удивление, как за спасательный круг.

Рассмеялся еще громче (пристыжено):

— Ну, — махнул рукой в сторону (где недавно были). Затяжка — и снова ядовитая улыбка. — Сама же ощутила: все соки вытягивает, что кажется уже, и сдохнешь сейчас.

Тотчас залилась звонким смехом, наитием давясь:

— Что, и тебе как-то досталось?

— Ну так, — гыгыкнул. — Раза три. Первый — пьяный был и не понял даже... че случилось. Думал, палёнка. Потом объяснили. Ушел на тот раз от меня камикадзе. Но, да ладно, как говорится, плохой опыт — тоже опыт. Второй раз — втихую было, заранее, причем многие тогда пострадали... В общем, сложно было виноватого найти. Но, а на третий раз — тут уж... я оторвался. Досыта накормил ублюдка, что тот в больничку попал. Капельницы ставили, от обезвоживания спасая. Вот те и «чупа»...

— Дак а че там... в ней? — заерзалась я невольно, прозревая еще больше.

Гыгыкнул сдержано:

— А х** его знает, — потушил бычок о соседнюю балку, разворот — и бросил окуроч в пепельницу. Обнял уже обеими руками меня, сжал крепче, притиснул к себе. Глаза в глаза (невольно чувствую, как жар от смущения бесстыдно залил мои щеки; еще бешеной заколотилось сердце; сжались мышцы внизу живота, разжигая откровенное полыхание — неприкрыто дрожу от волнения под Мирашева напором). Улыбнулся: — Я как-то таким не заморачивался. У меня... другие приемы.

— Я заметила, — рассмеялась нервически; спрятала взор, давясь позором... из-за своей слабохарактерности.

— Ну прости... — неожиданно искренне (без натяжки, без пелены неловкости, притворства); на ухо. Вплотную, обжигая своим, будоражащим до мурашек, дыханием кожу

— казалось, я сейчас и взвою от этого беспринципного наваждения, палящего зноя, странного дурмана. — Дурак, — огорошивая меня, продолжил. — Придурок. Идиот... нашло на меня. Нельзя со мной спорить, пререкаться. Это как... красной тряпкой помаечить.

— Но ты ж не бык, — язвлю, давясь нездоровым смехом, словно глотком воздуха.

— Я хуже, — тихое, едва уже не целуя.

— Та-ак, — слышался где-то сбоку знакомый голос. — Мисс Радугу сегодня выбрали. Остался Мистер, — и снова гогот одиночный.

Вздрогнул, отдернулся от меня тотчас Мирон. Взор пристальный около. Окаменел, словно перед броском. Больное, шальным ревом:

— ОН?! — полный бешенства взгляд мне в лицо. Отвечаю участием. Позорно, трусливо молчу: ни подтвердить, ни соврать не решаюсь.

И не надо...

Мигот отстранил меня от себя — поддалась, выровнялась на месте.

Тик — и сиганул хищником к врагу...

Только и успел несчастный, бывший мой истязатель, сделать пару шагов в сторону — как тотчас поймал его уже деспот. Не церемонясь и не сдерживая себя ни в чем, заломил, скрутил убудка, на ходу, ловко заодно отобрав порцию для «Мистера».

— Радугу, с*ка, еще одну хочешь?! Мистера?! Вот и жри, тварь убогая! — зарычал иступленно Миращев, силой вталкивая ему в рот «чупу». Еще пару ударов для усвоения эффекта — и отступил, выпустил гада из своей хватки, пнув, отшвырнув от себя на землю — пошел едва не кубарем тот идиот.

Выровнялся Мира во весь рост. Бесцельный взор около, утопая в мыслях, в наслаждении. Облизался в шальном, самодовольном оскале, отчего я невольно поежилась, будто кто морозной плетью страха и неприемлемости меня стеганул. Мгновение — и наконец-то схлестнулись наши взгляды. Большая ухмылка Мирона... странным эхом разразилась, отозвалась во мне: безумное, жуткое чувство — волной захлестывая, заставляя задрожать от непривычной, шизофренической услады одновременно с отрицанием... И вновь поежилась я, не зная, как правильно на все это реагировать.

Когда Рогожин за меня вступался — было бесспорно приятно, гордость и радость одолевали... Но не так. Не то. Не знаю... А это — это нечто иное. Его, Миры безумие... онс развратно, пошло, порочно... заразительно. И вместе с его наслаждением, упованием превосходством, вседозволенностью и... жестокостью — странные ощущения (защищенности, беспечности) луной раздаются и во мне. Впервые... и только рядом с этим демоном — не надо пытаться... быть на порядок, на голову выше... чтоб хоть как-то сойти за ровню, дабы быть достойной... всего этого. Нет. Ничего. Априори — я уже всего этого достойна. И если что — то врага точно будет ждать... хоть в каком-то виде, но «смерть».

— Ты мне, с*ка, зуб выбил! — обиженное, гневным рыком, где-то в темноте...

— Сча еще добавлю, урод е**чий! — тотчас обернулся к нему Миращев и метнул иступленный взгляд.

Но движение «жертвы» — и где сидел... там и открыл очередной всплеск «фестиваля»...

— Фу, б***ь, — гаркнул кто-то.

Поморщились и остальные.

— Свали отсюда! — бешеное чье-то, девичье.

Подчиняется.

Обернулся ко мне Мирон. Шаги ближе, поддаюсь на участие, на автомате встав, потянувшись в ответ благодарностью. Но миг — и позорно замираю — заметив между нами Федьку. Взор того то на товарищей, то на меня (видимо, наконец-то отыскав — а потому резво движение ко мне ближе, вплотную):

— А че у вас тут? Че не поделили? — кивнул в сторону «Мистера».

Стою, нервно, идиотически моргаю — и страшно даже признать всё то, что только разразилось вокруг, да и в этот миг внутри меня.

— Чупу, б***ь, — гневное Миры, перебивая ход моих истеричных мыслей. Шумный вздох, скривился. Прощальный, расстроенный взор на меня — отвечаю тем же, обижено поджимая губы. Разворот — и пошагал прочь мой защитник, затесался в толпе. Упал за стол. Кивнул товарищу — живо организовались стопки, плеснули прозрачную.

— Ты как? Чет ты... не очень выглядишь, — заботливо прошептал мне Рожа. Обнял — поддаюсь, прижалась к брату.

— Да устала, — не вру. Носом уткнулась в шею, обняла в ответ.

— Че-то ты быстро, — неожиданно кто-то сзади. Обернулись — Валентин. Стукнул тот по плечу Федьку дружески, отчего мы оба даже невольно пошатнулись. Взор на наглеца — отвечает тем же: то на меня, то снова на Рогожина. Весело продолжил Мазуров: — Мы тебя до утра уже не ждали. Вон, — махнул рукой, — каких элитных тружениц тебе отфильтровали.

— Да ну их, — заржал смущенный Федор. — Хуже вашей «чупы» — думал сдохну.

Загоготал вокруг народ. Улыбнулась и я — но без особой радости, задора: в голове вовсе иные мысли. Украдкой взгляд на Мирашева — сидит опечаленный, грызет свой резиновый, местами подгорелый, шашлык и неохотно отвечает на какие-то вопросы собеседника...

Шумный вздох. Да уж... Федька. Вовремя ты. Не то слово... вовремя.

Глава 9. Мира

Глава 9. Мира

Приткнуться, опереться на балку-опору беседки... — и уставиться на Федьку, сидящего за столом, лишь иногда позволяя себе метнуть взгляд на его соседа (через одного)... который тоже, то и дело, не брезговал бегло жалить меня взором.

— Так че там... за тема, что, мол, на спор год не матерился? — послышался, различаю слова Рожи среди общего шума. Вперился тот на Мирашева, заливаясь смехом.

— О-о-о! Это да! — нагло вклинился Мазуров. — То еще было время! Как нас Мира изводил своими философско-этическими загибами!

— Так уж и изводил! — загоготал, давясь не то иронией, не то смущением Мирон. — Что уж там? Были молодыми — чудили, как могли...

— А то ты сейчас не чудишь, — заржал неожиданно Майоров (еще один друг-товарищ-брат Миры: Виктор, он же — Майор; плотно сбитый дядька: не человек — а целый шкаф; и, если верить внешности, то раза в два нас с Федькой по годам будет старше). Подошел ближе. Склонился над столом, схватил что-то с общей тарелки и принялся жевать.

— А ты че... как неприкаянный? — метнул на него удивленный взор Мирон. — Где бродил? Че-то давно тебя не видел. Думал, уже жена приехала — домой забрала.

— Ага, забрала... — коварно ухмыльнулся тот.

— И че тогда еще здесь? — едкое, подыгрывая.

— Да с бабой он был! — не выдержал кто-то и гаркнул, где-то сбоку.

— Цепкая попалась, — ядовито-озорная ухмылка Виктора. — Долго не отпускала.

— Водяра — зло, — гыгыкнул Мирашев.

— Да по*** на них! Ты лучше про спор расскажи! — нагло перебил их Рогожин, заливаясь хохотом.

— А, — ухмыльнулся Мирон. — Да... — Едва осознанно взгляд метнул на меня, а затем уставился на собеседника, Федьку. — Да ниче такого... особенного. Пospорили на здание. Один упрямый... «человечек» всё никак продавать мне его не хотел. Я уже и так к нему, и так. И бабла предлагал, раза в два выше реальной стоимости: по**й, сосите свой леденец на палочке и дальше. Ну, я и забил — другие дела есть. Да и варианты... — похуже, но не бедствуем... в этом плане. А через пару месяцев какие-то уроды сожгли эту его, усадьбу. Он ко мне — с ментами, с малявой: мотив, мол, возможности, отсутствие нормального алиби. Ну как... я-то, конечно, быстренько второе себе организовал — но не отвязались. В итоге, я сам потом этих упырей и нашел, привел — так и так: «Держи виноватых, только отъе*ись. Ментам не сдам, подтверждать не стану. Сам с ними — решай: че надумаешь, то и делай. Только с тебя теперь — руины твои погорелые, эдак подгоном в благодарность». Мне-то, на самом деле, этот дом и нах*р не вср*лся — всё равно под снос планировал. Но этот идиот — не пробивной, опять рогом уперся: не отдам, орет... мол, че хочешь делай, а не отдам, б***ь... "невеже" (до сих пор помню это его е**нутое слово). Ну да! Как же? Я же — дебил, отморозок, а тут же — мать ее, историческая ценность! Не оценю... всю красоту и важность по достоинству. П**дец, а я стою, смотрю: одни огарки торчат, а этот старик всё равно распинается, заливает мне про какую-то там значимость. В общем, dospорили до того — что заключили этот е**чий договор: я не матерюсь на людях год и не устраиваю попойки и

драки — и тогда он безвозмездно мне всё дарит. А типок-то видный был — многих знал... да и с ним самим приходилось еще долго разные вещи тереть, в разных областях работать, сталкиваться. Так что, если буду оступаться — большая вероятность, что сам перед ним спалюсь, или свои-чужие сдадут. Ну, короче, че? Идет, говорю. Пи**ец! Помню... как меня ломало! Прямо выворачивало наизнанку. Бесило всё до одури! Убить готов был всех. Особенно беда с лексиконом вышла. Я же тогда... мат-перемат, где надо и не надо (это сейчас — проще). А тогда — полный боекомплект: имелся и использовался по-стахановски. Пока телка мне одна не подсказала, филолог, мать ее, — рассмеялся вдруг, давась неловкостью, явно перебирая какие-то свои тяжелые, тайные мысли, воспоминания, — замену им найти. Ну, я и повелся.

— Ага, — вмиг заржал кто-то из толпы. — Помню, как первый раз нам свой «пюпитр разобранный» выдал — мы думали, сдохнем от смеха.

Гыгыкнул Мирон, но не прокомментировал.

— Слушай, а че там у тебя еще было? Такие перлы выдавал...

— Гладь поигранная, — тотчас отозвался Мазур.

— Ага, — заржал неожиданно Рожа. — Помню, как-то при мне такое выпалил — я думал, ослышался.

— Да... — скривился Мирон. — За год то еще набежало. До сих пор иногда лезут дурные варианты.

— А че еще было? — ухмыльнулся Федька, раззадоренный весельем.

— Че?.. — задумчиво протянул. — Б*я... ну вы вспомнили! Это лет десять назад было! Не помню...

Задумался Валик, перебирая варианты в голове, показательно при этом щелкая пальцами:

— Этот... как его?.. Ну, скажи мне — и я тебе скажу! — кивнул на Майорова.

— А баб как он называл! — заржал Виктор.

— А! Матрешки, зайчонки... и еще как-то...

— Мензурки, — любезно подсказал уже и сам Мирашев.

— Ага, — загоготал Валентин, — точно! Мензурка потресканная и матрешка подзаборная, но они как слышали — сильно обижались, с тех пор, помню, пошли одни только зайчики.

— Зайчонки, — учтиво поправил кто-то из ребят.

— Ну, б***ь, всё сдали! — гыгыкнул Мирон... взор около, а затем вдруг на меня. Подмигнул, огорошивая.

Вскинула я бровями и скривилась, жадно, отчаянно уже перебирая в голове воспоминания — как же меня-то он, гад редкостный, «величает»?!

— А, это! — враз вновь щелкнул пальцами Мазуров. — Маракуя ты моченая!

— Во-во! И «шагай по периметру отсюда быстро»... или «вали матрешек строгать».

— «Накую тебе ворота», «законтролить», «чешуя сомнительная»...

— «В пеший эротический поход»!

Заржал вдруг Мирон от такой словесной бойни.

Шумно вздохнув, хлопнул ладонями по коленям. Встал с места:

— Ладно вам, — скривился пристыженный. — Много из того — честно сп***ено у других "философов". И вообще, что было, то было... Главное, что дачу мне ту отдали. Снес я всё к буям собачьим — и построил там комплекс... очуетительный. И, так и быть, уважил

деда — сохранил старое название, и даже антураж. Лучше прежнего стало.

— Тогда, кстати, — сооротив умный вид, отозвался вдруг Майоров, — к нему Мира и приклеилось.

— А разве не от имени... или от фамилии? — отваживаюсь подать голос я, отчего тотчас Мирашев вздрогнул. Обернулся, бросил затею куда-то свалить. Глаза в глаза со мной. Уставились на меня и остальные.

Рассмеялся вдруг кто-то:

— У него Мира — от войны.

Невольно поежилась я.

— Ни от первого и ни от второго, — внезапно ответил, невольно перебивая предыдущего оратора, Мазуров.

— Как так? — взор учтиво перевела, устремила на Валентина, ведь мой прежний вопрос явно пах риторикой.

Улыбнулся как-то странно, загадочно мой собеседник:

— Это от... причитаний одного чудилы.

«Мира мне, мира!» — чуть ли не хором крикнуло, проскандировало несколько человек, и тотчас заржали всей толпой.

Удивленная, перевела я ошарашенный взгляд на Мирашева.

— Да не слушай их, — ухмыльнулся тот, но как-то непонятно, сдержано. Махнул рукой. — От обоих. Ладно, я сс*ть. Скоро буду, — вежливо прокомментировал свои планы... наш «блюстителю культуры».

Неспешно пройтись ближе к Федьке и присесть рядом на скамью.

— Че, устала стоять? — тихо кинул мне сквозь ухмылку брат. Попытка его разжевать кусок местами все же обгорелого мяса.

— Да так... А ты как с ними связался?

Пристыжено рассмеялся тотчас Рогожин:

— Лучше тебе не знать.

— Так, а че там за прикол, не знаешь? — сама же и перебиваю себя, его, явно палясь, что важнее, интереснее сейчас для меня.

Смущенно закусила губу. Спрятала взор от неловкости.

Но ответил:

— Да че?.. Скандал какой-то там жесткий был. Уникала одного щемил. Депутата. А того всё на странные речи тянуло. Такие финты выдавал — что аж уши вяли. А у Миры политика та еще: везде и со всеми воевать, пока всё под себя не подомнет. Но тут тяжело всё пошло — и решил на время уступить. А тот, с*ка, сразу подсуетился... к другим кинулся за защитой. И началась такая возня — третья мировая. Ну, Мирашев со своими людьми и нагнул всех. Положили без разбору. Хотел ублюдок мира — вот и получил его... где-то, на какой-то стройке, в бетоне. И с тех пор... Мира даже на временные перемирия не соглашается. Чуть что — сразу гасить.

— Ага, — внезапно послышалось где-то за нашими спинами — и тотчас навалился кто-то нам на плечи. Буквально щека к щеке со мной. Еще и ворочается, обдаёт дыханием кожу: — Хочешь мира — готовься к войне, — продолжил. Узнаю голос своего Мирона. — И потом... минус на минус... дает плюс, так что... что еще можно хотеть от меня?

Учтиво дернула я плечом, прогоняя «липучку». Поддался, выровнялся во весь рост. Испуганный взор устала на недовольного Рожу: скрепит зубами, но терпит. Вдруг взгляд

из-под лба метнул на меня — отвернулась в момент пристыжено.

Решаюсь сгладить, переиграть ситуацию. Ведусь на прежний разговор:

— А мир — это минус? — невольно беглый взор метнула на Мирашева (радуясь, что есть «легальный» повод очередной раз на него поглядеть): пошагал уже куда-то дальше, в темень. Разворачиваюсь целиком — дабы уловить его взглядом, убедиться, что слышал (и это спасибо, что вокруг уже более-менее тихо — разбрелись кто куда). Уселся на пенек у костра МIRON. Прикурил сигарету. Длинная затяжка, выдох. Руки невольно скрестил перед собой:

— Минус, — решает ответить. И опять затяжка... Выдох. Начал ковырять свои пальцы, сдирая кожу. Пристальный, задумчивый взгляд. Продолжил: — Для меня — минус, — откусил кусок непослушный и сплюнул на землю.

— А война — плюс? — не отступаю, цинично язвя, поражаясь логике.

Ухмыльнулся ядовито. Взор на меня. Глаза в глаза:

— Плюс. Она меня... — вдруг повел рукой около, — и всех здесь вас... кормит. Так что да — плюс.

— Война? — уточняю, излишне громко, искренне не веря своим ушам.

— Она родимая, она, — и снова вдох-выдох дымом. Пустил показательно, саркастически серое облако.

Отвернулась.

Вдруг шорох позади.

Но слишком странный, дабы угадать — предположить достоверно.

Оборачиваюсь — одна из «зайчонков» мигом прискакала к Мире и уселась ему на колени. Будто кто током меня шандарахнул — живо отвернулась я вновь. Беглый взор на Рожу — ответил тем же, а затем резво разворот — и взглянул на Мирона.

— О чем и речь, — вдруг тихо гаркнул Федька, но так, чтобы перекрыть чужие разговоры, чтобы услышала его я.

Скривилась. Смолчала. Отвернулась полностью к столу. А в груди — так и запекла обида, в горле задрала горечь.

Черти что... бред какой-то...

Спешно ухватила кусок хлеба и принялась позорно жевать, давясь жгучими, жуткими чувствами.

Придурок.

Глава 10. Литофания

Глава 10. Литофания

Наевшись до отвала и напившись до дурмана в голове — почти все свалили из-за стола. Столпились у костра. Мангал пошел почивать, а вместо него — огромная резная, судя по местным легендам, ручной работы... чаша для костра. Побольше дров — и сесть неровным кругом... кто с кем скооперировавшись, обнявшись. Я — с Федькой (как в старые, добрые былые времена), Ритка — с Мазуром... Мирон же — поначалу бродил по закоулкам, доставая всех своей злостью, а как еще немного навернул горячего — то и недалекими шуточками. Вновь плюхнулся на пенек, и к нему... учтиво всё тот же «зайчонок» прискакал, уселся, да лапки свои, заботливо обвив вокруг шеи, взвесил. То и дело, овца пыталась убаюкать этого паршивца своим изнеженным бляением, лаской, развратным елеем задурить, затуманить и без того... неясную, и не факт, что все же здоровую голову... не то хищника, не то уже жертвы.

Разговоры о всем — и ни о чем. Вместо гитары — магнитофон на всю катушку. Вместо столбового светила — свет от костра, а в "беседке" — свечи, керосиновая подвесная лампа и чей-то приемник-фонарь на аккумуляторе: бордовая бадейка приличного веса (у бати нашего тоже когда-то такая была).

— Че, Ник, спишь уже? — тихо прошептал мне на ухо Рожа, видя как глаза мои невольно слипаются, будто кто клея туда налил. Пристыжено заулыбалась: бросить всех — и свалить непонятно куда... одной, а главное — оторваться от своего горячо любимого Федьки — сродни прегрешению. Кошмару. Даже если... и не придется больше видеть омерзительной картины ласк Мирашева с беспардонной курицей.

— Не, всё нормально, — тихо смеюсь. — Некит всё выдержит.

— Да ладно! Некит? — вдруг раздался ядовитый смех где-то надо мной, отчего тотчас распахнула я широко веки, а от испуга... сон как рукой сняло. Мира.

— Ну, — рычу недовольно, ибо готова за спектакль «деда Мазая» — на этого гада кинуться и самолично удушить — хотя и глупые предьявы, знаю. Ничего не обещал, да и в пору бы его, вообще, ненавидеть. Но не могу: иной какой-то инстинкт, наверно, собственнический, сейчас вопил во мне, заливая сознание безрассудностью.

— Тот самый, что ли? — еще громче огорошил меня Мирон. — Рожа, че правда? Это и есть твой Некит? — кинул уже брату.

Обмерла я в непонимании. Застыла на миг.

А затем враз перевести, устремить полный изумления взор на Рогожина.

— Ну да, — ухмыльнулся тот.

Тотчас я расселась ровно, готовясь к чему-то... явно непростому. Нервическому.

— А че, че-то не так? — не выдерживаю. Грубо.

Яд вновь искажил беса тонкие уста:

— Так это ты... че ль, народ на районе строила? Завод грабонуть хотела? — загоготал в момент, гадина.

Обомлела я от удивления... от столь... "интимных" подробностей своего детства.

— Там всего-то кольца, куски мусора, взять пытались. И не строила — а в обиду себя и друзей своих не давала.

— Да ладно, — вдруг вклинился уже другой голос. Оборачиваюсь — Мазуров. Шаги ближе (не отстаёт от него и Ритка, семенит следом). — Не врете? — и тоже рассмеялся.

— Ну так, — вмиг всовывает свои пять копеек Рогожина Младшая. — Их даже некоторые двойняшками считали. С виду — тот ещё пацан. Та оторва. И вообще, за "недоразвитость" её не раз со школы хотели выгнать, вместе с этим, — кивнула на Федьку. — Те ещё циркачи: если не побьют кого, то обязательно что-то сломают или спалят. Батя на лапу только и успевал давать, чтобы на них то заяву не катали, то так... до конца голову не отбили злые дяденьки.

— Зато ты... примером для подражания выросла, — гаркнула я злобно и отвернулась, дабы не заматериться в лицо.

— Ладно, понятно всё, — резво перебил нас Мира. — Теперь многое стало на свои места. Хотя... никогда не мог бы подумать, что все те рассказы про вас... с сеструхой, а не...

— Рожа, ты идёшь спать? — рывкаю на Федьку, хотя зло... хочется выплеснуть явно в иное лицо. Резво встаю с колен брата.

— Ам... да, — замялся от удивления тот. Но миг — и подчиняется. Поравнялся рядом.

— Куда? — тотчас раздалось девичье пронзительной обидой, где-то в стороне, неподалеку от нас. — А мы?! — наигранно-соблазнительное.

Ещё миг — и сами смело окружили, обступили Рогожина. Мотыльки слетелись на свет. Заржал, смущенный, Федька.

— Опа... как вас... опять много, — ухмыльнулся сам себе под нос и обнял двоих, невольно прикипев взором к парочке четвертого...

— Именно, — выпалила та самая обладательница вожаденного. — Просто так не отпустим!

Захихикали вместе с ней и прочие барышни.

Живо обхватили моего Федьку за шею и потащили к себе в толпу.

Заржал ещё громче "Кавалер", краснея всю от неловкости. Заметал взволнованный взор то на меня, то на них, притормаживая, отчаянно сопротивляясь:

— Ник... я... — пытается обернуться, взглянуть на меня нормально, узреть целиком.

— Да вали уже! — рассмеялась я и махнула в его сторону рукой. — Герой-любownik.

Скрылись, утащили его куда-то на сеновал хохотуны.

Тихо улыбнулась я сама себе под нос. Уставила глаза вслед сбежавшим уже в сени Ритке с Валиком, повести взглядом задумчиво около — на рассредоточенную толпу... иных гостей сего "торжества", в поисках чего-то такого, али кого-то такого... но зачем — и самой не понятно. Он же — урод, придурок, неадекват, грубиян и бабник. Ненавидеть. НЕНАВИДЕТЬ я его должна!

Но не получается...

Идиотка.

...нет его, где-то делся. Будто ветер — вечно где-то шатается неприкаянный.

Чудило какой-то... То обнимал... словно родную, заботу, нежность проявлял, такой спектакль мой... выдержал, а теперь... и ненужная вовсе. Али... какой-то настойчивый "зайчонок"... всё же уволок его: куда более смелый, сговорчивый, нежели я — дура фригидная, у которой полная голова тараканов, страхов и фырканий.

Черти что...

Ну и пошел ты! Казанова хр*нов.

Шаги поспешно в дом.

Только куда свою тушу приткнуть-то на ночь?

В голове дурман... (хотя, вроде еще могу трезво, временами, мыслить), но готова уже прямо здесь, на пороге, упасть и дрыхнуть.

Пройтись через мелкие смежные, с закоулками, комнаты — и выйти в общую залу. Диваны, кровати... на полу уже раскинулось пару мужчин на матрасах. Некоторые — даже и не одни... утопая в бесстыдно-откровенных лобзаниях.

Приглушенный свет, легкий переполох — но в основном уже многие определили: кто, где и с кем...

Диван у окна — еще свободен. У изголовья — кровать, но та уж совсем заныканая за грубой. Ночью если кто пристанет — точно не увидят и не спасут, если тот залепит рот или еще чего, накачает чем.

Диван — так диван.

Взять с кровати плед, одну из подушек — и уместиться более-менее ближе ко входу, на виду. Но вторая-то половина моего ложа свободна — лишь бы никто лишний не приклеился. Усердно состроить вид, что сплю...

И пока я тонула в странных, сумасбродных, пьяных мыслях-переживаниях, вариациях грозного будущего, как вмиг прогнулся рядом со мной диван, и в подтверждение ощущений — характерный скрип пружин. Резво обернулась.

Какой-то малознакомый... имя его даже не удосужилась запомнить.

— Че надо? — рявкнула машинально.

... началось.

— Свободно? — соблазнительно-загадочно; томный, прищуренный взгляд.

Но только яд скопился на кончике моего языка, дабы сплюнуть в нахала, как тотчас громом. Гневное. Борзо:

— СВАЛИЛ! — узнаю голос, от радости сердце сильнее сжалось.

Рожа.

— Ты че? С сеструхой, что ли? — опешил "кавалер".

— НА Х*Й! — тираном. — Че не понятно?! — бешеным ревом, яростно выпучив глаза.

Скривился еще больше от удивления "товарищ-кобель". Поморщился.

— Бывает... — растеряно.

Подчинился, сполз с дивана. Выровнялся. Шаги куда-то в полумрак.

— В смысле? А че ты здесь? — удивляюсь уже и я.

— Подушкой делись, — грозный вид, но миг — и вдруг заулыбался.

— Чет ты быстро... Или не понравилось? — поддаюсь, ложу на средину общий трофей. Ржу ехидно.

Забрался под покрывало:

— Почему же?.. Просто хорошо знают свое дело. А долго рассусоливать — нет сил. Не сегодня.

Живо забросил на меня руку, обняв; нос уткнул в подушку; закрыл глаза — и принялся нагло сопеть — дрыхнуть.

— А че ко мне-то? По утру бы продолжение... не? Или они там только разовые? Сразу рвутся-лопаются? — захихикала ехидно.

— Спи, философ, — гаркнул злобно, даже не отрываясь от прежнего занятия. — Че-то ты... слишком умная стала... да на такие темы. Не доверяю я... этим, что тут... Вон, уже одного недо-хищника прогнал: не хочу, чтоб пока я там тех, эти тебя — тут. Хватит с

Рогожиных и одной шляхи.

Окаменела я от заявленного.

Молчит, сопит. Искусно строит вид спящего.

Нервически сглотнула слюну.

Еще миг — и решаюсь. Поддаюсь. Легла рядом, провернулась. К нему спиной — как обычно, как раньше — отчего тот сильнее меня обнял, прижал к себе, зарывшись носом в волосы.

Тягучие, жуткие минуты сомнений, страха... волнения — и отваживаюсь на жуткое. Шепотом, дабы остальные не слышали:

— И давно знаешь?

— Про что? — не сразу... спустя долгие мгновения, но поддается на мое незримое давление, выжидание — напряжение.

— Про Ритку...

И снова жуткая, жгучая тишина — страшно было... осознавать, что столь болезненная тема всё же... была донесена до него. И не мной. Без подготовки... и, наверняка, в самых ярких красках.

— Давно, — выстрелом. — Несколько лет уже. Еще как только у нас там стала... отжигать, — и снова палящая пауза. — Но че я мог поделаться? ЧЕ? Своим сказал — стороной стали обходить, не вестись... на "щедрые предложения". А дальше? Я ж не царь, и не Бог. Это бате надо предьяву давать, а не мне. Это он все время за нее заступался... не давал ей мозги вправлять. Всё на мне ремнем железную дорогу рисовал, а ее — только по головке гладил. Вот и получите, распишитесь. Хотя... — вдруг заржал, — всё равно она — хорошая, а я — урод. И видеть меня в своем доме не хочет. Ну и пожалуйста... Не больно-то и хотелось.

— Ну, не то что бы... — несмело, пристыжено.

— Вот не надо! — резво отдернул, гаркнул грубо — излишне громко, но тотчас осекся. Проворачиваюсь в его хватке. Лицом к лицу — немного отстраняюсь на расстояние фокуса (едва с подушки уже не падая). Продолжил: — Ты хоть... по ушам не езд. Всё я уже понял. Два раза повторять не надо. В отличие от тебя, Ритка никогда не брезговала правду мне в лицо плевать.

— Гадкую правду, — обижено надула я губы, пытаюсь себя оправдать, ведь тоже ложь не приемлю, особенно относительно Федьки.

— Гадкую, — повторил и вдруг заулыбался. — На другую она ж не способна. Как там Мира любитель выразиться, а иначе — моветон для нее будет.

— Не комильфо, — тихо рассмеялась я.

— Да че с нее взять? — шумно вздохнул. — С детства как была тупой овцой, так и осталась — разве что всё только усугубилось. Баба — она и есть баба. Че от нее ожидать?

— А я — не баба? — захохотала возмущенная. Облокотилась, подперла голову рукой. Взор на брата.

Черт... словно и не было этих пяти лет. Не было ни размолвок, ни обид... ни ненависти.

Только что в лице изменился. А так — по-прежнему... мой любимый Федька, хоть и странные речи ведет.

Растянул уста в своей добродушной, широкой, смущенной улыбке:

— А ты — Некит. Был и будешь.

— Ты... каким-то женоненавистником прям стал, — задумчиво протянула я. Разлеглась

вновь. Нос к носу. Бурим временами расфокусированным взглядом друг друга.

Улыбается загадочно, смущенно.

Но еще миг — и решается на то, что так долго... видимо, глодало его, но на что все никак не отваживался, на смелое, болезненное откровение:

— Че там Инка?.. Говорят, — палящая пауза... перед выстрелом в самого себя, — замуж вышла? Родила?

— Ох, Рожа... — горько вздохнула я. Зажмурилась, дабы не видеть его эти... полные разочарования и боли глаза. — Инка... — немного помолчала. — Забудь ты уже ее... Всё равно разные вы очень были. Да и не такая уж любовь... между вами была. Сам знаешь... и видишь. Главное, что... сразу правду, в лоб сказала: «Ждать не буду, и ты не жди». Не каждая так сможет... Тем более зная твой, временами, пылкий нрав.

Хмыкнул тихо. Вмиг распахнула веки я. Взор на брата: задумчивый, бесцельный взгляд метал тот около.

— Один ты... мой вечный ждун, — заржал неожиданно. Глаза в глаза со мной, осознанно.

Тотчас от стыда запылали мои щеки. Спрятала очи я.

— Который ни разу так и не написал... тебе, — рублю сама себе голову. А что? Некуда бежать. Всё равно... когда-то этот разговор... да состоится.

Смолчал.

Решаюсь продолжить — покаяться:

— Для меня... мне казалось, — невольно запнулась я, — лучше бы меня там закрыли. Не знаю... — замерла, подбирая слова. Вдох-выдох — и как на духу: — Сначала я тебя ненавидела. Винила во всем. Ни видеть, ни слышать не хотела — проще... перечеркнуть всё, чем... — малодушно застыла в жгучей паузе. — Не то, чтобы разбираться... копать. Нет. Осознавать всё. Переживать всё. Боль принимать. Проще — засунуть всё... в дальний угол — и не думать. Жить... не зная. Хотя тоже... в итоге, так не смогла. Ты тогда написал — а я.... Я прочла, но порвала и выбросила. Вернее... Выбросила, потом откопала в мусоре — прочла. Ну и... В общем, а после — после... уже было поздно что-то... тебе писать. Менять. Не знаю. Я... стала себя ненавидеть. Почему-то мне стало казаться... что это — моя вина. Что я не углядела, не упросила... Не настояла. Что тогда... когда ты променял меня на всех этих...

— Никого я не менял, — резвое, грубое, перебивая.

Игнорирую (шумно сглотнув слюну):

— Променял, — глаза в глаза. — Я понимаю... вернее, догадываюсь о твоих доводах... Почему, но... Променял, Федь. Променял. Ту... нашу жизнь. Пусть и безбашенную несерьезную... глупую, но променял... — колкая тишина. — Мы хотели повзрослеть, но каждый по-своему. И каждый не угадал...

— А ты-то че хоть? — удивленно.

Пристыжено опустила очи.

— Вроде... у тебя как раз таки получилось: вон... какой красавицей стала, проходу не дают; учеба, съемная хата.

— Только не надо... про "светлое будущее", — сама от себя не ожидала, как рывкнула. На глазах заблестели слезы. Взоры схлестнулись. Черт... и надо же что-то ответить. Но... — Федь... ты знаешь меня, как облупленную. Разве это я?

Скривился вдруг. Нежная добрая улыбка:

— Не знаю, но мне нравится, — внезапно потянулся ко мне рукой, ухватил прядь волос и перебрал, распушил, выпустил небрежно. — Ты была и всегда будешь моим Некитом, просто... немного женственным, — ухмыльнулся.

— Дурак, что ли. Причем тут это? Я в общем... Я не знаю, кто я. Чего хочу. Куда иду. Но всё это, что есть — не мое. Хоть и, вроде, приличное.

— Ну, а что еще надо? Как я? — скривился. — Думаешь, я там веселился? Столько времени вср*л. И всё только хуже стало. Если бы не пацаны — сейчас бы нищепродом где-то подался. Ни работы, ни дома. Ничего.

— У тебя есть я.

— Ага, — съязвил. Шумный вздох. Вдруг перевернулся на спину. Потер раздраженно лицо ладонями. — Ник. Не чуди, а. Наши дороги — разные, — и вдруг взор на меня. — Этс я, идиот, сразу тебя в д*рьмо втащил. И до сих пор не отпускаю. Так что я... даже не обиделся. Всё понимаю. Не писала — и не писала. Двигалась дальше. А содержать. Ну, Ник Ну... как я мог иначе? Закончил бы свой ПТУ — дальше куда? На завод? И то, если бы взяли.

— Ну, теперь уж точно не возьмут.

— Тем более... — перебил, — не надо было и сюда тебя брать. Не твое это. Пошла вперед — иди, не оборачивайся. Не пропаду. А смогу когда подсобить чем — всегда буду рад.

— А мне нельзя? Так теперь братья поступают? — поражаюсь его мышлению.

Враз облокотился, подпер голову рукой. Взор мне в очи:

— Ну, какой ты мне брат, Ник? Глянь какие сиськи выросли, — вмиг потянулся к пледу и попытался опустить его.

— Отвали, придурок! — заржала тотчас, рьяней прижимая к себе покрывало. Хоть и в толстовке — а все равно, идиот, засмущал.

Загоготал и тот в ответ — как раньше, когда меня пытался доставать моей "девчачестью", слабостью, разницей между нами, а я глупо, наивно, отчаянно доказывала обратное, отстаивала свое положение ровни.

Разлегся вновь на подушке:

— Ты — баба, и этим всем сказано. Должна думать о доме, о семье... а не... Мордобой и прочее — оставь нам, дуболомам и грубиянам.

Смеюсь.

— Ба... — удивленно, перевернулась я набок. — Чет совсем недавно ты иное пел.

— Когда? — искренне изумился. Глаза в глаза.

— Когда Ритку обсуждали.

— Не сравнивай. Это разные понятия. Ты — девушка, а она — шалава, шкура галимая, — рявкнул злобно, но тотчас сдержался. Отвернулся. Вновь разлегся на спине. Взгляд в потолок. Шумный вздох: — И не напоминай мне больше о ней. Ни видеть, ни слышать не хочу. Пусть вон... едет домой и там тусуется, позорит их, а не меня.

— О! — возмущенно. — Второго батю чую, — недовольно.

— Че? — резво метнул на меня взор.

Игнорирую. Последовала примеру. Разлеглась на подушке:

— Ниче... спи давай.

— А ты что, за нее заступаться решила? — удивленно, не сбавляет оборотов.

— Пока она меня не трогает — и я ее не трогаю. Лишь бы нас двоих стороной обходила.

— Ну так... и я о чем.

— Федь, — проворачиваюсь. Взгляд в лицо Рогожину. — Но она твоя сестра... родная.

— Ты моя — родная. А она — ошибка.

— Все мы — ошибки. Каждый по-своему. И что теперь?

— Надо честь знать, и башку на плечах иметь, а не...

— А мы имели? Такими же придурками были, только свои, иные концерты строя.

— Но поумнели.

— Ага. Как жизнь отхлестала — так и поумнели. Вот и ее. Придет время — наплачется

— и остепенится.

— Да поздно будет. И так... полгорода уже в ней... побывало.

— А ты свечку держал?

— Че?

— Ниче. И вообще, это ее дело.

И снова отвернулась. Чую... как странное чувство во мне заиграло. Ведь... по сути, я чем-то схожа на нее. Меня так само разово натянули... и бросили, как мерзкую шваль. Так что... чем я лучше нее? Не так много, но... Может, и ее кто там... и просто... она сломалась? Кто же скажет...

— Я чет не знаю, или че? — внезапно. Резво. Привстал.

Отвечаю взглядом: глаза в глаза.

Невольно испугалась. Но еще миг — и тая в его добрых озерах, невольно заржала этой излишней его серьезности, грозности. Как же я отвыкла от злюки-Рожи. Даже забавно.

— Нет, — смеюсь. — Спи. Чиста и невинна, как дитя, — лгу... довольно искусно. — Не переживай... Вся моя парадигма чести... со мной.

Глава 11. Переменный ток. Напряжение

Глава 11. Переменный ток. Напряжение

Не знаю, сколько времени прошло, как мы с Рожей стихли, но Федька уже с радостью принялся делиться размышлениями с Морфеем. А вот мне так не свезло: всё еще отчаянно бродила думами неприкаянной в полудреме, и даже алкоголь не спасал... От хорошей эмоциональной встряски за день, переживаний, волнения из-за двух ярких встреч, которое до сих пор осколками по венам шаркалось, так и не смогла уснуть.

Скрип двери. Тихие, неуверенные шаги — и дрогнула, запищала пружинами у наших голов кровать (та сама, что за грубой). Расселся, давясь какими-то, судя по всему, не менее тяжелыми, нежели мои, мыслями, "ночной гость". Шумно вздохнул, вдруг странное, излишне усердное движение — отчего невольно поддаюсь я интересу: устремляю на него взор, но не дает даже ничего толком увидеть, рассмотреть, как тотчас нечто огромное, белое, одутлое влетает в меня. Тихий смех.

— Какого?.. — злобно гаркнула я. Подушка, отлично вписавшаяся мне в лицо. Отбросить гадкую прочь, гневный взгляд обрушить на ненормального: Мирон. Сидит, ржет, давится язвой, потешаясь моим разоблачением.

— Ты больной, что ли? — рычу, но уже более сдержано, дабы никого не разбудить. Повезло, что хоть Рожа не проснулся.

— А че вы... теснитесь? Бедные, несчастные... словно сиротки...

Скривилась я от раздражения.

— А ты как? — киваю на голую кровать: одна перина, простынь да одеяло.

Еще шире его ухмылка:

— Какая забота... И не такое проходили.

Неожиданно скомкал одеяло — и уместился сверху. Руку под голову. Взор на меня, все еще застывшую в удивлении:

— И че? Я тебе спасибо должна сказать? — рычу, хотя и уже позорно проклевывается на устах улыбка.

— А ты умеешь? — ржет (едва слышно).

— Да иди ты, — рассмеялась и я в ответ. Уложила сбоку от (теперь уже) Федькиной "свою" подушку — и улеглась сверху. Миг — и позорно сдаюсь: задираю голову вверх. Взор на своего благодетеля: все еще улыбается, гадина.

— Че? — не выдерживаю.

— Ниче, — тихо хохочет. — Че такая злая?

И снова скрип двери. Живо отворачиваюсь. Замираю, строя вид спящей.

Тихие, робкие шаги — и опять в нашу сторону.

Застыл кто-то у кровати. Позорно уступаю интересу — распахиваю веки: Зайчонок (тот самый, что не есть, итить ее налево).

— Че? — внезапно удивленно-грубое Мирашева ей.

— Я к тебе, — тихое, мерзко-кокетливое хихиканье. Движение, шорох — и запищала обиженно кровать.

— Куда? Не видишь, на одного? — недовольное. Хотя, судя по всему, не очень-то... категоричное.

Ведь шепот становится еще тише, интимней... соблазнительней. А кровать — пиццать куда усерднее от аляповатых движений ее захватчиков.

— Слушай. Не надо, а...

— Я тихо. Никто и не узнает.

— Я узнаю, — грубо, но сдержано. — Не хочу.

Тихий смех. Визгнула змейка.

— Я же чувствую, вижу, что хочешь. Расслабься, котик... Ты же знаешь, я сама всё сделаю. Главное — доверься...

— Да б***ь! — бешеное. Резвые движения. Переполох, отчего та (судя по внезапному вскрику) чуть не упала. Жуткий скрип, стук.

— Ты куда? — обиженное, врасстяжку.

Не ответил. Неуклюжий, но стремительный, уверенный ход прочь.

Буквально секунды — сорвалась и эта курица за ним, да так поспешно, что кого-то (кто на полу, на матрасе, спал) даже умудрилась задеть — замычал, засопел, заматерился несчастный себе под нос, но тут же благополучно опять уснул...

Минуты тикали, а напряжение в моем сознании росло по шальной экспоненте. Мысли, догадки... гипотезы просто взрывали мозг. Сжималось от странных чувств сердце. Гордость, самолюбие... подбитой вороной, неужто это вы в столь странную, безумную игру со мной сыграть решили?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Чerti что.

КТО? Мира!

Дался он мне... Век не видела... и еще столько бы.

Гневно выругаться себе под нос, приподняться в постели. Взор около — спят, сопят — тихо вокруг.

"А, гори оно синим пламенем!" — живо подрываюсь, на край — встаю. Нашла где-то там свои "кроссы", обула, как смогла, — и пошаркала на выход.

— Ты куда? — неожиданно заспанное, хрипкое мне в спину... Федьки.

Обмерла пристыжено я, полуоборот:

— В туалет. Спи! Сейчас буду.

— Провести? — трет глаза несчастный.

Невольно улыбаюсь я этой его заботе:

— Не дури голову! Знаю где — сама найду...

— Да я не... — перебивает.

Отчего и я тут же его пресекаю:

— Да поняла! Спи! Не пять лет — справлюсь.

Не дожидаясь очередных словесных выпадов — быстро за дверь.

Черт... еще и сушняк нехилый давит. Рановато как-то... али уже пора?

По памяти вырулить к кухне (в доме которая). Только хотела пнуть дверь, как тотчас узнаю голос: еще бы... — Мирон.

— Слушай, ну че ты пристала... тебе мужиков мало?

— Из-за нее, да?

— Че? — удивленно-злое. Но затем резко — лживый смех. — Ты о ком?

— А то я дура, да? Сам знаешь о ком...

Жгучая, палящая тишина.

Вдруг шум, стук... приближающиеся шаги.

Отчего резко кидаюсь я в сторону. За порог — в сени, а там и на выход.

Пройтись по двору.

Замереть под яблоней, прячась в ее темени от лишнего внимания.

Присела на скамью.

«Мать твою**! А холодно уже ночами!»

Невольно обхватила себя за плечи руками в тщетной попытке согреться.

Надо было и куртку брать. Хотя, кто ж знал? Днем так вообще духотень стоит — порой и в толстовке жарко.

А че я вообще выперлась? Что хотела? Что-то ж хотела... Но что?

Вот я овца... склерозная! Ну да ладно.

Мирон всю голову задурил.

Одного не пойму, если разговор... был обо мне, тогда почему... со мной-то телится?

Бред какой-то...

Черт! А может, я много на себя беру?

Так чисто... флирт, а где-то там... за пределами этой горе-дачи... есть та, которая заставляет его сердце биться чаще? Или... что иное пульсировать в вожделении. Мл*ть! Зайчонок... от тебя одна пошлость в голове, и картины... странные, полные предположений: что ты там с ним творила, что хотела... что уже получила — и с чем отказал.

Идиоты! Они, я!

Хр*н с вами!

Сходить в туалет — и спать. Точно! В туалет...

...совсем дурой стала.

В сторону огорода. Несмело открыла перекошенную деревянную калитку — и свернула налево. Даже свет Луны не особо спасал. Едва ли не на ощупь пыталась добраться до дощатого сортира. Что будет дальше — мне самой уже жутко. Главное, не провалиться... а то буду, как та девочка из лагеря — "легенда Интернета": и смех и грех...

Черт! Мать твою... то ли яблоко гнилое, то ли кто-то не успел, али не рискнул. Проехалась, поскользнулась — но не упала.

Держись, Некит! ДЕРЖИСЬ!

А то точно... на веки вечные западешь Мирону в сознание... вот только не как красавица, а как колоритное... пахучее чудовище.

Еще немного, еще рывок — и вот оно... пугающее бездной жути, сооружение...

Удача. Хотя в этом везение было на моей стороне.

Наивная. Не успела и пары шагов сделать от местной "усыпальницы", как тотчас едва ли Богу душу не отдала — дюжее, двухметровое пьяное чудовище до чертиков напугало. Почти сразу и признала — Майоров. Стоит, улыбается, разведя руки в стороны:

— По такой темени — и одна бродим. Чего так?

Пытаюсь увильнуть, но большие ручища, как и размах объятий, явно не дают свершить "глупость".

— Ты куда?

— Спать...

— Ну... а я?

— Что ты? — тихо (лживо) смеюсь, пытаюсь отшутиться, ослабить бдительность — и все же удрать. — К жене своей иди.

— Ну... — обижено протянул. — К ней я всегда успею. Ни-ик... ну, куда ты... Глянь! — Крепко сжал меня одной рукой за талию, притискивая к себе, а второй повел около: — сколько звезд, а Месяц как светит! Романтика! Лето...

— Так-то уже сентябрь, — заливаюсь иронией.

— Да куда там? Как тепло! И еще зелено! А запах, запах ночи-то какой! Чувствуешь?!

— Ага, сортира, — ржу.

— Ну... блин... Че ты? — качнул разочарованно головой. Глаза в глаза. — Ну... пошли погуляем?

— Вить... — сдержано, добро. Упрашивая. — Иди спать... а.

— С тобой, — загоготал, — пойду.

Сжал сильнее в своей стальной хватке.

Пристальная борьба взглядов.

Скривилась я невольно — но то ли и не видно, то ли все равно. Миг — и враз стал приближаться к моим губам своими.

Тотчас моя отчаянная попытка вырваться, оттолкнуть.

— Не надо! — отворачиваюсь.

— Ну, зайчонок... Ты чего?

Аж полосонуло по сердцу. Отчего движения мои стали куда стремительнее, напористее. Грубыми, злыми.

— ОТПУСТИ! — дерзко.

— Ласточка... ну не сопротивляйся.

Лезет со своими слюнями ко мне, душа заодно жутким амбре.

Морщусь, рычу. Попытка заехать по его тестикулам — но идиотично вышло, тщетно.

— Я же добрый, ласковый... ты чего? Тебе понравится... обещаю. Ни одна не жаловалась.

— МАЙОРОВ! — едва ли уже не ором. — ОТВАЛИ!

— Маленькая моя... — скатились лобзания по шее.

Мерзко, жутко... убивающе. Совокупляясь с прошлым — до визга, до помутнения изводит.

— Тебе Рोजа не простит! — рычу на ухо, ногтями своими сгрызанными пытаюсь вонзиться в кожу и хоть немного как-то того отрезвить.

— А мы ему не скажем... — шепчет заговором в ответ.

— Я тебе в дочь гожусь, не смущает?

— Ни капли... — и снова лезет своими противными губами к моим.

С*кин сын... остается лишь визжать — и позорить себя на всю... или...

Ва-банк.

— Ну, смотри. Сам потом перед Мирой отвечать будешь.

Обмер тотчас. Рука сплыла с моей груди ниже. Немного отстранился:

— За что? — грубо.

— А то не видно.

— Не понял... — заморгал нервно, — а вы че?

— Все ты понял, — вполне серьезно, грубым рыком, а в душе уже ком страха ежом

ворочается: если где палку перегну или не туда сверну (ведь это его друг, едва ли не брат), то узнает, поймет, что заливаю. — И не думаю, что его обрадует то, что тебе досталось... раньше, чем ему.

— А Рожа ж... — растеряно, явно пытаюсь докопаться, наковырять, что вру.

— А то Мирашеву Федькино слово помеха.

— Так он же... эту сейчас.

— Много, не мало, да? — язвлю, лживо (едва не плача) улыбаясь. А в горле дерет обида. Но хватка ослабла, невольно руки поползли вниз убудка. — Только молчок, хорошо? — ухмыляюсь, шаловливо приставив палец к губам. Играть, так играть... даже если и клоуну смертельно больно.

Скривился вдруг, ядовито ухмыляясь:

— Ай-да... Рогожины. Одна лучше другой.

Усмехнулась и я:

— Не мы... жизнь такая.

Разворот — и живо пошагала прочь. За калитку — и по тропинке, к дому, срываясь на бег.

А в голове грохочут слова Майорова: а что... если прав. Не лучше я Ритки. Нет... Веди сама... "водичка", "туалет"... а на самом деле...

Черт! Мать в*шу!

Протиснутся в сени, к кухне — и обмереть, словно после выстрела.

Жесткий, будто кто розгами до кости стеганул, пронзительный... сладострастный женский стон из-за двери.

С*ка...

Позорные слезы вмиг подступили к глазам.

Мира-Мира... Сволочь ты... Кобель бездушный. Кобель похотливый.

Шумный, глубокий вдох, дабы сдержать слабость, чувства — и резвый разворот, прочь. Убраться прочь на**й отсюда.

Но шаг на ощупь — и буквально едва с ног кого-то не сбила. Не слышала и шорох, как кто-то сюда за мной зашел. Испуганно поднимаю взор — за пеленой, за дрожащим стеклом слез едва могу четко осознать, кого вижу, но ядовитую змеюку сложно с чем-то перепутать. Еще миг, взмах — и помчали позорные соленые потоки по щекам.

— Ты чего? — гыгыкнул мой Супостат.

И вдруг снова... пронзительный, вожденный стон, которому несмело свторил мужской.

— А, — вмиг просиял Мирон. Заржал. Закинул вдруг что-то в рот, что держал в руках, и принялся показательно, комично жевать. Еще ход жвал — и широко заулыбался. Махнул рукой в сторону закрытой двери кухни: — Извращуга, да?.. Нравится?

И сама не поняла, как решилась... Живо кинулась, обхватила его за шею и впилась больным, полным горечи и обиды, страха... непонятной жажды, поцелуем в губы. Мой Мира — мой... и только мой!

Окаменел в растерянности. Не шевелится. Даже улыбка умерла. Строгий. Серьезный. Ошарашенный. Отчего тотчас реагирую я — испуганно отступаю со своим жутким, глупым, мерзким нападением, сгорая уже всю от стыда.

Но едва попыталась отстраниться от него, как тотчас движение рукой (выкинул куда-то в сторону то, что держал), и в момент обеими обхватил, сжал крепко меня в своих объятиях.

Жгучим, будто огнем, будто пламенем нещадным, припал поцелуем к моим губам. Колючая мелкая щетина, запах алкоголя и сигарет вперемишку с прочим, запах мужского парфюма — всё это впервые завладело мной, охватило сполна, не вызвав отвращения, отрицания... Океан откровенно пошлого, запретного, неправильного... но впервые мною допустимого, приемлемого... более того — возделенного... накрыло меня с головой и утащило на самое дно.

Прибил к стене. Жадное скольжение рук по телу, пробираясь под свитер. Не сопротивляюсь. Как никогда... впервые... я готова, согласна на все. Я хочу... все.

Сжал меня, отчего позорный стон подступил к горлу — едва сдержалась. И снова поцелуи, ласка... что волнами меня охватывала, зарождала внутри новый ком... коконом заботливым обволакивающий страх... а после — разжигал все это... добела. Внизу живота сжались мышцы... Странное, непривычное... тепло, чувство, рождающее целую цепочку, вереницу иных желаний... нужды... его касаний... везде, где только захочет, где я захочу. Никогда не думала... что телесные ласки, мужское внимание... может доставить столько удовольствия... мне, дефектной. Туманя, дурманя голову, срывая с катушек... Что уже я не — я... и готова на многое, если... не на всё.

Поцелуй в шею, в ухо — и вдруг сдвинул меня немного вбок, еще давление-напутствие и усадил на какой-то выступ — поддаюсь. И снова игра рук. Его, мои — инстинкты брали свое... вторя ощущениям, сценарию... грез и желаний.

Резво пробрался к моим джинсам — взвизгнула змейка. Дернулась я невольно, но тотчас осеклась. Страх. Как и прошлое... Я буду сильнее вас.

Нет больше ничего, кроме меня... и Мирона. Нет... и не было.

Глаза в глаза. И снова эта его ухмылка, которую... казалось, я готова уже боготворить. Ничего красивее, манящее никогда не видела в жизни.

— Уверенна? — внезапно, околдовывающим шепотом.

Облизала губы, улыбнулась коварно, вторя ему — притворством кроя трусость:

— Нет, — едкое, откровенно саркастическое (но не лгу).

Вмиг... как по команде, давась смехом, припал ко мне. Руками забрался под футболку, толкнул лиф вверх — и сжал дерзко, властно, до откровенной боли мою грудь. И что странное — мне это нравилось, хотелось еще — и он давал... давал всё, будто читая мысли. Ладонью скользнул, пробуя, наслаждаясь ощущением твердых сосков. Задрал стремительно одежды вверх — и припал губами запретному. Не выдержала — застонала громко, явно уже капитулируя перед ним. Позорно запульсировало внизу живота, вызывая к продолжению, к разврату... К чему-то древнему, естественному... что многим вручено как дань, как норма, как наслаждение, а мне всучено — в извращенной форме. И то ли праведно оно, то ли грешно... И то, что было — и вместе с тем... понятия не имею, о чем идет речь.

После того уroda — Он, Мира будет моим... первым.

Скользнул руками к штанам, проник под белье, сжал ягодицы.

Сердце мое еще отчаяннее заколотилось. Еще немного... еще чуток — и я пересеку черту. Я стану его. И либо облажаюсь... как везде и во всем, либо... буду хоть немного ему интересна, достойна.

Вдруг какой-то стук, где-то вдалеке. А затем... и вовсе рык двери. Нервно дернулась я в Мирона хватке, ловя взглядом угрозу.

— КАКОГО Х*Я?! — бешеное, звериное, оскалом.

Глава 12. Finita la commedia. Al dente

Глава 12. Finita la commedia. Al dente

Вдруг какой-то стук, где-то вдалеке. А затем... и вовсе рык двери. Нервно дернулась в Мирона хватке, ловя взором угрозу.

— КАКОГО Х*Я?! — бешеное, звериное, оскалом.

Сжалась я от ужаса.

Не успел или не захотел среагировать пьяный Миращев — а потому силой его оттащил от меня Рожа. Правый боковой в челюсть — попятился тотчас Мира.

Живо спрыгиваю (с какой-то бочки) я.

— Ты че, б***ь?! — дико взревел возмущенный Мирон.

Поправила на автомате одежду (заметил Рожа, узрел, как я усердно пыталась опустить лиф).

— Ах, ты с*ка! — резво кинулся, окончательно слетев с катушек, на него Федор.

— Успокойтесь! — завизжала я, влетев вперед, между ними. Попытка разнять их. — Ниче не было!

— СТОЯТЬ, Б***Ь! — рычу уже в рожу Мире.

Опешил на миг, сдержался. Больные, ярые взгляды заметал то мне за спину, то на меня. Шумные вздохи.

— Успокойся, прошу, — уже более сдержано, уговором. — И ты, — разворачиваюсь я к Роже. — Не было ниче! — вновь повторяю, рычу.

Но словно током его прошибло — передернуло. Скатился и мой взгляд вниз, вторя Федору. Черт, дернулась я — усердия застегнуть ширинку.

— НИЧЕ, С*КА?! НИЧЕ?! — ополоумевши мне в лицо. Разворот к Миращеву: — Да тебя, ганд*н, сейчас ПОХОРОНЮ ЗАЖИВО!!!

— ДАВАЙ! — ядовитое, с шальным задором, счастливо захохотав. Очи вспыхнули больным пламенем. Замахал враз руками, к себе зазывая. — ВПЕРЕД, я жду!

— Вы больные, что ли?! — ошарашенная, завизжала я. И снова попытка собой сдержать Рогожина — да только в этот раз тщетно. Смел к чертям собачьим меня вперед, в последний момент оттолкнув в сторону — налетела на комод, завывала от боли. Рыкнула дверь кухни. Тотчас вывалились двое: Ритка и Мазур. Влет кинулся Валентин к ним и оттащил Рогожина от заливающегося хохотом беса.

— Она же еще ребенок! — отчаянно, горько, протянул вдруг Федька. — Отпусти! — рывок и выдрался из хватки Мазурова — поддался Валик. Взор то на меня (убедиться, что жива), то вновь на врага, что уже гоготал, заливался демоническим смехом, слизывая со своих губ кровь. Все это явное удовольствие, наслаждение доставляло ему. Оскалился враз Рожа, с отвращением: — Она же, с*ка, еще ребенок! Мразь, че ты творишь? Тварь ты еб*чая!

— Да какой ребенок?! — внезапно улыбка Мирона превратилась в раздражения мину. Метнул ярый взор на меня, взмахнул рукою: — Глянь на нее! Не шестнадцать, и не восемнадцать даже! Давно не девочка! Сама в состоянии решить, что ей... и с кем надо, — уже более сдержано, но ядовито.

— Я тебя сейчас точно прикончу! — дикое, и снова с выпадом.

Успеваю преградить, сдержать порыв Рожи (едва мне не заехал):

— Угомонись! — рычу. — Ничего не было!

— И НЕ БУДЕТ! — бешено.

— Я поняла уже все! — сдержано, хоть и на повышенных тонах, повторяю за ним. — Хватит! Пошли отсюда. Не будем цирк устраивать... и других будить.

— Цирк? — изумленно. Выпучил на меня глаза, рот перекосился от ярости. — Это еще кто тут порно-цирк устроил, а?!

Смолчала. Виновато опустила очи.

Шумный, гневный вздох. Взгляд около — и вдруг окаменел. Поддаюсь — вперилась на него, а затем вторю и его взору. Оценивающе с ног до головы на Ритку (стоит, взлохмаченная, растрепанная, на груди — рубашка до лифа расстегнутая, к своему Валентину всё откровенно жметя).

— Шалавы, б***ь, конченные... — враз скривился и сплюнул на пол. — Дырки безмозглые.

Разворот — и пошагал прочь, в комнату.

Стрелой я за ним.

— Всё не так... Рожа! — отчаянно.

Обомлел вмиг. Стремительный разворот — налетела следом. Попытка совладать с собой. Выровнялась рядом.

Сверлит взглядом, выжидает:

— Мы с ним не раз виделись... Да, ты прав. У нас... непростые отношения. А тут...

Замялась, не договорив. Спрятала от стыда глаза.

— Что бы и за километр его не было. Ясно?! — грозное, приказом.

— Да... — тихо, послушно... лишь бы успокоился.

— Спать пошли! — и снова деспотическое веление. Разворот — пошагал дальше. — А то... сходила она в туалет, б***ь! — семеню за ним. — Спасибо, что хоть один... а не перед толпой раскорячилась.

— Причем тут, Рож?! — обижено, едва не визгом. Пытаюсь не отставать. — Я же говорю... Мы с ним давно... друг около друга ходим. Нервы треплем... — отчаянно, бесстыдно преувеличиваю, лишь бы не надумал сверх лишнего... непоправимого.

— Как давно? — обмер у двери в залу, ухватившись за ручку. Взор мне в лицо. Зубы сжаты от злости.

— Достаточно... но всё как-то...

— Что "как-то"? — дерзко, с наездом.

— Я его отшивала... — пристыжено опускаю очи.

— А теперь че? — едкое. — Пьяная баба — п**де не хозяйка? Так?

Виновато молчу.

— СПАТЬ! — ором в лицо. — И пусть только... этот х** снова будет около тебя тереться — не пощажу... и тогда уж точно за дело сяду.

Лежит, сопит — но слышу же: не спит, думает гадости мой Федька. Хотя... все же обнимает, прижимает к себе.

— Нечего тебе с ним возиться, — внезапно, отчего даже передернуло меня. Провернулась. Взор в лицо. Продолжил: — Даже не думай. Ладно эта... п**да малолетняя — ей простительно: с детства без мозгов, в башке — сплошной ветер. Но ты же — адекватный человек. Трезво должна мыслить. Судить. Для него все бабы — шкуры, без исключения.

Оттого и отношение: ни во что не ставит. Один раз натянет — и выбросит. Хуже вещи потрепанной. Будь умнее — не лезь в это г*вно. Не стоит он того! Да, бизнес с ним мутить — ох*енно. И товарищ, если он тебя таким считает, — за*бись. Но в остальном — кто не вошел в его круг доверия — с дерьмом смешает, ноги вытрет, раздавит и не заметит. Это для него особый кайф — стебаться со всех, унижать... провоцировать. Уничтожать. У него реально... башка отбитая. Тот еще отморозок. Реально, погоняло не от «мир», а от «войны» идет. Хлебом не корми, дай кого если не на кладбище, то в больничку отправить.

Скривилась пристыжено, спрятала взгляд.

— Так что будь с ним аккуратна... и за сто километров обходи... ПОНЯЛА?.. Че молчишь? — гаркнул не выдержав. — Услышала меня?

— Да, — раздраженно.

— А ну глянь на меня, — чую нотки смеха в голосе. Поддаюсь, улыбаюсь. — Ну глянь...

Старая, добрая песня. Дразнилка. С ним мириться — та еще хохма. Как бы не думалась — всегда умел рассмешить... причем ничего особо не делая при этом, и не говоря.

Поддаюсь. Глаза в глаза:

— И нечего на меня злиться. Найдешь еще себе... кавалера. Адекватного. А не эти... ублюдки. Тут вообще... ни одного нормального нет.

— И ты? — смеюсь тихо с издевкой.

— И я, — вполне серьезно. Искренне. — Мы — не для таких, как вы. Мы так — мимс проходящее. Как и вы для нас... Сама посуди... что у нас впереди? Ничего определенного, толкового. Или пан, или пропал. Или всё, или... опять нары. Если не яма. И то... если где че какая заруба, за кем первым придут? Думаешь, за мной... или за ними? Нет, начнут со слабого места — а это вы будете. Вы, семья. Если всё серьезно, а если нет — то и в расход пустить не жаль, обеим сторонам. Так что не дури голову. Смогла выбиться в люди. Вон, универ, хата, может... работа какая нормальная. А там и пацана себе с мозгами и будущим найдешь — и вперед: ЗАГС и строгайте детей.

— Че-то ты... — обижено буркнула, пряча глаза, — раньше иное пел. Иные были понятия... о "ровной жизни", о "толковых пацанах".

— Поумнел, — резко перебил.

Не отступаю и я с напором. Глаза в глаза:

— Че ж сам не хочешь измениться? Федь... тебе ж не сто лет, что жизнь уже прожита.

— Всё равно поздно, Ник. Поздно! Из зоны выпустили. И куда я? Кем? Никуда. Тут нас никто и никогда не примет — и последнему дебилу ясно. Пр*срал я свой билет. Пр*срал. А ты нет — ты еще едешь. Вот и езжай.

— А я не хочу... без тебя, — злобно.

— Зато я хочу, — грубо.

— Круто ты, Рож. Очень круто. Поумнел. А может, и для меня... вот так все это уже поздно, не думал? Не могу я с ними. С теми... кого ты "нормальными" называешь. Не могу. Поздно. Для меня — тоже поздно. Бесят они меня, я их не понимаю, а они — меня. Разные слишком стали. Словно с разных планет. Умная мысля... умная тебе пришла, да только поздно, Рогожин. ПОЗДНО! — горько взвизгнула я, но тут же осеклась. — Раньше надо было думать — пока я еще наивной овечкой за тобой бегала, будто хвост... и во всем тебе подражала. Пыталась быть наравне. Быть как ты. Так что НЕТ — ты мой мир. И если мужик мне — то только такого, как ты. Другого не люблю, — отчаянно... покаянием. Всё то, что сердце чувствует, боится.

— А придется, — выстрелом. — И не ровняйся на меня. Я — брат. И со мной семью не заводите... я могу быть таким, как есть. Но и то — на расстоянии.

— В смысле, на расстоянии? — удивилась, отдернулась даже назад. — Ты что... опять? За старое?

— Нет, — резко, уверенно. — Но... везде есть свои риски. И в моем случае — они велики. И я не хочу тебя в них втягивать. Как и то, чтоб ты сама... во всё это лезла. Батя хоть и... но правду говорил. Возьмись за ум. Начни жить толково и по-девичьи... И не стоит идти за мной. Да, ты — Некит. Но ты — баба. Девушка. И будь ей. Но не такой, как Ритка. А с мозгами. Толково. Не будь нами — будь собой. Будь той, которую я всегда в тебе ценил и любил. Будь Вероникой Бирюковой, а не... Рогожиной.

Скрипнула дверь, отчего мы невольно стихли.

Растянулась я в постели, нос уткнула в подушку и состроила вид спящей.

А непослушные мысли... шальным набатом:

"Каков шанс что это?.."

Шаги в нашу сторону. Запищала кровать у изголовья. Неспешные, задумчивые, ленивые движения — и завалился, словно куль.

Напряжение... что лампочку, добела меня накалило. Предположения, сомнения, мечты...

И вдруг касание — моей руки чьей-то... Резво подвела голову. Взор в очи... что даже в полумраке... казалось, светились от жажды и коварства. Едкая ухмылка на сладких, манящих устах. Внезапно подмигнул мне... мой запретный икнул. Крепче сжала я в ответ его ладонь. Пристыжено улыбнулась, и мигом утопила лицо в подушку, скрывая смущение.

Скрип — Федька провернулся, перевалившись на другой бок, отчего резко, испугано отдернула, вырвала я свою руку из руки Миращева. Резво под плед — и едва ли не с носом накрыться.

Странные... лихорадочно кровь погоняющие по венам, чувства. Тысячи слов — а как горохом об стенку. Вопреки всем «но» и доводам рассудка Рожи, моего, всей вселенной: Мирон — мой, а я — его...

И пусть еще временами накатывали, охватывали волны тяги, жажды быть ближе к нему... чем сейчас, быть его... продолжить рушить запреты... но все же, упоенная сладкими ощущениями, дурманом заботы, защиты, единения с ним, — бесстыже я провалилась в сон.

Глава 13. «Чудаковатая романтика»

Глава 13. «Чудаковатая романтика»

Хоть и проснулась я рано... однако многие еще до меня давно повставали, освободили койки. На улице — мужские, женские голоса вовсю разносятся: разговоры, шутки. Свалил уже и Федька от меня... как и Мирон.

Протереть глаза. Встать, потянуться. Кое-как расчесать, пригладить свою копну волос пальцами. Пройтись к окну, взгляд через уже серую от пыли ажурную тюль: нащупала... вожделенное. Сидит мой герой с остальными в беседке, уже что-то точат, пивасем, судя по всему, похмеляются и мудрые речи ведут. Будто учуял — метнул в мою сторону взор, отчего тотчас отступаю шаг назад. Не заметил, не отреагировал: как и прежде вел свою непринужденную "мудрую речь", иногда подпитывая ее странными, веселыми гримасами и жестами...

Шумный, глубокий вздох.

Вернуться к дивану, обуть кроссовки, поправить слегка перекошенный лиф, толстовку, подтянуть джинсы — и в бой...

Но едва только за порог, как тотчас наткнулась на Федьку (отчего враз весь мой запал сдох). Криво улыбнулась — и пусть я безумно люблю своего брата... сейчас же моя предательская душа рвалась... к совсем другому человеку.

— Доброе утро! — решаюсь первая я.

— Доброе, — заулыбался во весь рот. — Выспалась, что ли, уже?

— Да есть чуток... А ты че?

— А у него режим, — внезапно подоспел к нам Майоров и хлопнул Рожу по плечу.

— Иди ты, — гаркнул в шутку на него Федька и тотчас принял стойку боксера.

— Всё-всё, молчу. Куда мне против вас... молодняка? Наслышан уже... вашими вчерашними выступлениями.

Вмиг скривилась я. Заржал и Рожа от неловкости. Расслабился. Взор то на меня, то так... около...

С*кин сын этот Майоров... Лучше бы тебе... Рогожин врезал, а не... Черт. Мира... точно. Влетело ж ему нехило.

«Так, ладно», — шумный вздох. Взгляд около. Нет уже моей занозы — опять куда-то срулил, заныкался. И как у него так получается? Надо бы поучиться...

— Иди вон лучше... — внезапно учтиво отозвался Федька (в мою сторону), умело переигрывая невольное образовавшееся напряжение между нами тремя, — к девчонкам... в летнюю, помоги им. А то не справляются — а жрать давно охота...

Благодарно улыбнулась. Еще один прощальный, недовольный взор на Виктора — и потопать в указанном направлении...

Пока остальные барышни салаты крошили, я принялась картошку чистить. Кастрюля, миски, кривоватый, затупившийся нож — идеальное сочетание для идеального утра.

В очередной раз скрипнула позади дверь. Уже и не оборачиваюсь. Что проходной двор: один сюда — один туда. Только и успевай замечать. Да хоть бы кто смазал петли — уже аж

бесит. Но вдруг движение, резкое тепло, хватка со спины: сжал меня кто-то в крепких, цепких объятиях. Сигаретный дым волной ударил в нос. Нервно, инстинктивно дернулась, двинула локтем назад — нахалу в грудицу.

— КАКОГО...? — гневно, но сквозь смех. Узнаю нотки голоса...

Не отступил, не поддался, лишь пошатнулись оба.

Резво оборачиваюсь. Действительно Мира.

— Че рычим? Че буяним? — ухмыльнулся еще шире гад. Уступаю — заливаюсь и я счастливой улыбкой в ответ. Пылкий, смелый поцелуй тотчас мне в шею — отчего позорно вовсе сдаюсь. Обвисла в его хватке.

Не сопротивляюсь... даже когда блуждание рук становится откровенным, пошлым, развратным. Отчего-то... рядом с ним любое безумие — было допустимо. И не страшно, и не стыдно. Естественно.

Вдруг шепотом на ухо:

— Нож-то... положи.

Не сразу соображаю. Вздрогнула вселенная моя внутри, вырываясь из плена дурмана.

Тихо смеюсь, давясь неловкостью:

— Ты ж бессмертный, — ехидно.

Гыгыкнул сдержано.

— Я о тебе беспокоюсь.

— Слушайте, — недовольно рыкнула одна из "зайчонок". — Давайте не здесь, а? Все-таки тут кухня, как-никак, а не...

— И че? — едкое Мирашева. Рассмеялся с вызовом, дерзко. — Святое место?

— Нет, но...

— Вот и не трещи, — грубо, хотя и рисуя иронию. — Нехорошо завидовать, — ядовитая ухмылка.

Однако... короткий поцелуй мне в висок — и оторвался. Прошелся меж столами. Живо схватил немытый помидор из пакета и принялся его жевать:

— Лучше бы поторопились, чем пи**еть. А то уже скоро сигареты закончатся.

— Так а шашлык... что, его еще не погрели? — удивилась другая, метнув изумленный взгляд через плечо.

— Да сами его жуйте такого... Зубы уже болят — и зубочистки закончились.

— Че те всё не нравится? — рявкнула всё та же первая. — Че бубнишь? Какая не додала, или что? Ты сам вчера орал: крови мне побольше!

— А ТЫ че здесь делаешь?! — неистовое; от его голоса (где-то на пороге) меня даже подкинуло на месте — чуть не порезалась. Резвый разворот — точно Федька. Взором сверлит Мирашева. Злой, кипит.

— Да че, не видно? — живо вмешалась "командирша". — Ходит, мешает. На нервы действует — всё как всегда. Ты будто Миру не знаешь.

— Не пи**ди-ка ты, гвоздика... что ты розочкой цвела, — огорошивая, заливаясь хохотом, неожиданно выдал Мирон. Шаги ближе. Взор то на меня, оцепеневшую в шоке (желающую провалиться сквозь землю), то на Федора. Заколотилось мое сердце нещадно, сгорая от ужаса и страха. — Сестру пришел твою проведать. Но ты и сам знаешь, верно? — добивает мой ненормальный.

— Ты о**ел? — ошавевши завопил Рожа. — Я сказал, НЕ ЛЕЗЬ К НЕЙ!

— А я и не лезу, — ехидное.

— Мальчики! — визгом пискливым. Та самая "недовольная". — НА УЛИЦУ! ТАМ ВСЁ ВЫЯСНЯТЬ! Не мешайте!

— Рожа, — вдруг продолжил Мирашев, но как-то сдержанно, добро, дружески (хотя змеюку с уст так и не спрятал). — Всё нормально, расслабься. Не обижу ее.

— Вышел отсюда! — гневное брата.

— Ты бы не забывался, а, — едкое, с явной угрозой. Глаза в глаза. Мирон.

Чую, Федька вот-вот сорвется.

— Да мне по**й! Че бы твои потом со мной не сделали! ЯСНО? Она мне ВАЖНЕЕ!

Обмер в рассуждениях Мира. Вздернул бровями. Вдруг взор беглый на меня, на Рогожина — хмыкнул.

Секунды...

Ход вперед — толкнул, задел плечом плечо Рогожина... но за дверь — и на улицу подался.

— А ты, — борзое вдруг на меня брата. — Готовься! Пожрем — и домой. Хватит с меня этого еб**чего театра!

Съели салаты, доели несчастный шашлык — да по машинам...

— Ты куда? — метнул на меня удивленный взгляд Рожа, когда вместо Мазура тачки, я выбрала иной курс.

— Всё-то тебе знать надо, — шутливо рычу. Но тут же любезно отвечаю (учитывая недавние события): — В туалет. Сейчас буду.

И снова тропа гнилых яблок и прочих благовоний — кто-то, судя по всему, даже радугу здесь пускал после вчерашней неудачной попойки-перепойки.

Еще немного — и повернуть за угол дощатого склепа.

— Черт! — испугалась я и тотчас отдернулась назад.

Заржал Мирон:

— Почти угадала.

Ухмыляюсь. Шаг к нему ближе:

— Ты что... меня здесь подкарауливал?

— Ага, — гогочет. — Мест же больше нет. А тут такой... сплошной романтик, что аж зубы сводит.

Рдею невольно.

— Понятно... — отчасти обижено. Прячу взгляд под ресницами.

— Че те понятно? — с шутливым наездом. Движение на меня — и ухватил в свои объятия. Поддаюсь. Ход вслепую куда-то вбок — и повалил на забор. Жадный, шальной... поцелуй. До боли от жажды. От голода сжались мышцы внизу живота. Затрепетало сердце, будто всполошенная птица, чуя запах свободы. Чуя счастье. Бесстыдное блуждание рук по телу. Несмело вторю ему неопытной дурехой.

И снова что-то... где-то, кто-то. Скрип калитки. Неспешные шаги в нашу сторону незваного гостя. Силой выдираюсь, отталкиваю от себя своего захватчика. Недовольный, озлобленный, но подчиняется. Уступает. Стремительно делаю шаг в сторону, на расстояние приличия. Невольно облизаться.

Выдох.

— Пьяные ежики! — заржал вдруг. Скривился в ухмылке. — Реально, что со школьницей... И "грозный батя" где-то неподалеку. С битой и часами.

Рассмеялась невольно, уже краснея от стыда. На миг спрятала взгляд. А затем снова глаза в глаза:

— А бывало?

— А тебе всё скажи, — гогочет.

Показалась наконец-то из-за поворота наглая рожа, что так не вовремя нас перебила. Одна из девушек:

— А вы чего тут? — удивленно.

— Ниче, — живо, на нервах выпаливаю.

— Траву косим, — гыгыкнул Мирон и подмигнул ей, отчего та враз захихикала и залилась краской. Захлопала коровьими ресницами, строя невинно-соблазнительный, порочный вид. С*ка.

Шумный вздох, и, недовольно скривившись от их странного флирта, при мне живой, я тотчас подалась к туалету. Едва только ухватила за ручку в желании открыть дверь, как тут же послышалось за моей спиной:

— Ты только не свались туда... А то не охота туда за тобой нырять.

Оборачиваюсь резко. Глаза в глаза с Миравевым, что уже и подросел ко мне. Почти вплотную.

Улыбаюсь счастливо, как та дурочка, уже все ему прощая:

— А нырнул бы? — пунцовеют очередной "влюбленной овечки" щеки.

Ядовитая змея исказила вожаденные губы. Глаза прищурились и вспыхнул бесовский огонь:

— Ты тогда б уж точно... не расплатилась.

— А надо было бы? — удивленно вскинула бровями. Смолчал. Лишь коварнее взгляд стал. Решаюсь продолжить, сквозь смех: — А как же благородство рыцаря?

Загоготал враз:

— Рыцаря? — искреннее изумление. — Какой же из меня рыцарь? У них вон — меч! — кивнул куда-то в сторону.

— А у тебя че, нету? — язвлю, вторя его игривому настроению.

Захохотал громко. Вмиг приблизился ко мне и на ухо, не без пошлого намека:

— Пулемёт.

— Не ну, вы, б***ь, триндеть тут собрались? Или по делу? Не ароматы Франции! — раздраженно гаркнула "сударыня" за нашими спинами.

Рассмеялись мы тотчас. Косой, беглый взгляд на нее. И снова очи в очи друг другу.

— Ладно, вали давай, — игриво рыкнула я на своего ухажера-"заливателя".

— А че, при мне стесняешься? — загоготал, бесстыдно замигав бровями.

— Извращенец, да? — кривляюсь сквозь улыбку.

— Кто бы говорил, — ехидно спаясничал. — Я хоть и пьян был, но помню вчерашнее.

Замаялась враз смущенная я. Спрятала взор. Еще больше жар подступил к лицу:

— Я просто... я думала, там... — невнятно забормотала.

— Да шучу я, — резко перебил. — Ладно, иди. А то вон... твой надзирающий уже топчет сюда, нервничает, что я принцессу украду. И бесповоротно испорчу.

Улыбнулась. Пошагал прочь.

Дернула на себя полотно...

Выждала мгновения, дабы скрылся подальше... Но вдруг едкое, вторя хрусту и шороху отдаляющихся шагов: "Пись-пись..."

"С*ка..." — позорно ржу, едва сдерживаясь от мокрого фиаско.

Разъехались. Кто куда... Меня забросили домой, к нам на квартиру с Женькой. Ритка же, как я поняла... явно не намеревалась отлипнуть от Мазурова. А Рожа — тот рванул к себе. Да-да, именно, к себе. Эти его (в частности Валик) товарищи-братья подсуетились с квартирой: сняли не столь далеко от центра однушку со всем удобствами. Так что как-то так. Кажись, все же примчали мы... в "светлое будущее".

Ч. 3. Глава 14. «Светлое будущее»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Поступки и их последствия

Глава 14. «Светлое будущее»

(М и р а)

Набухаться с Майоровым вусмерть — и еле добрести до дома. С десятого раза попасть ключом в замочную скважину...

...еще усердия — и кулем завалился в кровать, не раздеваясь.

Мысли... тупые, мерзкие воспоминания... не дают уснуть. Набатом в голове чертовы слова чертового зайца: «Мира... что же ты с нами творишь?.. А ведь когда-то мы были приличными девочками, пока... не влюбились в тебя, дерзкого, красивого... и бессердечного. И теперь, по первому твоему щелчку пальцев, звонку, мчим, бежим стремглав... и готовы на всё, на любые твои желания, даже терпеть твои психи, временами насилие и унижения, лишь бы только радовать, убажывать... лишь бы только быть достойными твоего внимания, хоть на грамм... твоей, пусть и холодной, лживой, но любви... нежности».

Испорчу. Я всё испорчу. И Ее испорчу. Как всё, везде и всегда... сломаю, растопчу.

Да и не готов я к переменам. Не смогу... Не хочу.

(Н и к а)

Шальной 2008 год. Радостным и тяжелым он выдался для всех нас. Если я предвкушала преддипломную практику, написание и защиту диплома... то Федька, скооперировавшись с Мазуровым, как и планировали еще до "выпуска" Рогожина, с головой нырнули в организацию общего бизнеса. У Валентина, конечно, были и до этого прибыльные источники дохода, в том числе пассивного: сдача в аренду недвижимости, подвязка на бирже... и так, иные мудреные манипуляции (скупал за бесценок старые, "убитые" квартиры, делал в них некий ремонт и перепродавал в разы дороже). А тут... еще один вариант подкинул Федька. Рожи — связи, усердия, сообразительность; капитал — Валика. Три месяца скрупулезных переговоров, подготовок, сбора документации — и вот оно: намечен день, на конец декабря — открытие магазина мягкой и корпусной мебели. Прямые поставки с фабрики из соседней области, и накрутка — оправдывает себя.

Но от всех этих перипетий я была далека. Как разъехались в тот день, после дачи, так потом и редко виделись (чаще всего, лишь когда Рожа норовил мне подсобить денежной дотацией, дабы я не заморачивалась с подработками (ради оплаты за квартиру и еду) и полностью все свое внимание посвятила учебе). А в остальном — только телефонные звонки и спасали, ибо каждый в своих делах и мыслях.

С Риткой — и того реже виделись, только вынужденно — когда сталкивались невольно нос к носу на выходных у родителей.

Но всё это меркло... на фоне мыслей, терзаний относительно Миров.

Просто... жутко, непонятно... нелогично даже... как по мне. Но — ФАКТ.

Он не звонил, не искал больше встреч. НИ РАЗУ. И когда я осмелилась за всё это время его набрать и поговорить — даже трубку не снял. Всё понимаю: дела, не услышал, забыл. Но, черт дери! За три месяца, да что уж там?! За ПОЛГОДА... уж можно-то найти время на

встречу, было бы желание... Или хотя бы... телефонный звонок, после всего-то...

Или это для меня "было", а для него так — нелепый флирт. Как и предупреждал, как грозился, взывал к моему глупому разуму Федька... так и случилось. Ибо не думаю, что это под влиянием Рожи Мирашев так себя повел, принял такое решение. Уж никак. Он — не тот человек, который будет бояться или прогибаться под чьи-то прихоти, мировоззрение — уж это я точно усвоила. Хочет — приходит и берет, вопреки всем запретам и даже логике. А перестало интересоваться — плюнул, растер да забыл... как глупость, как разовое, бессмысленное приключение.

Виделись. Все же виделись однажды за все это время... Мельком. На открытии все того же, пресловутого уже, магазина. И пусть покрашенная, нарядная идиотка Ника в тот день была, как никогда еще, сгорая от волнения, высматривала везде своего Миру, да только счастье ей не сулили. Не оценил ее Герой — беглый взгляд, будто и не он... так пылко не столь давно целовал, зажимал, слиться с ней желал, не он столь нежные чувства проявлял, заботу, играл... в "чудаковатую романтику". Нет, что вы? Ошибочка.

Даже ни одной эмоции на лице не проступило.

Не успела я сквозь толпу к нему пробраться. Не успела... Едва раздался первый звон бокалов с шампанским в честь праздника, как тотчас достал из кармана телефон. Звонок: не то он, не то ему — и ушел, укатил восвояси, лишь кивнув на прощание виновникам торжества, Рогожину и Мазурову.

«Не нужна», — грохочет приговор.

«Есть причины всему тому. Объяснения. Есть шанс, что всё переменится... Главное, докопаться до сути», — сумасбродно стонет умирающее сердце. Но я беру в руки молот — и отчаянно бью им по своим надеждам: умерла — так умерла. Хватит. Пора двигаться дальше.

НЕ НУЖНА — просто принять и больше не унижаться, не мешать себя добровольно (дер*мом. Сколько уже можно? СКОЛЬКО?

Это — Мира, и его решение чисто, прозрачно... и однозначно. Так и я, так и мне нужно поступить. Ведь по сути... ничего и не случилось, ничего нас не связывает... кроме благородства и безумия сего существа. НИЧЕГО.

Вперед и с песней, пусть и в гордом одиночестве. Не привыкать. Уже не привыкать.

Так что да: теперь и мне на тебя плевать, даже если с букетом цветов на коленях ввалишься в мою жизнь. Между нами — точка.

Завтра начало преддипломной практики — хоть какие-то резвые перемены в моей жизни, хоть какая-то смена... мертвой картины безысходности. А после — диплом, выпуск. Будущее... не светлое, не серое, но будущее. И я пошагаю в него... смело и вопреки всему. Без тебя.

Странно иногда бывает. Уходишь с головой так в свои мысли, проблемы — и вовсе перестаешь замечать всё вокруг: ничего и никого. Казалось, если бы за эти полгода в стране произошел переворот или, я не знаю, нас захватили инопланетяне — я бы даже не заметила. А потому... вполне не удивительно, что вот уже как несколько месяцев окучивание меня моим знакомым, сокурсником Вадиком, я принимала, но не придавала тому особого значения. Вежливость — ну и вежливость. Помощь — благодарю, лови в обратку такое же участие. И так... пока я не осознала всю картину сего странного своего бытия. А именно в тот миг, когда ширма пала — и я оказалась перепуганной, неготовой к выступлению, идиоткой, посреди сцены, перед многочисленной публикой, вовлеченной в

спектакль "взрослых отношений". Причем во многом — буквально.

Для меня везде и во всем между нами царила, толкала поршни событий, поступков лишь дружба. Для него же, как оказалось, — нет.

Буйтов — это человек-пчела: ни минуты покоя. Всё время в делах, всё время что-то где-то делает, вертится, творит — причем во всех смыслах этого слова. Да мало того! И меня этим заразил. Я уже забыла, когда последний раз не то что видела Федьку, но и звонила ему. Женька — тоже так, мельком. Утром, пока сражаемся, кто первый ванную займет. Даже вечера не удастся вместе провести. Все время напролет (последние пару месяцев — так точно) где-то что-то да творим с этим альтруистом-общественником. Даже на Масленицу умудрились стать звездами народного гуляния на площади.

И тем нее менее...

И вот он, очередной праздник в университете. Вадик, как яркий представитель профкома, непременно помогает студентам организовать концерт... Ну и я вместе с ним, в приписку, по доброй воле. Но это вечером, а утром мы послушно мчим в офис его дядьки — где проходим оба преддипломную практику. Ну чем не... "деловые люди"?

— Шары точно привезут? — кинул мне, садясь за руль. Поспешно завалилась я рядом, в пассажирское кресло.

Взор на своего непоседу:

— Точно. Причем уже. Лилька отзвонилась — привезли, украшают.

— А, ну ладно, — отвернулся. Уставился за лобовое. Выдох. Расслабился. И снова, как двести двадцать — вздрогнул. Взор на меня: — А платье? Достала? Ты же придешь?

— Приду, Вадик. Приду... разве я могу тебя одного бросить? Ты же там всех задолбешь своей паникой.

— Я не паникую, — обижено, гордо. Стиснул губы. — Я просто... хочу, чтоб всё было на высоте.

— Всё равно косяки будут, — хохочу, давась иронией.

— Ну-у... — протянул, — главное, чтоб преодолимые.

— Или незаметные, — ухмыляюсь я.

— Или незаметные, — загоготал тотчас. — Быстро учишься, Бирюкова, — с издевкой. Взгляд на меня.

Улыбаюсь:

— Так какой радетельный учитель — грех уступать.

Взревел мотор.

...

Косяки. Будто накаркали — один за другим, но мы еще держимся, выкруливаем, выкручиваемся, как можем. То ведущий слег с ветрянкой (не, ну вы слышали такое? — Вадика пришлось срочно брать все на себя, благо, нарядились достойно), то очередной номер — а минусовка куда-то подевалась, то программа (что за чем) перепуталась, то так — у одной из барышень каблук сломался — пришлось мне свои туфли отдавать. Вдох-выдох. Улыбается, счастливый Вадим. Бурит меня взором. Я за кулисами, он — с другой стороны сцены.

Справимся, Буйтов. Еще как справимся. Выживем. У нас диплом на носу — а потому не имеем права отчаиваться: еще будет повод "поумирать" от безысходности и нервотрепки. А сегодня — так: тренировка.

И вот он, последний выход. Попрощаться с залом, поблагодарить всех — и общая песня

всех участников торжества.

Но... что-то не так, не по сценарию. Вадик мнется, заикается. Отчего я невольно даже прислушиваюсь к его словам:

— Так вот, — внезапно разворот, прямым ко мне, взгляд в глаза. — Дорогая моя Вероника, я тебя люблю. И прошу, будь моей женой...

Мурашки побежали по телу. Волосы стали дыбом.

Онемела, окоченела я, выпучив глаза — будто кто расстрелял меня только что.

— Ну что ты, — слышу рычание мне чье-то на ухо. — Иди давай! — толкнули в плечо. Поддаюсь, несмелые... неловкие, будто ребенка малого, шаги ему навстречу.

Еще миг — и замираю вплотную. Протягивает еще сильнее мне коробочку со злосчастливым кольцом. А я — я за пеленой слез и уже ничего не вижу.

Прокашляться, шепотом:

— Ты че творишь? — кривая улыбка. — Мы же даже... ни разу не целовались, Вадь...

Вдруг резкий выпад — и притянул меня к себе, пылким, жадным поцелуем прикипел к моим губам — несмело ответила движением. Отстранился. Взор на меня:

— А теперь? — и снова тычет мне.

Да только... залу уже все равно. Все интерпретировали по-своему. Его поступок — вместо моего ответа. Улыбаюсь несмело:

— Ну... публика уже решила...

— А ты? — испуганно.

— А я... не знаю.

Избегала. Несколько дней его усердно избегала. И дело даже не в практике, на которую больше не являлась. Нет: отключить телефон, забиться дома в угол — и медленно сходить с ума. По вечерам, пока Женька где-то с Лешей гуляла, я сидела в темноте... отчаянно строя вид, что никого нет дома... и его попытки достучаться до жильцов — тщетны.

Я не готова. Не знаю... я боюсь.

Да — он идеален. Он тот... о котором мне вещал, на которого наставлял и батя, и мама... и даже мой Рожа. Но... не мое это, не знаю. Тот наш поцелуй. Пусть с перепуга, но... это не Мира. Не Мирашев, от которого сердце сжималось, выдавливая кровь до последней капли, душа пускалась в пляс и я забывала всё на свете: комкала гордость, душила страх и отрицала прошлое. С Вадиком всё по-другому: тихо, мирно... весело, но... не мое.

Не знаю. Может, еще не распробовала. А вернее, даже не пробовала, по сути... но... как-то и не тянет.

Живо встать на колени — и подползти к тумбе. Схватить аппарат. Врубить его — и...

— Да, ладно? — раздраженное. — Че надо?

— Привет, Рит.

— Ну, привет.

— Слушай... — шумный вздох. Безрассудная, отчаянная смелость: — Я тут как-то от Федьки слышала, что ты иногда с Мазуровым пересекаешься. Можешь мне дать его номер телефона?

— ЗАЧЕМ? — грубое, гневное. Тревожное.

— Ну... мне бы поговорить с ним кое о чем, а Рожу во все это впутывать... неохота.

— Че те надо от него? — уже с откровенным наездом.

Сдержалась, стерпела я — да и гордость моя давно уже переломанная... лежит около

меня, подыхает, как и я, бестолковая.

— Ну...

— Что ну? Давай по делу, быстрее! Мне некогда! И так... из-за тебя на такой дубарник вышла в одном платье.

— Мне Миру надо отыскать, — выстрелом, обличая, позоря себя окончательно.

Захохотала тотчас:

— А че его искать? Вон... в одном клубе с нами. Ходит, баб лапает. Хочешь — приезжай.

— Адрес?

Глава 15. Индульгенция

Глава 15. Индульгенция

Не успела я даже переступить порог клуба, как волею судьбы... али сарказмом, оплеухой всей моей жизни... столкнулась едва ли не лоб в лоб со своей... горе-привязанностью. Не признал даже, не заметил.

Глубокий вдох — и, даваясь волнением, страхом, окликнуть Его.

Не отреагировал. Стоит, гогочет со своими товарищами. Что-то рассказывает, активно жестикулируя. Ядовитая... (Господи, как же я по ней успела соскучиться!) ухмылка так и не сползала с его уст. Шаги ближе. Обмерла за его спиной. А позвать вновь, дотронуться — боюсь.

— Короче, в ***** его! — внезапно рявкнул Мирашев и махнул рукой. Рассмеялся. — Ладно, пошел я, а то так точно до бара не доберусь.

Резвый разворот — и чуть не сбил меня с ног. Замялся. На миг лишь дал проступить на лицо удивлению, шоку:

— О, Некит! — залился веселым смехом. — Ты что ль? Какими судьбами? — странная, лживая ухмылка. Не дает даже ответить. Тотчас слова, будто автоматная очередь: — Изменилась как! Прямо не узнать! Мадмуазель, б***ь!

Скривилась я, ошарашенная. Спрятала взгляд. Не по себе стало.

— Че-то хотела, или так? — и снова крик, сражаясь с шумом толпы и разливами музыки.

— Поговорить хотела, — несмело. Уставилась в очи.

— О чем? — кто-то протиснулся позади него, отчего невольно одного толкнул на меня. Подался вперед. Вмиг обернулся, бросив гневный взгляд на нахала. А меня волной обдало запаха алкоголя, давно забытого аромата его любимых сигарет, парфюма. Задыхаюсь. Но едва что попыталась ответить, как тотчас продолжил:

— Давай ток быстрее, а то я спешу.

И снова молчу, не могу подобрать слов. Не здесь же — на лестнице... и не...

— Так о чем? — раздраженно, отчасти грубо.

— О нас, — невольно громко, дабы перекрыть музыку, дабы наверняка услышал: стрелять, так стрелять.

— А че с нами не так? — едким хохотом вдруг залился. И снова взор по сторонам, то так, мельком на меня. — А, Некит?

Кольнуло. Впервые это прозвище... хуже всякого ругательства. Приговором.

— Я не Некит, — озлобленно скривилась. — Я — Ника!

— Ника-Ника, — передергивает мои слова. — А ты, кстати, знакома с моей девушкой? — громом.

— Что? — обомлела я. Будто кто холодной водой окатил. В момент протрезвела от его дурмана. Заледенел мой взгляд. Не моргаю.

Дернулся внезапно куда-то вбок и схватил, казалось, первую попавшуюся. Обнял за талию и притянул к себе — взвизгнула та от неожиданности. Резко обернулась:

— О! Мироша! — залилась звонким, счастливым хохотом. — Привет!

— Познакомься, — разрезал мое сердце надвое, пробираясь к душе. Уставился, кивнул

вдруг черноволосой, фигуристой барышне: — Как там тебя?

— А...а... — замялась та от смущения. — Лера...

— Да, вот, Лера, — лживая, мерзкая улыбка. Взгляд мне в лицо. — Как тебе мой зайчонок? Зачетный? — загоготал враз, давясь желчью.

— Соответствующий, — и сама не поняла, как выдала. Замерло всё внутри у меня. Казалось, и сердце остановилось... Силой вынудить себя сделать разворот — и пошагать на выход. Не оборачиваясь, не сомневаясь. И жалея лишь об одном — что слова... не убивают. Что я... жива.

Обмерла около нашего с Жаровой подъезда. Заметила их, своих товарищей. Стоят... улыбаются, обнимаются, радуются друг друга обществу. Всё как у людей... Всё, как надо.

И мне ж дано. Дано! Да только носом ворочу. Идиотка.

Живо достать из сумки телефон, включить аппарат. Отыскать нужный номер:

— Привет, Вадик. Ты занят?.. Встретимся?

Съемная квартира. Уже года два, как съехал Буйтов от своих родителей: гордая, самостоятельная, самодостаточная птица. Сколько раз здесь была — и, казалось, только сегодня... впервые я всё разглядела, заметила, увидела чистым, незамыленным взглядом. Сколько книг! И не только словари, как дань будущей профессии, нет: от фантастики до научной литературы, энциклопедии и развивающие журналы, дюжая часть из которых — по компьютерной графике (фотошоп и 3Д-моделирование). Телевизора нет — вместо него только ноутбук — для учебы и работы. Не человек — а мечта. Разве что готовить — это не его, но для этого и нужна жена: Вероника, Ника... как и хотела я последнее время. Ника, а не Некит — способный лишь рамсить да огрызаться. А еще — отчаянно и упорно совершать ошибки. Как с Мирой... и как, наверно, сейчас с Вадимом. Присесть на пол, спиной опереться на диван и уставить взор пред собой — любимое место, поза для обсуждений наших планов с Буйтовым. Свторил: опустился на ковер рядом со мной. Бесцельный взгляд около. Несмело:

— Ник... че с тобой происходит?

— Меня изнасиловали, — громом, разрывая его небеса.

— Че-го? — ошеломленно протянул. Пристальный взор мне в лицо — не отвечаю.

— Мне было шестнадцать. На выпускном. Одноклассник... подарил мне... билет во взрослую жизнь любезно.

Опустил голову. Казалось, не дышит. Не моргает. Ждет.

— С тех пор... — отваживаюсь добить начатое, — я всех всегда сторонилась.

— А Федор?

— Он не знает, — перебиваю. — И никто... по сути... И ты ему не проболтайся, — грозное. На мгновение уставилась в полные боли и отчаяния глаза, но тут же осеклась, отвернулась. — Что было... то было. Но... как я не пытаюсь перевернуть эту страницу — она словно прилипла. Будто кто залил все клеем — и никак, все еще живу тем днем. Разве что... клякс добавилось больше... — Немного помолчав: — Был один человек... я думала, — нервно сглотнула ком боли, — он мне поможет. С ним всё будет иначе. Но нет — ошиблась. Он — ошибка. — Взор осмеливаюсь уставить на Вадика: — Я верю, что ты не такой. Вадь... но... пойми меня правильно, зачем я тебе такая? Сломанная... Я, — отворачиваясь, давясь позором. — У меня с тех... ни с кем ничего не было. И я не могу — мне противно. Помнишь

на первом, и вначале второго курса... была слава, шутки?.. Мол...

— Ага, — резво перебивает, учтиво, дабы я не рвала себе душу дальше.

— Ты знаешь... а ведь... в какой-то момент, я тоже уже так начала думать. Может, мужчины — не мое? Может... Но... — перевожу взор на него и кисло улыбаюсь. Поджала губы, снова взгляд упереть в свои скрещенные руки. — Однажды... даже выпала одна такая возможность... проверить. Но я не... я не решилась. Не знаю... Неправильно это. Я знаю что неправильно. Что должна перебороть себя — и выбрать правильную сторону. Хотя, — тихо рассмеялась себе под нос, — и к женщинам у меня нет тяги. Вообще... для меня само понятие... интимной близости — омерзительное, нечто... низкое, гадкое. Понимаешь? — уставилась взмолившись на Буйтова. Ответил не сразу, но поддался: глаза в глаза. — И вот какая я буду тебе жена? Я не хочу тебе врать. Понимаешь? Для меня ты друг. Самый что не есть... После Рожи — первый, кому я столь доверилась, кого пустила в свою жизнь... Но близость. Я знаю... я понимаю, что... наверняка (не зря ж всему человечеству это нравится) сей процесс приносит неопишное удовольствие. Однако... мне кажется, уж лучше одной... Не знаю, — рассмеялась пристыжено, спрятав на миг очи, — целибат какой-то... чем то, что в итоге принесет несчастье обоим.

Нервно сглотнул.

— Я бы мог подождать...

— Чего? — изумилась я, невольно изогнув брови.

— Не знаю, — несмело тот. — Пока... — пожал плечами, — не знаю, докажу... что достоин. И потом, Ник... ты и на сцену когда-то боялась выходить. Помнишь наш провал на утреннике? Ниче... встали, отряхнулись и пошли. Разве не так делает "Некит"? — улыбнулся вдруг, хотя столько горечи и страха за всем этим стояло, что и мне враз стало не по себе.

Но отвечаю улыбкой:

— Помню.

— Зато потом как мы зажгли на майдане, помнишь?

Рассмеялась пристыжено я, невольно покраснев. Отвела глаза в сторону.

— И что ты предлагаешь? — ухмыляюсь. Очи в очи.

— Ниче... ну, — скривился, паясничая, — кроме руки и сердца.

Закачала головой я в негодовании. Шумный вздох.

— Зря ты... зря. Нормальную бы себе нашел... а не меня... дефектную.

Хмыкнул враз:

— А то остальные... хорошо ладят с собой.

Скривилась от раздражения я. И снова глубокий вдох в очередной попытке сбросить тяжесть разговора с души.

Поворачиваюсь. Смело, пристально ему в лицо:

— И тебе не противно?

От удивления вытянулось его лицо. Взгляд мне в глаза:

— По поводу?

— По поводу того, что я рассказала...

— А если бы добровольно... то это шарму бы придало, да?

Обомлела я от удивления.

Тотчас продолжил:

— Я к тому... что мне пофиг... сколько у тебя там их было. Не хочу даже знать. Главное... чтобы дальше — был только я. Понимаешь?

Ухмыльнулась пристыжено, спрятала взор.

Тягучая тишина — и вдруг рассмеялась. Станный какой. Добрый, но странный...

— Дурак ты, — тихо, несмело.

— Дурак, — ржет.

Глаза в глаза.

— А если у нас ничего не получится?

Рассмеялся внезапно:

— Значит оба будем дураками.

Закачала головой тотчас, давась улыбкой. Зажмурилась — но вдруг движение, отчего резко распахнула веки. Близко, до неприличия... волнения, сумасбродства...

Дрожь по телу, страх.

Губы к губам. Расстояние вдоха...

Есть только прошлое и будущее. Здесь и сейчас — черта. И я не знаю... что мне делать. Не знаю куда деваться: в прошлое не вернуться, как и не изменить его, не исчерпать и не забыть, но в такое грядущее... страшно ступать, страшно на него решиться.

Замерла я не дыша. Не отстраняюсь... но и храбрости не хватает принять за себя решение. Невольное испытание... понимания, чувств, смелости — подался вперед, машинально облизался и тотчас коснулся своими устами моих. Вздогнула невольно, но держусь. Не отстраняюсь — а потому напор сильнее. Еще миг — и обнял, притянул к себе. Решающий удар языка колокола о литой купол — и содрогнулась, пала моя вселенная... взорвалась осколками неверно склеенной чести. Сдаюсь. Обнимаю в ответ. Движение, ласка, напор. Невольно рассмеялся от счастья — поддаюсь. Усадил меня к себе на колени. Сжались мышцы в моем теле от страха. Взгляд глаза в глаза:

— Я тебя не обижу, — вкрадчивым шепотом.

И вновь притиснулся, прилип поцелуем к моим губам. Еще ласка, нежность — и друг проник в мой рот языком, но лишь на миг. Вздогнула я невольно, но не отстранилась, не прервала, не отторгла его. Сдержалась. Скольжение рук — и вдруг сжал мою грудь, несмело, нежно, но с запалом. Поежилась. А перед глазами лишь только Мира. Заскребли кошки внутри. Жутко, гадко, мерзко стало. Будто сама лично совершаю нечто непростительное... что-то, что куда паскуднее... нежели совершили когда-то со мной. И снова крепче прижал меня к себе — ощущаю уже всего его, его настрой — а меня кто словно кислотой, лавой распеченной поливает. И отдернуться хочется — и силой останавливаю себя. Слезы подступили к глазам. Задыхаюсь. Выть хочется от жутости. Но нельзя... нельзя поддаваться своему уродству. Я — урод... но изменюсь! Я стану "нормальной"!

Сама не знаю, как осмеливаюсь — протискиваюсь руками к его брюкам. Но от мысли... что мне придется его касаться, и ему — меня, что у нас это случиться, тотчас накрыло волной тошноты. Отдергиваюсь. Истерика горьким, зловонным, колючим полотном вмиг окутала, сжала в тиски, затянув удавку, а слезы — откровенными потоками помчали вниз. Живо сползаю, бросаюсь прочь — но догоняет. На карачках... хватает в объятия. Но не злобно, не силой... а странной больной заботой. Покачнулись — и завалились на ковер.

Завыла... горько, позорно... давась мерзостью своей.

— Прости... я не могу... я...

— Ниче, зай, — ласковым шепотом на ухо. — Я все понимаю.

Еще сильнее разрыдалась от этого его доброго, безобидного "зай".

Зайчонком... я — гадкая фригидка... даже конченной шлюхой быть не в состоянии. Не

могу. Не могу я...

Не знаю, что это тогда было с Мирой. Как так и почему... алкоголь или что тому было виной, но...

— Прости меня, — горько вою. — Прости... с*ку конченную...

— Ну чего ты, сладкая? — тотчас еще сильнее прижимает к себе, целует в ухо. — Все нормально. Я понимаю... Я подожду — сколько надо будет: столько и подожду. Неважно... Тем более, — горькая, отчаянная попытка пошутить, — у нас и так... диплом вон на носу, а еще концертов сколько: первое апреля, день космонавтики, а там — майские... не говоря уже о промежуточных воплях. Вообще, некогда нам глупостями заниматься, тут ты права...

Невольно рассмеялась, давась соплями.

— Ну вот... И вообще, поздно уже. Спать пора, а то завтра рано вставать. Оставайся у меня: свято обещаю одеяло не тырить. Ну?

Молчу, силой давя, сдерживая вспышки рыданий.

— Женьке только отзовись, — заботливо продолжил, — а то еще ментов к нам пришлет — а мне их нечем кормить. С утра последний дощик заварил.

Рассмеялась невольно:

— Это же еда — идиотов, — нагло цитирую, дразня.

— Ну... ты ж сама меня на нее присадила, че теперь сделаю? Ну? — попытка заглянуть мне в лицо. Поддаюсь. Глаза в глаза.

— А как же замуж? — будто лезвие глотнув, рублю, кую я, пока еще горячо.

— А че с ним? — шутливое. — Думаешь... ЗАГС завтра закроют? Или не только минимальный, но и максимальный возрастной ценз введут?

Усмехнулась благодарно... за тепло, понимание... и заботу:

— Думаю... таких дураков не пустят, как мы.

— А мы им нашим утренником провальным пригрозим — если что, сразу пьяного Дед Мороза организуем — тут за Коляном не станет, уж поверь. Бесплатно подсобит — те навеки нас запомнят, и даже гипноз не спасет.

— А если лето будет? — поддаюсь на большую игру глупого веселья.

— Тогда это будет еще куда фееричней: в красных труселях и с бородой.

Рассмеялась. Обмерла, закусив губу на миг. А затем снова глаза в глаза:

— Спать?

— Спать, — живо закачал головой, состроив серьезную гримасу. — Только на диване, идет?

Улыбнулась:

— Чур я на краю.

— Да ради Бога! Хоть посередине! Главное... сильно в стену меня не укатай, а то в дырку провалюсь... или к соседям.

Тихо, сдержанно... хохочу невольно:

— Я тебя не стою.

— Ох-ох, — закачал головой, паясничая. Широкая улыбка расплылась на устах: — Я сам себя не стою... но как-то же живу. Вот и ты справишься!

Расстелить постель, забуриться в нее, крепко обнять друг друга и уснуть... прямо в одежде.

Не знаю почему, но вот это... мне понравилось. Даже самой смешно. Но правда.

Что ж... может, и верно: нужно время, придет момент — и свыкнусь с мыслью, определяю и ему, Вадиму, место в своей жизни... а там и в сердце — причем не только как для хорошего друга, но и как для... мужа.

Глава 16. Философы

Глава 16. Философы

Чуть не проспали. Хорошо, что хоть мой будильник в телефоне сработал. Умыться, прилизать волосы (у этого "коротко стриженного" и расчески во всем доме не нашлось), подкрасить губы гигиеничкой — и выдвинуться в путь — к его дядьке в офис, на практику... оправдываться за наглые прогулы.

И хоть зеленый свет на светофоре горел водителям, а этой овце — красный, да только "танку" это было ни по чем. Кинулось сие нелепое существо, казалось, просто из ниоткуда прямо под колеса машины Вадика, едва успел среагировать, зажать по тормозам... Жуткий, полоумный визг шин — и встали. Умчало, ускакало живо это чудище, даже не обернувшись в нашу сторону.

— С*ка, — злобно рыкнула я, провожая взглядом эту тупую малолетнюю курицу.

Но буквально секунды — и вдруг удар сзади. Запищало, рыкнуло что-то. Дернуло, сдвинуло нас вперед дюжей силой.

Резко обернулись.

— Писец, — нервно выругался Вадим.

— Б***ь, — подытожила я.

Из авто, что так удачно припарковалось нам в багажник, уже выскочило трое молодых людей (амбалов). Резво кинулись к нам.

Распахнули дверь. За шкирку вытащили моего Вадика (едва успел отстегнуться, чтоб не удушили) из авто — швырнули в сторону. Чуть не упал — прошелся, подался вперед, согнутый, невольно гася инерцию.

— Ты че, б***ь, творишь? — завопил самый резвый. — Ты че, с*ка, зеленый не видишь? Че, пададь, тормозишь посреди дороги?!

— Вы че, ох**ли?! — мигом выскакиваю из салона на улицу уже и я, следом.

— А это что еще за с*ска?! — Взор на меня: — РОТ ЗАВАЛИЛА!

— А ТО ЧЕ?! — бешено воплю в ответ.

— Оставьте ее в покое, — тихое, но рыком Вадим, вступаясь. Шаг в мою сторону. Да и я уже к нему.

— Че ты вякнул? — свирепо на Буйтова. Взгляд метнул в мой бок: — Держите эту с*ку! Подчинился тотчас его человек, верзила: ко мне, наперехват.

— А ты, упырь, иди сюда! — молнией к Вадику.

— Отвали! — рычу ублюдку, пытаюсь уйти от его цапанья. Но тот ловчее — за руки ухватил и вмиг заломил их за спину. — Отпусти, тварь! — отчаянная моя попытка отбиться.

— Че вам надо?! — яро рявкнул Буйтов.

— Че-че? — борзое Главного. Взором бурит его. — Готовь бабло, с*ка! Раз водить, тварь, не умеешь!

— Какое бабло?! — визжу, ошалевши, я. — Вы че слепые?! Там овца под колеса кинулась, — мотнула головой в сторону дуры, след которой давно уже простыл. — Не затормози он — трупяк бы был!

— Какая овца?! Че ты мне лечишь?! — яростное на меня, нервно плюясь.

— И это вы нам в зад влетели, а не мы! Дистанцию надо держать было! И куда сам смотрел, а?! — не уступаю в бешенстве.

— Я те сейчас поумничаю, — шаги ко мне ближе.

— Сейчас ГАИшников вызовем. И разберутся... кто кому что должен, — раздраженно запричитал Вадик, вынув телефон из кармана, и лихорадочно принялся по кнопкам бить пальцем, набирая номер.

— Ты че, ох*ел?! — ополоумев. Резвый разворот — удар по рукам тому, отчего тотчас улетел аппарат на асфальт. — В *чко себе засунь! Какие менты?!

— А че такое?! — ору, вырываясь. — Зассал?

— Я те сча въ*бу! — неистово в мою сторону.

— Ника, не лезь! — гневное Буйтова неожиданно на меня. — Ребята, — уже более сдержано, мягко. Растеряно пожал плечами Вадим: — Че не так? Если вы правы — вам по страховке все выплатят!

— Я с этими гн***ми связываться не хочу! Как и ждать, с бумажками твоими возиться! Живо, — кивнул в сторону, — ноги в руки — и за баблом. Тридцатка с тебя! А баба твоя — пока с нами побудет, для успокоения, так сказать, души. Час у тебя, с*ка. А задумаешь слинять, или кому стукануть — учти, везде найду и сам въ*бу.

Сжал сильнее меня мой захватчик в своих лапищах и вдруг силой потащил к автомобилю этих уродов.

— Вы че, парни?! — отчаянно выпучил zenки мой... «жених». — Не трогайте ее!

— Рожу через Женьку найди! — взвизгнула я из последних сил. Плюхнулась лицом на заднее сидение. Гневные попытки сопротивляться, вырваться — тщетно.

— Час у тебя! Будем ждать у кафе. Кто лишний появится — учти: и ее порежем, и тебя потом найду!

— Это вымогательство... и похищение! — возмущенно, хотя явно сдав позиции.

— А еще мокруха будет, если еб*ло не завалишь и молча не исполнишь! Всё, ясно?!

— Не смей! Роже звони! — снова воплю, сквозь открытое окно. Отчаянно сверлю взглядом утонувшего уже в трусости Буйтова.

Дерганый взор его около — и поддается: шаги к машине — нырнул в салон. Взвизгнули шины...

Рамсящий — к нам, и тотчас за руль. Третий же — с другой стороны от меня прыгнул: зажали вместе с захватчиком меж собой. Развеселый, гадкий взгляд, меряя с ног до головы.

— Черт, хоть бы завелась еще, — нервно выругался Водила.

Дернулась я обиженно в тисках похоти.

— Уроды вы, — капитулируя. — Пи*дец вам будет.

— Ага-ага, — ядовитое. Обернулся ко мне Главный. Глаза в глаза: — Завались, а, — скривился. — Я хоть и добрый... но не настолько. За*бешь — въ*бем. Все, без разбору. Понятно? И на счетчик с процентами поставим.

— Ваша тачка тут не больше сотни стоит. Какие тридцать? — сплевываю борзо.

Ухмыльнулся вдруг. Закачал головой:

— Ты или больная... или смертник.

Отвернулся. Взревел мотор — тронулись.

— А может, ей нравится... чтоб ее толпой, — неожиданно загоготал Третий.

Ухмыльнулся Водила, взор в окно заднего вида, на меня — уловила, ответила тем же.

— Ниче... и не таких вылечивали, — рыкнул паскуда.

Резиновые... бесконечные минуты немой перепалки взглядов с Главным, зажиманцы на заднем сидении с остальными двумя отморозками.

— Тебе хоть восемнадцать есть? — едко ухмыльнулся вдруг Водитель.

— Пятнадцать, — открыто язвлю.

— Гы-гы, — паясничая, тотчас выдал Третий. — А че тогда так старо выглядишь?

— Пошел ты, — дернулась, невольно пнув локтем.

Рассмеялись все трое.

— Че с этим хлюпиком забыла? — внезапно обернулся ко мне Водила. Глаза в глаза. — Ты ж его тупо авторитетом зачмыришь. Задавишь. Или нравятся подкаблучники?

— И чем он подкаблучник? — едкое мое.

— А тем, что я*ц у него нет, — уверенное, давясь странной ухмылкой.

— Ты сам проверял, или кто подсказал? — сплевываю яд на автомате, поспехом.

— А может, и ч*ена, — едкое хихиканье "Юмориста".

— А может, он пальцем виртуоз, — заржал, отозвался вдруг Захватчик.

— Нормального тебе надо... а то... запилишь до смерти, бедного, — улыбнулся Водитель.

— А "нормальный" — это типа вас? — язвлю. — Как вы уже все за*бали этим словом! — сама не поняла, как выпалила. Накипело. Действительно... накипело. — То одним тот не такой, другим — этот. Проще одной быть, — обижено буркнула, опустив голову.

— Проще, — гыгыкнул вдруг Третий. — Но не так весело.

— Будь снами, — ухмыльнулся, произнес как-то жутко, пугающе Захватчик.

Внезапно дернулся и ухватил меня за грудь.

— Отвали, придурок! — отодрала, отбила его руку от себя.

— Жек, угомонись! — гаркнул, вступился Главный. — А ты, овца, за языком следи!

— Так час уже вот-вот ляпнет... не успеет гаврик, — радостно продолжает старую тему Третий.

— Еще подождем! — рявкнул Водила. — Или вам че... больше некого вы*бать?

Благодарный взор метнула я на него, но тут же осеклась.

— Ну... тут халява, — ухмыльнулся виновато собеседник.

— Как бы тебя халявой потом не сделали, — чиркнул в ответ злостью. Резко уставил взгляд на меня: — Че за Рожа? Че ты там вопила? Кто может приехать? — с некой опаской Главный.

Едва сдержала самодовольную ухмылку.

Глаза в глаза:

— Брат.

— И всё? — твердое.

— А этого мало? — язвительное. Улыбнулась я самоуверенно: — Или только между вами это что-то значит? А как относительно сестры — то нет?

— Кто он?

Паясничая, вздернула я плечами:

— Потом узнаете...

— Нормально отвечай! — с наездом. — Учти, если этот твой х** прискачет с кем-то еще... — реально, только по частям вернем. Так что давай — по делу. Не юли.

— Брат и брат. Что тут еще?..

— Чем занимается?

— Бизнес у него, — гаркаю едко.

— Какой?

— Волшебный.

— Я тебе сейчас всеку, — ярое.

Ухмыльнулась, хотя страх все же прошелся волной, будоража каждую клетку.

— Мазур и Миращев... говорит что-то?

Удивленно вздернул тот бровями.

— Ну?

— Вот и "ну".

— И че, с ними мутит?

— Мутит, — паясничая.

— Мира, что ли? — удивленно перебил меня Третий.

Оборачиваюсь. Глаза в глаза с этим Юмористом:

— Мира... тот, который от "войны, а не от мира идет"... — невольная, ядовитая цитата.

— Да пи*дит она, — гневно сплюнул Захватчик.

— А ты проверь, — язвлю, обернувшись уже к нему. Живо убрал, отодвинул тот руку от моей груди.

— И че, прям все прискачут тебя спасать? — ухмыльнулся, рассмеялся Главный.

Отвечаю взором ему, молчу показательно.

— То-то я думаю... развыступалась курица, — неожиданно запричитал, давясь смехом, Третий. — Х**в блатных нас*салась — вот и прет деваху. Корона кукушку сдавливают.

— По себе не судят, — рывкнула на автомате, но тотчас осеклась, прикусила язык.

— Ты сча доп**дишься, — гневное мне в лицо Водилы. — Всё! Завалили все е**льники — и ждем. Осталось недолго — и тогда уж будем думать... че, с кем и как решать.

— Этот, твой катит? — кивнул за лобовое стекло куда-то Главный.

Прищурилась — вроде форма машины Вадика, да и номера его (не запоминала особо).

Шумный вздох:

— Похоже.

— Как е**ться, так она знает, а как тачку запомнить — так "похоже", — едкое Третьего.

— А с чего ты взял, что я с ним е**лась? — гневное в лицо.

Ухмыльнулся:

— А че не, не дала? Не успела?

— Не захотела, — язвлю, передергивая слова.

— А че тогда с ним трешься? Так разводишь на бабло?

— Это вы его — разводите. А у нас с ним — просто общие дела.

— Ну-ну... вон как примчал, — кивнул вдруг на дорогу. Устремила взор: идет, топчет... один-одинехонек... идиот. — Послушался... явно любит.

— А толку, — раздраженное Водилы. — Она все равно его защитит и выбросит. Если такая борзота... Вон, мы еле справлялись... с этим поносом, — тихий смех. Рывок — и открыл дверь. Выбрался наружу.

Вылез и Третий, но отойти, открыть мне ход — (не затупил) не удосужился.

Облокотился на крышу тачки. Пристальный, сверлящий, следящий взор за товарищем и

моим "освободителем".

— Ну че, принес бабло?

— Да, — живо нырнул во внутренний карман и достал, протянул толстую скрутку.

— А помельче нельзя было? — резво выхватил предложенное Водила и засунул себе в карман. — Пусть только будет меньше — номера запомнил — везде найду!

— Девушку отпустите, — тихо: не то веление, не то мольба.

— Не торопись, — приказное, грубое Главного.

Обернулся. Махнул рукой своим:

— Тащи сюда!

Только попытался схватить меня Юморист, как тотчас уваливаю, невольно сильнее прижимаясь к Захватчику:

— Я сама, — злобно.

Уступает.

Движение вперед — и вылезла. На автомате поправила одежду — стремительно пошла в сторону "Героя".

— С тобой всё хорошо? — попытался коснуться меня Вадим, но вмиг уклоняюсь. Гневный, полный ярости взгляд в лицо этому идиоту:

— Где Рожа?!

Игнорирует. Уставился на Главного:

— Ну че, всё? Разъехались?

Ухмыльнулся Водила. Взор на мгновение метнул на меня, а затем вновь вперился на Буйтова:

— Да, разъехались. Но ты бы у бабы своей... я*ца-то отобрал. Гляди-ка, может, и самому быгодились, — рассмеялся. Шумный вздох.

Разворот, прошелся к тачке. Открыл переднюю дверь. Запрыгнул в салон и Третий. Стоим с Вадимом, следим за этими ублюдками взглядом. Молчим.

— Приятно с вами, ребята, иметь дело, — козырнул, паясничая, Водила. — Мире привет, — колкое, окончательно вещая позорные погоны «шестерки» мне, проигравшей.

По газам — и умчали твари...

Резко обернулась. Ход к тачке Вадима. Поспешил за мной:

— Ты как?

— Нормально! — раздраженное, отбиваясь от его руки, объятий. Желчная змеюка сомнений зашевелилась во мне, вторя, уступая... словам этих мразей.

И даже... не то, что развели, как школьников, нас... было обидно. Нет. А то — что уступил. Тем более... что был шанс все распутать красиво. БЫЛ! Рожа бы точно такое влегкую порешал... но нет же! НЕТ! Отвалил бабло! Да еще какое! Сколько!

— Откуда деньги?! — гневно выпалила в сторону Вадима, завалившись в салон на пассажирское кресло.

— Да так... кое-что продал.

Глава 17. Мужланка

Глава 17. Мужланка

В этот день... мы уже оба не попали на практику. Загнать тачку во двор. Зайти в ближайший магазин — прикупить спиртного — и домой.

Едва завалились в квартиру, как тотчас, уже изнемогая от всех шальных мыслей в голове, что просто разрывали сознание, словно бомба, выпалила ему в спину (ушедшему на кухню раскладывать покупки):

— Ну... говори... нормально, что продал? Тридцать штук — это тебе не косарь из занычки достать. А?

Подаюсь за ним.

Пристальный, сверлящий взгляд в лицо.

Не смотрит, кривится:

— Неважно, — буркнул себе под нос.

— И так у нас всегда будет? Да?

— Как? — гневно рявкнул и уставился мне в глаза.

— А так: что ни мое мнение, советы неважны... Ни даже знать мне... что и откуда. У тебя вон, — кивнула головой в сторону окна. — На бензин едва хватает: все бабло на хату и еду уходит. Не говоря уже об остальном. А теперь вдруг... крутые ненужные вещи, которые можно так легко продать... за, мать твою, тридцатку!

Очи в очи, с вызовом:

— А что мне еще оставалось делать?! А?! Или тебя там оставить, а самому слинять?!

— Не вестись на чушь! Ментов вызывать! А если и вляпались — то к Роже ехать! Он бы зарешал на раз два все это! Эти с*ки тупо тебя развели — а ты и повелся!

— Ник, не надо, а! — злобно оскалился, закачал головой. — Мне и так хер*во! Еще и тачка разбита! Неизвестно когда и за что, за какой лавандос чинить ее!

— Че продал, говорю?! — с наездом. — И кому?.. — не менее дерзко.

— Да барыге местному, знакомому одному... ноут, телефон и деда часы загнал. Остальное, что на аренду откладывал, доложил.

— Ты больной, что ли? — ошарашено выпучила я очи, сжалось у меня все внутри от ужаса. — И как теперь?

— Да как-нибудь! — гневно. Отвернулся. Открутил пробку бутылки и разлил горячее. — Б**, запивон забыли...

— ВОДОЙ ЗАПЬЕШЬ! — бешено. — Чем за квартиру платить думаешь?! А работать бс компа как? А диплом?! Ты вообще чем думал, а?!

— А че мне, кредит надо было брать?!

— МОЗГИ КУПИТЬ! — яростно сплюнула.

Разворот — и пошагала в коридор. Живо достать из кармана телефон — и набрать заветный номер.

Гудки — и...

— Да, Ник?

— Привет... дело есть. Когда можем увидаться?

— Ты куда? — ошарашено на меня выпалил Вадик, едва я стала обувать кроссовки.

— К Роже...

— Не смей! — бешеное, отчего я даже оторопела.

Взгляд в глаза этому странному существу:

— В смысле? — опешила еще сильнее. — Этих х**в ловить надо. И научить уму разуму.

— Ты че, шутишь?! Не смей! Никто тебе ничего не вернет! Да и доказательств нет!

— Моего слова хватит.

— Не смей! — дерзкое, приказом. Шаг вплотную. Дрожит от ярости: — Не смей его сюда впутывать! Я с такими не хочу иметь ничего общего!

— А-ах, с «та-акими»? — протянула, паясничая. — Так и я — одна из них!

— Да причём тут? — возмущенно.

— Да при всём!

— Короче, — гаркнул. — Откупился — и откупился. Следующий раз умнее буду!

— Ага, — язвлю. — Регистратор купишь.

Смолчал. Прожевал эмоции.

Сдержалась и я. Знаю, что... глупо уже махать кулаками после боя. Хотя... и хочется... очень хочется навалить, проучить этих г*ндонов. Но надо было сразу за я*ца да жать по полной, а не...

— Выкупать надо... твои вещи. Денег попрошу.

— Не надо, — злобно, но уже более мягко. Сдержано. Явно уступая — ибо знал, кто прав.

— Вернешь... — спокойно, уговором. — Потом, не спеша. Попрошу для себя. Тебя не сдам. Идет?

Скривился. Но молчит — не сопротивляется более.

— Доверься мне, Вадим. Хорошо? Как я... доверилась тебе.

Опустил очи. Разворот — и пошагал на кухню, не проронив ни слова.

Зазвенела посуда...

Поймать нужную маршрутку — и отправиться в путь-дорожку. Сесть на последнее сидение, ближе к окну, передать за проезд — и в очередной раз нырнуть с головой в болото сумасбродных мыслей. И даже не так волнение от предстоящей встречи, разговора глодало, как... слова, рассуждения этих дерзких "философов" не давали мне покоя.

А ведь... как не крути, а в чем-то они правы... Хотя нет — во всем. Относительно нас с Буйтовым. Правы... Не знаю... Этот случай словно отрыл мне глаза. Словно некое предупреждение... "демо-версия" нашего будущего, "светлого будущего". Где он — муж, который... да, весь такой деловой, да, допустим, при бабле, с жильем отдельным и машиной, с увлечениями интересными, не последний человек в городе — вша деловая. А я — жена... при всем нем таком красивом серой мышью, грубиянкой неотесанной, которая... что только и может, что учиться средне — да без особого толку. Может, к дядьке к своему в офис пристроит — буду переводчиком в агентстве. А дальше — семья, дети... И наступит патовый момент. Он — сразу спрячется под лавку... и решать придется всё мне? Или так, как сейчас, отдаст всё до последней копейки, лишь бы никто костюмчик не помял... да лишний никто не узнал о провале, о позоре? Даже за правду не постоял — прогнулся, как трусливая шавка. Не знаю... Не думаю, что смогу уважать такого мужа. Не думаю...

Да и сейчас... уже неприятно. Непонятно как-то на душе. И благодарна, что "вызволил"

из лап хватчиков, что не бросил... Однако — если бы не он... я бы туда и не попала.

Черти что...

Вот Мира... Опять Мира! Чертов Миращев... Но, тем не менее... да жесток, безбашен неадекватен временами. Чего только стоит эта вечная его ухмылка, что бы, где и с кем не происходило — всё ему смешно. Однако... он как и я, как и Рожа... Гордость это... или слепая гордыня — но... сдохнем, а позору не отдадимся. Хотя... в тоже время... один позор уже упал на мою судьбу. Подумаешь, еще немного прибавится.

Зато "нормальный", "правильный" будет муж. Не посадят и не убьют, нас шантажировать не станут. Или же нет? И никто не застрахован... а с таким мягким стержнем — и того чревато будет?

Не знаю...

ЧЕРТ! Не знаю!

Зато любить будет. Верный, заботливый... Семейю обеспечит. Интересные беседы с ним вести можно будет по вечерам!

"С*ка, что за бред?!" — на глазах моих застыли позорные слезы.

Неужто... неужто вся жизнь меряется "стандартами", которые... кто-то иной придумал?

Почему... почему я не могу найти кого-то, кто будет похож на Рожу — и выйти за него замуж. ВОТ ПОЧЕМУ?! И беседы — я сама-то... так себе собеседник. Мне нужен тот, с кем приятно будет молчать, своим делом заниматься... но при этом чувствовать тепло, заботу, любовь. Да, муж, который будет содержать семью — но без фанатизма. Ни виллы мне не нужны, ни поездки на море. Ни тачек крутых или еще чего — плевать. Лишь бы на элементарное хватало: квартплата, вода, еда, шмотки. За садик, за школу... заплатить. Мне не нужны золотые горы... и муж академик наук, нет. Мне нужен мой мир... и мой человек, где я буду как рыба в воде, среди косяка, а не... выпавшим из подсака ершом... среди травы, выжидающий пока без кислорода сдохну, или же какой кот — раздерет на части, избавляя, заменяя одни мучения другими.

Кафе. Упасть за столик напротив уже заждавшегося Федьки.

— Привет, — машинально гаркнула и зажмурилась, подбирая слова.

— Привет. Че? — рассмеялся тихо. — Даже не обнимешь?

— А, да, — распахнула веки. Глаза в глаза. Улыбнулась. — Прости, — живо подалась вперед, приобняла — чмокнула в щеку. И снова опуститься на стул. Взор лихорадочный около.

— Ну, че случилось? Говори, — нетерпеливо. Голос дрогнул в тревоге.

Шумный вздох — и отваживаюсь вновь уставиться в лицо:

— Влетела я, по-крупному... Деньги нужны. Тридцать штук. В ближайшую пару дней.

Рассмеялся тотчас, а затем замер в болезненной гримасе:

— Некисло так. Что произошло?

— Федь, — скривилась я; закусила губу. Отвела в сторону взгляд. Врать — не хочу, но и Вадика-то — самой стыдно упоминать. Черти что... сколько ехала сюда, сколько крутила свою речь, репетировала — а все равно ничего толкового не сообразила. — Неважно, — резко рубанула я. Глаза в глаза: — Так поможешь? Я верну, — спешно уточнила безоговорочное (как для меня самой) условие.

Вздрагнул, отдернулся даже назад. Нахмурился тотчас:

— Эт че за слова? — грубое. — Твои залеты — мои залеты. И даже не начинай. Что

смогу — то придумаю. Завтра в офис, в магазин к девочкам подъезжай после обеда. Постараюсь достать и оставлю им на сохранность.

— Спасибо большое, — смущенная, шепчу, пряча виновато взор.

— Так че случилось-то? Че молчишь?

Закусила язык. Черти что...

— Говори, не отстану же. Это условие, — дерзкое, хотя и слышны нотки смеха.

Поддаюсь на настроение — заливаюсь неуверенной улыбкой.

Подвожу взгляд:

— Я не могу всего рассказать. Но это... реально решит проблему.

Долгий, сверлящий взор... и не выдерживает моего упрямства:

— Какую? — сдержанно, мягко, но с напором.

— Кое-что выкупить.

— Недешевое...

— Недешевое.

И снова перепалка взглядов. Язвят, грызут мое сердце недомолвки — но иначе... увы, нельзя. Причем... по многим причинам. И большинство — доводы лично мои, а потом уж — Вадика.

Скривилась.

Черт, но мне же тоже Рожа многое на рассказывает! И ниче — свыклась. Хотя да, за баблом — я иду к нему, а не он ко мне... И тем не менее...

— Ты прости, — не выдерживаю. — Но не могу... Действительно не могу сказать, — поморщила лоб, строя щенячий взгляд.

Ухмыльнулся, сдался наконец-то:

— Но если будут проблемы, позовешь?

Радостно рассмеялась я, упиваясь облегчением. Чую, как жаром обдало щеки. Пристыжено опустила глаза:

— Ну, конечно. — Взор на Федьку: — А как иначе? Куда я без своего Рожи?

— На, — швырнула пьяному Вадиду деньги на стол, едва ли не под нос. — Держи. Завтра чтоб выкупил всё.

— А... ну... — заикаясь, промямлил. — С-спасибо! Я верну!

"Да подавись ты", — шепнула себе под нос, отвернувшись уже и пошагав в коридор.

— А ты куда?

— Домой!

— В смысле?! — попытка кинуться за мной следом, но тотчас запутался в своих ногах — и едва не упал — благо, успел вовремя ухватиться за наличник. Обиженный взгляд на меня, следя за каждым моим движением, пока обувалась. — Может, останешься?

Шумный вздох. И как на духу — всеобщий приговор нещадным судьбою:

— Нет, Вадим. — Глаза в глаза со мной... хмурится, не может понять странный, резвый мой тон. Но продолжаю учтиво: — Ни сегодня, ни когда-либо еще. Прощай. Мы слишком разные... И я не смогу быть с таким, как ты.

— А что я не так сделал? — грубое. Напор, попытка идти на меня, но тотчас осекся, едва снова не упав. — Я тебя выкупил! Че еще надо?!

— Чтоб меня и не брали в плен.

— Ты ох*ела?! Эт че... я виноват?! Или мне ту овцу надо было задавить?! С*ку е**нную!

— Нет. Надо было не прогибаться. Сам не в состоянии решить — меня нужно было слушать. И вообще, ты должен решать такие дела, а не я — баба.

— Да какая ты баба?! — внезапно, отчего глаза мои тотчас округлились. — Правильно сказали: мужланка с я*цами. И лезешь, куда не надо!

— Ты не охр*нел, а?! — ревом ошалевшим, хотя все еще держу себя в руках.

— Во-во! Грубая... и неотесанная. Не зря про тебя молва ходила.

— Вадик! Заткнись! Ты пьян — и несешь, сам не знаешь что!

— А что я несу? Правду? Че тебе не нравится? Что я морды не полез им бить, да? Что я не начал вышивать, как твой Рожа, да? Что я не поехал на нары... как он? ИЛИ ЧЕ? Я порешал — спокойно, мирно... разошлись. Че еще надо?

— Ты — идиот. Ума бы лучше себе на эти деньги купил.

— Ах, деньги?! — разворот. Подался к столу. — Да забери ты их!

— Спасибо! Обойдусь! Как и от твоего выкупа! Прощай!

— Л**буха! — бешеным криком, диким ревом уязвленного зверя.

— Да, л**буха! — передергиваю его слова не меньшим ором: по**й уже на соседей. Пусть все слышат... кому не лень. — Да, ОНА! С такими гнилыми... неженками, а не мужиками... грех не быть!

— Да иди ты на**й!

— И пойду! — рванула силой на себя дверь. Выскочила за порог, нарочно лязгнула стальным полотном.

Ублюдка кусок...

А я еще чуть с ним не переспала. Замуж не пошла!

Да ней дай бог!

Спасибо еще этим ушлепкам... что жизнь мне спасли! В такое дер*мо не дали вляпаться!

Глава 18. Семья

Извинялся. Бегал, проходу не давал... Каялся, что пить ему нельзя... что почти и не помнит, что там наговорил. Просил деньги забрать, хотя бы те, что за аренду должен был отдать в этом месяце — отказалась. Хотела и с практики уйти — но убедил. Причем через своего даже дядьку... раз его непосредственно не слушала и ни во что больше не ставила.

Даже ходить не пришлось, маячить, как прежде. Пришла только по финалу... за справкой и дневником.

Пару коробок конфет, дорогой кофе, дядьке Буйтова — коньяк — и практика моя была закрыта.

Диплом. Теперь все силы стоило бросить на диплом, однако... не будь я собой, если бы не придумала себе приключений.

Стыдно было мне перед Рожей... что его так на деньги подрезала... не за какой фиг. А потому — что подзаработала вечерами разносчиком рекламных бумажек, а что так — в ломбард заложила сережки и цепочку, которые мне мама на совершеннолетие подарила. В общем, десятку наскребла — и подалась к Федьке: хоть по частям верну, а уже — и мне спокойней, и ему проще — мало ли... откуда он выдернул такую немалую сумму.

Прыгнула на пассажирское кресло в машину к Роже и уставилась на него.

Счастливо улыбаюсь:

— Привет, — поцеловала в щеку. — Хорошая тачка. Кредит?

— Привет. Ну так, — улыбнулся. — А то по делам мотаться — заманался на рабочем "пыжике". А у Мазура клянчить — и того себе дороже. Над девками так не убивается, как над этой своей "малышкой".

Ухмыльнулась:

— Да уж... мальчики уже выросли, а за игрушки свои всё равно крепко держаться.

Рассмеялся, пристыжено на мгновение спрятав взгляд.

— А ты че, права есть? — улыбнулся.

— Да нет, — поморщилась. — Как-то не тянет... во всю это нервотрепку... и чтоб каждый пятый тыкал в ужасе пальцем и орал в панике, что "баба за рулем".

Загоготал:

— Ну, ты им быстро... мозг на место вставишь. Одним правым.

Ухмыляюсь:

— Я уже потеряла сноровку. Так только — словами кусать и могу.

— Да ладно, не верю, — стукнул легонько кулаком мне в плечо — пошатнулась. Но не отвечаю. Закусила губу.

Черт, надо к делу... а то только паника растет.

— Слушай, — отваживаюсь. Сквозь нервическую улыбку рублю резво: — Я ж не просто так к тебе.

— Ну, я уже привык, — гогочет.

Вмиг стала серьезной, состроила обиженный вид:

— Не поняла. Это упрек?

Ржет:

— Ага. Он самый, — улыбается еще шире. — Когда бухать вместе будем?

Поддаюсь на веселье. Усмехаюсь в ответ:

— Как диплом защищу. А пока ни-ни: мне мои мозги трезвыми и целыми нужны, а то и так — готова уже застрелиться.

— Я те застрелюсь! — наигранно-грозное. — Ладно, — вновь просиял. — Че там за дело? А то и меня мои головняки ждут.

Улыбнулась благодарно.

Живо расстегнула куртку и залезла во внутренний карман. Достала пачку:

— Вот, держи. Только десятка, но уже что-то. И меня меньше совесть грызет. По частям и остальное верну, как смогу. Идет?

Обомлел. Ни единой эмоции.

— Ну че молчишь? — вновь тычу в него. — Че завис? Рожа... мне это важно. Понимаешь? Мне важно отдать за тот косяк! Это... было не то, за что ты должен платить.

Взвинченно, грубо:

— За что ты должна платить — за то и я должен платить. Ясно? Убрала быстро, — дерзко. Поежилась невольно от столь яростной реакции. Поддалась — подчинилась, исполнила веление: убрала деньги, дабы не злить еще больше.

Отвернулся. Бурит взглядом даль за лобовым стеклом. Заиграл скулами, прожевывая какие-то свои мысли, эмоции.

— Что б больше... никогда такого не было. Я брат твой, или кто? — резко мне в лицо. Отвечаю взглядом.

— Прости... — несмело.

Немного помолчав:

— Вот и всё, тема закрыта. И чтоб больше никогда мы к ней не возвращались. Идет?

— Идет, — робко; виновато пряча глаза.

— Я знаю, что ты... Ты всегда сама за себя заплатишь, если будет у тебя такая возможность. Выкрутишься из проблем, заступишься за себя. Что ни нахлебничать, ни использовать меня в корыстных целях не станешь. А если приходишь, то действительно нужна помощь. И я очень... **ОЧЕНЬ** рад тебе помочь. Поняла?

Выжидающее молчание, отчего поддаюсь — закивала головой.

А на глаза позорно проступили слезы.

— Ты че... реветь надумала? Что-то случилось? Или что? Тебе кто-то что-то наговорил? Ритка? Батя? — поспешно, будто пулеметная очередь.

Живо качаю, отрицая, головой.

Позорный всхлип — и отворачиваюсь.

Закусила губу до боли — чуть не вою.

— Че случилось, Ник? — тихо, испуганно. Тревожно.

Вмиг забросил мне руку на плечо и притянул к себе. Щека к щеке. Насильно немного отстраняюсь. Взгляд в глаза. Поддается.

Вкрадчивым, полным горечи, шепотом:

— И почему я не могу за тебя выйти замуж, а?

— Чего? — глаза его округлились.

— Почему ты мне брат? Почему... мне надо обязательно искать, перебирать, выбирать себе мужа среди прочего д*рьма, если вот он... ты: всегда поймешь, всегда поддержишь. Что

бы когда не произошло — не осудишь, не предашь. Защитишь. Всегда и везде... даже если сам падешь на землю, всегда бросишься в бой. Почему, Рож? ФЕДЯ, ПОЧЕМУ? — отчаянно. — За что со мной так судьба?

На лице его — шок. Тягучая, жуткая тишина. Я и сама осознаю ужас, неприемлемость всей ситуации, но... по-моему... я вся такая, как и вся моя жизнь.

— Ну выходи, — громом.

Нервно отдернулась я назад, на расстояние приличия.

— Не поняла, — тихо, растеряно.

— Выходи, говорю, за меня... — еще сильнее сжалось мое сердце от радости, но запротивился разум от услышанного. Заржал вдруг Федька, смущаясь: — Я не против, Ник. Только смысл?.. Че мы с тобой делать будем? — кивнул головой. — Не детей же строгать?

Ржу уже и я, оторачиваясь, краснея, как мак. Щеки охватило пламя.

Ибо и сама как представлю — так... все внутри переворачивается. Не знаю почему, но... противно.

— Я всегда был и буду твоим братом. Сколько бы лет нам не стукнуло. С кем бы не жили и не спали. Всегда. Ты — мой Некит, — притянул к себе. Давление — и поддалась, уложила голову ему на плечо. — А я — твой Рожа... Мы — семья. И никто никогда у нас это не отберет. Пока сами не откажемся. А я — быстрее сдохну, чем это произойдет.

— Как и я, — несмело шепнула.

— Ну вот... и не грусти. А муж... будет он, или не будет — по**й. Правда? — метнул на меня взор. — Как и жена, — торопливо добавил. — Это другая история... И заморачиваться... что вот так... как ты говоришь, "искать" — да пропади оно пропадом. Столкнемся лбами — ура, а нет — то и временными ласками ограничимся. Ибо да... природа берет свое.

Ухмыльнулась печально:

— Увы... это только вам мужикам так можно. А нас — сразу заплюют: шлюха, шалава подзаборная...

Коротко рассмеялся, но смолчал.

— То-то же... — подытожила, грустно вздохнув. — И чего я мужиком не родилась, а? Сча бы... баб сняли, набухались... и все беды бы прошли.

— Оно не лечит.

— Что? — живо метнула на Федьку взгляд, привстав.

— Да всё это... что ты назвала, — взор мне в глаза. — Ни бабы, ни алкоголь... ни даже бабло. Если на душе — дер*мово... то дер*мово. Ты думаешь, вон... Мазур... при бабле и бабах, счастливый? Ни х*ра. Все ходит... неприкаянный, ищет, чем себя занять, чем хоть немного реально обелить будни. Но ничего. Даже до наркоты дело доходило — в итоге бросил. Пусто везде... пусто, если не знаешь, в чем смысл жизни. Не знаешь, для чего живешь... Чего на самом деле хочешь. Так и ты — не в тр*хе счастье... А муж, семья — ну... если не твой человек, то и не надо. Поверь, уж лучше один... чем жрать всякое д*рьмо и давиться.

— Верю! Федь, верю! — отчаянно, поморщившись от боли. — О чем и речь! Почему ты... тот, кто реально мог бы сделать меня счастливой, родился мне братом?.. А не... каким-то чужим человеком, которого бы я встретила хоть сейчас, хоть в будущем — влюбились бы друг в друга и были бы безумно счастливы!

Ухмыльнулся добро, понимающе:

— Просто... у меня другая роль... в твоей жизни. Так надо. И глупо спорить. И ты неправа. Я чувствую, что неправа. Ведь я не один такой придурок на свете — еще встретишь похожего, раз так охота. Только и я не святой. Глупый, грубый... Не святой, увы, — закачал головой.

Смеюсь:

— А мне и не нужен святой. Хватит уже... "правильных" мальчиков. Тошнит от них — одни проблемы. Сколько сторонилась — и век бы еще обходила, но нет: вляпалась. Напробовалась — спасибо, отныне и навсегда сыта. И не вздумай мне вновь давать такой совет: не хочу... подтирать взрослым дяденькам носы. Которые выросли только, чтоб тр*хаться, а как проблемы решать — так сразу скулят побитым падальщиком и в кусты прячутся.

— Это из-за этого?.. — кивнул вдруг головой на меня. — Поэтому хотела отдать?

Пристыжено улыбнулась, спрятала на мгновение взгляд:

— Тебе лучше не знать. Но деньги для меня, — смело в глаза. — Так я окончательно стала свободна.

Удивленно вздернул бровями, но смолчал.

Шумный вздох, убрал руку, переложил на руль. Повернулся. Взор за стекло:

— Ладно, ехать пора. Куда тебя закинуть?

— Домой, — отворачиваюсь и я. Уставилась в окно. — Женька уже, небось, заждалась. Да и моя очередь суп варить.

— Суп? — ухмыльнулся вдруг. Взгляд на меня.

— Ага, — радостно подтверждаю я. Очи в очи. — Хочешь, заезжай вечером — перекусишь.

— М-м-м... Так, что там сегодня? — быстро достал телефон из кармана куртки и посмотрел на экран. — Пятница? А да, давай. Вина куплю, торт на десерт. Идет?

— Заметано, — счастливо улыбаюсь. — Только тогда с ночевкой, — грозно добавляю я. — Не отпущу подшофе за руль.

— Ну, или на такси — если места не найдется.

— Найдется! — тотчас вскрикнула я. — Еще как найдется! — заливаюсь смехом. — Под боком пригрею!

— Ну... раз пригреешь, — гогочет.

Завел мотор — и помчали к цели.

Ч. 4. Глава 19. Вдребезги

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. По осколкам судеб

Глава 19. Вдребезги

Весна 2009 г.

Черт! Сколько без дела шаталась, пока ждала своего дипломного руководителя, так никому не нужна была, а как только за работу взялись — так и сразу. Звонок на телефон. Неизвестный номер. Отбить — и тотчас учтиво извиниться перед Маргаритой Михайловной.

И снова настырный. По крайней мере, больше шансов, что именно я нужна и срочно.

— Простите, можно ответу? Я быстро.

— Да, конечно. А я пока подготовлю для тебя материал, который отыскала у себя дома.

— Благодарю, — смущенно улыбаюсь.

Встать из-за парты и пройтись по пустой аудитории ближе к окну.

— Да, слушаю? — тихо, едва различимым шепотом.

— Это Федор. Не перебивай, — грозно, четко, набатом. — Я в СИЗО. Счета заморожены. Квартира опечатана. Мажа не поможет. Бате ничего не говори. Привези одежду, постельное, пластиковую посуду, мыло, одноразовую бритву... Еды... не помню уже, че еще там можно... Короче, тут поспрашиваешь и купишь. Ах, да, на этот счет кинь лаве — пятихатки хватит. Жду.

Отключился.

Аппарат выпал из моих рук. Не шевелюсь, не дышу. Лишь взгляд раненной птицей мечется из стороны в сторону, сгорая в предсмертной агонии.

— Вероника? Бирюкова! — слышу растушеванным фоном голос преподавателя, но отреагировать на него не могу — нет сил. — Что-то случилось? — замерла та рядом со мной. Что-то протягивает, заглядывает в лицо. — Что такое? С родными что-то случилось?

Немыми, сухими губами зашевелила, не издав не звука:

«Да».

По щекам потекли слезы...

Денег, которые Рогожин не взял... уже не осталось. Что потратила, выкупив из ломбарда свои вещи, а что так: на нужды, на одежду и на квартиру. Улетело всё враз.

Так что — опять достать из закровов, злосчастную уже, ювелирку... и податься привычной тропой рабов разбитых судеб. Заложить все — и на вырученные деньги купить на ближайшем рынке кроссы, носки, белье...

Черт, спортивный костюм!

Стою в палатке, как идиотка, сверлю взглядом на вешалках мужскую одежду, изучая размазанные по плоскости стен пестрые пятна разнообразных вариантов.

— Может, Вам что-то подсказать? — вмешалась в мои тугие, густые, словно кисель, тщетные размышления продавщица.

— Костюм. Спортивный. Мужской... — задумчиво, обрывками, выдавливая звуки едва осознанно. Взором пытаюсь нащупать среди сумасбродства «модных» извращений что-то толковое, «стандартное», типичное. Подходящее.

— А размер?

Черт... Нервно скривилась я. С обувью — чуть с ума не сошла, силясь не прогадать.

А тут... опять, и того еще хуже.

— Выше меня где-то на полголовы, — махнула я рукой у себя над макушкой. — Худой. Глиста, короче... И нужно... что-то попроще, без наворотов. И да, без красных и голубых вставок, — эхом вспоминаются старые байки (правда, али нет, но, мол, действует запрет в таких местах даже на вкрапления этих двух цветов), — неброское... Что-то примерно, как вот висит, — ткнула я пальцем на детский темно-синий с белыми вставками.

Мгновения, дабы сообразить, — и живо закивала головой одобрительно женщина:

— Поняла. Сейчас отыщем. Только, подождете, пожалуйста, постоитесь здесь, а я сбегаю — в другую нашу палатку. Тут, недалеко, через ряд — найду нужный размер и принесу. Хорошо?

— Хорошо.

Идеально. Пospешно расплатиться — и дальше по курсу: туалетные принадлежности; еды немного приобрести, чай рассыпной...

Вроде, всё. Вдох-выдох — и в путь.

Черт, а адрес? С*ка...

Перезваниваю — абонент недоступен.

Домой. Заодно постельное взяла (надо же! идиотка! чуть не забыла!)... свое, из мамкиных запасов вытащила, ибо покупать, если так-то, то уже и не за что.

Вбить в поисковике, нарыть адрес — и стремительно пуститься, рвануть к конечной точке.

Расспросить о недостающих частях врученного пазла, докупить мелочи — и передать всё конвоиру.

— Простите! — краснею, исходя уже от ужаса, смущения и неловкости. — А увидеть Его... как-то можно?

Скривился от раздражения мужчина. Махнул рукой куда-то на выход:

— Там вон, в окне. На короткое...

Разворот — и пошагал прочь, унося поклажу.

— Спасибо большое! — крикнула вслед, заливаясь благодарностью, почти понимая, что он имел в виду.

Отыскать нужное место, окошко — и в очередной раз расстроится. На запись по времени не успела... А потому с самого утра — занять очередь, и около обеда — оставить заявку на «короткое свидание».

Домой. Покорно ждать следующего дня...

Сесть за стол. Напротив Него. Склонить голову и молча слушать... внимать каждому Его слову...

— Не знаю, Ник, честно... кто навёл, кто заварил всё это. Так что будь осторожна. Никому не доверяй. Даже Маже. Мутный он какой-то последнее время. Чудной. Звоню — даже трубу не берет.

— Ты же обещал мне! — отчаянно, горько, перебивая. Глаза в глаза. Застыли позорные слезы на моих ресницах. Дрожу от боли, что внутри накалом пошла.

Поморщился от горечи:

— Ник! Да, б***ь, я че знал?! — раздраженно рявкнул. Встал с места. Прошелся.

Разворот: — Меня подставили! Слово даю!

— Как тогда, да? — скривилась от разочарования, обиды. Злости.

Обмер, уязвленный. Колкие мгновения — и грубо, твердо, озлобленно:

— Нет, — дерзко. — Не как тогда. Тогда — я сам виноват был.

— А теперь? — с вызовом взгляд в глаза.

— Говорю же: НЕТ! — криком, но тут же осекся. — Некит, ты че мне... не веришь?

Округлил от удивления очи.

— Нет у тебя больше Некита! Нет! — резво спохватилась. Оскалилась в презрении: —

Гад ты! ГАД! А я тебе верила! А ты опять за старое! Руки чешутся! Не одно, так другое!

Оторопел. Жадно выпучил на меня свои зенки и, казалось, боялся моргнуть, дабы это не стало всё реальностью.

— Да когда ты поймешь?! — продолжила я, нервно затрясшись уже от наката истерики. — Они тебя только используют! Друзья?! Да уроды они! УРОДЫ! Пешка ты для них — был и будешь! Чуть что — сразу в расход! Как тогда, только вас троих повязали, закрыли, а остальные — сухими из воды вышли! Не сдали вы... Герои?!

— Тише ты, — змеем прошипел.

Поддаюсь, но, не сбавляя оборотов бешенства:

— Вот и сейчас. Всех по**й, кто виноват. Отдуваться будешь ТЫ!

— Там всё было по договоренности, по-честному! Не батя же меня пять лет там поддерживал! НЕТ, Б***Ь! А самому там *** выживешь!

Скривилась я, глотнув очередные свои доводы. Но вдох — и решаюсь, уже более сдержано:

— Тогда почему ты еще здесь? Куда они все делись?.. Где твои благодетели, А?!

Поморщился. Смолчал. Опустил голову.

Заиграл нервически скулами.

— А я — знаю, — уже более тихо продолжила я. — Надо что будет — звони. А так... нет у меня ни времени, ни желания... с тобой тут философствовать. Мне на работу пора. Людскую! Нормальную! Которую и тебе надо было найти! — отчаянно, разъяренно, вновь на повышенных тонах. — А не из грязи сразу в князи! Наигрался в мажора?!

— Ника, ты че?! — неожиданно резво, с наездом на меня. Скривился от отвращения. Глаза в глаза: — Я че-то не понял, — гневное. — А как бабло тебе давал, так нормально всё было! А теперь — предъявы?!

— Да пошел ты! — визгом. Живо к двери. Обмерла. Разворот. Уже едва не трясусь от бешенства: — Я тебе, с*ка, всё верну! Как и тогда предлагала — надо было брать, чтоб теперь в морду не тыкать!

— Ты слова-то не перевирай! — резко ко мне.

Вдруг распахнулась дверь. Охранник влетел. Резко обернулась я.

— Вы че, б***ь, здесь устроили?! — бешено рывкнул мужчина. — А ну быстро на выход!

— Иду, — злобное Рожи. Взор на меня: — А ты... ничего больше мне от тебя не надо... сеструха! Посадят — сяду. А ты — вали на**й!.. Раз так хочешь. Больше не потревожу. И не бойсь, писать не буду — усвоил урок. Живи, как знаешь. «По-людски». А я? А я буду — как умею, как получается.

Обида обидой, а переживания за Федьку были куда сильнее... предрассудков, сопливости и идиотизма.

Рожя не звонил. И я — как-то не решалась. Так ходила — передачку принимали, но к нему не пускали. Кто адвокат узнала, да толку? Избегал, что чертову болячку... Никакой конкретики, даже тупо сути... за что закрыли, что шьют — никто и на полслова не расщедрился.

Что жив, здоров — приходилось верить на слово.

И пусть предупреждал, просил никому не верить и сторониться, делать что-то да надо было: не пускать же всё на самотек? Ибо тогда уж точно посадят. Или, хотя бы, если и так, то лишь бы не максимум впаяли, учитывая-то УДО.

Бате сообщать пока не решалась (и что странное — никто иной тоже донести не удосужился), а вот с Мазуром поговорить бы хотелось. Мутный, то мутный. Может, чего боится. Но все-таки другом был: вон... из тюрьги раньше времени вытащил, всем обеспечил. Бизнес на двоих открыли. Не крыса же он? Не думаю... что предатель — нелогично же как-то.

Да и вариантов так-то больше нет.

Мира? Ему сразу на Федьку было по**й, как и на меня (как оказалось) — потому даже пытаться не стану.

В общем, Мазуров. Как ни крути, а другого не дано.

Ритке позвонить, попытаться вновь выпросить номер — глупо, да и... беспокоить лишний раз эту «цацу» — себе дороже.

В магазин. В офис, к девчонкам.

Удивительно, «счета заморожены», как, помнится мне, говорил Федор, а магазин-то работает. Да еще как! Вон сколько зевак да клиентов.

Ну, да ладно. Оно и к лучшему: значит, Мажа при средствах. Если что — будет откуда дернуть капитал.

— А вы, я вижу, — захихикала я, строя непринужденность, улыбнулась старым знакомым, — все в работе. И никакая непогода не страшна!

— Да вот, — печально рассмеялась бухгалтерша Рожи. — Стараемся. Без Федора Романовича все разваливается. И так неделя простоя чего нам стоила... Ох, да ладно, — махнула рукой. — Не будем о грустном. Как там Рогожин? И, кстати, за что его?

— Да черт его знает, — звонкий, горький мой вздох. — Причем относительно всего. Молчат... и хоть застрелись. А Мазуров? Он здесь бывает?

— А как же!.. Правда, редко. Но бывает. А что? — удивленно.

— Да связаться хотела. Поговорить. Может, он что толковое подскажет или поможет. Не могли бы Вы мне дать его номер телефона? Или мой номер, адрес ему передать?

— Давай лучше твои контакты. А то... сама понимаешь, мы люди маленькие — нам велено никому ничего такого не предоставлять. Тем более, он его сменил недавно.

От изумления невольно вытянулось мое лицо. Но не прокомментировала.

— Ладно, где можно чиркнуть?

Улыбнулась добро женщина:

— Да вот тут, — и подала мне чистый А4 лист бумаги и ручку...

И снова суббота. Женька рванула к своим. А я — вот уже которую неделю не решаюсь, оправдываюсь... всем, чем только могу.

Увидят, почувствуют, что что-то не так. Да и мать втихую начнет про Федьку вновь расспрашивать — а врать... не смогу. Не хочу.

А потому лучше уж так — на расстоянии. В наглуую. Дома. В четырех стенах. Уборка, глажка, покушать приготовить, диплом, в конце концов (который уже сродни проклятию... особенно сейчас, когда в голове один Рожа) — в общем, есть чем заняться.

...

Стук в дверь. Неспешно пошаркать, в голове отчаянно перебирая варианты: кто это? Опять реклама? Но чего тогда так поздно, вечер уже.

Предусмотрительно в глазок: черт, темно, как всегда.

— Кто там? — робко.

— Мазуров. Помнишь такого? — тихий смех. — Друг Рожи, Федьки.

Тотчас прокрутить барашек, распахнуть дверь.

Странная, довольная ухмылка гостя.

— П-проходи-те, — замялась, заикнулась я, завидев, что не один он. Следом за ним — еще двое. Охрана?

Бегло осмотрелся по сторонам Валик:

— Одна?

Колкий холод, предчувствие охватило меня, стегая кожу.

Несмело, лихорадочно закивала я головой. Хрипло:

— Да. Ну... — растеряно протянула. Завертелась по сторонам. — Проходите, хотите... на кухню. Может, чаю?

— Да я так, ненадолго, — еще шире его загадочная улыбка. И вроде добрый, радетельный вид строит — а так и веет каким-то цинизмом, ложью.

Обмер посреди коридора. Пристальный, сверлящий взгляд мне в глаза:

— Ты же ходишь к Феде?

— Ну... да, — несмело пожала я плечами. — Правда, уже не пускают, но передачи...

— Вот и передай, — резво, грубо, пресекая мою речь. Губы сжались в гримасу гнева. — «Налажал — сядь, а не вые**ваешься». Запомнила? — едкое; в очах заплясали черти.

Поежилась я, чувствуя, как нечто жуткое происходит сейчас. Как судьбы наши рушатся... вдребезги, разлетаясь на осколки.

По спине прошелся терновыми шипами страх.

— Он говорит, что это подстава, — тихо, машинально, сама даже до конца не осознавая.

Рассмеялся Валентин ядовито:

— И ты ему веришь? — желчью. Чувствую. Казалось, кожей уже ощущаю липкость его гнили, притворства, предательства...

— А ты? — удивленно.

— Я — НЕТ, — выстрелом контрольным. — Он меня тоже попытался кинуть, — злобно. — Но я это ему прощу... если пайнкой будет.

Округлились мои очи. Молчу.

— Так что... передай. Это в его же интересах. И постарайся уж — доходчиво, дословно донести.

— Но меня же к нему не пускают, — растеряно.

— Плохо просишь, — циничное, не спуская ухмылки с уст.

— На взятку денег нет.

— Так заработай, — рассмеялся, пожав плечами.

— Он же твоим другом был... — тихо, сама уже не веря, что в этих словах есть смысл.

— А твоим — братом. Ладно, — резко. К двери, ухватился за ручку. На прощание, не

оборачиваясь: — Передай. Это... и в твоих интересах тоже.

Глава 20. Постулаты жизни. Столкновение

Идти к нему, к Федьке, говорить... просить? И что просить? Что передавать?

Если не соврал тогда (а теперь мне все больше кажется, что правда всё же на его стороне), то, считай... добровольно прогнуться, самолично подписать ему приговор. Да еще какой?

И главное, за что? На сколько?

«Стоп!» — лихорадочно замотала я головой, сама себя перебивая.

Причем тут это?! Неважно за что и на сколько! НЕВАЖНО! Если не виновен — то пусть даже не думает за этих га***нов брать вину на себя! Пошли они все на***, мрази убогие! Запугать решили! Ну да! Конечно!

Мазур... друг называется.

Враг он или нет, но то, что товарищ гнилой — однозначно. Шкуру свою трусливую спасает за его счет. Интересно еще, отчего так отчаянно помогал, подмазывал Федора в свое время. И этот же идиот повелся. Доверился...

Ну, что, получил?...билет в жизнь. Или как ты там говорил?

Черти что.

Плевать. Будь, что будет. Но не пойду. Не стану ни упрашивать, ни передавать весь этот бред. Хотят — пусть напрямую выходят и решают дела. А я... а меня приплетать не надо. Не хочу я из-за своей трусости ему срок шить. Нет. Уж лучше сдохну... чем буду жить тут припеваючи, пока он там — мучиться. А завалить захотят — то и там завалят, как ненужного свидетеля. Если подстава, если война — то она везде найдет, достанет, и всех коснется...

А я буду сс*ться, под черту подводить — сама себя уважать перестану.

Так что — нет. Уж лучше удавиться сразу.

Передачку принести — принесу. Всё, как всегда. А в остальном — будь они неладные. Разводилы убогие. Чтоб вам всем... по заслугам выдали.

А вот и вечер воскресенья — еле дожила до него.

Щелкнул замок. Открылась дверь. На пороге замерла Женька.

— Привет, — испуганно метнула та на меня взгляд. Движение вбок — и отставила в сторону сумки, ближе к кладовке. Тотчас запрыгала, задергалась на месте, силясь снять с себя куртку и обувь одновременно (походу, опять дотянула: что-то туалет для нее последнее время стал совсем больной темой). — А че с тобой? Че так ужасно выглядишь? — не отстает Жарова.

Поморщилась я:

— Да ниче...

Не посвящать же ее во все эти жуткие подробности. Мне ее паника сейчас... совсем ни к чему. Хватит, что знает... про Федьку, что того в СИЗО закрыли. Что мотаюсь туда-сюда. Каждый день — как на пороховой бочке. Нервы натянутой струной — и все, кому не лень, тренькают по ним, пробуя на разрыв.

— А ты как съездила? — спешно пытаюсь перевести тему в другое русло.

Угадала — молнией кинулась подруга в туалет.

Покорные минуты выжидания своей собеседницы. И вот оно — зашумела вода из сливного бочка, а затем и вовсе — из крана. Вымыла руки Женька — и ко мне, в коридор. Вытащила пакет из большой своей клетчатой сумки — и потопала на кухню. Семеню за ней.

— Да как, — несмело, путано как-то повела, промямлила неожиданно Жарова, отчего я тотчас от тревоги нахмурилась. Застыла рядом с ней, опершись на стену (невольно, бесцельно слежу, как та продукты раскладывает: что — на стол, а что сразу — в холодильник):

— Рассказывай, че не так, — грозно я.

Ухмыльнулась Женька.

— А ты мне рассказала? — язвою. Глаза в глаза.

— Да че рассказывать? — гаркнула я от раздражения. Сама не поняла, как следующее живо и ловко сочинила: — Диплом весь мозг вынес. Ниче так толкового за выходные и не написала. Ну? — злобно.

Поддается. Она бы и так раскололась... вот только и от меня потом бы не отстала. А так — со мной точка. А вот ее история — на разворот.

Шумный вздох.

Достала из холодильника кастрюлю. Сняла крышку:

— М-м-м... борщ?

— Ага, он самый. Тебя дожидается. С утра сварила.

Поставила та на плиту. Зажгла огонь.

А затем — к столу. Схватила табурет и присела. Потупила взгляд в пол, подбирая слова.

Черт! Так и думала! Вот... вот чуяла же, что что-то не так!

— Ну, — взвинчено, требовательно рявкнула я.

Вдох-выдох. И взгляд мне в глаза. Жарова, как на духу:

— Я беременна.

Оцепенела я. Не дышу.

— Свадьбу решили летом, после защиты сразу и забабахать, — скривилась вдруг пристыжено Женька. Опустила очи. — Прости...

— И давно?

— Что? Срок? — взор на меня.

— Да всё, — раздраженно гаркнула. — Узнала. Срок.

Не знаю, почему психую. Хотя нет... знаю. Куда мне ещё и ЭТО? И так сколько проблем. А теперь...

Б***ь!

— Да так, несколько недель назад. Сначала хотела Леше первому сказать. А потом ты вот... с Рожей заморочилась, ну я и... не стала со своим пока лезть. Но ты не переживай! — живо вскочила с места. Шаги ко мне ближе. Дернулась, видимо, желая обнять, что ли, за плечи, но тут же осеклась.

Отступила в сторону:

— Всё хорошо. Всё, как прежде. Съезжать я пока не собираюсь. Ларцев там у себя, а я — тут. Так что проблем с оплатой квартиры не будет. Дотянем учебу, а там — разъедемся, как и планировали, — пожала плечами.

Невольно улыбнулась я облегчению. Знаю, меркантильно, противно — но... черт, у меня просто сейчас нет выбора! Я и так... по самое не хочу в проблемах и долгах. Вон... еда

в холодильнике уже давно за счет Жаровой. Все свои доходы — на Федьку спускаю, а за квартиру плачу тем, что родители на жратву дают.

— А Леша? — добродушно, но сдержано смеюсь. — Он точно потерпит? Не закипит у него там?

Захихикала Женька:

— Не закипит. Как до этого шорхались по закоулкам — так и сейчас приспособимся. Тем более, пока срок такой — лучше повременить с интимом, врач сказала. Да и диплом — его ж никто не отменял!

— Ну... А ты это, кстати, в курс введи руководителя — пусть подсобит. Тут уже академкой не тыкнут в морду: практически всё ж на финише.

— Хм, — пожала плечами. — Может быть...

— А после куда думаете? — присела я напротив, проявляя искреннее участие.

— Да куда? — удивленно; невольно вздернула бровями; опустилась на табурет. — Какую-нибудь найдем однушку на первое время.

— Так здесь бы оставались, — поспешно. — Я все равно одна не вытяну. В общагу подамся — комнату сниму. А вы — самый раз. Уютно, недалеко от центра. И хозяйка хорошая... Не говоря уже о цене. Че голову ломать?

— Уверенна? — растерянно, удивленно протянула та.

— Ну, конечно! — радостно улыбаюсь.

— А че общага? К своим — не?

— Да упаси, господи! — загоготала я. — Они хорошие люди, но их контроль... (даже если считать это «оплатой» за всё, что они делают для меня), всё равно — это перебор. Я просто не смогу уже выдерживать бати давление — нервы уже не те. Да и сколько можно на чужой шее сидеть? Не... Точно нет.

— Ну... на шее. Если так-то взять, то ты одна там... всё это заслуживаешь. Из всех трех — одна «нормальная». Рожа — вон, а Ритка — так та вообще...

Учтиво не продолжила, смолчала.

Шумный вздох.

Еще одна про... «нормальность».

Пытаюсь не заострять внимание:

— А Ритка... Ритка в шелках да на крутых тачках катается. Но, вроде как... за ум взялась, по учебе подтянулась.

— Да ладно? — округлила очи Жарова, не без издевки. Рассмеялась.

— Ага, — смеюсь и я.

— А че это ее так... торкнуло? А?

Пожала плечами:

— Говорили, вроде как, ухажера какого-то нашла. Причем давно у них уже мутки. Интеллигент офисный — он ее и надоумил.

— Хоть какая-то польза...

— Да не говори, — язвлю в ответ. — Так что... теперь уже я — опять... «третий сорт — не брак». А Ритка — умница. Да и не знают они, как она здесь по клубам да по ресторанам отжигала, что каждая морда криминальная, что хоть немного при бабле, знала ее не только... понаслышке. Капец... я как вспомню, некоторые мои знакомые говорили, что она на пары заявлялась даже прямо так, сразу после гулянки: в потрепанном, еще хмельном виде... с боевой раскраской, размазанной по моське, блестящем платъице и на высоченных

каблуках. Короче, адское создание... восставшее перегарным фениксом из пепла.

Загоготала Женька:

— Да уж... Каждому свое. Это не то, что мы: кроме как компа и книг... никакого развлечения.

— Погоди, а сутками на работе вкалывать? — язвлю я.

Загыгыкала подруга.

— И не говори... Да уж, Ритка-Ритка, — задумчиво повторила про себя Женька. Шумный вздох. И вдруг взор на меня странный, пристальный обрушила: — А ты когда... кавалера себе найдешь?

— Уже нашла, — рассмеялась я горько. — Сидит вон, — кивнула головой в сторону, — не выходит. Все передачи ему таскай.

— Фу! — скривилась, но не выдерживая — залилась смехом. — Он же твой брат!

— Да я шучу! — наигранно буркнула, надув губы. — Мне самой «фу»... если о таком думать. А в остальном — то идеальный муж бы был.

— Если не закроют.

Смолчала я, невольно спрятав под ресницами взгляд.

— И идеальных... не садят, — вдогонку Женька.

Скривилась в момент я:

— А если... всё же подстава? — осмеливаюсь уставиться ей в очи.

Шумно вздохнула. Отвела взор в сторону:

— Водиться не надо было с такими. Сам виноват.

— Ну, знаешь! — невольно возгласом вырвалось из меня. — От суммы и от тюрьмы...

Закивала тотчас головой Жарова. Взгляд на меня:

— А я и не зарекаюсь, — резво. — Я осторожничаю.

— Он тоже, — невольно с обидой, укором.

— Ника! — гневно. — Ты серьезно?! Тебя как подменили! За эти выходные... точно ничего не случилось?

— Просто... — несмело прошептала я. — Уже ничего не понимаю. Честно... Ну, Рожа: типа... «сам виноват — сам и получай». А мне? Мне за что всё это? Почему вот уже сколько лет я варюсь во всем этом дер*ме? Почему? За что? Сначала батя бросил. Потом мамки не стало. Потом Рожу закрыли. Выпускной... Мирон кинул...

— Кто такой Мирон? — удивленно Женька.

— Неважно, — резко перебиваю. — Потом Вадим... тряпкой оказался. Теперь опять Рожа: виноватый... или нет. Я? Мне-то... ЗА ЧТО?! А?!

— Уйди от него, — тихо, с опаской.

Обомлела я:

— От кого? — нахмурилась.

— От Рожи. Все беды от него. Он — как груз на твоей шее: именно он тянет тебя на дно.

— Б-беды? Ты серьезно? — недоумеваю я. Не могу поверить своим ушам. — Да Федька только и вытягивает меня! Из этого... всего месива.

— А потом по новой, с удвоенной силой заталкивает! — гаркнула в ответ. Осеклась, более сдержано: — Но уже в свое, в котором сам парится.

— Ну уходила, — злобно рыкнула я. — И че, лучше стало? Не-а, — язвительное. — Потом даже себе Вадима «нашла». И че?

— Если бы не Рожа, — черство, — то и Буйтов бы остался.

— Я от него ушла, а не он от меня! — гневно.

— Я не о том, — тихо, уже более мягко как-то. — Просто... ты все время всех мужиков сравниваешь с ним, со своим Федькой. И «не дотягивают» они все — по этой причине. А не было бы Рожи — и оценка была бы иная. Ты думаешь, Леша идеален? Или мы не ссоримся? Да уже не раз было такое, что я его откровенно ненавидела. Но время проходило, а иногда и через силу, через гордость переступала — и мирились. Как и он мне порой уступал. Ибо и мы с тобой неидеальны, а не только мужики. И прощали друг другу. И всё ставало на круги своя: опять любовь, нежность и чувства. Мы миримся с недостатками друг друга — и только так наши отношения держатся вот уже который год. ТОЛЬКО ТАК! А не от того, что он или я — мы идеальны. А ты... ты пробовала Вадима простить? Дать ему второй шанс? А?

— Он тряпка! — злобно чиркнула я зубами.

— И че? — едко. — И потом, не кинулся на амбразуру — так сразу тряпка, да? Защита разной бывает, как и забота. Он работал, старался ради вашего общего блага. Даже замуж тебя позвал — сказка! Другим... знаешь, через что надо пройти... чтоб такое заполучить? А ты? Ты его полгода мурыжила, а он — покорно, тихо... мирно ждал! Да, он — не воин. Но зато хороший муж, добытчик! Нежный с тобой был, заботливый. И не сбежал после тех угроз, а последнее продал, сама говорила... дабы все разрулить безболезненно.

— Ага, — язвлю. — Только то, что пришлось «разруливать» — из-за его тупости и трусости и случилось!

— Все мы — люди! И нам свойственно ошибаться!

Нервно сглотнула я слюну. Отвернулась.

— Тебе не понять... — обижено буркнула я себе под нос.

— Ага, точно! Как я сама не догадалась?! Я ж тупая! Это вы — умные: ты, Рожа — прям медали выдавай! А мы, все остальные, — тупые, трусливые уроды.

— Я такого не говорила! — раздраженно. Глаза в глаза, давясь злостью.

— Но... тем не менее, поведение, поступки, мысли указывают именно на это!

— Просто, — вмиг взорвалась во мне обида, — мне нужен муж не только добытчик, но и защитник! Понимаешь? Я устала страдать!

— Вот о чем и речь! Ты хочешь слишком много! Слишком! Вот и получает в ответ по зубам. А я — довольствуюсь тем, что есть — и я счастлива. В отличии от тебя. Не уступая в некоторых деталях, ты в итоге теряешь всё. А я уступаю — и получаю потом нечто большее, практически... сполна.

— А если какая-то заруба? Кто решать будет проблемы? Опять я? А Вадим — под лавку?

— А может ее и не быть, этой твоей «зарубы». Меньше думай о гадостях — и меньше они будут лезть в твою жизнь. А если есть какая угроза — избегать ее надо, а не переть на рожон. Смолчать. Прогнуться, в конце концов... А не как вы — любители правды. И, гляди... беда пронесет.

— И какой из тебя журналист? — язвлю. — Коль правды тебе не надо?

— А никакой! — взбешенно. — Как и из тебя — переводчик. Выучусь, получу корку — и спасибо. Вон, — ткнула взглядом себе на живот, — дома сяду детей воспитывать.

— Мы слишком разные с тобой, Жень, — скривилась я от горечи. Отвела взгляд в сторону. — Ты меня не поймешь, а я — тебя.

— Ну, так и не жалуйся. Живи тогда своей волчьей жизнью, раз кусаться все время

тянет.

— А я и не жалею! — криком.

Живо встала с места. Взгляд на кастрюлю:

— Борщ уже давно кипит. Ешь!

Разворот — и пошла в комнату. Щелкнул барашек газовой плиты.

— Но ты же Некит! — слышу спешное вдогонку. Шаги за мной. — Как не крути, ты — вторая Рोजа! И как бы ты не одевалась по-другому, не красилась — всё равно его копия! Во всем ему подражаешь! Гордые оба, борзые... умники, мать в*шу! Да только глянь, где он! — бешено уже, ором на меня. Стою спиной к ней, и обернуться нет сил. Знаю, что права — но и вслух признать... страшно. Немного помолчав, более сдержано, продолжила та: — Вот и подумай, кто из нас прав. И стоит ли оно того. Может, всё же... пора попридержать коней, притормозить. Хватит бежать за каким-то вашим... гребанным «светлым будущим». Вы и так уже много проср*ли в своей жизни... из-за этой спешки, гонки, идеалов. И еще проср*те. Живете какими-то мечтами о том, что будет... Полностью теряя, не замечая «настоящее». А жизнь — это не «тогда», а — «сейчас».

Резвый разворот. Взгляд в глаза:

— И че? Жить одним днем? Чет я даже за тобой такого не замечала... что ты мне тут впариваешь.

— Я не про то. Надо думать о будущем — но не гнаться за ним, отменяя настоящее. Тихо ехать вперед! А не стремглав... и жить, наслаждаясь всеми моментами, а не только давиться надеждами и ожиданиями. Надо принять себя, и принять других — такими, как ты, как они есть. И приспособливаться. Во всем — и ко всему. А не гнать и рубить! Вот у тебя только белое и черное. А есть еще серое! А если постараться, если хоть немного раскрыть свое сердце людям — то и другие цвета появятся.

— Розовые? — едко сплюнула ей в лицо, заливаясь саркастическим смехом.

— А хоть и розовые! Пусть и лишь мгновения — а полезно! Чем давиться постоянно ненавистью и отчаянием! Уж лучше глупые сопли — чем постоянная пресная, горькая правда! И потом... даже если бы и стал Рोजа твоим мужем, не будь братом. Не нашли бы вы счастья, не настигли бы свое «светлое будущее»! Нет! Потому что надо приспособливаться — еще раз говорю, меняться, юлить... терпеть и унижаться порой, а не только гордо и цинично на всех плевать с колокольни собственного достоинства. Реалисты... — съязвила, перебив слово. — Гордые идиоты! Причем которым хочется всё и сразу! Думаешь, я не хочу богатого, умного, чувственного, способного весь мир нагнуть ради меня и наших детей (в случае чего, в случае необходимости)? Хочу! Очень хочу! Но я реально смотрю на жизнь, в отличие от вас! И это у кого еще розовые очки?! Да... пусть не во всем мире, но в моем доме... мой Леша — мой король, а я — его королева. А что за порогом, и что в будущем — это иное. И поскольку постольку.

— А потом грянет беда, — ядом прыснула я, будто змеюка, — и будете реветь взахлеб вместе, короли-старатели.

— А то ты не будешь реветь? — рассмеялась едко.

Опустила я взор. Смолчала.

— Вот то-то же! Только в промежутках между черными полосами — у меня будет белая полоса, я буду счастлива, а ты... со своим Рожей — в растерянности, в гонке черти за чем — нет. Опять будешь реветь, кляня судьбу за жестокость.

— Я не буду реветь, я буду решать, — гневно.

— Федька твой уже нарешал. Ну как, нравится? Обоим? На сколько в этот раз нарешал? А?

— Да иди ты! — злобно. Разворот — и пошагала спешно я в коридор (забыв, зачем шла в комнату).

— Я-то пойду! — отчаянно мне в спину, циничным смехом. — А ты что делать будешь? Опять себя жалеть? Или его? Решатели...

— Иди в ж*пу!

— Ага, до встречи!

Живо обуть кроссы, на плечи куртку — и за порог, гневно лязгнув дверью.

ТОМ II. СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. За горизонтом жизни

Глава 21. Чистилище

30 мая, 2009 г.

(Н и к а)

Пульс. Откликом во мне, будто гром после молнии, раздавалось сердцебиение, бессмысленно игнорируя общее решение, общее нежелание всего организма... жить. Бесстыдно им вторили легкие — еще одни предатели сплоченного коллектива. Пустота. Ни боли, ни страха. Ни прошлого, ни будущего. Только минуты — минуты, пока оставшиеся герои не сломаются, не устанут кровь, кислород гонять по уже мертвой, растерзанной дикими тварями, «человеками», плоти.

Очередной ход незримых часов — и вдруг бунт на тонущем корабле становится массовый. К предателям подключается слух: ловит странный шорох, хруст, шелест подлеска — неравномерный, настырный, грубый — и не ветер это уже ласкает ветви деревьев. Распахнулись веки — взор утонул в чистой, небесной глади... что проглядывалась где-то надо мной между веток, будто Бог, склоняясь над грешником. От яркого света начало резать глаза — но тут же позорно стихло. Слез не было — они еще были на моей стороне. Вдох-выдох. И вдруг снова изменщик-слух начал творить неприемлемое, донося уже иные вражеские сведения: речь... людская, путаная, надрывом. Набатов. Крик, мат. Удары, стоны... Смех, злорадство... Мольба. Еще один приговор на немом, безликом кладбище среди лесной чащи. Скоро и вы ко мне приобщитесь — будете ждать приход ее. Приход Великой и Мудрой. Приход Седой...

Хотя нет. Вам повезет больше — с вами твари-люди будут более снисходительны. Гуманны... человечны: они убьют вас сразу. Выстрел. Эхом, громом, вердиктом (взлетели, сорвались с ветвей трусливо птицы, заливаясь руганью) — тишина. Немая и цепенящая. И вдруг взрывом — отчаяние и мольба, мужские причитания становятся более лихорадочны, но уже... без хора, без эха, без вторения...

Глупый, ты еще хочешь жить — ты еще в объятиях боли. Все еще раб страха — наивный фанатик Жизни. Только она, Жизнь эта, — не вечна, она горда, вольна и бесхозна. Она вручена на время, дразня... показывая, как может быть — и чего в итоге не станет. Но вместе с тем — и мучения, что она дарит, не вечны. Счастье — не знаю... что это такое и за какие заслуги остальным дарят его при жизни. Не знаю — ибо была недостойна. И смерть мне — ответственна. Как мерзкой, безликой, ничего не значащей твари — за городом, в лесу. Без могилы, без креста. Без оградки и фото. Раздерут, сожрут плоть дикие звери, растащат кости, а остальное — что сгниет, а что землей, мхом покроется, как ненужное. Гнусное, как и я. Кто-то, нечаянно найдя, подумает: эхо войны, а кто-то — жизни. Но это — конец. Там тихо и спокойно. Там — ничего. Там — космос. Бесконечность. Настоящее, подлинное «счастье». И ты глуп, раз просишься обратно. Туда, где только самообман и слезы, границы и гнёт. Где страх и разочарование. Нет, нет ничего лучше... чем покой. Чем финиш.

— Да гаси его! И поехали... — слышу отчетливо слова, раздраженный... черствый,

бездушный голос Палача. Тот, кто так легко... дарит «прощение». Дарит... свободу.

А потому — уже и я поддаюсь на разгоревшийся бунт. Игра, притворство, потакая тем нелепым, отчаянно тлеющим огонькам-инстинктам, что все еще отчаянно борются во мне за существование — и выиграть. Потопить — легко и смело, окончательно и бесповоротно пустить ко дну... свой корабль.

(М и р а)

Едва только примерился упасть за руль, как тотчас где-то в стороне странный, с напором, уверенный шум, шорох. Взор около — но ничего невидно. Дикий зверь?

На автомате нырнул я за пояс и достал ствол. Неспешные шаги ближе к парням.

Тупое животное, не сидится тебе в засаде. Не живется, как всем.

И вдруг обмер, будто кто раскаленного свинца в башку налил и остудил резко.

— Ох**ть, — послышалось эхом Сереги, озвучивая мои мысли.

«Лесная нимфа», м*ть твою. Самая что не есть. Вот только не Мальвина, а, е**** его е**т, черта давалка: голая (соски звездами торчат, ниже пупа — хоть сейчас скрути и вставляй). Да только вместо бархата кожи — увеча, безобразя хорошие формы — измазанная каким-то жутким месивом, черно-бордовой, еще свежей, грязью; усыпана красными линиями, вензелями шальных порезов. Вместо е**чих цветов в волосах — листья, труха во взъерошенной, сбитой в тугой, замусоленный ком, копну, шевелюре... Синяки под глазами фонарями; разбиты, разорваны губы. Еще немного на карачках — попытка выровняться, но тотчас упала, упало оно на колени, как раз около жмурика и возле этой с*ки, что уже успела обосс*ться от страха из-за наших «переговоров». А чудище это смотрит — пустым, блеклым взором... и ему по**й, кто... что вокруг происходит. Что труп рядом, что второй — избитый в мясо, скулит — ничего. Смотрит будто сквозь Потапова — и не то шипением, не то... каким-то шелестом, рыком, воем что-то выдало, сплюнуло в него. Не разобрать.

Вот так и не верь в лесных тварей — отнюдь не человек, а чертова пародия.

Подхожу ближе:

— Ушло на**й отсюда! — жестким приказом, взмахнув пистолетом. Хотел, было, пнуть ногой, да сдержался. — А то и тебе сейчас башку разнесу!

Сам себе не верю. Если бы не Серега с Коляном — точно бы подумал, что белка с вчерашнего перепояхватила.

И вдруг перевело оно на меня взгляд. Глаза в глаза — невольно поежился я. Вздригнуло и оно — но перемен не настало. Не от страха, нет. А от непонятного, жуткого чувства, что обоюдным взрывом в нас одновременно раздалось.

Еще миг — и приговор: убивающий шепот... голос, знакомый перезвон, эмоции, мимика:

— Добей.

Дрожь прошла по всему моему телу, азотом заливая каждую клетку.

— Мира. Прошу... добей.

(Н и к а)

Еще мгновение странного, перепуганного, ошарашенного бурения меня взглядом — и дернулся. Тотчас спрятал пушку за пояс, стащил с себя пиджак — и кинулся ко мне — набросил одежину на плечи. Отчаянная попытка моя борьбы за «счастье» — тщетно. Приговором: в охапку — и схватил на руки.

Сдались позорно слезы — потекли по щекам. Взрывом — взвыла, завопила я, из последних сил моля пощадить:

— ДОБЕЙ!

— Тише-тише!

— Ты куда?! — отчаянное мужское за нашими спинами. — Оно мерзкое! Еще об*ссытся! У меня тачка новая!

— Еще одну купишь! — бешено.

— А вдруг она заразна?! — рывкнул иной жизни перелив.

Смолчал мой Супостат.

Поставил, опустил на ноги около джипа. Распахнул дверь, бережно, но с напором подал вперед. Цепляюсь, хватаюсь — сопротивляюсь: пытаюсь вырваться, взглянуть этой (еще одной) бездушной твари в глаза:

— Умоляю, не надо! За что?!

— Все хорошо, малыш. Всё позади!

— Не надо! Не надо, пожалуйста! — бешеным смертником, хваткой утопающего вцепилась в кузов — рванул... в очередной раз до крови раздирая мою плоть. Грохнулась на сидение... Проехалась. Головой стукнулась об противоположную дверь.

— Больше никто тебя не тронет, — уверенное. Приказом... и далее жить. Залезает за мной следом. Пытается поднять с пола, усадить, уложить рядом.

— Не надо! — слезно. Отчаянно, давясь агонией; рыча. Пытается обнять — отталкиваю. — Добей здесь! Если хоть что-то когда-то для тебя значила — УБЕЙ!

Окоченел. Глаза в глаза. Нервически сглотнул.

— А че с этим? — внезапно где-то сбоку от машины. На улице.

Вздрогнул Мирашев, перевел, устремил взгляд на мужчину — ответил не сразу.

Сухим, охриплым голосом:

— Че? — задумчиво. Прокашлялся. — Че и с первым. В яму, да поехали!

Тотчас гроыханием выстрелы: раз, два. Глухие стуки. Звуки, звон лопат.

Поежилась я. Но еще миг — и остаток сил взорвался во мне — дернулась: попытка выскочить с другой стороны, как в момент ухватил за шкурку — стащил пиджак. За ноги — грохнулась. Пальцами цепляюсь за траву снаружи — хлопнула дверь, едва не ломая мне руки в локтях. Взвизгнула я от боли очнувшейся позорно. Враз придержал мой Изувер тиски, оттягивая нити бытия.

— Зая! Малыш! Молю, угомонись! Все позади! — схватил за плечи, зажал в угол на сидении. Навалился сверху, прижался ко мне своей мерзкой плотью в ответ. Лицом к лицу. Лоб в лоб. Шепотом горьким, обдавая дыханием, Жизнью гнусной, мои уста: — Доверься! Прошу. Ни одна с*ка тебя больше не тронет! Молю, Ник... верь мне.

Глава 22. Адепты Жизни. Круги ада

Глава 22. Адепты Жизни. Круги ада

(М и р а)

Чертовы, резиновые, бесконечные сутки в больнице. Кофе, сигареты. Уже даже коньяк меня не брал. Своих всех — на х***: ниче в голову не лезет. Пока у нее анализы брали, все, что только можно, кололи, штопали да в божий вид приводили, пока из месива вновь лепили человека, я, то и дело, что наворачивал круги по этажу, чаще всего — около кабинета своего "товарища", Кряги, заведующего этим гребанным отделением.

— Ты мне, б***ь, хоть что-то толковое скажешь сегодня? Или я, как идиот, тут и дальше буду наяривать?

— А че тебе еще сказать? — злобно, едва не скалясь. — Хочешь правду? — едко. — Как есть?

— Ну? — киваю сдержано, а у самого внутри все позорно, трусливо сжалось.

— Пи**ец ей. Не сегодня — завтра, пи**ец ей.

Побледнел я от услышанного:

— Че? Всё так х**во? Если дело в бабле, или другой клинике...

— Да, — резко, грубо. Ухватил меня за плечо и отвел в сторону. Приблизился, едва ли не на ухо, рыком: — Невменяема она. Кукушкой тронулась, — нервно сглотнул я. Смолчал. Проглотил и Кряга какие-то свои, невысказанные, мысли-эмоции. Продолжил: — То и дело, что вопит, кидается на всех. И суток не прошло — а она дважды уже пыталась покончить с собой. Ее тут долго держать... никто не будет: не то, что не захотим — не сможем. Слишком буйная. Ей нужен специализированный уход, препараты, специалисты. И вообще, не факт... что ее отпустит. То, что эти твари с ней сделали — там... — скривился вдруг, учтиво замолчав.

— Говори! — гневно рявкнул я, срываясь уже с катушек.

По сторонам, не то избегая свидетелей, не то... ища возможности не рисковать, не бесить меня еще больше. Не сдавать тайны. Но поддался:

— Там явно не один был... И творили... черти что. Может, даже чем заразили — через время анализы еще придется сдать. Вообще, как по мне, не было в планах, что бы жива осталась. Честно, сам не знаю, почему она не... Ты прости, но там реально был... прямой привет патологоанатому. Или месть, или так... безбашни, шизики какие резвились...

Опустил я голову. Стою, жду... окончания этой пламенной, с*ка, речи.

— По добру бы, на первое время... ее в дурку оформить. У меня там знакомый есть — подсобит, присмотрит. Только документы нормальные нужны, а не это... че ты мне принес.

— Че? — удивленно уставил я на него очи.

— Ниче, — раздраженное. — А че ты думал? Кто-то с ней нянчиться будет? Ага! Если уж вам... по***, до чего из-за вас ваших баб доводят, то тут, — обвел взглядом около, — тем более. И еще, — вкрадчиво. — Мы сами не в праве такое решать, но мой тебе совет — будешь везти, заскочи в аптеку, купи кое-какой препарат, — живо нырнул в карман, достал ручку, бумажку — и принялся что-то лихорадочно писать. Еще миг — и протянул мне, покорно взял я — взор — ни**я непонятно.

— Че это? — киваю.

— Противозачаточное. Срочное. Судя по свежести ран, еще успеваете. Ах, да, — живо вырывает из рук свои каляки и еще что-то дописывает: — Антибиотики, витамины и так далее. По инструкции все — читай, разберешься.

— А надо? — сам не знаю, почему до сих пор отмечаю очевидное. — Противо...

Взорвался возмущением Кряжин, не дав договорить:

— Ну, а ты как думаешь? — взбешенно. — Отгнздили, порезали — и бросили подыхать? Х** угадал. — Хотел, было, что еще добавить, но сдержался. Прожевал эмоции. Впихнул силой обратно мне в руки бумажку. Спрятал ручку в карман. Взор около. — Так что купи... и дай. А то еще не хватало ее на аборт везти.

— Когда ее забрать можно? — холодный, колкий взор... с негодованием этому цинику в глаза. Не знаю, почему злюсь — сам такой же, а то и хуже...

— Да хоть сейчас! Только одежду привези! Но... мой тебе совет — не глупи, не губи ее еще больше. Не справишься ты один. Чуть расслабишься, отвернешься, уснешь — и покончит с собой. Прикончит себя к чертям собачим — как пить дать. И как бы тебя с собой не утащила.

— Она сейчас что? — игнорирую.

— Спит. Накачали... всем, чем только можно.

Взгляд около, собираю мысли по стенам. Шумный, нервный вздох:

— Сколько у меня времени?

— До утра.

— Отлично, — язвительное. — Скоро буду.

— Гера, че с теми должниками... что Малому всю воду мутят?.. Разобрались?

— Э- э... нет, ты ж так и не дал добро на действия.

— Поехали.

— В смысле? Давай пацанам звякну — они сами их пресснут.

— Собирайся. Сегодня моя ночь...

И хоть я знал, осознавал где-то там, в глубине, что эти ушлепки... никак не связаны с ней... и что все не столь было беспросветным, сегодня... переговорам в моей жизни не было место.

Только кровь, только боль... только стоны и мольба, только разгул и беспредел — непонятным шизоидным сиропом меня заливали, роняя облегчение, даруя хоть какую-то лживую... призрачную месть, силы... выстоять, иди по дороге дальше.

Заскочить к Майорову — и взять у его Лисы платье, обувь (магазины давно в отключке). В круглосуточную аптеку — за лекарством, и к ней...

Всё будет хорошо, Малыш. Мы справимся...

— Че с тобой? Ты ох***л, че за вид у тебя? Ты мог бы хотя бы шмотки сменить?! — взбешенно причитал мне Кряга в спину, семена за мной, пока я смело шагал в сторону ее палаты. — Ты же как со скотобойни!

— А я и оттуда! — ядовитое, заливаясь елейной улыбкой. Глаза в глаза. — А ты много на себя-то не бери, а! Мой тебе совет, — дерзко. — Ты хоть и брат мне, Кряжин, но не настолько...

Скривился. Смолчал, отвел взгляд в сторону тот.

— Там? — кивнул я на дверь.

Нервно сглотнул Серега:

— Не повезешь? — с опаской, несмело, тихо.

— Ку-да? — ехидно-злое, раздражением уже исходя.

— Я завтра... с утра перевод оформлю. Мужик там толковый. Как для себя все сделаю!

Хмыкнул, заливаясь сарказмом, я.

С*ка... как для себя. Себя бы ты, тварь, х** когда туда не оформил! Засс*л бы, б***ь! А других, ее — не жалко, на раз-два.

Скривился, смолчал, я. Лишь только цыкнул едко.

— Че я тебе должен за все это?

— Ты не справишься.

Рассмеялся ядовито:

— Все мне так говорят. Но в итоге — они червей кормят, а я все еще здесь — и гвозди забиваю.

— Не зарекайся!

Улыбнулся:

— А я не зарекаюсь — я жду! Но не х*я. Так что давай, решай, до конца недели — сколько и куда накапать. Бывай, философ.

Пнул я дверь — завалился в палату, бросая того тонуть в своих гнилых убеждениях.

Отстегнуть ремни. Стащить рубашку с Нее. В пакет нырнуть — достать платье, босоножки — и переодеть.

...подхватить себе на руки свою спящую Мальвину — и податься прочь.

— На, вот! — живо догнал меня у лифта Кряжин. Всунул что-то в карман. — Через своих пробей — отличный препарат. Первое время поможет выжить. Сначала по две таблетки в сутки, за раз. А позже, как чуть легче станет (сам поймешь) — по одной. И про противозачаточное не забудь. Раны — зеленкой обрабатывать и стараться не мочить... — Немного помолчав: — Все острое из дома убери; всю химию, в том числе медикаменты. Мелкие электроприборы... шнуры, ремни. Стекло все, в том числе, хотя нет — особенно — зеркала. На кухню не пускай: воду, газ перекрытыми постоянно держи. За окнами следи. В общем... — поджал губы. — Помни... мы все всего лишь люди. И она в том числе. По уму — лучше ее отпустить: если не тогда, то сейчас. Тело заживет... но...

Пикнул лифт. Открылись створки.

— Мы справимся, — подхватив, поправив ее на своих руках, шагнул я в кабину.

— Противозачаточное не забудь, — тихое, смиренное.

— Не забуду...

Такси (по пути заскочить к кое-какому знакомому). Дом.

Занести, переодеть в свою футболку, шорты и уложить спать в постель.

Исполнить веления Кряги по поводу безопасности. Накатить еще стопку — закрыться в спальне на ключ и завалиться рядом дремать, чтоб если что — сразу узнать, что проснулась.

Глава 23. Вопреки

Глава 23. Вопреки

(М и р а)

С*ка, настырный звонок вырвал меня из сна. И хорошо, что не в дверь, а то бы точно кого-то от***рил.

Взгляд на экран — пошли все на**р — отключить звук и швырнуть аппарат обратно на тумбу.

Потер руками лицо. Несмелый, тихий стон.

Застыл я, словно вор, — лишь бы пока не просыпалась. Не готов я как-то... еще ко всему, да и башка еще раскалывается напополам после вчерашнего — сорвусь же, как пить дать, если концерт отчебучит.

Мать тв*ю. Где там эти его таблетки... что прописал. Сейчас или потом?

Обмер я в растерянности, всматриваясь в это синюшное, опухшее лицо.

Черти что. Ну, спит — то и спит. Б***ь, противозачаточное!

Мигом бросаюсь в коридор — чуть не убился об закрытую дверь.

Нервно выругаться себе под нос — пробить карманы, отыскать ключ — и выбраться наружу. В коридор, к пиджаку — вот они родимые... родимая... одна штука на огромном блистере. Достать инструкцию, прищуриться — и среди дебрей медицинской хр*ни и милип**дрического шрифта отыскать правила приема. Антибиотики уже завтра.

Стакан воды, белую кругляшку — и к своей Нимфе.

М*ть твою.

Сесть на кровати возле нее — и... в который раз взгляд в лицо — и не могу, нет сил на все это глядеть. Страшно и будить. Отложил все в сторону, на тумбу.

Встать, пройтись к окну, взор на улицу — опять тучи серые, дождь будет. Вот тебе и лето... доброе и веселое — как вся наша жизнь.

Завалиться на пуф, опереться спиной на стену — и задремать.

По крайней мере, попытаться.

Проснулся от странного, жуткого, назойливого звука.

Не сразу догнал, что, где. Но взор — и живо кинулся к кровати. Перевернулась — видимо, попыталась встать, но боль, немощность оказались сильнее, что меня спасло — только сейчас заметил, что в этот раз дверь забыл закрыть.

Только я к ней — а она как шарахнется, дернется, как от черта. Выпучила глаза — и в истерику.

Мать тв*ю! Заткнись, б***ь, уже! От этого бешеного визга, казалось, я сейчас удавлюсь.

В карман штанов — достал наркоту. Отсчитал две таблетки — и силой впихнул ей в рот. Благо, вода рядом — силой залил. Билась, сопротивлялась, орала — захлебывалась, но проглотила. Еще напор — и уже е**ный контрацептив пошел вдогонку, как и антибиотики...

Шумный выдох. Рыдала, тихо ныла в кровати — пока не провалилась в сон.

Черт. Это же еще и пожрать че-то ей надо.

Вышел на кухню. Отыскал старый бич-пакет. Макароны или картофель? Картофель.

Закипятить воду в чайнике, приготовить посуду. Масло.

Черт.... Глупо пока будить — пусть спит. С голоду от одного дня не сдохнет. А на вечер че-то из ресторана можно заказать.

Или ей суп надо варить? Может, повариху какую нанять? Или какого «зайчонка» позвать? Хотя нет... куда тут?

Никого не надо. Справлюсь. Да и ей...

Черт с ним. Самому — сожрать кусок колбасы, батона — и опять завалиться спать в одежде, рядом с ней на кровати...

...вновь заперев дверь на ключ.

Когда я вышел из своего похмельного анабиоза — Она не спала. Глядела в потолок, редко моргая... Тихие, равномерные вдохи. Даже страшно как-то стало.

Расселся на кровати — не отреагировала. Пристальный, изучающий взгляд на нее — и ради интереса упал набок, вплотную к ней — опять абсолютное равнодушие. Несмело коснулся пальцами щеки — только чаще моргнула. Но даже не вздрогнула, не говоря уже, чтоб перевести на меня очи. Показательно поводил перед глазами рукой — по**й.

— Мать тв*ю! — живо вскочил я на ноги. Отыскал телефон. И хоть не по правилам, да и опасно, живо набираю номер Кряги — отбил с*ка. Б***ь, а ждать некогда — может, она сейчас ласты склеит от всего этого!

Молнией опять к ней, на ходу набирая уже другой номер.

Толкнул ее в плечо — не реагирует.

— Ника! — испуганно. — Слышишь меня? Дай знак, прошу!

Тишина. Полная прострация — только моргает убийственно так, пугающе — что, кажется, и сам сейчас крышей поеду.

— Да? — ленивое, заспанное Рыжего.

— Че за х***ю ты мне втюхал? — бешено.

— А... Э-э... Мира, привет...

— С*ка, я тебя сейчас приеду и четвертую, если ты мне че-то не то дал!

— Да всё то! Неужели не играет?!

— Еще как, б***ь, играет! Аж уши закладывает! Овощ, мать тв*ю!

— Ну... так а ты чего хотел? Они такие и есть. Я сам охренел, нах*ра тебе этот трэш. Погоди, а сколько ты дал?!

— Да иди ты...

Отбил звонок. Закусил губу.

Две-одну. П****ц... картина. Ладно.

Схватил в охапку — и потащил в ванную. Как получилось, умыл холодной водой. Поддалась немного — даже присела на ванну.

— Ты меня слышишь? — таращусь ей в очи.

Ответила. Не словом — взглядом, но лишь на миг — а там снова... покатылся взор за горизонт, теряя суть. И только... е**нное, монотонное, пох**стическое моргание, которое... мне кажется, я никогда уже не забуду.

Заурчал желудок. Вроде не мой.

Черт, может на голодный не надо было? Или похавать, то хоть немного попустит?

Лишь бы не вырвало...

На кухню — и усадил на диван, в угол. Подпер подушкой-подлокотником... но она и сама уже как-то держалась.

К чайнику — остыл уже... Зажать на кнопку — шум. Вздрыгнула (уловил косым взглядом) — если мне не померещилось, то вздрыгнула. А потому живо отрубая посудину и снова включаю, уже таращась на свою несчастную. И вновь вздрыгнула. Действительно вздрыгнула — не показалось. Победно ухмыльнулся сам себе под нос. Черти что... и главное, х** же знаешь, когда более-менее отпустит. А каждому объяснять, почему да зачем — явно не улыбается.

Присел на край мягкого уголка. Открыл пачку, высыпал в посудину, размешал с давно растаявшим маслом. Еще мгновение, движения — и уже кипяток в мою недо-картошку пошел. Черт! Хотел же еду заказать нормальную... Ну и ладно, по***. И так сойдет. Не знаю даже... че ей надо.

Взять ложку — и взор на свою "пленницу". И что теперь? Самому кормить?

Прокашляться, подсесть ближе, тарелку чуть ли не под нос — и поехали: ложку в рот, да лишки стереть полотенцем... Ну, хоть жует да глотает сама — уже хорошо. Даже удостоила раз на короткое мгновение взглядом... Е**чая наркота. Ох, и Кряга... ох, и советчик. А еще доктор, м*ть твою! Чтоб тебе самому такое жрать!

Еще усердия, еще черпания ложкой — и выдох. Мой — гребанного труженика. Никогда не думал, что это настолько нудное, бесящее занятие... когда не сам жрешь, а кому-то тыкаешь.

Невольно ухмыльнулся сам себе под нос двоякости фразы. Черти что в башке! Пора заканчивать... Пока я сам не поехал кукушкой окончательно.

Отставить посуду в сторону, на центр стола — и подхватить на руки свою красавицу. Понести в спальню.

Странный напор, легкое сопротивление в коридоре. Не сразу... но понял. Туалет... С*ка, туалет...

Скривился я от неловкости. Но исполнил веление. Завел в комнату, но едва попытался стащить с нее шорты, как тотчас дернулась. Реально дернулась — несильно, едва заметно, но затем и взор прикипел ко мне. Поддаюсь — отпускаю, отступаю пару шагов назад и даже учтиво закрываю дверь.

— Ты это... не стесняйся, я пошел... — вспоминаю нашу ту встречу на даче у туалета и ее явное смущение.

"Черт, с*ка..." — скривился я от злости, отвращения к самому себе — кто ж знал...

Притих, позорно играя в партизана. Не извращенец, но если притворяется... и начнет чудить, или если плохо станет — упадет, должен слышать. Но ничего. Легкий шорох, но ни стука, ни прочего.

Потопать ногами — б***ь, аж самому смешно, и гаркнуть:

— Ну ты че? Все?

Тишина.

Резво открываю дверь — пи**ец. Стоит... мокрая. Шорты мокрые — статуя, мать его... не шевелится, но мы птица скромная, гордая, даже... если мертвая. Сделать с собой ничего не смогла — но и природа взяла свое. Стоит... по щекам текут слезы, и сверлит меня каким-то странным, не пустым... нет, глубоким, полным боли и отчаяния, укора, взглядом. И не знаю... кому из нас двоих сейчас стыднее — ей, или мне... что очк*нул тогда всего, соплей этих... отношений серьезных. Так бы ни одна тварь не посмела к ней притронуться... А теперь, б***ь, получи: только как овощ... и может эта... дурочка, с*ка, выжить.

Да пошли вы все на х**! С чего я вообще его послушал?! Ну, прооралась бы хорошо,

побилась головой об стенку, драку бы затеяла со мной — а там, гляди, и попустило бы. В*чко их препараты!

Шаг вперед — и притянул к себе, крепко сжал в своих объятиях, сам уже задыхаясь от горечи и боли. Тошно, дурно, мерзко — не от нее. Нет. А от жизни... которая до такого доводит. Тихий всхлип, дрожь — но тут же все покорно стихло.

Провел, погладил по голове — машинально поцелуй в макушку. Шепотом:

— Всё будет хорошо, Малыш. Назло всем уродам — мы справимся. Вопреки... всему.

Живо отстранился, подхватил ее себе на руки. Испугалась, пискнула, но тотчас вновь замерла.

В ванную — силой, ломая ее нелепое сопротивление — снять, содрать с нее все шмотки — еще усерднее давится, ревет. Пытался объяснять — по***. Ну, и ладно!

НАДО! Раздеть догола — и струей теплой воды смыть все неловкости долой.

Зеленые разводы по белой эмали ванны...

Мать тв*ю! Не мочить же швы... Б***ь!

Завернуть в банное полотенце — и унести в спальню.

Скрутилась. Дрожит...

И снова бой — не на смерть, а на жизнь... Из аптечки зеленку, ватные палочки — и, сам пачкаясь в сотый раз, всё, что увидел, где заметил... по десятому кругу намазал.

Закрыла веки — слезы текут. Но уже не сопротивляется. Терпит.

Достать из шкафа еще одну футболку, трико — и одеть свою... ненаглядную. Лечь рядом. Включить телек.

"Всё будет хорошо", — в тщетный раз повторил я сам себе, игнорируя доводы рассудка и происходящее рядом. Хочет или не хочет — а все равно... справимся.

Глава 24. Аллюзия на жизнь

Глава 24. Аллюзия на жизнь

(М и р а)

И сам не понял, как опять успешно провалился в сон.

Проснулся под утро. За окном — сумерки, вокруг полумрак. В башке — туман. Не сразу даже сообразил, понял, что что-то не так. Лениво потянулся за мобилой, зажал кнопку — тотчас высветилось на экране "03:23". Черт! Дернуло же так рано проснуться! И че теперь?

И вдруг странный, жуткий писк. Не то плач, не то скуление. Будто током прошибло. Вспомнил всё жуткое. Слетел с кровати в момент. Чуть не грохнулся, запутавшись в собственных ногах. В коридор — и обомлел. Страшно было даже подойти... дабы узнать, что натворила.

Нервно сглотнуть, волю в кулак — и всё же шаг ближе. Только хотел присесть рядом, как дернется, как кинется вбок, дико завизжав:

— Не подходи! — отчаянное ее. Хотела на карачках удрать, как вмиг хватаю за ноги, пресекая сумасбродство. Сверкнуло что-то в ее руках. Машинальный мой выпад, рывок — и выхватил, выдрал из хватки — отчего сам едва чуть не распанахал себе ладонь: нож. Повезло, тупым оказался. Канцелярский. И, с*ка, главное, откуда?! Б***ь, я про него уже и забыл! Смотрю: слизкий, мокрый. В темных разводах. Но крови вроде немного. Отшвырнул в сторону — и эту хватаю, выкручиваю руки. Не х*я не видно — приходится щуриться. Провел пальцами по коже — вроде целая. Но запутался в кой-то хрени, в какой-то колкой шерсти, что ли... волосах?

— Ты че натворила? — рычу ошарашено, перебирая, разминая на пальцах странную находку.

Рыдает, давится взхлеб. Не отвечает.

Но уже и сам полез к волосам (что медсестры тогда еще, в больнице, более-менее в порядок привели). Еще движение — и буквально все и осталось у меня в руках, вся ее копна.

— Ты че натворила?! — ору уже неистово.

— Я не хочу! Не хочу!

— Чего ты не хочешь?! — казалось, я уже сам сейчас сдамся, зареву, захлебываясь ее болью, что странным образом, будто лавой, уже захлестнула меня и разодрала на части, сожгла дотла.

— Я жить не хочу! Не хочу! НЕ ХОЧУ! Зачем ты со мной все это делаешь?!!

— Успокойся! — прижимаю отчаянно к себе.

— Отпусти! Пожалуйста... — вырывается изо всех сил, дерется. — Я не хочу так жить! Не хочу!

— Все будет хорошо, — губами прижимаюсь к ее виску; сдавливаю до боли за плечи, до хруста, лишь бы больше не сопротивлялась.

— Я не хочу "хорошо"! — вопит на всю глотку, что аж уши закладывает (благо, звукоизоляция нев****нная стоит, а так бы мусора б давно приехали). — Я хочу, чтоб всего этого не стало! Всего!

— Мы справимся, — рычу сдержанно.

— НЕ ХОЧУ! Не хочу!!! Не хочу... — злобно, но уже как-то смиренно, поддается на мое

молчание, непоколебимость. Еще попытка разорвать мою хватку — и обиженно обвисла. Напряжение спало. — Не хочу быть бабой... Не хочу...

Просидели так... немало, пока ее взрывы буйства не стали реже... и у меня не появился хоть какой-то шанс ее нормально осмотреть, а там — и вовсе, дотащить до спальни. Закрывать дверь на ключ. В сейф — за таблетками и засунуть, почти на сухую (воды в стакане — пару капель) заставить ее проглотить. Из наркоты — одну... Посмотрим на такой вариант...

Плачет, ревет, гасит на меня... всем, чем только можно, с каким только дерьмом не мешает — по***. Прощаю, всё прощаю — лишь бы... помогло. Еще минуты ожидания прихода, покоя — и обмерла. Улеглась на полу около кровати, свернулась в клубок — и тихо ноет.

Шаги к двери. Включить свет — дрогнула, но сказать — ничего не сказала. Зажмурила веки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Открыть замок, на кухню — набрать воды.

Дать запить недавний бой — мой напор, веление — и поддалась... уже легче.

А там — и до ванны довести удалось. Осмотреть — новых ран наделала, но как-то хаотично: видимо, пока резала волосы этим тупым уе***ом, а не ножом. Умыть, намазать зеленкой, переодеть. Какие-то еще странные лоскутки черные на ней — но уже плевать. Не до этого сейчас. Взять ножницы из сейфа — и подравнять ее "великолепие".

— В туалет? — шепнул ей на ухо.

Уставила на меня свой взор. Мутный, слегка потерянный, но уже хоть в одной со мной вселенной.

Нервно сглотнула слюну. Пристыжено опустила очи.

Поддаюсь — провел. Едва попытался стащить с нее штаны, как тотчас дернулась, вздрогнула. Тихим, кротким шепотом:

— А сама...

Игнорирую. Не сегодня. Пусть завтра, вернее сегодня, но днем дам ей шанс — а снова сейчас воевать в душе... уже ни сил, ни желания нет. Силой творю затеянное и усаживаю на унитаз.

Разворот — и вышел. Захлопнул за собой дверь.

Прижаться спиной к деревянному полотну — и устремить бесцельно взгляд пред собой.

И как долго я так смогу? Вот честно... с самим собой. Как долго еще у меня хватит сил, терпения... тяги? Играть во весь этот больной спектакль? А?

Вдруг звон. Что-то упало и пронзительно завывло, скача, видимо, на плитке.

Кольнуло, сжалось все у меня внутри.

Опять что-то не доглядел. Молнией движение — за ручку — и рванул дверь. Стоит, плачет. На полу разбитое бабье зеркальце.

"С х** оно тут забыло?! Какая с*ка?.." — живо присесть и собрать с пола осколки, пока эта не умудрилась еще больше себя распанхать. Осталось еще и стопы порезать — и все...

Б***ь! Всхлипы все сильнее — истерика явной волной — только что наркота притормаживает. Обхватил ее свободной рукой — и прижал к себе. Поддалась. Поцелуй в макушку:

— И че ты полезла? — машинально за грубостью прячу тревогу, неловкость. — Рожу давно свою не видела? Полюбоваться хотела?

Взвизгнула, уткнулась носом мне в грудь — прижалась.

— Нашла чем башку захламлять. Тут вон жрать нечего, а она...

Не договорил, так и не родив более-менее толковую шутку.

Шумный вздох:

— Ты мне и такая нравишься. А на остальных — по***.

Повел на кухню — выбросить осколки в мусор. Усадил за стол.

— Есть дошик, есть колбаса с батоном. Но, может, из ресторана че заказать? Суши ешь?

Не смотрит, сидит... давится соплями, тупит.

— Тьфу, б***ь! — нервно сплюнул я в сторону. — Не молчи! Я же тоже не железный! —
взор растерянный по сторонам. Обмер. — Или тебя опять клинит?

Молчит. Моргает. Но взгляд уже явно осознанный — лихорадочно пляшет. Да и до этого... если я уже сам себя не запутал, звуки издавала.

— Ты жрать будешь?! — заорал дико, упершись руками в стол. Да только крик этот вовсе не на нее — на себя... и на тех уе**ков. Как же хочется их размотать, разорвать на части. И себя заодно... что не уберег, что... ничего не сделал, чтоб этого не случилось. Даже... если и не должен был. Понимаю — и, тем не менее, от всего этого не легче.

— Ладно, — сдержано. Присел рядом. Опустил голову: — Прости... Я просто... я не знаю. Мне кажется, я сам скоро рехнусь. Я же... никогда ни за кем толком не... не ухаживал. Понимаешь? — взор на нее — не реагирует. Опустил вновь очи я. — Я привык... приходить и брать все готовое. А если что не так — то ломать или доламывать. А тут — всё не так. Да еще и ты... сопротивляешься. — Немного помолчав, взгляд ей в лицо, жующей свои соплезлы: — Ну, ради мести-то хотя бы... ты можешь жить? А?.. Или только мне одному хочется этих ушлепков четвертовать?

— Только тебе, — тихо, убивающе.

Казалось, в этот миг меня словно кто электромолотилкой всего изнутри раскромсал. Нервно сглотнул слюну. Долгий, пристальный взор — выискивая хоть намек на вранье — тщетно.

Живо сорвался с места, сплюнув яд:

— Ну идохни с голоду тогда!

Пройтись в коридор, отыскать в карманах сигареты, зажигалку — и пойти на кухню, сесть рядом с ней.

Прикурил. Взгляд в лицо. Затяжка — и выпустил дым в другую сторону:

— Я ж все равно от тебя не отстану. Ради принципа. И даже не мечтай.

— Я спать хочу, — тихо... шепотом.

Не сразу и разобрал.

— Че? — приблизился вплотную. — Спать?! ЖРАТЬ сначала! А то еще реально коней мне двинешь. Заживать надо — а не еще больше истощаться и гнить.

— Ради чего? — подвела глаза. — Ради чего мне жить?

Жуткая, палящая схватка взглядов. Не выдерживаю первым я этого ее яростного, полного презрения ко всему человечеству, взора.

Отвел очи в сторону. Затяжку — и выдох. Прокашлялся невольно. Сбил пепел в тарелку, что еще от вчерашней трапезы осталась.

— Ну-у... — протянул несмело, действительно не зная ответа на этот вопрос. — Ради... Рожи хотя бы твоего.

Ни единой эмоции, только что взгляд еще больше, казалось, вцепился в меня... желая

все жилы изнутри выдрать.

— Его все равно закроют. А там — я ему не нужна.

— В смысле? — оторопел я. — За что?

Зажужжало что-то, застучало... а затем глухой удар.

Черт, телефон на вибро. Поддаюсь. Еще один вдох «вредного» дыма — и потушил сигарету под краном. Выбросил бычок в мусор.

— Думай, че жрать будем.

Шаги в комнату.

Схватил уже спящий аппарат: взгляд на экран — Кряга очнулся. Как вовремя. Иди ты на***!

Включить звук, спрятать телефон в карман. Шаги на кухню к своей Статуе.

Хоть бы пока я там ходил, ничего нового не отчебучила... А то с голодухи... я уже сам за себя не ручаюсь.

— Надумала?

— Мне все равно.

— Ну и ладно... значит, пицца.

...

— Да, две больших. А суп, картошка или что-то в этом стиле есть? О-о, отлично, давайте! Да, и пиццу тоже! Ждем. А, и еще... Пластиковую посуду. Не, это есть. Нам бы вилки, ножики... есть? Отлично. Приплюсуйте. Сча адрес смс-ну. — Отбить звонок. Устремить взор мимолетом на Бунтующую. — Можешь реветь дальше. Тебе вон бульончику привезут. Х** я тебе дам сдохнуть! А надумаешь опять вытворить что-то в стиле того, что было ночью, — к кровати пристегну. Добесишь.

...

Оплатить заказ, наверх сверху чаевых побольше... и вдогонку всучить чертов пакет с мусором курьеру — не хватало мне еще одной эпопеи с этими е**нными осколками.

Полудохлая, но гордая наша птица. Как с туалетом — попыталась сама справиться с ложкой. Не срослось — только облилась, зараза. Благо, рот мой был занят — жевал пиццу, а так бы точно выругался — опять ее переодевай. Взять самому ложку и вновь приняться за "любимое" монотонное занятие...

Но ниче... сегодня уже позитивнее пошло.

Довел до спальни. Переодел — и затолкал под одеяло. Лег рядом — втыкать в телек, пока вновь не усну.

Часов десять было вечера, как какой-то мохнатый ублюдок сделал дозвон мне на телефон. Только, хр*нов гусь, разбудил нас обоих — ибо был послан со своими проблемами восвояси. Черт, это этой же надо вовремя таблетки дать с утра — поставил будильник.

Лежит, сопит молча, глазами клипает.

Отвернулся, воткнул взор в экран телевизора, невольно зависнув заодно в мыслях.

Рож... почему это она так уверенно заявила, что его посадят? Да и потом... реально, сейчас бы давно уже весь город на уши этот ушлепок мелкий поставил, узнав, что пропала сеструха. Или ее эта... сожительница, или с кем она там, вообще и усом не ведет? По***, как и всем?

Черт! Расспросить бы все толком! Если хоть не напрямую — то зацепки. Понять... что за с*ки это были. Нашел бы их сразу — и уже проще бы стало... обоим.

Но нет же, б***ь! И что это ее значит... мол, месть — не месть... ей по барабану? Не понял я что-то... совсем.

А, черт с ним!

Есть че поважнее: завтра надо думать, как ее выводить из всего этого... Не будет же она вечно под кайфом. Так недолго и наркоманкой стать. "Трэш" какой-то... если верить словам Гриба. Хм... надо бы, по уму, узнать про него побольше... Да никак! Не выйти же никуда. Своих сюда звать — еще хуже. А по телефону — и так уже наговорил. Хорошо, если никто не засек, а то мало ли прослушка.

Зазвенел будильник. Нехотя отыскать на тумбе противную зверюгу, заткнуть его. Несколько минут, чтобы сообразить что куда — на**я так рано мне вставать надо было. Нашупать живо рядом с собой свою Спящую Красавицу (телек, с*ка, опять погас — надо выбросить его к х*рам, да плазму нормальную купить... но все некогда — и потом, давно я так надолго дома не зависал, а если и было дело — то с перепоею... и было не до этой бандуры).

Черт! Таблетки!

Стремительно к сейфу, отковырял кругляшку и пару овалов — и к своей мадам. За стакан — и присел рядом.

Вдруг распахнула веки. Лежит, сверлит меня своим странным, пугающим взглядом. Молчит.

— Выпьешь? — несмело. — Тебе же легче... И я на тебя меньше ору.

— Ты не отстанешь, да? — тихо, будто шелест травы. Благо ночь, тишина гробовая — так хоть что-то внял.

Закачал отрицательно головой:

— Нет.

— Зачем тебе все это? — робко. Сглотнула скопившуюся слюну.

Ухмыльнулся я, пристыженный.

Зачем? Я и сам... если так-то, не знаю.

— Я же отморозок... ты же знаешь, — улыбнулся криво. — Меня же хлебом не корми, дай че-нить странное сделать. Выбесить кого-нибудь...

— Я домой хочу...

Рассмеялся:

— А я на Марс. И че?

Сверлит своим гребанным, полным укора и боли взором, заражая и меня гадкими чувствами. А потому еще миг — и не выдерживаю.

Мигом запихиваю силой ей в рот таблетки — поддается. Дать запить — и тут подчиняется.

Отчего даже... не по себе стало. Жутко.

Резкий разворот — встал. Оставил стакан на тумбу — и прошелся в коридор. За сигаретами...

— Я все равно их найду, — поспешно (пока еще не накрыло ее), криком бесстыдным. Приговором для обоих нас (сквозь сигарету в зубах): — Найду тех уродов! Не жить им! — Прикурить. Затяжка. Выдох... — Тебе по*** — а мне нет. Не жить им, однозначно... —

подался на кухню, сел у окна... Взор в сумерки, радостно предвкушая грядущий пир.

Глава 25. «Без эксцессов»

(М и р а)

Либо оба так уже п***ец как устали, либо меня накрыло... вместо нее, но проспал весь день к хр*нам собачьим. Но странно, что и она не будила: в туалет там, или еще чего. Нет. Открыл глаза — а Мальвина моя рядом. Проверить дыхание, пульс — жива, кобылка. Справимся.

И даже ужин без скандалов. Тихо, молча, жевала уже засохшую пиццу — даже не сопротивлялась, когда кормил, а после — поил чаем. В туалет провел. Без эксцессов. Как будто и не мы это вовсе...

Жуткий, пронзительный крик просто, казалось, взорвал мне башку, наглым, больным, зверским образом заодно вырывая из сна. Спыхватился. Взор на Нее, сидящую, трясущуюся от рыданий, рядом. Давится, захлебывается, задыхается. Живо обнял за плечи, притянул к себе, убрал волосы с лица, взор в глаза:

— Че случилось? — взволнованно. — Болит где? Или что?

Хотя... тупой вопрос, согласен.

Не говорит, еще сильнее заливается...

Ухватил за подбородок, силой обернул к себе.

— Посмотри на меня! — жестким приказом. — Ника!

Мгновения борьбы с собственным «я» — и сдалась: распахнула очи.

— Случилось че? — уже более сдержанно, мягко.

Дернулась, закачала отрицательно головой.

— А че? — тихо, давась неловкостью. — Приснилось?

Сглотнула ком горечи. Смущенно, виновато опустила глаза. Дрожит, давится остаточными всхлипами, явно изо всех сил пытаюсь себя сдержать.

Притянул к себе сильнее, отчего невольно уткнулась своим сопливым носом в шею.

Провел, погладил по голове:

— Ничего... пройдет. И это пройдет. Справимся...

Поцеловал в макушку. Шумный вздох.

Молчит, вздрагивает... душит слабость.

Храбрая моя... вопреки всему — храбрая...

Невольно, бесцельно взор за спину ей, на кровать — как током шарахнуло: жуткие, темные пятна на простыне.

Тотчас сгреб в охапку, силой усаживая себе на колени. Поддалась. Испуганно обернулась — и сама обмерла не то от шока, не то от стыда.

Взволнованно ей в глаза, тысяча предположений — и лишь об одном мольба:

— Месячные?..

— Не знаю... — тихо, испуганно, невольно заикнувшись остатком рыдания.

— А кто знает? — невольно грубо... давась страхом. Поежилась я: — А когда они у тебя должны?

— А число?.. — еще тише.

Шумно вздохнул, взор около:

— А *** его знает...

Но тут же и дошло — не выпуская ее, потянулся к тумбе — схватил телефон.

— Ну, живот или еще чего болит? Или так, как обычно... у вас бывает? Я не знаю... — задумчиво добавил. Манипуляции привычные, снимая блокировку, взгляд на экран. — Третье. — Уставился ей в глаза: — Ну че?

Новой волной... потекли слезы.

— Понятно... — буркнул себе под нос, печально опустив очи.

Черт. Хорошо, что хоть утро. Семь едва натикало.

Умыть ее и попытаться помочь одеться. Кинулся по сторонам — а платья нет.

— Не видела?! — невольно гаркнул на нее: нервы сдавали, как самые гнилые дезертиры.

Взор ей в глаза — молчит. Еще только сильнее слезно-сопливые потоки стали.

Шумный вздох — и отвернулся.

И вот оно — в коридоре в углу, около обуви, валялся черный комок.

Стремительные шаги ближе — и о**ел: разодранная, раскромсанная на части какая-то половая тряпка, а не одежина. М*ть твою!

Хотел, было, кинуться к ней — от злости, от переживаний уже белея, но тотчас осекся, едва увидел этот перепуганный, и без того... несчастный комок беспомощности и горя. Злобно выругался себе под нос — и откинул долой. Переодел в какие-то свои старые шмотки (трико, футболку, кофту на голое тело), прибил копну замученных волос (надо бы, по уму, еще ко всему и расческу ей купить), да потащил на выход. Хоть обувь ту ночь гребанную пережила — не успела растерзать и ее. Надеть, застегнуть босоножки. Самому напялить первое попавшееся — да на улицу.

— Садись, — гаркнул на нее, не понимая ее сопротивления. Еще одна моя тщетная попытка затолкать ее в салон автомобиля.

Обернулась. Таращит на меня свои взволнованные зенки:

— Я вымажу.

— И че, б***ь, теперь?! — гневно.

— Хоть... пакет какой, — несмелым шепотом, — подстелить...

— А может, еще и сплясать?! Села быстро! — напор — поддалась. Опустила пристыжено, виновато голову. И опять слезы по щекам. М*ть твою...

Шумный вздох.

Некогда жалостью давиться. Захлопнул дверь. Обогнул мигом тачку — и прыгнул за руль.

Едва выкатились с парковки на проезжку, косой взгляд на свою Мальвину:

— Прости... — тихо.

Вызвонил Кряжина, предупредил, чтоб ждал нас... вместе с толковым гинекологом.

— Может, в платную какую смотаться? Чтоб результаты уже сегодня, или... — запричитал я, неся свое «сокровище» на руках. — Время жаль, да и... так проще.

— Да не мельтеши! — гаркнул на меня Серега, перебивая. — Сча всё будет!

(Н и к а)

Зашли оба, Мирашев и этот его знакомый, Доктор, следом за мной в кабинет к гинекологу, нагло игнорируя скопившихся под дверью бабулек и пару студентов.

— Вот та, о которой я рассказывал, — учтиво представил меня сидящим за столом: молодому мужчине и девушке, в белых халатах. — Вы уж постарайтесь, — скривился в игривой улыбке.

— Обижаешь, — рассмеялся в ответ незнакомец.

— Ладно, пошли, — прикрикнул на Мирашева его товарищ, отчего я тотчас испуганно обернулась. Схватил одного за локоть, за свитер, — и потащил на выход. Поддался мой Надсмотрщик, но нехотя, явно тормозя, все еще буря, изучая меня взглядом.

— Я, если че, за дверью, — обронил Мирон.

Еще мгновение — и осталась наедине с этими двумя.

— Ну-с, — протянул мужчина, отчего я невольно вздрогнула. Резко встал из-за стола — прошелся к инструментам. Схватил перчатки и стал их натягивать. — Давайте на кресло, так посмотрю — а там, если надо будет, если непонятно, то на УЗИ. Принимали что-то из препаратов?

— Последние месячные когда были? — тихо, несмело перебила его девушка, устремив взор на меня.

Обомлела я от ужаса. Похолодело все внутри. Мышцы сжались от страха. И уже боль, что просто измором, жутким ноем меня брала вот сколько времени, потеряла свою значимость. Попятилась испуганно я к двери.

— Ну? — огорошивая, гаркнул, отчего тотчас замерла я, словно вор. — Чего стоим? Раздевайтесь по пояс — и на кресло.

А я стою, смотрю, впиваюсь взором в эти его огромные, одутловатые, грубые мужские ручища, пальцы — и током пронзает. Взор в лицо — еще больше трясет. Так и вижу тех с*к перед собой.

Резвый заворот — молнией кидаюсь на выход.

— Эй, ты куда?! — отчаянное женское мне в спину.

Пнула дверь — и выскочила я, захлебываясь слезами. Практически уже не вижу ничего перед собой. Ошарашено по сторонам — в поисках пути отхода.

В мгновение шорох, движение — живо ухватил, сжал меня кто-то до боли. Мира... Узнаю запах, тепло, что уже за эти несколько дней мне стали и за яд, и за... кислород.

— Че случилось? Че сказали?

— Девушка, вернитесь! — взволнованно акушерка за моей спиной.

— Простите, а можно уже заходить? — резво перебил ее кто-то.

— Нет, не сейчас! — злобное, с раздражением. — Девушка! Молодой человек, заведите ее обратно!

— Что такое? — тихо мне на ухо, заботливо, но не без напряжения. Еще секунды — и вдруг разворот — потащил меня к кабинету: — Сейчас разберемся! — деспотически, шальным взрывом.

— Стой! — пишу отчаянно, едва не падая, заплетаясь в своих ногах.

— Вы че, ох**ли?! — бешено взревел Мирашев, впиваясь взором во врача с акушеркой. Лязгнула за нашими спинами дверь, оповещающая о «массовом тет-а-тете».

— А че мы? — взвизгнула возмущенно барышня.

— Молодой человек, вы что себе позволяете?! — грозное мужчины.

— О-о-о! — едкое. Резво выпустил меня из хватки Мирон и кинулся к намеченной жертве. — Ты, б***ь, даже не представляешь, что я себе позволяю!

Живо стерла я влагу с глаз, невольно шмыгнув носом, — и тотчас бросилась к своему Безбашенному: уже схватил за грудки испуганного врача.

— Немедленно отпустите! — завизжала девушка.

— Отпусти! — рыком повторила и я за ней.

Вздрогнул. Дернулся, в момент обернулся ко мне — но еще не поддается.

— Мы сейчас охрану вызовем! — из последних сил вступается за свою честь Несчастный.

— Отпусти его!.. — попытка сказать громче, но вышло нелепо, шепотом.

Мгновения за и против — и отступил.

— Че вы ей сказали?! — гневное в лицо мужчине, что уже лихорадочно принялся поправлять халат. Обернулся вновь ко мне взволнованный Мирашев. Стоит, сверлит, изучает меня взглядом. Кривится, жуёт эмоции, едва сдерживая брань.

— Ничего! — злобно. — Сказал по стандарту: раздеваться и на кресло. А она сразу в сопли — и на выход.

Резко устремил очи на него:

— Гляди, как бы ты сча в сопли — и не подался на выход! Из окна — по-быстрому...

И снова взор на меня:

— Че не так?! — криком, отчего я вмиг оторопела. Обмерла, окоченев. Шаг ближе. Раздраженно: — Я уже не**я не понимаю! Че опять не так?! НИКА!

Виновато опустила глаза. Стою, жаром заливаюсь от стыда. Чувствую, как трясет — вот-вот вновь разрыдаюсь, что еще страшнее — учитывая его и без того уже разбушевавшийся гнев.

— Я просто, — едва попыталась оправдаться, как тотчас перебил.

— А?! — гаркнул. Движение ближе — и едва не вплотную к моим губам ухом. — Я, б***ь, них*ра не слышу! Что такое? — обернулся. Глаза в глаза, на расстоянии вдоха. — Ну?!

И снова позорно опускаю очи. Силой выдавливаю из себя громче:

— Я просто не хочу... чтоб меня мужчина осматривал.

Виновато поджала губы. Еще сильнее дрожу. Кажется, меня сейчас уже и раздерет от моей придури. Но чтоб этот... меня лапал, трогал своими ручищами, смотрел на меня голую — и того невыносимей. Лучше уж так: что бы там не было со мной, пусть как есть. Быстрее сдохну... как и хотела ранее.

Но сдержался. Скривился. Шумный вздох. Отстранился. Резвый заворот — ядовитым ехидным залпом:

— У вас че, б***ь, во всем отделении ни одной бабы-врача не нашлось?! Или что?!

— Вообще-то, это — заведующий. И он лучший, — учтиво прокомментировала акушерка.

— Да мне по***. Хоть сам Царь! Бабу нашли нам... быстро!

(М и р а)

Нашли. Еще как нашли — быстро, и без лишних пререканий.

И ну его нах*р их эти недосказы. Завалился я на стул за ширмой в кабинете — и принялся выжидать.

— Молодой человек, — недовольно гаркнула на меня новоприбывшая бабулька. — Может, вы выйдете? Все-таки осмотр у доктора... да и стерильно у нас, а вы вон, даже бахилы не надели.

— А я сам по себе — стерильный, — гневно оскалился. — Смотрите да лечите уже ее, а то так и коней двинет, пока мы тут бегать будем.

Скривилась, замотала головой, но отвернулась. Живо надела перчатки — и подалась к пациентке.

— Ну что... — задумчиво. — Ничего такого я тут не вижу, — обернулась к этому, «зав. отделением». Беглый взгляд на меня, а затем снова на мою Мальвину. — Рубцы есть, свежие, но не думаю, что они кровоточат — заживает потихоньку. В остальном... Не дергайся, пожалуйста, — тихо Нике. — Я всего лишь мазки возьму. Расслабь живот. Зая, расслабь... Вот, умница.

Не по себе стало. Даже левая бабенция к ней больше нежности проявляет, чем я. Черти что... Будто я просился в няньки. Вернее... а *** с ним!

Шумный вздох.

— Вставай, — слышалось женское.

Задержалась, зазвенела моя красавица. И я подчинился — спохватился со стула. Шаги ближе, игнорируя перекошенные рожи свидетелей. К Веронике — и обхватил, помог сползти с этой раскарючки.

Залились краской ее щеки, но не выдиралась, не фыркала... не истерила.

Помог одеть штаны. Присел — застегнул обувь.

Встал, обернулся.

Странные, ошарашенные взоры на меня, будто что-то ахинейское увидели.

— Ну так че? УЗИ? — рявкнул я на них. — Или че? Че с ней?

— Ну, может, месячные раньше пришли... На фоне стресса сбой произошел, — задумчиво протянула женщина.

— А препараты точно никакие не принимали специфические? Противозачаточные экстренные? — резво отозвался и «Зав».

Побледнела вдруг резко Вероника. Пошатнулась — тотчас удержал, прижал к себе.

— Нет... — несмелое ее.

— Принимала, — перебиваю я, отчего вмиг в шоке уставилась на меня Мальвина. Отвечаю ей на мгновение взглядом — но не выдерживаю и в момент отворачиваюсь. Взгляд на врачей.

— Какое? Название? — поспешно женщина.

— Да х*р его знает. На букву *.

Рассмеялся едко не то от нервов, не то неоправданной храбрости, недобитый кутёнок. Скривился.

— Вы хоть бы инструкцию читали...

— Читал, — гневное мое.

Шумный вздох того, смолчал. Отвернулся.

— Бывает так, — торопливо вклинилась бабка. — Ничего страшного. Еще и месячные могут немного задержаться дней на пять-семь. Тоже в пределах нормы.

— Значит точно не беременна? — отчаянно, режущим по живому сердце. Отчего я даже вздрогнул. Взгляд на Нику. Кривится, морщится, на ресницах заблестели слезы.

— Ну-у, — вразяжку. — Точно еще пока рано говорить, время покажет. Это тоже —

не... стопроцентный вариант.

— Точно, — иступленное, мое... перебивая. Сильнее прижал к себе, машинально поцеловал в макушку. Сглотнул ком горечи. — Точно... — добавил уже шепотом.

— Ну, их хоть поймали? Наказали? — поспешное, взволнованное нам в спину акушерки. Обомлел я, будто кто розгами меня хлыстнул. Сжалась от нехороших чувств и моя «пленница».

Не оборачиваясь гаркнул:

— Вопрос времени.

Едва вышли, как тут же буквально нос к носу столкнулись с Крягой: живо кинулся к нам.

— Ты, б***ь, не мог не расп**деть всё, да? — злобно рявкнул на него я.

— А то так не видно! Хоть больше участия проявят. Ты думаешь... все тут «самаритяне»?

— Слышишь ты, альтруист-помогатель, я так-то к тебе не за бесплатно сюда хожу. Как и этим — по косарю на рыло отбашлял.

— Да ладно... тише-тише, — ухватил меня за локоть и потащил в сторону. Учтиво веду за собой и Нику. — Ну, че сказали?

— Норма всё. Живает, — уже более сдержано я.

— Лекарства даешь? Витамины, еда полноценная?

— Ага, почти, — язвлю.

— Че? Не понял...

— Да ниче, шучу я. Даю-даю.

— Про анализы не забудьте. На гепатит скоро результат придет, но потом, как и ВИЧ, повторить надо будет через три месяца, полгода и год. Лучше через меня — чтоб тесты четвертого поколения были, а то наделаете делов... — Задумался вдруг. Станный, пронзающий взор на Веронику, отчего даже мне стало не по себе, не говоря, что эта поежилась, сжалась от страха. Сильнее обнял я ее, прижал к себе — поддалась. Решился договорить Серега: — А ты... знаешь, кто это был? Сама... как думаешь, могли чем-то таким заразить?

Окаменели мы оба. Причем — если я жаждал правды, то эта моя зараза буквально через миг дернулась, шарахнулась, но пресек, сдержал я ее.

Опустила очи. Молчит, дрожит. Чувствую, как просыпается этот ее гребанный вулкан паники и истерики.

Шумно вздохнул я, признавая поражение. Мигом гаркаю, круша неловкость и тишину:

— Да по**й, как уже есть.

— Че по**й? — неожиданно рявкнул на меня Кряга, но тотчас заткнулся. Прожевал злость. — Будьте осторожны. Хотя бы первые полгода.

— Ты е**нулся, что ли? — в момент взорвался я от злости.

— Да я не о том, — скривился от раздражения Серый. — Или, по-твоему, только таким путем оно передается? Раны, ссадины... прямой контакт. Расслабитесь — и п****ц всему, если...

— Иди на***! — резво перебил я его, уже едва сдерживаясь, чувствуя, как окончательно слетаю с катушек.

— Ага, — паясничая. — Именно, пойду. А ты потом... не от пули, так от этого...

— ДАВНО ЖДУ! — бешено рявкнул на него. Разворот — и пошагал на выход, свои «пропащую» утаскивая за собой.

Глава 26. Променад

Глава 26. Променад

(Н и к а)

— Ну, че? — уставился на меня Мирон, едва сели обратно в машину. — В магазин? Эти твои, — кивнул головой, но учтиво не продолжил, смолчал. — Одежду еще... — отвернулся. Взор за лобовое. Движение — рук, ног — и взревел мотор. Задумчиво добавил: — Да еды.. нормальной. А то вон, доктор уже переживает, что я, изверг, тебя голодом морю и не даю организму нормально восстанавливаться.

Взвизгнули шины.

— Почему ты мне помогаешь? — несмело, едва различимо шепнула, когда он притормозил на красный сигнал светофора. Живо устремил взор на меня.

Промолчал, отвернулся.

Расслышал. Явно расслышал, а иначе бы уже взорвался в своем раздражении, переспрашивая, что я там себе «блею».

Долгие, жуткие... убийственные минуты. Тронулось авто — мчим вперед по заданному курсу. Но... молчит.

— В счет долга, да? — уже громче, храбрее. — Так мы ж вроде еще тогда сошлись...

— Че? — резво метнул на меня взгляд. Но тут же отвернулся: — Б***ь! — задергалось авто. — Уе**к! Куда прешь? — тягучие мгновения тишины — и поддался. Вновь короткое участие взора: — Че ты несешь? Какой еще долг?

— Да так... никакой, — и вновь усердие выдавить из себя громче.

Долгое, колкое безмолвие — и вдруг отозвался:

— А... про тех гадов, что в универе к тебе подкатили?

Смолчала, лишь усерднее спрятала очи.

— Да, в счет него, — лживое.

Выбраться следом за Мироном из машины. Благо хоть, что свитер и штаны темно-серые... да и на несколько размеров больше, чем надо, а потому не все мои "нелепости" видны.

— Я бы тебя не тащил, конечно, с собой, — внезапно отозвался Мирашев. Протянул руку — поддаюсь, берусь — шаги через проезжую часть. — Но... б***ь, я ж них*ра не понимаю в этой вашей... вышивке крестиком, — ухмыльнулся себе под нос.

Аптека.

— Дайте нам эти... прокладки женские, витамины какие-нибудь...

— А можно еще зубную щетку? — прижалась несмело к нему и закусила губу.

Взор на меня, добрый какой-то, веселый. Ухмыляется:

— А чем те моя не нравится?

— Лысая она какая-то.

Гыгыкнул. Обернулся к кассирше:

— И две волосатых зубных щетки.

Не отреагировала та на наше настроение, только еще сильнее скривилась:

— А прокладки какие? Название и на сколько капелек? — заплясал ее взгляд лихорадочно то на него, то на меня.

Учтиво вклиниваюсь я, несмело:

- *****, максимальные. Ночные.

— А че... еще и по часам разбиты? — гогочет. Глаза в глаза со мной. — А что, если днем пойдет? Или вечером?

Улыбаюсь в ответ, давясь благодарностью:

— Потерплю.

— Нет уж, — издевается. — Бери на все сутки — мы сегодня гуляем. Заверните нам побольше да "поассортиментнее", — гыгыкает.

Не выдержала — рассмеялась и я:

— Не слушайте его, — учтиво женщине. Но та и так была уже на своей волне, задумчиво пробивая товар.

— А, — внезапно улыбка спала, а голос Мирона стал серьезный. — Нам бы какое... успокоительное... легкое.

— Не надо! — будто, кто током ужалил в меня.

Отчего тотчас уставил на меня взгляд Мирашев:

— Уверенна? Ник... тебе же проще.

— Пожалуйста... — несмелым шепотом, а на глаза уже проступили предательские слезы: не хочу, никак не хочу опять в этот его изуверский плен наркотиков.

Шумный вздох. Отвернулся, взгляд на мадам:

— Не надо, — едва различимо, качнув отрицательно головой.

Поморщился:

— Зря ты... я же тоже буду срываться. — Глаза в глаза. Неожиданно вновь просиял, улыбка: — А так бы на пару бахнули... и, гляди, "очучения", что на Мальдивах побывали.

Рассмеялась, спрятав взгляд.

— Прошу, молодые люди. С вас...

Дернулся к окошку. Отсчитал необходимое...

— Не было там Мальдив, — не то с укором, не то давясь страхом. — Было только глухое дно.

— Спасибо, — забрал покупки.

Скривился. Ничего не ответил, не прокомментировал, даже взором не удостоил. Живо обнял за плечи и повел на выход.

Нервно, звонко сглотнул слюну.

— Ну, теперь в магазин за одеждой, а там — и за едой? — улыбнулся, но печаль (али вина) так и сквозила во взгляде.

Молча киваю головой, пристыжено улыбнувшись.

— Только я тебе потом... деньги отдам.

— За что? — тормознул тотчас на месте, заодно и меня останавливая. Ошарашенный взор в глаза.

— Ну, — пожала я плечами, давясь неловкостью. — За все, — кривая улыбка... спрятала очи.

Долгое, жуткое молчание. И вдруг:

— Я же дорого беру... за свои эскорт услуги, — будто вместо тока — пощекотали, — до конца века рассчитываться будешь. Хотя... с нашей инфляцией, — рассмеялся, — это и подавно неосуществимо...

Невольно заулыбалась я, еще усерднее пряча взор. Чувствую, что уже краснею...

— И вообще, че встала? Дома дети голодные ждут, плачут, а ты тут прохлаждаешься, — давление, напор его объятий, наставление — и пошагала уже в заданном направлении. — А ну быстро ноги в руки — и побежала, побежала... себе платье выбирать!

— Не хочу платье! — вздрогнула я в ужасе. Резко по тормозам. Запнулся и он. Взор мне в лицо. Тщетно кроет изумление. Миг — скривился, шумный вздох, но тотчас вновь расписала его уста улыбка: — Не... мне, конечно, приятно, что ты такой мой фанат... и хочешь таскать только мое — но такими темпами... мне уже нечего будет одеть, — гыгыкнул.

Улыбнулась. Смолчала, опустил глаза. Еще сильнее запылали от жара щеки.

— Ладно, — и снова напор — поддаюсь, пошагали... — Л***буха ты моя.

Внезапно, будто выстрелом. Обмерла, дернулась я, машинальным рыком:

— ЧЕ-ГО?! — грубо.

— О-о! — вдруг счастливо взревел Мирон. — Наконец-то Некита узнаю! А тс Вероника, — давление, и снова принудительный ход. Задергал рукой, жестикулируя. Паясничает, гадина: — Так себе собеседник. То и дело, что пузыри пускает.

Скривилась я, пристыжено. Опустила голову. Сжала от обиды губы.

— Придурок! — рыком.

— О, да! Так меня, так! Да пожестче!

Спортивный костюм, кроссовки, несколько футболок, шорт (отдельная просьба отчего-то развеселившегося не на шутку Мирона), белье, носки... — в кое-что сразу принарядится. Особенно — очки. Солнечные. Почти на полпрожи. Причем почти одинаковые: что себе, что мне выбрал. И теперь оба мы, как дурни, шагаем по зданию, шурясь, в полумраке выискивая солнце... и тихо молясь, как бы нигде не навернуться.

Кафе. Пообедать — и планы домой.

Устала жуть. Только и спасало то, что везде таскал в обнимку, придерживал, поддерживал. А пару раз, по ступенькам, даже на руках нес.

— Ну... я же вроде уже не овощ, — смеюсь, смущенная.

— А мне нравится... как другие на нас глазают. Столько зависти! Аж давятся... — гыгыкнул Мирон.

Пришли домой. Я — в душ, а Мира — за свое, по ходу, любимое дело: на кровать, за пульт — и втыкать в телевизор.

Уснул. Не стала будить. Облачиться в обновки — и на кухню.

Продуктов уж закупил Мирашев, будто пару недель точно выходить никуда не собирается. Или сильно перенервничал с голодухи... за эти дни...

Кисло улыбнулась сама себе под нос.

Черт... это, наверно, впервые за все время он оставил меня без надзора своего... и не под препаратами. Злилась ли я на него? Не знаю... жутко, конечно, было первые дни... когда сам себе не принадлежишь... когда... даже сдохнуть тебя лишают возможности.

Жалела ли я, что пошла тогда к этим?... Черт! Точно... я уже... уже даже как-то из головы вылетели эти подробности, нашей встречи. Одни обрывки, отрывки фраз, картин всех этих дней. Они реально их убили? Или...

Черт! Да... какая разница, хотелось бы сказать. Но есть разница.

Или, может, и нет... Я все равно ничего уже не изменю. И тогда бы не изменила. А сейчас — уйти? Куда... я даже не удивляюсь предложению Мирона купить все с нуля, а не податься ко мне домой. Эти твари... наверняка сразу узнают, что я жива. А так — есть время... или... хотя бы шанс, что не рыпнутся заканчивать незавершенное...

Да и с Миравшевым...

...Странно, конечно, такое признавать... но, по-моему, Мирон все же... понемногу, но побеждает. Еще немного — и я тоже начну, если не верить, то хотя бы... надеяться, что мы... я... Мы со всем справимся. По крайней мере, пока это Ему будет интересно — и Он будет давать мне силы... и причины (странные, но очевидные) жить.

Черт. Ножа нет... и чем картошку чистить?

Матерь Божья! Да даже вилок... У него что, паническая атака была? Или чего?

Обреченно уселась я на стул. И что теперь варить?

Макароны? Точно! Где-то спагетти купили.

Нырнуть в пакет и достать пачку.

Черт, и как ее открыть? Зубами грызть?

Смеюсь тихо сама над собой. Но, если так-то, то и не смешно. Пластиковый нож, что отыскала (эхо доставки пиццера), тот тоже... не на моей стороне оказался. И чего не сделать волнистыми краями, как бывают некоторые пачки, дабы удобно было разорвать?! Нет же! Мучайся!

Обиженно вздохнула. Попытка приобщить к "кулинарному извращению" уже и зубы — тоже голяк.

Шумный вздох.

Ухватила половчее и в очередной раз рванула конец. Еще усердие — и как дерну. Острая боль пронзила плоть. Дрогнули и без того слабые, непослушные руки — прыгнуло, выскочило всё долой — на пол, рассыпаясь веером. Неосознанно выругалась. Живое засунула израненный палец в рот, обсосала кровь, дабы та сильно не сочилась. Под воду — смыть слюни. Присела — отчаянно принялась сгрести, собрать свою оплошность. Черт, и что теперь... грязными варить? С*ка... и только одна же пачка. Чипсы — две, а макарон — ОДНА! — еще рывок... и ловлю взглядом багровые пятна на лапше. И только сейчас осознаю... нечто жуткое. Перезвоном колокола в башке раздались слова врача, знакомого Мирона: анализы... Гепатит... ВИЧ...

Где корчилась — там так и осела на пол.

Горько, отчаянно заревела, завывала... давась горем и безысходностью. Давясь... очередным ядом Жизни.

(М и р о н)

От этого звука... меня аж подкинуло на месте. Сам даже не понял, как слетел с кровати — и на звук.

Ну... с*ка, пусть только опять че-то отчебучила! Как миленькая... будешь у меня жрать лекарства! А то не хочу... не буду! Б***ь! А антибиотики еще ж...

Поворот — и обмер. Сидит среди рассыпанных макарон и пускает опять пузыри,

давится слезами и соплями.

Но цела... вроде, более-менее... По крайней мере, лужи крови или лысины не наблюдаю.

Присел рядом. Хотел, было, погладить по голове — как шарахнется, дернется в сторону.

Ах, е* ж твою налево!

Сдержался. Наелся, проспался — сдержался.

— Че случилось?

Молчит, захлебывается, пальцы мнет, прячет от меня.

Будто молнией в затылок — неужто опять где прошляпил нож?

Живо кидаюсь, на колени к ней. Хватаю за локоть и силою выдираю из-за спины руку, к себе. Одну, вторую. Сопротивляется — еще сильнее ревет.

— Не надо! — едва внятное заикание.

Еще мгновение — и отыскал:

— Да ладно?! — откровенно охр*нел от увиденной картины. — Ты серьезно? Из-за маленького пореза? — обмираю. Бурю взглядом. Стыдливо прячет глаза, отворачивается. Не унимаюсь: — И это после всех тех войн во дворе, о которых столько про вас с Рожей рассказывали?.. — вздрогнула от его имени. Но ничего внятного из перемен дальше не последовало. Монотонный, бесящий, нескончаемый вой. — А со мной как воевала! А, забыла?

Обнял, прижал к себе. Легкое сопротивление — и сдалась. Уткнулась своим сопливым носом мне в шею. Эх, чую... скоро уже и это ее меня будет заводить.

Ника-Ника... че ты со мной творишь, в какого сопливого извращенца превращаешь?..

— Ну, рассказывай! Че не так? — осмеливаюсь я вновь, едва чуть тише стал ее концерт.

Гулкие, горькие вздохи, всхлипы — послышалось несмелое блеяние... Из которого я только понял две вещи: макаронам п***ец и новых больше нет; и она, Мальвина моя, — исчадь ада, рассадник всего мира бед.

Шумно вздохнул. Неспешно отстранился... Собрал с пола лапшу — и все на*** в кастрюлю, залил водой, посолил, размешал ложкой — и на плиту, зажег огонь.

Тотчас сорвалась — чуть не грохнулась и не вывернула опять все долой. Вовремя поймал, подхватил, прижал к себе.

— А если... — заикается моя несчастная. — Если я заразная все же? И оно...

— И че оно? — перебиваю грубо, но сдержанно. Невольно сдаюсь — и улыбаюсь, потешаюсь над этой ее детской придурью. — Укусит?

— Причем тут? — подвела очи, уставилась на меня. Ну хоть слезы уж перестали течь... — А вдруг оно выживает в кипятке?

— Шутишь?! — гогочу уже открыто. — Мое джакузи еще никто не переживал! Так что не ссы — всем напольным и твоим, кровавым (если они там вообще есть) бякам настанет зверский п**дец. Ты сейчас еще жалеть их будешь — как скулить на весь дом начнут. А они — не ты, скромничать не станут.

Стоит, молча таращит на меня свои zenки — и ни единой внятной эмоции. Отчего самому даже неловко стало от своих идиотических шуток.

Скривился в гримасе, желая хоть как-то пробить этот ее внезапный "анабиоз". Нервически моргнула.

— Ладно, — обнял крепче за плечи и повел ближе к холодильнику.

Усадил на стул, что стоял рядом. Достал перекись, лейкопластырь (столетней давности

— мертвый груз моей бедной дверцы). Залил рану этой нюне, мигом раскрыл тонкую ленту и заклеил рану.

— И не реви мне больше, а то соседей затопишь, — улыбаюсь добро.

Смолчала, лишь сильнее опустила голову.

Вновь обнял за плечи. Напор — встала. Пошли в комнату.

— Я вот че надумал, пока спал... — начал несмело, врасстяжку, все же желая сменить тему и окончательно перекроить ее настроение, — надо хоть комп купить... или еще что-то, а то уж совсем скучно живем.

— А у тебя еще нет? — поддалась. Не сразу, несмело — но... поддалась.

— А на**** он мне нужен был? — удивленно. — А если че вопиющее — то вон, интернет-кафе... или в офисе мог сделать.

— В офисе? Так ты все же работаешь? — дрогнули ее губы в (победной как для меня) улыбке.

— Ага, почти, — гыгыкнул. — "Фрилансер".

— А офис тогда какой? — не может понять. Уселся я на кровать — потянул и ее за собой. Подалась. Разлеглись оба. За пульт — и включил свою вновь потухшую пузатую бандуру.

— Да хоть какой-нибудь. Че, знакомых мало?

Глава 27. Моцион

(Н и к а)

Проснулась в Его объятиях... в объятиях Миры. Никогда не думала, что утро может быть настолько солнечным, добрым... приятным, даже если за окном — полный пи***ц... Нет, погода отличнейшая — вторит моим ощущениям. А вот проблемы... что Мирашев упорно не хочет замечать, не хочет думать, говорить о них — эти да, табуном столпились под карнизом, за дверьми — да даже уже и на порог порой просачиваются, грозя скорым... очередным взрывом.

А пока — замереть тихушником и не делать лишних, резких движений — лишь бы не разбудить, не прогнать, не упустить столь дивное состояние. И он — не рычит, не злится... и не стебется с меня. И я — будто нормальная. Будто мы... не просто товарищи, друзья, скрепленные несчастьем, а... Черт. Еще один "Рожа" — как я и хотела, вот только в полной комплектации: опять я только друг. Хотя... и сама к иному не готова. Даже думать... о чем-то таком страшно. Неприемлемо... И пусть уже не так колотит от мысли, что Мирон видел уже не раз и, возможно, еще увидит меня голой, но...

Черт! Нашла о чем думать!

Невольно скривилась. Выпроводить глупые мысли — и вновь расслабиться. Вдыхать приятный, нежный аромат своего дикого, сумасбродного зверя... больного на всю кибитку, как и я.

Парк. Сегодня Мирашеву почему-то сбрендило, что мы непременно должны отправиться на прогулку. И не куда-нибудь, а именно — в парк. Вокруг зелено, благоухают цветы. Поют птицы. Светит ярко солнце. Нежная гладь озера так и манит к себе, зовет искупаться... даже если и страшно думать, какие ужасы могут обитать на дне таинственного городского водоема.

Не успели даже перейти через мостик, что вел через какую-то "говн*течку" и нагло вырулить на косую тропинку, как тотчас нас кто-то окликнул. Несмело...

— Мира! Мирашев! — послышалось следом за женским... уже и мужской голос.

Обернулись.

Даже я обалдела... от такой встречи: Майоров собственной персоной (тот самый, что так алчно желал меня "окучить" прям на огороде у... неважно у кого, на даче, около дощатого туалета той ночью) и... (та-дам!) как оказалось, его жена — Алиса (мило улынулись мы друг другу в знак приветствия и знакомства). Жесть! Красивая, фигуристая, молодая (явно, младше его самого, этого кобеля паскудного)... и, тем не менее, "не вытягивает": гуляет налево и направо... как если бы дома не куколка его ждала, а самое мерзкое чудовище. Да уж... и вправду, не родись красивой, а...

— Ребята! — хлопнула в ладони сия распрекрасная барышня. — Вас и не узнать! Что эта за парад очкастых? — захихикала.

Заржал и Мира:

— Не завидуй. Сама, небось, уже триста раз пожалела, что окуляры с собой не взяла.

— У меня шляпка. Это этот вон, — кивнула на мужа. — Щурится и причитает. Рассмеялись все трое.

— Так а вы че тут... гуляете? — наконец-то осмелел и "Витёк".

— А ну дай примерить! — живо кинулась к Мирону, кокетничая, мадам... и в момент стащила с него очки (ну, хоть не с меня — не хотелось бы еще и перед ними светить своими, пусть уже и почти сошедшими, но все еще заметными фонарями).

Всё равно... с*ка. Чего лезет? При муже-то... и при мне. Небось, не лучше Майоров хвостом виляет.

Проигнорировал МIRON ее выпад, не прокомментировал. Хотя и скривился от раздражения. Взор на Виктора:

— Ну так... а че еще делать нам, дворянам? — ухмыльнулся.

— Да вот именно! — загоготал Майоров. — Че-то пацаны совсем жаловаться стали, что ты на них забил. Дозвониться, говорят, даже не могут.

— Ох, уже эти девочки... — гыгыкнул Миращев. Взгляд на Алису, что уже нарядилась в его очочки и плясала перед моими "зеркалами", разглядывая себя, словно обезьяна. — Ты бы поаккуратней, — ухмыльнулся ядовито. — А то Некит у меня злой.

— Некит? — от удивления дрогнули ее брови, выскочив за рамку. Спешно сняла аксессуар. — Эт еще кто? — улыбнулась загадочно, явно кроя иные, истинные эмоции, в том числе страх, неловкость. — Она, что ль? Ты, что ль? — вперилась в меня взглядом.

— А кто ж еще? — съязвил МIRON. — Мальвина моя, — кивнул головой (на меня, от стыда спрятавшую очи).

— Еще и Мальвина? — захохотала Алиса.

— А ты, б***ь, Буратино, что ли? — заржал Майоров, нагло перебивая свою жену.

— Ну так... — ухмыльнулся Мира.

— И что, золотой ключик тоже имеется? — сумничала, заливаясь странной (пошлой) иронией, отчего даже я не выдержала — нервно цыкнула, закатив глаза под лоб. Отвернулась на мгновение.

Шумный вздох.

Идиотка, что ли?

Рассмеялся Миращев. Зажмурился, гримасничая:

— А это уже, дорогая... история не для твоих детских ушей, — растянул лыбу.

Хихикнула сдержано.

Движение — и, откровенно флиртуя, нагло прижалась овца к Мире, силясь надеть на него очки (вольно али невольно оттесняя и меня заодно).

— Лиса, хватит! — гаркнул тотчас грубо, строго Виктор, и отдернул ее назад за локоть (чуть не свалились «окуляры» — вовремя подхватил и поправил их МIRON).

— А че я? — спешно обернулась та к нему, наивно захлопав коровьими ресницами.

— С*ка... — послышалось тихое Мирона сквозь едкий, нервный смешок. Чиркнул зубами. Обнял вдруг меня за талию, прижал к себе. — Не обращай внимания, — на ухо. — Они друг друга стоят. Е**нашки еще те... Но и грубить не хочется. Хорошо? — отстранился. Взор мне в лицо.

Несмело киваю, заливаясь доброй, благодарной улыбкой.

Обернулся к этим, что уже буквально сцепились, слово за слово: вот-вот уже и грандиозный скандал грянет.

— Эй! Дерущиеся, — громко, резво отдернул их словом Миращев. — Давайте вы это...

совокупляться уже будете без нас? — рассмеялся.

Подчинились. Замолчали, скривились.

Учтиво продолжил Мирон:

— Так че ты там... говорил, кто там плакал? Кому я там п***ец как понадобился?

Шумно вздохнул Майоров. Показательно прокашлялся:

— Да этот... Дизя.

— И че у него там... совсем всё горит? — рыкнул Мирашев.

Криво, невесело улыбнулся Виктор:

— Да х*р его знает, если честно... Но ерзался здорово. Просил передать, если увижу, чтоб ты обязательно заехал...

Вздохнул раздраженно Мира. Скорчил задумчивую, печальную мину. Заиграл скулами:

— Так-с.... ну это только с понедельника, разве что... А так... у нас пока свои планы.

— Какие? — улыбнулась, вмиг ожившая, Алиса. — Может, с нами, на дачу? Мы тут как раз на шашлыки собрались за город. Да, Вить? — мило улыбнулась своему мужу мадемуазель.

Нарисовал в ответ улыбку и Майоров:

— Конечно, любовь моя! — не без сарказма. Взгляд на нас. — А если серьезно — да. Мир, как идея?!

Хмыкнул Мирашев, смолчал.

— Ну или хотя бы так, — торопливо вновь отозвался Витек, желая сгладить неловкость. — На кофе... коньячок заглядывайте сегодня-завтра к нам вечером. Отдохнем.

— Нет, благодарствуем, ребят... — наконец-то ожил, решился Мирон. — Но у нас другой моцион.

— Какой? — искренне удивилась девушка.

Заржал пристыжено Мира:

— Самый что не есть коварный: сначала адский шопинг, а после — морально разлагаться, лежа кверху пузом дома на диване у телевизора.

— Фу, ты уже как старпер, — шутливо скривился Майоров.

Улыбнулся Мирон:

— Ну так... пора уже потихоньку приобщаться к этому делу. Гляди... давно уже не двадцать.

Загоготал Виктор:

— Нашелся мне... "недвадцатилетний". По-моему, тебе как было семнадцать, так и осталось. В голове одни "гы-гы" да "га-га": телки... — взгляд вдруг метнул на меня, — пardon, зайчонки... выпивка да драки.

Скривилась я от обиды. Отвернулась к Мире.

С*ка... сам ты "зайчонок", как и твоя... недо-жена.

Взор невольно на Мирашева. Обомлела.

Оскал проступил на его уста, кромсая ухмылку. Но сдержался.

— Ладно, зай-ча-та, — рявкнул. Прожевал эмоции. — Нам действительно пора, — не менее грубо вышло. Задумчивый, бесцельный взор на тропинку, а затем около. Обнял меня за плечи, силой разворот, напор — подаюсь на ход. — Аривидерчи, — не оборачиваясь.

— А у вас было че с...? — не договорила я.

Бросил на меня короткий взгляд, не сбавляя ход.

— С кем? — удивленно.

— С Алисой...

Заржал вдруг, но тотчас осекся. Долгая, резиновая пауза... видимо, "за и против". Но еще один шумный вздох — и сдался:

— Пыталась она... и не раз. Однажды даже штаны умудрилась с меня стащить, — и снова смущенный хохот. А у меня все внутри сжалось странным образом, обида полосонула по сердцу. Продолжил: — Тот еще "зайчонок"... Но Майоров мой друг, как и Мазур, — вздрогнула я от услышанного (но не заметил, не обратил внимание Мирон, будучи вовлеченным в свои... глубокие, ревностные рассуждения), — брат по духу... а потому даже по пьяне я не... Да и потом, — вновь метнул на меня взор, — если бы не это... она, че... последняя баба на земле? Да хоть и так! У нее в башке такая мочалка вместо мозгов, что ну его на***: оно явно того не стоит. Никогда бы не рискнул, зная ее уже, как облупленную. Вообще не понимаю, как Витек мог так затупить и жениться на этой выдре. Да, красивая... но будто она одна такая: с ж*пой и сиськами...

— Ну-у... так и он гуляка, — не знаю почему, вступаюсь за нее.

Заржал. Косой, беглый взор на меня.

— Ага... Я же говорю — друг друга стоят. Главное, что как друзья — хорошие, всегда выручат. Поддержат, подсобят. Не сдадут. А на остальное — мне как-то класть.

— Ну... она ж все равно от тебя не отстанет... — тихо, робко... ляпнула я, но тут же осеклась, прикусила язык.

Поздно...

— Ты че, ревнуешь? — вперил в меня взгляд. Загоготал громко. Резко выпустил мою руку из своей — и обнял за плечи, прижал к себе: — Не чуди, Мальвина. Ни на кого и ни за что твой Буратино тебя не променяет.

— А почему Мальвина? — не выдержала я... и все же озвучила свой вопрос, едва мы завалились в салон его авто.

Обмер пристыжено. Еще миг — и вдруг заржал. Пристегнулся — вторю ему. Не унимаюсь. Хоть и неловко, а все же с вызовом пялюсь на Мирашева, требуя странный ответ на странный вопрос... о странной кличке.

Сдался. Пожал плечами. Беглый, косой взгляд по зеркалам заднего вида, на меня — и за лобовое:

— Не знаю... наверно, потому что... одна такая.

Взревел мотор. Тронулись...

И вправду... не шутка: купил ноутбук, приставку игровую и даже телевизор, плазму приличной диагонали.

— Ну... мне бы еще игры... какие-нибудь к этой вашей... бандуре, — кивнул на диски Мирашев.

— А какие Вас интересуют? — торопливо, учтиво отозвался консультант.

— Да я откуда знаю... в какие там обычно играют? — ухмыльнулся пристыжено.

— М-м-м, — задумчиво протянул молодой человек, взор забегал около. — Гонки, стрельбки, борьба.

— Отлично! — радостно вскрикнул Мирон. — Заворачивайте!

— Что именно? — растерялся парень.

— Да всё, всё заворачивай! — загоготал. — Жена из дома не выпускает. Надо же хоть чем-то себя развлекать, помимо спанья, — ухмыльнулся.

— Ну да, — смущенно улыбнулся собеседник. Взор на меня, пялящуюся, выбирающую и себе среди дисков что-нибудь "под стать": мордобой — идеально.

Выходные пролетели на ура. Причем день с ночью активно перевернулись. Единственное, что пришлось сообща отвлечься на дела мирские: готовка еды... Мирон даже отыскал где-то ножик и вилку: картофель мне чистить не доверил, зато колбасу порезать — тут да, повезло прикоснуться хоть на минуту к "запретному" — и снова упрятал куда-то все острое из кухни прочь...

— И долго ты так будешь... меня бояться? — съязвила, кивнув на пластиковый нож, что организовался незаметно около меня вместо настоящего.

Гыгыкнул:

— Я не за себя боюсь. А за соседей... как только уверю, что больше не хочешь всемирной вендетты — так и вперед.

— По-моему, это ты ее хочешь... а не я, — ведусь. Хоть и понимаю всю подноготную этих шуток, но затронутая тема... уж больно (острее прочего) между нами стоит... даже если и вслух не обсуждается.

Скривился. Передумал — не ушел в комнату дальше играть. Присел на стул, напротив. Взор на меня (ковыряющую свежие огурцы пластиком).

— Да, хочу, — приговором. Серьезно. Твердо. — И она будет... даже если ты почему-то не хочешь дать хоть какие-то зацепки... что это за с*ки были.

Поджала я губы. Смолчала. Отвела взгляд в сторону.

— То бишь я прав? — внезапно гаркнул громко, отчего невольно вздрогнула — и будь реальный нож... точно бы порезалась. Невольно метнула на него взор, но тут же осеклась.

Жуткие... морозящие душу предположения. Причем... итог, какой бы он не был... уж никак не блещет облегчением. А потому... не знаю... что ответить... и как убедить... бросить эту затею. Ведь... за эти дни убедилась. Вернее, разуверила себя... что его забота — это какой-то коварный, гадкий, алчный план использовать или унижить меня еще больше.

— Почему молчишь? Я прав? Ты не сдашь их? Ты знаешь... кто это, но умышленно молчишь?

Не хватает храбрости даже поднять на него очи. Молчу.

— Я же их все равно найду, — не унимается. Встал резко. Шаги ближе. Окаменела я от страха. Обошел сзади. Со спины... прижался ко мне, несмело обняв за талию. Жуткий, цепенящий голос на ухо: — Им не жить. Кто и почему бы это не сделал — не жить. Более того... я тебе клянусь, они пожалеют... что их матери в свое время не сделали аборт. Попомни мое слово.

Нервно сглотнула слюну. Чувствую, как дрожь начинает пробираться конечности.

Жгучая, убийственная тишина. Выжидание.

— Не скажешь? — будто гром раздались его слова, отчего даже дернулась в его хватке. Сжал сильнее.

— Нет, — тихо, несмело... но окончательно.

Глава 28. Феромоны вздора

Глава 28. Феромоны вздора

(Н и к а)

А вот и понедельник: начало недели — конец отпуска. Дела вновь затрубили в рог, зовя своего прилежного Исполнителя.

— А почему "Дизя"? — улыбаюсь сама себе под нос. — Как-то не очень подходит для мужчины, — бормочу, усердно семеня за Мирашевым.

Тихо рассмеялся. Движение, обнял за талию, невольно поравнявшись со мной. Метнул взгляд в лицо:

— Дизя. Он же — Дизук. Дизиак. Афродизиак... — задумчиво протянул, не унимая улыбки. — Сама увидишь на чем... сдвинут этот гад. Я бы, конечно, с радостью тебя в машине оставил, внизу. Но... там район тот еще. Так что... уж лучше со мной, рядом.

Пропустил вперед себя, открыл дверь авто. Кивнул на сидение.

— Б-благодарю, — запнулась я, ошарашенная его галантностью. Подчинилась.

— Так что... — продолжил, обогнув тачку и плюхнувшись рядом, за руль. — Прости... если что не так.

(Н и к а)

— Э-э... привет, — растеряно протянул невысокого роста лысоватый худой молодой человек, открыв дверь. — Ты не один?

— Да нет, это глюк, — прищурился, заливаясь смехом Мирашев. Уверенный шаг вперед — отчего вмиг покорно тот отступает назад. Следую и я за своим Поводырем. Захлопнуть учтиво дверь. — Ну че... побазарим? — хитрая ухмылка Миры. Стоит, звенит, крутя связку ключей на пальце. Жует жвачку, что та корова.

— А... — беглый взгляд хозяина квартиры по сторонам. — Да... конечно. Может, чаю? — вперился вдруг в меня. Нервно сглотнул слюну.

— Х*яру! — рывкнул Мирашев. — Своих зайчат будешь поить, — усмехнулся ядовито. — А моего Малыша не тронь.

— Да я че?.. Я ниче, — запричитал тотчас «Дизя», отворачиваясь. Шаги к межкомнатной двери: — На кухню? — махнул рукой, обрушив вновь странный взор на меня, а затем (покорно, вынужденно) перевел оно на Мирона.

— Ага. На кухню, — передернул слова. — А ты, — уставился на меня Мирашев, — пока пройдишь по квартире, поразглядывай где че. Не разуваясь, — кивнул, уточнил заботливо.

— Только не трогай ничего, — поторопившись, взволнованно брякнул мужчина.

Обмерла я от неловкости и в непонятном страхе.

— Да я... я могу тут постоять, — несмело шепнула.

— Пройдись, — уверенное, доброе, но приказом.

(Н и к а)

И не раскиданные шмотки по углам... и не комканная постель меня смутила. Нет. Странный, больной антураж чувствовался вокруг. Стены, как и мебель — в темных тонах, на окнах — красные римские шторы, отчего вся комната невольно погружалась в мягкий

полумрак интима и вожделения. Станные флакончики на полках за стеклом. Но что самое забавное — каждый из таких бутылков представлял из себя предмет искусства — не менее странные, чем все здесь, сюрреалистичные фигурки не то людей, не то зверей. И запах — необычный. И не сказать что приятный, но и не отталкивающий. В углу, все в том же серванте, на самой верхней полке — рамка с фотографией: хозяин квартиры с какой-то девушкой. Еще молодой, с добротной такой шевелюрой — отчего не сразу даже признала. Счастливые, улыбаются. Странно, почему спрятано. Очередные разбитые мечты? Несчастливая любовь?

Среди хлама на полу не сразу заметила телевизор. И даже не старая бандура — нет, нового поколения, тфт или плазма, хотя и не намного больше обычного монитора. На столе, у подоконника — ноутбук. Еще шаги вперед — и подошла к окну. Несмело сдвинула штору — и взглянула на улицу: обычный, серый пейзаж. Красотой брала лишь только высота — четырнадцатый этаж. А потому полем протянулись, раскинулись крыши высоток, и так вплоть до горизонта, усеянного темно-зеленым обрамлением крон деревьев и тонкой линией змеи-реки.

Шумный вздох. Разворот — и пройтись вновь по комнате. Обмерла. Полуоборот. Странная, дивная картинка на экране ноутбука привлекла мое внимание. Видимо, когда лезла к окну — невольно задела, а потому пропала заставка.

Еще попытки разобрать сию "какофонию" изображенного — и окоченела. Сама не поняла — как дернулась, потянулась рукой и машинально нажала на пробел, запуская ход видео...

(М и р а)

Жуткий, приглушенный женский стон раздался из соседней комнаты. Причем не то от боли, не то от похоти. Секунды дабы осознать, что не глюк, — и вдруг очередной всплеск разврата, что невольно тотчас взбудоражил все во мне на уровне инстинктов. Вмиг сорвался я с места — кинулся в коридор. В комнату.

Обомлел. Это там... на кухне, звукоизоляция давала хоть какую-то приглушенность. Тут же... всю царил ад. Жесткий, на грани плача и стоны наслаждения звон, женский крик, разрывая плоть природным зовом текущей самки. Стоит же моя Мальвина в растерянности и пристально бурит, взглядом впивается в это чертовое месиво жизни и грязи на экране ноутбука, где мелькают какие-то картинки. Шаг ближе — и вижу, как какой-то голый ублюдок шпилит "трудолюбивую д*валку". Не шевелится, не моргает Вероника. Казалось, даже уже не дышит мой Малыш. Только слезы... жуткими, жгучими рельсами по щекам, ознаменовывая очередной мой провал.

Б***ь.

Живо выступаю наперед, закрывая собой это безумие. Захлопнуть крышку — и тотчас ухватить за плечи Нику.

— Посмотри на меня.

Не реагирует — все еще где-то там, на темном дне своих мыслей. А эта с*ка, что за спиной моей, то и дело, не собирается затыкаться, вызывая еще усерднее к беспредельному, грязному совокуплению, отчего еще стремительней покатались Ее слезы.

— Да, б***ь, заткни уже ее! — бешено рявкнул я, метнув взгляд на застывшего в растерянности этого х*ра собачьего, Димона. В мгновение подчинился. — Ника, посмотри на меня, — отчаянно я, приказом.

Крутит, вертит эту е***ую бандуру Дизя, но все никак не может унять.

— Да ты, с*ка, че... издеваешься?! — живо кинулся я к нему. Выхватил из рук и швырнул, разх**чил об стену. Вздрогнула моя Мальвина, ожив.

— Ты че, б***ь?! — обижено взвизгнул Дизук, но в момент заткнулся, опечалено заныв. Поднял свой недобиток с пола и начал крутить в руках, тыкать на кнопки.

Ухватил я вновь за руки свою подвисящую.

— Ника, ты меня слышишь? — и снова с напором. Дрогнул ее взгляд, сцепился с моим. Молчит.

Нервно сглотнула. Но хоть веки ее вспомнили свой ход.

— Зачем ты туда полезла? — сдержано, но не без укора, злости, я.

— Я же просил ничего не трогать! — слюнявит Этот и дальше.

— Не ной, с*ка! — наградил я вмиг его презрением. — Новый купишь!

— Но там это... — не унимался бессмертный.

— Если ты сейчас сам не завалишь свое е**ло, то я помогу! — выпалил в его сторону, давась уже яростью. Руки сжались в кулаки.

Окоченел в момент Дизя, покорно заткнувшись.

Взор снова на Рожину:

— Ника, б***ь! — злобно. — Очнись! — грубо, сам того до конца не осознавая, давась страхом ожиданием того, что эта мадам может сейчас отчебучить.

И вот оно, чуюло сердце: взгляд вперила мне в глаза. И шепотом, будто скрежетом металла:

— Переспи со мной.

— О-па, — послышалось где-то сбоку, вперед даже, чем я сообразил, осознал, что услышал.

— Че-го?! — гаркнул я, пристальней взглянув ей в лицо, прищурившись. Она что... обнюхалась уже чем-то здесь?

— Тр*хни меня, — уверенное, требованием, заливая ртутью мне уши.

Нервно сглотнул я слюну, поежившись. Шумный вздох. Скривился:

— Понятно все, — нервно.

Разворот и, силой сжав ее за локоть, потащил за собой.

«Кукушнута моя вернулась... Недолго музыка играла».

— Стой! А я?! — отчаянное Дизиака за спинами. — Что со мной?! — тотчас поспешило это чучело за нами.

Застыл, застыли мы оба в коридоре на пороге. Обернулся я.

Прожевал эмоции:

— Я понял твою ситуацию. Разберусь.

— И че должен буду... дополнительно?! — выныривает из комнаты голосистый.

— Ничего, — злобно. — Всё как всегда, по старой схеме. А это так... — кивнул головой, — компенсация... за эту твою... порно-коллекцию.

— Документальную, между прочим! — самодовольно, вождельно-психопатически; залился печальной ухмылкой. Поджал губы.

Фу, б***ь! Мерзость. Аж сжалось у меня всё внутри от отвращения и злости. Нс сдержался. Еще напор — и повел, потащил и без того уже измученную сегодняшними прозрениями Мальвину. Не хватало еще ей напороться на слезно-слюнявые откровения этого любителя дурманных оргий, и не всегда добровольных... по крайней мере, пока своих

"микстур" не капает.

(М и р а)

Быстро завалиться в машину — и по газам.

— Ну что тебе стоит?.. — внезапно, огорошивая, отозвалась моя Молчунья, разрывая не менее пугающие минуты воцарившиеся тишины и напряжения.

Тотчас устремил я на нее взгляд, на мгновение оторвав взор от дороги:

— Ник, давай не сейчас, а... Сейчас... воздухом свежим подышишь, проветришься — попустит. А там домой приедем — и поговорим, — нервно сглотнул слюну. Черт!

И с *** она полезла к ноуту? И че это за е**тень... с "тр*хни меня"? Б***ь! Надо было у Кряги спросить полегче успокоительное, а то не дело это все: не сегодня, так завтра рванет. Незнамо где, с кем и почему. И, б***ь, че мне теперь делать? Опять, с*ка, ее пичкать этим... "овощным трэшем"? А то чую, нервов моих не хватит. И уже по два колеса обоим придется закидывать. С*ка, нарики конченные. Дожили: не по доброй воле дурью закидываться. Будто и без того скучно жилось...

Шумный вздох.

(Н и к а)

Иду ва-банк. Чиркаю запал и поджигаю фитиль:

— Нам в магазин надо.

— За-чем? — раздраженно Мирашев. — Вроде еще есть еда.

— Макароны и кофе. Сам говорил.

Скривился.

— Ниче. Потерпим. Не сегодня. Хватит с меня концертов.

— А еще соль закончилась, — нагло вру. — Че я без нее приготовлю? Чай?

Повелся. Выругался себе под нос, но поворот руля — и свернул в карман, ведущий на парковку супермаркета.

(Н и к а)

Сама не знаю, как это провернула. Но провернула...

Уже у самой кассы были, как я Мирашеву закинула просьбу: состроила разочарование, рисуя вид, что только что невольно вспомнила, что масло сливочное забыли взять, причем что тогда, что сейчас. Повелся. Морщился, отнекивался, но место в очереди тоже не хотел терять, как и макароны всухую вновь жевать, а потому подчинился, помчал один, гордым орлом, в молочный отдел. Живо я стащила с полки пачку презервативов и, проталкиваясь вперед, игнорируя зависшего мужика, выбирающего мелочь с блюда, протянула оную девушке:

— Пробейте, пожалуйста, и побыстрей.

Вздернула та бровями от удивления, но смолчала — не прокомментировала.

Еще миг жуткой интриги, волнения — и поспешно спрятала я трофей в карман.

Принялась покорно подавать, выставя на ленту продукты из корзины...

Глава 29. Эксплозия

Глава 29. Эксплозия

(Н и к а)

Едва переступили порог квартиры, разделись, разулись... Мирон пошагал руки мыть. Открыл кран, налил побольше жидкого мыла на ладони...

— Переспи со мной, — взволнованное, горькое, с опаской. Замер. Пристальный, изучающий взгляд мне в лицо.

И вдруг гневным, озлобленным рыком:

— Ты жрать готовить хотела?! Вот и иди, — кивнул в сторону кухни, — готовь!

Отвернулся. Поспешно смыл мыло с рук.

— Пожалуйста... — отчаянно, едва различимым шепотом обронила я.

Вдруг резкое движение, выпад — ухватил меня за локоть — и куда-то потащил. Поддаюсь невольно. Еще миг — и затолкал, зашвырнул в спальню. Захлопнул дверь... между нами. Шорох, стук. Попытка моя открыть, сдвинуть полотно — тщетно — пружинисто подалось обратно.

(М и р а)

Захлопнул я дверь за этой сумасшедшей — и тотчас осел, прижавшись спиной к деревянному полотну, давясь целым клубком беспредельных, не менее сумасбродных чувств.

С*ка! Черти что...

Вот что ты творишь?! Идиотка!

Давление — попыталась сдвинуть между нами преграду, вырваться — не даю. Усердней сопротивляюсь. Послышались тихие всхлипы... Зов...

— Мирон! — отчаянное.

М*ть твою! Шумный вздох — и закрыл я уши руками, дабы еще больше не испытывать ни себя, ни судьбу.

Я же не железный! Что. ты. творишь?!

И так, б***ь, каждую ночь, едва вырубается свет и чувствую ее рядом в кровати... вопреки всем доводам рассудка... ст*як, как у школьника... и, с*ка, ночные поллюции — на утро шикарный привет. Уже скоро завою. В играх уже, как прыщавый задрот, сублимируюсь — по***. И давалку бы уже какую себе организовал... да, б***ь... не то всё это. Не поможет... ведь даже не тянет...

А она еще такое заряжает.

Как пить дать, сорвусь. Сорвусь — и пи**ец всему будет. Не лучше тех с*к стану...

Нервно сглотнул скопившуюся слюну.

— Выпусти меня! — нелепое бление стало более разборчивым, но не менее жалобным.

Б***ь! И эта баба под колеса машины кидалась, спасая свою честь...

Жесть.

Живо срываюсь на ноги. Еще одна ее попытка открыть дверь — поддаюсь. Шаги на меня — ловлю за руки. Потащил за собой.

— Ты че удумал?! — испуганно визгом. — Мне больно!

— Отлично! Может, протрезвеешь!

Еще ход — и затолкал в ванную. Отбивается, орет, матом садит. Врубить воду — и засунуть ее больную голову под холодный душ. Струями дождика да прям в лицо, приводя в чувства ледяными шпорами.

Еще мгновения сопротивления — и расслабляю хватку. Отпускаю идиотку. За шкуру — и в коридор. Толкнул слегка в сторону спальни — подалась по инерции, захлебываясь остаточными рыданиями.

Криком ей вслед:

— И смотри мне! А то сейчас еще и таблетками накормлю!

...

Захлопнуть дверь за собой. Присесть на край ванны. Утопить лицо в ладонях — и бешено зарычать.

П****ц. Это просто п****ц! Такими темпами я не то, что свихнусь, но и пулю в лоб себе пушу. Это уже перебор какой-то... Пере-дозировка.

...

Включить вновь душ. Раздеться — и самому нырнуть под холодную воду, хоть как-то гася свою ярость... и вожделение.

(М и р а)

Одно полотенце — завязать на поясице, а вторым приняться усердно вытирать голову. Шаги в коридор. Взглядом скольжу по сторонам, выискивая свою шальную. Шорох где-то в спальне. Живо туда — и обомлел.

Голая... что не есть... стояла посреди комнаты передо мной.

Нервно сглотнул я слюну, окончательно понимая: п****ц, конечная точка.

(Н и к а)

— Ты чего, б****ь, там нализалась?! — бешено взревел на меня, пойдя тараном — отчаянно, испуганно попятилась я, пока не уткнулась в кровать. Обмерла перед демоном, невольно дрожа. — С *** ли тебя так таращит?! — исступленно.

Слезы позором моим проступили на глаза, но еще отчаянно держусь:

— Пожалуйста... — тихо, смертником.

Окаменел. Не моргает. И даже не дышит. Побелел от ярости.

Срываю зверя с цепи: несмелое движение руки — и раскрыла ладонь, являя презерватив.

Вздрогнул, будто током его кто долбанул. Округлил очи:

— Откуда?! — не сразу нашел силы на звук.

— Купила, — тихим, осиплым голосом.

Жгучее, убивающее мгновение — и внезапно дернулся, схватил его. Нервно сглотнул.

— А где остальные?

— В... в тумбочке, — запнулась я в растерянности. Мурашки пошли по телу. Невольно прикрылась, скрестив руки на груди. Взглядом слежу — подался в указанном направлении. С грохотом открыл и достал всю пачку. Вдруг резвый, уверенный ход. К шкафу, к сейфу. Поспешно ввел код — и открыл дверцу. Миг — и запестрел в его руках нож. Усердное, кривляясь, движение — и пробил каждый поочередно. Швырнул мне в лицо — вздрогнула, отдернулась машинально.

— Держи. Наслаждайся, — с презрением. — А как закончишь здесь... приходи. Пожрем

хоть наконец-то.

Разворот — спрятал столовый прибор обратно, захлопнул дверцу — и стремительно долой, в коридор...

— И почему этим с*кам везет больше, чем мне?! — отчаянно, горько, криком ему в спину.

Окаменел.

Мгновения, дабы переварить услышанное. Обернулся.

— Не понял?! — очи округлены. Злобно скривился: — Че?

Давясь слезами, добиваю окончательно, взрываясь криком. Глаза в глаза:

— Неужто я настолько омерзительна, что меня можно тр*хать только насильно, спьяну, причиняя боль и увечья? Да что ж я вам всем такое сделала... что вы готовы меня только за патлы таскать и унижать? С дерьмом мешать? Как вы еще чл*ном меня касаетесь?! Хотя нет, — психопатически рассмеялась я вспышке воспоминаний. — Кое-кто все же был покреативнее...

Вдруг ход — уверенные, наливаясь приговором, шаги напором. Ухватил за плечи — и попятил. Поддалась невольно.

— Стой! — захлебываюсь воздухом. Волосы, казалось, зашевелились у меня на голове. Кровь заledenела в венах... а сознание пробили иглы... понимаем того, что сейчас свершится. — Не надо! Не так!

Но уже ухватил за руки — и сдавил до боли, тотчас повалил на кровать.

— Мне больно! — визжу я.

Живо раздвинул мне ноги, протискиваясь наваливаясь на меня сверху. Сорвал с себя полотенце.

— Не надо, стой!

Но еще напор, натиск — и ворвался, вошел в меня... взрывая вселенную в эксплозии. До боли, до жути... до приговора неизбежности и рокового крушения.

(М и р а)

Завизжала. Дико завопила тотчас подо мной, невольно приводя тем самым меня в чувства. Будто кто жидким азотом обдал. Обмер я в ужасе, наблюдая, впиваясь взором в искаженное от боли, страха, трепета лицо... той, которую я больше всех оберегал... и которую только что так жестоко предал.

Дернулся, мигом вышел из нее. Отстранился. Спешно скрутилась та в клубок, поджав под себя ноги. Нос уткнула в подушку и еще сильнее завывала, давясь рыданием и жуткими, убийственными словами, которые я и сам себе повторял: "ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛ?!".

Скатился мой взор невольно вниз.

"Б***ь!" — нервно дернулся я, заведев кровь ее на себе.

С*ка...

Зажмурил веки — и замер, окоченел так, не дыша.

П****ц. Свершилось.

Всего, чего так жутко боялся, — свершилось. Натворил.

Хотелось просто сдохнуть в этот миг — тщетно. На глаза проступила позорная влага.

Осел я на кровать. Растерянный взгляд около.

Шумный вздох.

Встать — шаги на кухню. Достать с полки пачку сигарет, зажигалку — и прикурить.

Плачет, ноет — даже здесь слышно. И я, с*ка, вторю ей. Тихо. Без слез. Но так же... отчаянно и малодушно.

Предал.

Не так ее — как себя. Всё... ради чего старался — все пустил к **ям собачьим!

П****ц всему...

Хуже тех уродов. С*ка я. Сам просил верить! Обещал беречь! И сам же... как эти же твари. Силой, б***ь, ее взял...

— С*ка! — сгреб всю посуду на*** на пол — зазвенело, заплясало, разлетаясь на осколки... как, е***ь его * ***, и моя жизнь!

"ЧЕ. Я. НАТВОРИЛ?!" — вторю вновь ей, что временами, будто лезвием режет меня своими глухими, невнятными причитаниями.

Урод конченный!

П****Ц!

Затяжка-выдох... и прокашлялся, давясь излишним количеством дыма, будто он способен унять раздражающую в груди язву.

Гнида чертова!

Живо потушить окурок — и швырнуть в раковину.

Шаги в комнату — уже немного стихла. Все еще вздрагивает, временами давясь удушливыми спазмами, всхлипами.

Присел около кровати на пол. Виновато повесил голову на плечах. Почесал затылок и тотчас изнеможенно содрал с лица напряжение, эмоции.

С*КА!

...и че сказать, б***ь?! Тупое "Прости"?!

Нож дать — да пусть гасит?!

Печально рассмеялся я сам над собой: так еще, б***ь, себя зах**рит.

ДУРА! Какая же она... ДУРА!

И я — ничуть не лучше. В сотни раз — мудак.

— Прости, — несмело отозвался, сам не веря, что это имеет хоть какой-то смысл... для нее. Ниче не понимаю... что делать, что говорить. Куда дальше... двигаться, из того тупика, куда мы пришли. Куда я завел.

Молчит, только писк стал сдержанней, стыдливо-трусливый.

Продолжил:

— Ты меня... тоже пойми. Мне тоже тяжело! — горько, еще сильнее пряча взгляд, топя где-то в дебрях шерстяного ковра. — Я тебе уже говорил: для меня это... дико вот так... о ком-то заботиться. Знаю, что не просила! — сам себя перебиваю, будто чуя ее спор. — Но... — Немного помолчал... — Я если когда что и делал, то только для чего-то. А если добрый какой от скуки жест, то как попало, не заморачиваясь. А тут... вроде, и стараешься изо всех сил... от чистого сердца — и ни *** не получается. Лажа полная какая-то выходит. Нервы... ни к черту. И ты еще... дразнишь, бесишь. Совсем не помогаешь, а наоборот — все только... — учтиво не договорил, смолчал. — Прости меня, — приговором. — Я не хотел. Но да... сделал.

(Н и к а)

Встал вдруг... Шаги на выход из спальни, отчего тотчас я дернулась, комкая в себе ужас:

— Знаю! — гаркнула поспешно, желая его остановить словом. Удалось — обмер, пришибленный к месту. Вмиг расселась я и учтиво продолжила, давая остатки рыданий: — Знаю, что заслужила, что сама выпросила!..

— Не понял, — тихо рыкнул, шмыгнув носом. Обернулся. Глаза в глаза, полные слез — что мои, что его.

Нервно сглотнула:

— Я и не жду нежности... я давно уже привыкла, что все относится ко мне, как к д*рьму, — невольно горьким, отчаянным рыком. — Я просто... — стыдливо спрятала взор. — Я просто хотела... чтоб у меня это хоть раз в жизни было с тем, кому я... вроде как нравлюсь, и кто мне не безразличен, прежде чем... — Помолчав, несмело: — Хоть раз, — испуганно уставила взор ему в лицо, чиркнув безумным откровением, но тотчас осеклась — и снова опустила очи. — А ты... ты пох*рил все... Пошел на дно вместе со мной.

— Что ты несешь?! — раздраженно, но сдержанно. Поморщился. Шаг ближе.

Невольная, позорная дрожь охватила меня, но смолчать уже... не могла. Смертником взгляд в глаза:

— А если я... больна? Если твой врач прав, и они меня заразили? Значит и я тебя?..

Не хватило духу договорить. Испуганно спрятала взор, в покаянии повесила голову на плечах, ожидая расправы.

Жуткие, палящие мгновения рассуждений, всех его за и против — и вдруг резко ко мне. Шарахнулась, дернулась позорно я, уступая инстинктам. Но тотчас сдержал. В охапку — и притянул к себе. Вынужденно глаза в глаза. Дрожу уже лихорадочно, малодушно; мышцы сжались в камень, изгоняя прочь влагу из тела. Трепет заледенил кровь.

Изувера, демона, хуже тех, что были уже в моей жизни, я нарушила уклад. Посягнула на жизнь — и, вероятно, ее уже отобрала.

Обнял, утопил лицо мое в своих ладонях. Еще ужаснее стало — вот только ни боли, ни жути не последовало: ни рывка, ни пинка, ни удара. Улыбнулся внезапно. Рассмеялся:

— Ты серьезно? — (поежилась я) не мог поверить ни он, ни я... в то, что происходит. Отчего еще сильнее затрясло меня — буквально в конвульсиях, а по спине — когтями заживо стал сдирать кожу страх.

Проступили слезы.

— Прости, — отчаянным писком я... только и смогла выдавить из себя в свое оправдание.

— Маленькая моя, ты чего? — движением пальца, не отрывая руки от меня, стер со щеки соленую реку. Нервно моргаю. Не дышу. И вдруг ход — коснулся, прилип поцелуем. Мягкое, нежное движение губ, взрывая тысячи ядерных бомб внутри меня. Ошарашено пучу на него глаза — окаменела, словно что-то самое зверское, невообразимое свершили только что надо мной. То, чего уже действительно не в силах ни принять, ни выдержать. Еще напор — и лаской, будто раскаленной лавой обжигая, стал еще усерднее поглощать, поработать, окончательно лишая кислорода. И сама не поняла, как мои губы дрогнули в ответ, вторя странным, безрассудным, шальным надеждам... которым просто никогда не суждено сбыться. Движение его рук — и обнял за плечи. Повалил на кровать. Поддаюсь — что бы не задумал этот... души моей Палач — на все согласна и готова.

Запойная, околдовывающая, взрывающаяся миллиардами звезд и странных ощущений, его ласка. Задыхаюсь, умираю, давлюсь страхом — но вторю, отчаянно отвечаю ему тем, на что, думала, и сама не способна. Отвечаю хромой... любовью.

Еще миг — и обхватив меня за затылок, прижал к себе: нос к носу. Зажмурены веки — вторю своему Супостату.

Неожиданно рассмеялся — больным, жутким смехом — поежилась. И вновь сжалась от кошмара. Печально, горько... но с неким облегчением шепот:

— Глупышка моя, — тихо, несмело. — Заразна? — и снова хохот. — Ну и по***! — громом, разрывая небеса. — Зато как звучит! И жили они недолго, но счастливо. И умерли в один день.

— Дурак, — взволнованно выпаливаю, давясь горечью сквозь смех, сама уже, казалось, теряя рассудок — трепет взорвался больно протрацией и растерянностью.

Улыбнулся:

— Дурак, — кивает. Загоготал. — Еще какой дурак.

Взгляд его убежал, скатился от моих глаз к губам. Облизался.

Момент — и прижался на мгновение теплым, нежным поцелуем.

— Все будет хорошо, — прошептал. — Малыш... все будет хорошо. Что бы нас не ждало впереди — мы справимся. Вместе. Верно? — немного отстранился. Глаза в глаза с вызовом.

Не сразу, несмело, но киваю одобрительно.

— И прости меня, идиота, — продолжил. — Я не должен был этого делать. Даже если... — не договорил.

Но я добавила:

— Сама просила.

Невольно мотнул головой, соглашаясь.

— Даже если и так. Не готова ты еще... ни морально, ни... — запнулся, не договорил. — А потому незачем торопиться.

— А если... — испуганно роняю, стыдливо пряча взор.

Тотчас прижимается к моим губам своими на миг, перебивая. Продолжил:

— Нет никаких "если". Есть только "будет". Но всему свое время. И по уму. — Заржал вдруг пристыжено: — А сейчас... давай одеваться и на кухню — жрать. А то я, как собака, голодный... могу еще и покусать, — загыгыкал тотчас, отчего и я не сдержалась — улыбнулась, заливаясь остаточным колким страхом. Просияла, вопреки всему и до сих пор не веря в происходящее, не веря своему счастью.

Короткий поцелуй в губы, так что даже не успеваю ответить — и слез с меня. Схватил со стула мои вещи — и подал, бросил ближе, на кровать. Сам к шкафу — отыскал и себе одежду...

И пусть на полу — куча осколков, а на плите уже вовсю кипела вода, требуя если не картофеля и не гречи, то хотя бы макарон — нам было уже все равно... Нагло зажал меня Мирон в углу около холодильника — и, невольно стискивая до сладкой боли, все усердней и усердней пытался слиться, утопая в шальном, беспредельном, развратном поцелуе и блуждании рук...

Ч. 6. Глава 30. Подвешенное состояние. Вето на будущее

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. Диагноз на двоих

Глава 30. Подвешенное состояние. Вето на будущее

(Н и к а)

Его как подменили. Моего Миру... Просто не узнать. Грубый, странный, постоянно на стороже, на взводе — все исчезло, разве что острые приборы на кухню так и не вернул. Не знаю почему... но он стал другим. И мне жаль, что я не могу забраться в его мысли — и узнать всему тому причины. Но я была счастлива. Впервые в жизни... и безоговорочно, вопреки всему, вопреки возможному обоюдному вето на будущее, я была счастлива. Мы были... счастливы. И, по-моему, этот наш общий "диагноз"... все только усугубил: наконец-то убрал все преграды между нами, различия... отмел лишнее — и остались лишь только он и я — остались лишь мы... вопреки всем запретам, страхам и старым... бессмысленным, глупым «планам». И сколько бы нам не было отписано времени — оно отныне... всё наше.

...так и не переспали. Были вместе везде и всегда; засыпали в одной кровати; просыпались в сладких объятиях друг друга... щедро одаривали нежными поцелуями один другого при любой возможности — и этого, на удивление, оказалось достаточно... чтобы, в конце концов, сорваться в космос и там без сожаления утонуть.

Но как бы я не пыталась убежать, откреститься от прошлого, оно все равно меня догоняло. Дамокловым мечом надо мной весела надорванная судьба Рожи, что все еще гнил в СИЗО... и ожидал очередное заседание суда, а еще те мрази, которые, наверняка, захотят завершить начатое...

Вторник — у всех нормальных людей работа, учеба, экзамены — иные толковые, серьезные дела, а нам — ни по чем. Солнце выглянуло из-за туч — и это повод радоваться жизни. А потому быстро перекусить — и выдвинуться по городу гулять...

Парк. Уже давно съедена сахарная вата, и закушена она шавермой. Сверху отполировано мороженым... и даже квасом. Ядерная смесь в желудке готова к извержению — главное, вовремя убежать подальше от невинных жертв.

— Че? Может, еще че хочешь? — улыбнулся Мира и тотчас метнул косой взор на меня, шагнувшую ему за спину. Движение — и навалилась на плечи своему гаденышу, раскинувшемуся в вальяжной позе на скамье, приблизилась к уху — и, откровенно дразня, вкрадчиво шепнула:

— Если только завалиться где-нибудь в тенёчке и уснуть.

— Ну, эт легко, — загоготал Мирон. Резвый разворот — и, схватив, обняв меня за талию, подал на себя — попытка затащить на лавку, к себе на колени, да не тут-то было: вовремя среагировала — еще держусь стойким солдатиком, сопротивляюсь, заливаясь громким, счастливым смехом.

— Не здесь же! — визжу отчаянно, ведь его напор усердней, а ухмылка — коварнее.

— Мирашев! Ты, что ли?! — послышалось громом где-то сбоку. Жуткий, знакомый голос, от которого в момент передернуло.

Вмиг отступил, отпустил меня мой Тиран, помогая даже выровняться на ногах. Обернулся.

Устремила и я взор на незваного гостя.

Окоченела от ужаса... не веря собственным глазам. Мышцы сжались в камень.

Не более щадящий шок распял лицо и молодого человека. Несмелые, вынужденные, с опаской шага ближе.

— Ба! Мажа! А ты тут какими судьбами?! — живо вскочил с места на радостях Мирон. Движение навстречу — и пожали друг другу руки; объятия — похлопали по плечу.

— Да... так... — растеряно, едва осознанно. В ужасе, лихорадочно заметал взгляд то на Миру, то на меня (уже дрожащую от кошмара, что лезвиями воспоминаний враз изрезал, истерзал, раскромсал меня изнутри).

— Вы че? — оторопел от удивления Мирашев. Снял очки и тотчас спрятал их в карман. Взгляд то на Валентина, то на меня. — Че как не родные?.. — сдержанно, пряча истинные эмоции, гыгыкнул.

— Привет, — мигом выпаливаю я и рисую на устах улыбку, из последних сил давя в себе визг и борясь... за свое настоящее. Шаг ближе.

— Привет, — тихо буркнул и Мазуров. Обнял несмело — отвечаю тем же. Притянул к себе. Поцелуй в щеку — захлестнуло тут же меня его мерзким запахом, теплом, ощущением близости — дернулась, вырвалась прочь — волна тошноты подступила к горлу. Отворачиваюсь. Руки дрожат предательски, будто у алкаша непохмеленного, — резво сцепила пальцы в замок, сжимая до боли, цепеня их в напряжении, дабы хоть как-то скрыть конвульсии — скрыть правду.

— Тебе плохо? — удивился, подался ко мне Мирашев. Но не выдерживаю — отталкиваю его в сторону. Быстрый шаг на газон — и согнулась вдвое... рисуя гадкую радугу. Свалились и мои очки — прямо в блевотину.

— Малыш, ты чего? — живо обнял, придержал меня Мирон. Увидел трофей в какофонии — в момент присел, достал — вытер об траву, о внутреннюю сторону своего свитера и протянул мне — испуганной, застывшей в ужасе и растерянности. Не отреагировала — а потому сам надел на меня, пряча остаточные следы синяков.

Нервически смеюсь, а на глазах уже застыли психопатические слезы:

— Да так... говорила же, — нагло вру, — что шаверма странная... Зря мы ее.

— Присядь. Или хочешь... домой поехали? — ласково шепнул, обнял — напор, но снова не ведусь.

— Н-нет, не надо, — отталкиваю прочь, пытаюсь вырваться из удушливых тисков его внимания. — Вы тут пообщайтесь. А я пока к машине пойду. Там... бутылка с водой оставалась.

— Так давай где-то тут куплю?

— Нет, — резво, грубо перебиваю. Взор молящий в глаза с Мирашеву. — Я полежу — и меня попустит. А потом — в кино, как и хотели.

Скривился от раздражения, но смолчал. Изучающий, мечущийся взгляд то в лицо, то так — около — шумный вздох — и одобрительно закивал:

— Хорошо, — нырнул в карман, достал ключи и протянул мне. — Я быстро. Сча мы тут чуток перетрем — и я к тебе.

— Не торопись, — резко выхватываю связку — разворот.

— Давай хоть проведем! — вдогонку.

— Нет, не надо! — лживо улыбнулась, обернувшись на миг. — Спасибо! Тут же недалеко! — искренняя благодарность взорвалась во мне к нему, да только... на лице уже другие эмоции — по щекам потекли слезы, благо, их прятали огромные темные "окуляры".

В момент отвернулась, окончательно кроя правду, — и потопала прочь, из последних сил сдерживаясь, чтоб не сорваться на бег.

— А вы че? Вместе? — послышался за спиной голос из прошлого.

— Ага, — смущенный гогот Мирона. — Сломала-таки Мальвина своего Буратино...

Завалилась в салон автомобиля, за руль. Достала воду из кармана за пассажирским сидением, прополоскала рот. Сплюнула на асфальт — выдох. Сняла, промыла очки — и бросила их на приборную панель.

Растерянный, бессмысленный взор около — за лобовое стекло.

Ну вот... п****ц всему...

Вновь невольно поежилась я, едва в моей памяти всплыло лицо этого у**ка. Новая волна тошноты накрыла меня — но... сдержалась.

И что теперь? Как?

А что Мирашев? Если... обо всем догадается. Что будет? Кого выберет... и... или...

«Б***ь!» — нервно дернулась я, невольно уловив краем глаза двух амбалов, идущих стремительно по парковке в мою сторону. На автомате движение — зажать кнопку, закрывая машину. Мигом завести мотор — сцепление, передача, газ — и помчала. Куда, зачем — сама не знаю, но давлю, что есть мочи и возможности, едва не выходя за предел сверхдопустимого по городу, чтоб менты не тормознули... Вынужденно, с визгом иногда тормозя на светофоре.

И что в итоге?! ЧТО, С*КА, В ИТОГЕ?! Ударила я со всей дури ладонями по рулю будто тот в чем-то виноват... Растерянный взор около, по зеркалам заднего вида.

Газ, поворот — и в карман — на парковку.

Остановиться. Выключить двигатель. Отчаянно утопить, уложить лицо на руки, завалившись на баранку. Завыть, зануть, испепеляясь заживо.

Куда же я без Него? И что мне теперь? И что с Этим...? Не отпустит же? Бежать? БЕЖАТЬ?! Или Мирашев защитит? Не даст в обиду? Или сам прикончит? Ведь...

Черт! М*ть твою! Чем я вообще думала?! Хотя... будто был выбор? Схватил, притащил... наркотой напичкал — и приказал... ЖИТЬ. А теперь — а теперь и сама... уже не могу отказаться от всего того, что мне всучил. Подарил. К чему путь сердцу явил.

И бежать — глупо. Тупо... ибо без него всё это не имеет смысла. Не имеет: без него — не то, что не хочу... но и не буду.

Завести тачку — и рвануть обратно.

Уже ждал на парковке... Веселый, игривый вид, кроя истинные эмоции. Развел руки в стороны Мира, паясничая; залился звонким смехом:

— Ты домой ездила мыться? Или что? — гыгыкнул. Шаги ближе. Открыла я дверь. Навалился, облокотился на нее и на крышу. Взгляд сверху вниз на меня, нелегального водителя.

— Угадал, — несмело улыбаюсь, краснея от смущения... и радости заодно. Взор

невольно около, ища угрозу, ища... Мазура — тщетно. Выдох.

— У тебя хоть права есть? — хохочет, не унимается мой Судья.

— Нет, — рассмеялась и я, пристыжено, поддаваясь на его шальное, доброе настроение.

Встаю, протискиваюсь в его невольные объятия — не отстраняется. До неприличия близко, да так, что даже и фокус теряется. Чувствую его дыхание. Тепло, нежность, счастье вновь заполняют всю меня внутри... признавая, капитулируя, подтверждая, что исконно правильное приняла решение — и действительно... нет иных вариантов.

— А водить умеешь? — и снова смех, едва не целуя.

Ухмыляется коварно.

— Ну, а как? — мое несмелое, ироническое. — Я же Рожина.

Скривился неосознанно:

— Ах, ну да... как я мог забыть! — паясничая.

Оторвался, отступил назад, выпуская меня из своего плена. Поддаюсь — отхожу от авто, пускаю его за руль.

— Кстати, — вновь отозвался, гаркнул вдруг Мирашев, — где это твой пи**юк? Чет совсем давно его не видно. И о тебе вон, за сколько времени уже, не интересовался. Поссорились, что ли?

Обмерла я в удивлении, забыв свой ход.

— Он в СИЗО.

— Да ладно! — удивленно вздернул бровями. — За что?

— А ты совсем не знаешь? — ошарашенная, даже поежилась от странности ситуации. — Я думала... ты о всех своих шестерках все знаешь... — лживо улыбаюсь.

Гыгыкнул:

— Он не моя шестерка, а Мазура. И то, пока бизнес не замутили, а там, считай, наравне стали. Малой толково решает дела, в то время, как Валя — х** только пинает и вершки собирает: на уме опять одно бухло да бабы. Так что, можно сказать, с ними по поводу дел я практически не пересекаюсь.

Смолчала. Обошла машину — и села в пассажирское кресло.

Проявил участие и Мирон — прыгнул за руль. Закрыл за собой дверь.

— А последнее время, — внезапно продолжил, — вообще, говорит, вроде как, их дороги разошлись, и он его давно уже не видел.

— Кто? — удивленная, устремила я на Мирашева взгляд.

Вздернул бровями, вперил взор и он в меня:

— Кто-кто? — раздраженно. — Валентин. Ты че такая странная?

Скривилась я, закатив глаза под лоб. Отвернулась. Только хотела, было, ответить, как в момент перебил:

— И не п**ди про шаверму. Я же твою еще доедал — и мне нормально.

Смущенная, рассмеялась. Взор в лицо своему «Шерлоку»:

— Так это ты же... всеядный.

— Я — переборчивый! — загоготал. Подался ко мне — забросил руку на плечи. И только захотел меня притянуть к себе, как вмиг пресекаю, отбиваюсь. Неосознанно останавливаю.

Обомлел:

— Ты чего? — ошарашенный.

Тотчас замаялась я, осознавая, что сделала, как выдала себя. Черт!

Улыбнулась криво. Взор на Мирона. Нервически сглотнула. Отчасти лгу:

— Да Рожу вспомнила. Расстроилась...

Опустила голову, действительно ныряя уже и в эту горечь с головой.

Шумный вздох. Отвернулся. Взгляд за лобовое.

Движения — взревел мотор.

— Не грузись, — сдержанно, неким приказом. — Помогу, чем смогу.

Тронулись с места...

...а я — застыла, не дыша: не знаю... то ли завизжать от счастья, то ли... разрыдаться от

обреченности.

Глава 31. За пределами «рая»

Глава 31. За пределами «рая»

(Н и к а)

— Поехали ко мне? — несмело отозвалась я.

— Это ж куда? — заржал Мирашев. Оторвал взор от проезжей части, на мгновение устремив его на меня. — К вам, на родину Рогожиных, что ли?

Криво, невесело улыбнулась:

— К Женьке. Я думаю, пора...

— Че «пора»? — гневно, резко, с опаской. Тотчас лицо распыла серьезность.

Захохотала я, потешаясь над его реакцией, — приблизилась. Поцелуй в щеку. Вздрыгнул, косой, мимолетом взгляд на меня вдогонку (уже отстранившуюся). Бесится, выжидает, требует, хотя уже и сбит с толку моим странным поведением.

Коварно ухмыльнулась:

— Ну... хотя бы за вещами. Или че... не пустишь к себе насовсем? — бесстыдно съязвила, заливаясь улыбкой, переигрывая его злость.

Не выдержал — сдался, загыгыкал, признавая свое поражение. Отвернулся, кроя фиаско.

— Адрес, — наигранно грубо, хотя так и слышны уже нотки тепла, радости, смеха.

И как это мой кавалер догадался по пути заскочить в магазин, купить бутылку вина и торт?..

Охала, ахала... ревела, орала от ненависти и визжала от счастья моя Жарова, едва увидела на пороге (в глазок — не поверила), что это я — собственной персоной: жива, здорова (почти) и счастлива. Так что без алкоголя — наши общие переживания, взорвавшиеся вулканом, адекватно было не унять. И пока мой учтивый Мирашев валялся на диване, доламывая кнопки и без того непослушного пульта, мы с Женькой упали за стол — и стали мерить бокалами вино и прощение.

— Это просто п****ц был! — отчаянно вскрикнула моя подруга, заливаясь истерическим смехом, едва первый градус торкнул ее чувства.

Не сдержалась — рассмеялась и я над ее столь непривычным поведением — руганью, Итишкин корень! Самой что не есть — матом!

— Я в милицию! — очередной мелкий глоток после чока (пригубила — не то, что я — едва не залпом на радостях) и торопливо продолжила. — А они — с меня поржали: говорят, или домой втихую укатила, чтоб за квартиру не платить, или загуляла. Или работу «прибыльную, надомную» нашла. Наверняка, мол, из универа выгнали. Я и обалдела! Представляешь?! Я им: да не может такого быть! Она ответственна и вообще! — шумный вздох, скривилась. — Короче, напугали меня кутузкой, что сча меня загребут за нарушение общественного порядка. Так что... уж извини — развернулась и позорно удрала. Начала в универе Ритку выцеплять. Знаю, что глупо — что вы не того... Как говорится, это последний человек, к которому бы ты пошла за помощью... или еще что. Но — не ехать же к тебе на родину? Да и куда? Я за сколько лет-то твой адрес так и не выучила. Если ты мне его вообще... говорила.

— Говорила, — ржу.

— Ну, — виновато поджала губы. — Прости... знаю только город, улица вроде на букву М... а дальше? Короче. Ритка эта твоя. Не к Роже же идти? Да и что он там знает? — помрачнела я, невольно отведя в сторону, спрятав взгляд. Не реагирует, тараторит дальше: — Хотя... че это я? Тебя саму не пускали, а то меня — даже если девушкой его прикинуться. Короче, Мушка твоя... Писец. Представляешь? Какого-то себе «за тридцать» нашла... и трется с ним постоянно. Говорят, даже живут вместе.

— Типа меня, да? — послышался смех из коридора. Шаги ближе. Улыбнулась я Мирашеву. Прокашлялась тотчас от неловкости Женька. — Не... ты... вы... ты моложе выглядишь, — отмазалась.

Заржали мы вмиг с Мирой, но заодно и с подругой давясь смущением.

— Да ладно, девоньки, че вы? — ухмыльнулся мой кавалер. — Я каждый год свой люблю — без них я бы не был там и тем, где и кем явлюсь... Так что, сколько бы не натикало — все мои.

— А сколько натикало? — не выдерживаю и смеюсь. Пытливо-шутливый взгляд ему в глаза, хотя не без искренности.

— В этом году тридцать три будет.

— Когда? — еще шире я улыбаюсь.

— Скоро. Не пропустишь, — съязвил.

— Короче, ладно, — не выдержав, перебивает Жарова. — Ритка эта твоя — нашла я ее. Говорю, мол так и так... Ника твоя пропала. А она: мне по**й, говорит. Представляешь?! Причем конкретно, именно так, матом. «Наверняка, где-то у какого-то мужика... — прокашлялась, учтиво не досказав. — Короче, «загуляла». Мол, б***ь — она и в Африке б***ь. Я в шоке! Даже, помню, дар речи потеряла. Хотела ей сказать... что она слегка полюса на компасе попутала, но тут, как раз ее этот, хахаль прикатил на своей тачке. Сорвалась — и побежала. Шалава конченная. Я потом еще раз к ней подходила, просила ваш адрес сказать — пофиг. Че-то там вякнуло оно невнятно — и убежало в аудиторию. А юбка — короче чем, я не знаю... У меня пояс шире. Писец... если честно, я вообще не понимаю, как такое чучело могло в вашей семье родиться.

— Воспитаться, — поправляю, невольно перебив. — Раньше она такой не была. Забитая, тихая, правильная... Куклы, книжки, плакатики. А потом... как будто кто подменил — рвануло детство... и осталось только... Мушка-шлюшка.

Скривилась Женька. Шумный вздох.

— Ну... не знаю. Я тоже... лет до четырнадцати в барби играла, книжки читала — и че? Башку мне не снесло. И с парнями водиться — только в универе стала. И то... вон, — кивнула куда-то головой. — Лешка мой первый.

— Кстати... как у вас там?

Хмыкнула. Скривилась от смущения. Беглый, украдкой взор на Мирона.

— Да как? На УЗИ первом недавно была. Видела на экране — темное пятнышко Прикинь, — смущенно захихикала.

— Беременна, что ли? — гаркнул где-то надо мной Мирашев, заливаясь уже, скотина, смехом.

— Ага, — тотчас засмущалась, покраснела Жарова. Спрятала взгляд.

— А вино хлыщите, — не унимает свою не очень-то добрую иронию мой джентльмен. — А потом вон... такие Ритки вырастают.

— Да я чуть-чуть! — обиженно, на мгновение уколов его взглядом. — За встречу... тут я вон... сколько пережила, пока ее, тебя, Ник, не было. Думала, с ума сойду. Лешка переехал сюда на время... чтоб хоть как-то меня успокоить, беречь.

— И ночью согревать, — гыгыкает Мирон.

— Те, б***ь, че заняться нечем? — гаркнула я враз и толкнула его рукой в сторону коридора. Поддался — пошагал, заливаясь хохотом.

— Ну так, — давится. Обмер, гадина, на пороге. Взгляд на нас: — По телеку — один бредофан. А у вас тут такие страсти.

— Так, а ты где? Что с тобой? — резво вмешалась, перебила нашу перепалку Женька.

Пристыжено спрятала я взор. Чувствую, как уже заливаюсь стыдом. Ведь... хоть и дура Ритка... а по сути — попала в яблочко.

Шумный вздох, и только собралась ответить, как вмиг отозвался, перебивая меня, Мирон:

— Да что-что? — гыгыкнул. — Похитил я ее. Моя теперь Мальвина — а ты вон... о пузожителе лучше думай.

— В смысле? — ошарашено округлила очи. — Похитил... — несмело добавила, повторила та.

Нервно рассмеялась я:

— Да шутит он. А то еще, небось, подумаешь, что правда... и мне этот макияж он сотворил. Нет, Жень... просто... — прокашлялась я. Молчит подруга — внимательно выжидает.

Не охота врать. Ей Богу... не знаю почему, после всех этих ее откровений, рдения... попыток отыскать меня — не охота.

Осмеливаюсь, обрушиваю взгляд ей в глаза:

— Обстоятельства так сложились. Жизнь перевернулась моя — а Мирон... он меня спас.

— Это из-за Рожи, да? — торопливо.

Чиркнула непростительной правдой Женька, отчего я даже вздрогнула невольно.

Лихорадочно заплясал мой взор:

— Нет... не он. Не из-за него, — качаю головой. — И без того... нашлись благодетели, — нагло вру, сгорая, давась безысходностью.

Удивленно вздернула та бровями, но смолчала. Не стала больше язвить раны.

Лишь нервно сглотнула... она, я.

— Так это, — торопливо ожила Жарова, пытаюсь смыть неловкость. — Что там диплом? Когда у вас защита?

— А... — протянула я растерянно. Взор около. — Пятнадцатого-двадцатого, где-то в этих числах сулили, если не ошибаюсь.

— Так это уже скоро, — гаркнула удивленно. — И ты не знаешь когда точно?

Скривилась, спрятав взгляд. Не говорить же ей... что все пять лет я так красиво за этот небольшой срок... спустила в толчок.

— П****ц, — внезапно подытожил Мирон, догадавшись о всей ситуации. Шумный, горький вздох, стянув эмоции с лица. Молчу, виновато еще усерднее пряча очи. — А не могла раньше сказать, да? — продолжил Мирашев, не сбавляя раздражения и злости.

Смолчала.

— Понятно, — подытожил. — Ладно, — вздохнул. — Трещите тут дальше, а я пошел

спать. Разбудишь потом... как закончите.

— Нет, блин, — язвлю, воодушевленная его переменой настроения. Поддаюсь на улыбку. — Тут забуду, а сама — свалю.

— Да ты можешь, — гыгыкнул. — А с этим твоим — завтра разберемся. Несколько дней в запасе все же есть? Да? — Не дожидаясь ответа: — Спасибо, что хоть не за час до защиты уведомила...

Пристыжено рассмеялась я, спрятав взор.

Еще миг — и уставилась на него, застывшего почему-то в ожидании:

— Что? — ржу, совсем уже краснея от стыда. — Вали, Буратино. Мальвине надо посплетничать.

Цыкнул вдруг, закачав в негодовании головой:

— И нафиг я с тобой связался на свою голову?.. Никакой ответственности.

Разворот — и пошагал.

— А то ты пример для подражания! — рычу сквозь смех в ответ.

— А я — идеал! — слышу из комнаты, вперемешку с гоготом. — Самый что не есть — очуетительный!

И вот оно — чудо «животворящее» денежных средств и связей. Мне не пришлось ни работу дописывать, ни даже за кафедру вставать. Просто «кляц» — и проснулась дипломированным переводчиком, защитившим работу на «пять».

Еще бы такое свершить относительно Рожи... и его отсидки за решеткой — и всё: навеки бы я стала добровольным должником сего странного, непредсказуемого... и, как бы он не отнекивался... но благородного, существа — Мирашева.

Глава 32. Непутевые

Глава 32. Непутевые

Не отступился Мирон и от обещания помочь Федьке: если не вытащить окончательно, то хотя бы разузнать, что к чему и подмазать, где надо, дабы облегчить его участь, если что.

Однако не все так просто. Я не спешила вываливать на Мирашева свои догадки... в свете прочих обстоятельств, связанных со мной... и с ним непосредственно, а потому... несчастному приходилось действовать вслепую. Хотя слова Федора, что его «подставили», я всё же передала.

Обещал осторожничать.

И да, мне не показалось, Рожу действительно очень толково обложили и обрезали все концы, любую связь... Чего только стоил его адвокат! Сами мы позвонили (а вернее, Мирон) — даже говорить не стал: сразу трубку бросил, едва услышал о ком речь... А когда уже через кое-каких важных знакомых, то столько воды в уши залил... что едва не захлебнулись.

Решено. Не мною — Мирашевым: где надо, поднажать и взять всё в свои руки. Так что, если верить обещаниям людей Миры, то на днях все материалы передадут «нашему человечку», нормальному, толковому адвокату, — и уже следующее заседание будет проходить под нашими прапорами. И туда смогу попасть — даже я.

В СИЗО пока так и не пустили, зато через знакомых Мирона узнали, что да как там Федька. Около месяца назад довольно-таки «яркая» потасовка случилась: сильно избили, хотя и он там — немало положил. А также ходил слух, будто хотели подрезать (заточку нашли у одного из нападавших, али пострадавших... так как нехило те отгребли в ответ, и некоторые даже попали в больничку). В общем, не удалось свершить затеянное, но память бока — прилично помяли, что вот только недавно более-менее отошел.

Шьют же — участие в обороте (изготовление и сбыт) наркотиков. Как выразился Мирашев, "по стандарту". И светит моему Рогожину уже — довольно-таки приличный срок (228-1)... в общем, даже больше, чем до этого было.

Но... проблемы проблемами, а досуг и попытки «лечить мою кукушку природой» (цитата моего дерзкого философа) Мирашев не отпускал. А потому очередной созвон с уже «нашим» адвокатом, свои дела кое-как порешал (как и прежде, дистанционно) — и рванули. Сначала рынок — купить уже готовый замоченный шашлык, прочих продуктов, салатов, выпивки (как сока, так и чего покрепче); также мангал, шампура, угли, жидкость для розжига — и за город: на такси на турбазу. Сосновый бор, река, уютная беседка — и нас, четверо: Женька моя, Жарова, ее Леша, да я с Мирой. Этих двух сам Мирашев в последний момент и предложил взять — как некая профилактика моего «старческого застоя» (на себя, что ли, намекая), да и заодно отпраздновать фееричное окончание университета с теми, с кем столько лет бок о бок шла по извилистому пути гуманитария к бесполезному диплому Магистра.

И пока мясо успешно догорало на временами вспыхивающих углях, эти забились в своем углу, а я с Миронем — в своем. Нагло уселась ему на колени по-ковбойски и обняла за пояс,

прижалась к груди.

— Спасибо тебе за всё, — тихо, несмело шепнула я — и поцеловала в губы.

Гыгыкнул. Взгляд в глаза:

— Ба... дождался. Не прошло и полгода.

— Ну че ты такая з*дница? — обижено морщу лоб, заливаясь доброй улыбкой.

Рассмеялся:

— А че? Я че-то не так сказал?

— А то ты не знаешь... как я тебе за все...

— Не знаю, — нагло паясничая, закачал головой. Ржет: — В ногах не ползаешь, тапочки не носишь, жрать — так так... ничего сверхъестественного.

Хохочу:

— Ну, во-первых я не шеф-повар тебе и не собака. А относительно ползать в ногах — ты серьезно? — гримасничаю. — Ты этого хочешь?

— Ой, как хочу! — язвит, замигав бровями. — Давно мечтаю о живом коврике, который будет за мной бегать следом! — гогочет.

— И что... после всего уважать будешь?

— Кого... — удивленно, — коврика? — округлил очи идиотически.

Не выдерживаю такой рожи — и тотчас залилась звонким смехом.

— Ага... «коврика».

— Ну... не знаю, — задумчиво, витиевато, юля, повел, словно та барышня на первом свидании. — Если только он... — ну не знаю, — кривляется скотина, — щекотать не будет... и пачкаться часто, чтоб не пришлось его стирать. А тебя, кстати, при какой температуре в машинке гонять? Ах, да! — возмущенно. — Только не ручная стирка! Уж изволь! Я это... не любитель терок-перетерок.

Гогочу, зажмурившись, поражаясь его больной фантазии:

— И че ты такой дурак, Мира? А?

Молчит. А потому резво распахиваю веки и устремляю на него взгляд: улыбается. Поддается на мое участие:

— Между прочим, — заумный наигранный вид, — с кем поведешься... Это ты меня испортила! — рисует серьезность. — Я вообще всегда приличным мальчиком был!

Не выдержала — и громко заржала, заикаясь:

— Да ладно?! ТЫ?! Ни за что в жизни не поверю! Разве что на тебе потом кирпич упал... и не один. А каски не было.

— Ах, ты зараза! — шутливо зарычал — и тотчас принялся щекотать.

— Ей Богу! — внезапно послышался смех Жаровой. Топчет к нам: — Вы как дети малые! Вам по сколько лет?!

— Тринадцать! — живо выпаливает Мирашев, перебивая всякое мое желание по-своему сумничать. — Это все она! — серьезно кивает на меня головой. — Безобразная женщина! Схватила меня, скрутила — и приказала с ней жить!

Заржала я, отворачиваясь. Зажмурилась от стыда. Чую, как запылали щеки:

— Ты придурок, Мирашев! — ору ему едва не на ухо. — А за «женщину» — отдельно получишь!

— Ох-ох, — враз запричитал, паясничая. — Я, между прочим, качалку себе купил! Буду отбиваться!

Гогочу. Взгляд ему в глаза. Коварно, хитро шуюсь:

— Но тут-то ее у тебя нет! А у меня шампур — есть!

Округлил очи. Замер, не дыша. Еще миг — и дернулся:

— Не, ну вы слышали?! Эта Фестивалина меня на дуэль вызывает, и даже без повода!

Давлюсь смехом:

— Как так без повода? А честь дамы? По-моему, самый что не есть стандартный повод!

И че за «фестивалина», а?! — злобно (наигранно) гаркнула я, показав кулак. — Признавайся... че это еще за хрень на твоём безбашенном, единоличном диалекте?

Загоготал, пристыжено отведя в сторону взгляд:

— И запомнила же... Да так. Лучше тебе не знать, — гыгыкнул.

— Мирашев, я тебя сейчас четвертую! А не буду распыляться на иглоукалывание!

Быстро признавайся, что это еще за гадости!

Цыкнул вдруг кто-то позади нас. Обернулась я, устремил и взор Мира: Лешик стоял с «чернявеньким» шашлыком на шампуре.

— Держите, хохотуны! А то совсем уж сгорит!

— О-о-о! — взревела я. Ржу: — Это самое что не есть любимое для Мирашева: снаружи обгорело, а внутри — еще кровяку пускает.

— И все-то ты помнишь! — резво протараторил, съязвил. — Сейчас тебе «чупы» намешаю — и будешь тут бегать... фестивалить.

— Отсюда фестивалина? — мигом разворачиваюсь, невольно дернувшись, едва не выбив из рук своего нахала еду (что уже умудрился взять, забрать у Алексея).

Гыгыкнул:

— Нет, ты точно опасная женщина. Боюсь я уже тебя.

— Ну, всё! — гневно и окончательно. — Рыдать тебе сегодня долго и нудно... Жестоко накажу. Пусть только домой вернемся!

— М-м-м, — вдруг загадочно, вожацки протянул. — Если это то, о чем я думаю, то... Ребята! — внезапно разворот — и кинул взор на Леху, что уже поскакал за новой порцией шашлыка. — А вы не знаете адрес ближайшего «секс-шопа»?

— А он у нас есть? — гоготнула смущенная Жарова.

— Еще как, — со стопроцентной уверенностью выдал Мирон, закивав головой. — Не тебе лучше туда одной не соваться — детскую психологическую получишь. Вон... своего кавалера под руку — и вперед, тогда да... может, даже че себе присмотрите.

Заржала парочка в момент, но смолчали, залившись краской.

— Слышь ты, эксперт, — стукнула озлобленно я в плечо Мирашева. — Хватит народ пугать. Лучше меня покорми!

— Опа! — съязвил, заливаясь ухмылкой. — Че это мы такие? Понравилось, что ли?

Тотчас уколол меня воспоминанием, отчего вмиг спрятала я взор, поежилась. Черт. За эту неделю... или сколько там уже прошло, мир как будто вовсе перевернулся. Вовсе смелость прошлое... и все стало не просто на свои места, а... явило в реальность самые мои несбыточные мечты (несмотря даже на кое-какие нюансы)... и страшно, невероятно осознавать, что всё «то» — было действительно... и не просто с кем-то, а со мной, с нами...

— Не грузись, — внезапно шепнул вкрадчиво Мира и поцеловал меня в губы. Отстранился. Глаза в глаза: — Я буду только рад, — ухмыльнулся. — Только пальцы мне не откуси, ладно? — гыгыкнул и тут же принялся нагло, резво, грубо заталкивать мне в рот огромный кусок мяса.

Давлюсь и едой, и смехом. Откусить кусок — и силой отстраниться.

Ржу сквозь напханный рот:

— Ты так мне пихаешь усердно, будто это не шашлык... а я не знаю что...

Рассмеялся, но еще миг — и состроил шутливую, возмущенную рожицу:

— Какие мы пошлые! Жуть! С кем я связался?!

Наевшись до отвала, развалились на земле. И опять каждый в своем углу: мы с одной стороны от беседки, на песке, ближе к реке, а те — с другой (в тенике да на травке).

— Слушай, Мир... — перевернулась я на бок, не размыкая его объятий — поддался. Взгляд в глаза: — Вот ты много обо мне знаешь. А я о тебе, — поджала губы на мгновение, — ничего.

Ухмыльнулся. Но миг — и вдруг, паясничая, прищурился:

— Нам, партизанам, не велено сдавать свои позиции!

Ржу:

— Нет, ну серьезно! Кто ты, откуда? Кто твои родители? Есть ли братья, сестры? Кто ты по образованию? — сложила «лапки» у него на груди и уложила сверху подбородок. И хоть не особо удобно было, а все же с удовольствием паялась в полюбившееся уже до одури... лицо этого странного человека.

Хотел, было, видимо пошутить — отшутиться, как всегда. Но еще мгновение зрительного боя — и сдался. Хмыкнул. Шумный вздох — и отвел глаза в сторону. Взор поплыл около, а затем и вовсе устремился, утонул в небесной дали.

— Кто-кто... что? — не смог не съязвить. Прокашлялся: — Сам родом отсюда. Это вы — приезжие, «варвары»-налетчики, — гыгыкнул. Не отреагировала я на шутливый укор. Помолчал немного, сражаясь с какими-то своими тяжелыми рассуждениями, мыслями. — Родители... ну... мать ушла, бросила нас, когда мне было лет пять, а братеньнику, — немного помедлил, — лет семь... Да, семь — на два года, если не путаю, он меня старше. И, да, — рассмеялся пристыжено. — Брат у меня есть, родной, — взор в очи. — И ты его даже знаешь, — поежилась я тотчас... лишь бы не Мазуров, умоляю (!) — Кряжин, — огорошивая, перебивая зародившуюся истерику. — Врач из больницы, который нам помогал. Жены фамилию взял. Вот так и разошлись мы окончательно... Вообще, мы очень разные... Вон, — кивнул головой на меня, — как вы с Риткой.

— Она мне не родная, — перебиваю. — Двоюродная. Это Рожи близкая родная.

— Ну, — ухмыльнулся. — Какая разница... выросли-то вместе. Да и... будто они похожи? Разве что, я не знаю там, — улыбнулся, — глазами. Или ростом... А в остальном — диаметрально противоположность, как и вы с ней. — Скривился вдруг: — Ладно, не о том. Батя нас один воспитывал. Но пока мать не ушла — бухал в свое время частенько, организм посадил, да еще курил, как паровоз, а потому... не удивительно, что нам и двадцати не стукнуло, как он... того. Кряга на медика учился. А я — так, ПТУ, потом в техникум попал но не доучился — выгнали за прогулы. Куда мне? — ржет. — У меня... улица, дела. Причем... уже тогда не куклам головы отрывали, — гоготнул. — Так что... а их чертежи и сопли — не для меня все это.

— А в армии служил?

Заржал откровенно:

— Я? — ядовитая ухмылка. Шумный вздох, подавляя смех. Прокашлялся. — Нет. Сначала не нашли... чтоб забрать. — Рассмеялась уже и я (сдержано), не прокомментировала. — А потом... и интерес отпал... — немного помедлил, — не без кое-

каких рычагов. А ныне — уже и поздно.

Остаточный мой хохот — и наконец-то совладала с собой.

— Так, подожди, — пронзенная мыслью, вмиг замотала я лихорадочно головой. — А по профессии ты кто? — несмело улыбаюсь.

Взор в глаза — даже приподнял голову:

— Че? — гогочет. — Тоже дипломную хочешь мне защитить?

— Дурак, что ли? — обижено я гаркнула, спрятав взгляд.

— Да че ты, Малыш? Шуток не понимаешь? — захохотал. Расселся. Привстала и я Обнял, сгреб в охапку — и усадил себе на колени, прижав спиной к своей груди. Шепотом развеселым на ухо: — Лично мне понравилось. Все как в аптеке — получите... распишитесь.

— Ну, — надула я губы еще сильнее. — Не все такие, как я там. Наш универ тем и славится, что не взятками рулит, а знаниями.

— Ага, — заржал враз. — Потому и тачки такие дорогие у некоторых преподав. Вообще... никто и никогда не отменял ленивых двоечников, которым тоже нужен «билет профпригодности», а потому... почему бы и нет? Отличная оферта.

— А ты и такое слово знаешь? — заржала я.

И едва не хором:

— А ты нет?

Загоготал Мирон, поражаясь моей издевке:

— Да ладно? Когда это я успел так спалиться? — хохочет.

— Было дело... было... — добро иронизирую. — Ладно, — перебиваю, причем саму себя. — Так кто ты по профессии?

Рассмеялся пристыжено:

— Только не ржи! — сдавленный смех Миращева. Молчу партизаном — давлю в себе любые позывы ответить ему тем же. — Электрик.

— Да ладно! — невольно визгом. Живо провернулась в объятиях. Взор в глаза: — Не врешь?

— А че? Нет... — гыгыкнул сдержано.

Хмыкнула. Развернулась.

— А че? — загыгыкал взвинчено. — Слишком простецкое, что ли? Или думала на мордобойщика, палача и «предпринимателя» меня там учили?

— Палача? — и снова обернулась, обрушивая взгляд ему в лицо.

Ядовито ухмыльнулся, цыкнув зубом:

— Пред-при-нимателя, — ехидным вердиктом.

— И че, маму никогда не искал? — несмело шепнула я, уже едва не засыпая в его теплых, нежных объятиях, убаюканная различными его откровениями, веселыми историями из жизни, юности...

Тихо рассмеялся:

— Шутишь? Эту ш*лаву? Если уж на*** дети свои не нужны — вон... за сколько времени ни разу не попыталась связаться... Ладно, я — дол***б, если верить Кряге и бате покойному, но этот... Серега — он-то... хоть до раны прикладывай цацу... Чего его так, а? И потом, мы были еще малыми. Да, непослушными забияками, но как все дети... Нет, Вероник. — Жестко, приговором: — «Умерла»... так умерла.

Жуткая, жалиющая тишина пролегла между нами, язвя воспоминаниями, ощущениями....

Размышлениями.

— А ты? Когда своим-то звонить будешь? Небось, ждут с новостями... да и так, в гости.

— Ну куда мне? — гаркаю. Хотя.... И явно лгу, причем не так ему, как себе — находя оправдания. Синяки только по телу еще кое-какие остались, а так — глянешь в зеркало... кроме как новой прически (А Мирашев меня даже в парикмахерскую сводил — не понравилось ему, почему-то, его собственное творение «ровнителя») — ... всё, как прежде.

Да и опять Рожа — что... врать? А потому... нет, не хочу.

Но поддалась уговорам. Отзвонилась, успокоила. Наплела вынужденно с три короба, что с Женькой пока, как и прежде, останусь жить. Что ее родственники с нормальной работой подсобили — и точка. Успокоила маму, что все хорошо... и если что, Рожа всегда за мной присмотрит. В общем, д*рьмово стало на душе — но... если хоть чуток тем станет спокойнее свою рутину переминать, то и мне хорошо.... Ибо, что еще надо?

Глава 33. Побег

Глава 33. Побег

Утро. Еще на часах и десяти не было, как кто-то совсем бесчеловечный (после вчерашней-то попойки) устроил нам резкий "подъем". Сначала мобильный стал разрываться на части, едва успевал Мирашев принимать звонки за звонками, а затем — уже и в дверь постучали.

— Собирайся, ехать надо! — приговором для меня послышались слова из коридора в сторону зависшего в растерянности Мирона. — Б***ь, че ты стоишь, думаешь?! — гневное. — Эти с*ки там расх**чат все к чертям собачьим, пока мы тут я*ца морочим!

— Вызвони мне Майорова! — приказом.

Разворот — и уверенно пошагал Мирашев ко мне, застывшей на пороге спальни в не меньшем шоке.

— Да че ему звонить?! Он уже давно туда поехал!

— МНЕ — бешеным криком, — НАБЕРИ ЕГО! — рявкнул около меня, не оборачиваясь. Ухватил за локоть — и силой потащил в комнату. Закрыл дверь. Глаза в глаза. Звонкий выдох: — Я уеду. Может, до завтра. Не знаю. Ни х** не знаю, че там, как там... получится. Сейчас вызвоню Алису Майора, помнишь же ее? — Несмело, молча киваю, пряча взгляд. Продолжил: — Побудет она с тобой. Присмотрит. Только молю, — ухватил внезапно меня за плечи и встряхнул; поддаюсь — снова сцепились взоры. — Не начуди. Потерпи. Ник, я тебе верю... но тебе самой будет страшно. А пацанов приставлять — сама понимаешь... Да и там мне они нужны. К твоим же, — кивнул, — к Жаровой этой твоей, нет смысла. Х** его знает, что это там за с*ки были... с тобой в лесу. И отступятся ли они от мысли завершить начатое, если вдруг узнают, что ты жива осталась. Короче, тебе безопаснее будет здесь, у меня в хате, и под присмотром этой. Она хоть и тупая давалка, но драться, как и пушкой пользоваться... отлично умеет — бывший мент. Я вам ствол оставляю... если че — шмаляйте без разбору. Код от сейфа — 111-105. Как по УК — не перепутаешь. Но прошу... ради меня... не начуди, а? Дождись. Хорошо? — пристальней уставился, казалось, желая проникнуть, забраться в самую душу. Несмело, немного запнувшись, киваю покорно. Испуганно и дальше таращу на него очи. Продолжил: — Я бы тебя с собой взял, но нельзя. Потерпи.

Стук в дверь. Шаг, отрываясь от меня — дернул за ручку деревянное полотно.

Молча протянул мужчина ему телефон:

— Кто там? — удивленно мотнул головой Мирон.

— Ма-йор, — не меньше того поражаясь, гаркнул Гость. — Сам же просил...

— Ах, да, — тотчас выхватил... — Привет, братан, — пошагал в коридор, бросая нас наедине. — Слушай, тут такое дело к твоей Алисе есть... — послышалось издалека, обрывками. — Нет, я сам... Номер скинь...

Только и удалось провести Его взглядом до машины, украдкой выглядывая из-за штор. Замер у черного джипа на мгновение (в который только что за руль прыгнул этот его, странный знакомый). Прощальный взор Мирашева на окна — и вдруг заметил меня. Улыбнулся печально (пристыжено, с привкусом вины). Ответила тем же, машинально тут же поджав губы. Разворот — живо открыл дверь — и заскочил на переднее пассажирское

сидение. Зарычал, взревел мотор. Тронулись с места...

— Ну че там? — послышался неожиданно голос Алисы за моей спиной. — Уехали?

Живо поворачиваюсь, отпуская штору.

Молча кивнула — и прошла мимо, едва (нечаянно) не задев плечом. В спальню — одно только желание: поскорее остаться одной, спрятаться от назойливого внимания новоиспеченной "подруги", кроя заодно малодушные слезы позора, страха и боли. Кроя искренность.

Не последовала та за мной. Что ж... благодарю за учтивость.

Странный, назойливый шум, галдеж послышался из кухни. И пусть я не любитель подслушивать чужие разговоры, но этой курице, Алисе, как-то вовсе не доверяю. Не знаю, ревность это во мне говорит, или еще чего, нелепая предвзятость к бабам, но — увы. А потому — направиться в туалет, заодно прислушавшись, кому та звонит. И вообще, вдруг она с Мазуром заодно? Как не крути, они все же — одна шайка. Может, сия барышня не только с Миры и Майорова штаны спускала, но и со всех троих?

— Не, ты прикинь?! — различаю слова. — Да меня ты послушай, дура! Задолбала перебивать! Знаешь, че он мне позвонил и к себе позвал? Дело, б***ь, у него есть! — возмущенное. — Ага, решился! — паясничая. — Держи рот шире! Я тоже уши развесила, примчала стремглав, а он, ублюдок, сам куда-то свалил. Меня, главное, оставил вместе с этой своей, полоумной. Нет, я конечно не раз слышала, что он отморозок конченный, но не до такой же степени! Это уже, как по мне, перебор! Я! Я, б***ь, должна сидеть (более того, наверно, еще и ночевать придется!) с этой его тупой малолетней ш*лавой и следить за ней! Представляешь?! Значит, они сейчас дела порешают — и поедут на радостях бухать и тр*хаться, а мне сиди и, я не знаю, волком вой, что ли?! Нет, ну если тебе надоело это чучело — брось ее, зачем кому-то что-то навязывать? Я не пойму... А боишься, что хату выставит, так не води к себе! — Немного помолчав: — Да, фу! Видела бы ты ее! Я вообще не понимаю, как у него на нее встает! Коротко стриженная, зачуханая; ни сисек, ни ж*пы! Ага, — вдруг заржала, видимо, в ответ на слова собеседницы. — Ты ему это предположение скажи, так он тебя саму в цвет неба перекрасит! Дура, не о том ты думаешь! Нормальный он! Сколько его не видела, всегда с какими-то бабами да шарится! Да еще какими, что я даже там рядом не валялась! А тут... ну, не знаю, может, от скуки заскок какой случился, для разнообразия. Или на спор. А может, вообще, в карты выиграл... или проиграл! Короче! Зря я только свое парадное белье напялила. Нехр*н было рисковать. Свалил этот х**, - уже более сдержано, обижено. — А Витька если запалит — точно леща схвачу.

...лязгнула я нарочно дверью, дабы уведомить своего «конвоира», что его служба окончена, и он может валить на***, на все четыре стороны, и там спать спокойно.

Бесцельно шаталась по городу, пытаюсь собрать осколки мыслей хоть во что-то толковое, внятное. Что, куда... и как теперь? Что дальше?

Значит... так, да? Ш*лава?.. И пока я буду покорно тебя дома дожидаться, ты будешь где-то кого-то тягать?! И то, пока тебе всё это не надоест. А дальше, дальше что?! Если уж твои близкие «друзья» (зная тебя, как облупленного) в «нас» не верят, то что мне... глупой, остается? Слепо верить в чудо? Так оно и так во многом случилось. А дальше — наиграешься... и выбросишь, если не доломаешь. Оживил, дал обратно силы ковылять по этой земле, рвение сражаться за существование, а потом... возьмешь и раздавишь, как

клопа? Морально. И физически. Завершишь то, что твои «товарищи-собратья» по ошибке, глупой халатности, не доделали...

Так?

Не знаю... и страшно дожидаться — проверять очередную свою «участь» в ваших больных «оргиях». Не хочу, не могу... Не буду.

Некоторые и одного раза не выдерживают, не переживают, а мне — выпало уже дважды... и снова грозит. Сколько можно сомневаться?

...Думать, что справлюсь?

Надеяться на человечность и «авось»?

Пора бежать.

Но куда?

Этот... прав, у Женьки оставаться опасно, тем более, что Мазур теперь уж точно знает, что я жива... и адрес, небось, не позабыл, тварь дикая. А потому нужны другие варианты. Только без денег — всё это пустой звук. Пока еще светло, более того, судя по солнцу, около полудня (наверняка, Жарова еще дома) — рвану к ней. Попрошу денег взаймы, на билет. А там — на вокзал, и домой. Жаль, что документы в квартире забыла, так бы можно было, куда подальше податься... Хотя, они же в сейфе — а трогать эту бандуру, чтоб потом еще, если вдруг че пропадет, меня обвинили — нет уж, спасибо! Так обойдусь. Где-нибудь затушуюсь, а со временем подам об утрате — восстановлю паспорт... и диплом, если он мне когда-нибудь еще понадобится.

Пешком до дома. Пока дочапала — еще пару часов ляпнуло, м*ть твою... — не подрассчитала.

Но... свезло.

Лишний круг около дома, по соседним дворам... пробивая наличие Мазуровской колымаги (на всякий) — и в подъезд. Звонок в дверь.

Дома.

Лишних вопросов Женька не задавала. Так только, предложила перекусить, а я и не отказалась: бутер с чаем (на ходу) — и живо свалила, прощаясь если... не на век, то навсегда.

Вокзал (крупное сплетение, узел авто- и ЖД- транспортных линий).

Купить билет на автобус.

Бомжи, цыгане, попрошайки, так какие странные, пугающие своим видом люди — неужто это теперь моя участь? Как в той пословице... по-братски разделили мы с Рожей "яркую" судьбу: ему — тюрьма, а мне — сума?..

Но и со своими оставаться опасно. Если уж Рожу и меня хотели прикончить, то ни перед чем не остановятся — и их не пожалеют. Надо валить.

В туалет. Перед поездкой надо бы зайти в туалет, а то там черти когда и где попаду. На «платный» — денег жаль. А потому... на той стороне вокзала была "вонючка" — бесплатный толчок — туда и потопаю. Чертовы ублюдки. Где что нормально — сразу все под себя, под бизнес. А отбросы, "отстойники" — пожалуйста, для общественных нужд. И ни в чем себе не отказывайте: а ремонт там, как и уборка... дело крайне редкое, "ленивое", ибо затратное, нерентабельное — по многим показателям, в том числе как ненужный крах

антирекламы "халявы".

По переходу с жужжащими лампами — и уже буквально рукой подать до заветной двери: за поворотом раскинулось скромное царство "фаянсовых сливов". И вдруг шорох за спиной. Резко оборачиваюсь я — мужик какой-то стремный следом — шаг прибавил.

А потому взгляд вперед — и рванула я прочь. Пролетела мимо — и на лестницу, в сторону выхода.

Ну его на***! Уж лучше обоссаться в дороге, чем так!

А вообще, можно, за здание свалить, в сторону ЖД путей — и в кустах справить потребности...

На улицу, через арку — на внутреннюю парковку. А там — перелезть небольшое ограждение — и вниз с холма да напрямик в буйную зелень...

Обратно же забираться было не столь весело. Если туда — по влажной траве проехаться-спуститься можно было на ура, то обратно — все оказалось практически неисполнимым. Цепляясь за длинные пасма давно уже некошенной «былины», представить себя корявым скалолазом — и спустя долгие минуты выбраться обратно. Чертова затея... и стукнуло же в голову именно здесь мне лазить! К забору — и едва уже перелезла его, как вдруг шаги чьи-то ко мне вплотную:

— Вам помочь? — ехидно-кислотное, будто гром, раздалось под мое приземление на асфальт. От его голоса я машинально дернулась назад, но ограждение не дало свершить побег. Да и поздно уже... отступить.

Сцепились наши взоры, заледенел его взгляд, вонзаясь ядовитой стрелой мне в душу. Нервные, поверхностные, рывками его вдохи (хотя лицо каменное, холодное, непроницаемое). Мои же — едва различимые, задавленные страхом. Сердце заколотилось отчаянно, будто птица в клетке. Дрожь пошла малодушной волной, доводя до лихорадочного пляса конечности. Скривился, оскалился враз Мирашев, заиграв скулами, тщетно давя в себе ненависть и благой мат шлифовкой. Взрыв — и разразился больным, яростным криком:

— ЭТО ЧЕ ЗА Х**НЯ?! — руки его сжались в кулаки. В глазах блеском воспламенели черти. И снова я позорно дернулась, попытка пятиться — тщетно, только прилипла вплотную к холодному железному забору.

Трясется весь, не в силах сдержать, рисовать по**изм.

Нервно сглотнула я слюну.

Но... что самое странное, ужасное — чем дольше я сейчас всматривалась в его лицо... тем меньше хотелось сопротивляться. Словно и не я пару минут назад перебирала трезвые мысли в своей голове, четко осознавая утопию слепых надежд. Словно не я... изнемогала от предчувствия и прозрения.

И даже страх этот принимаю.

Ничего более... Не хотелось отныне слушать ни рассудок, ни инстинкт самосохранения. Сдаться. Адское желание сдаться своему супостату — и будь, что будет.

Его. Пусть на миг — но буду счастлива... буду его. А та жестокость, ярость, что даже сейчас, как и почти всегда, в нем кипит, — она мне даже нравится... Она на руку: не пощадит. Надоем — доведу — и убьет. Я — наркоман. И моя доза — он полностью.

— НИКА! — и снова ор мне в лицо — вздрогнула. Вдруг рывок — и схватил, сжал меня за плечи до боли. — МАТЬ ТВ*Ю, ЧЕ МОЛЧИШЬ?! — встряхнул гневно. Глаза в глаза пронзая еще сильнее взглядом. — Я тебя спрашиваю! Это че за х**ня?! Чего эта овца мне

звонит в истерике и говорит, что ты свалила, неизвестно куда, ничего не сказав?! Почему я должен бросать все дела — и срываться, бегать по городу тебя искать?! И, вообще, вокзал?! Ты серьезно?! После всего?!

Дернулась я невольно, испуганно сжав сильнее билет в кармане.

Заметил. Сообразил. Движение — и отстранился, ровно на столько, что ухватить за руку и вытащить оную долой. Не сопротивляюсь — покоряюсь своему Тирану во всем. Достал бумажку. Беглый взор по строкам — и на меня, ошарашенный:

— Ты о**ела? — растерянное, тихое, горькое. Голос дрогнул от разочарования и горечи.

По щекам моим побежали слезы. Опустила я голову — признаю вину.

Но еще миг — и сама не знаю, как отваживаюсь: движение — и идиотически, безрассудно... бросаюсь ему на шею, прижимаюсь изо всех сил, носом уткнувшись в шею.

Окаменел. И даже руки его не дрогнули, чтоб обнять меня в ответ. Стоит, не шевелится. Не дышит.

Глубокий, шумный мой вдох, давя рыдания. Рыком:

— Мира... Мирон, я не знаю, сколько у тебя таких шлюх, как я... было, будет... и есть. Но прошу... либо сейчас отпусти, либо... как наиграешься — просто убей. А иначе... иначе тогда я уже точно не выдержу, не смогу без тебя жить...

Жгучие, ужасные минуты рассуждений. Выбора...

И вдруг дернулся, несмело коснулся руками моей талии. Напор — и поддаюсь, отстраняюсь. И пусть страшно, ужасно ему взглянуть в глаза и там увидеть ответ, но все же подчиняюсь — исполняю волю Судьи.

Зашевелились уста, да только звук раздался не сразу:

— Это что еще за... бред? — врасстяжку, сухо, едва внятно. — Какие еще... шлюхи? — растеряно. Мгновение моего безмолвия в ответ — и вдруг взрыв: — Что ты, б***ь, несешь?! Че тебя переклинило?! — Нахмурился в момент: — Это эта с*ка, да?! Она тебя надоумила? — молчу, а потому тотчас среагировал, будто прозрев. — Вот б***ь такая!.. — дернулся от меня, но из последних сил сдержала, не дала уйти:

— Нет! — нервно рявкнула, отчего тотчас поддался. Остановился. Обернулся.

Взгляд в глаза:

— Че нет? ЧЕ НЕТ?! Если ты была спокойна последние эти дни! А то вдруг на тебе! — скривился, глаза отвел в сторону. — Домой поехали, — черствым, неоспоримым приказом.

— Мир... — отчаянно, вымаливая пощады, если все же она, я права. Не уступаю впервые деспоту.

Взор в очи:

— Че "Мир"?! — взбешенно, с раздражением. — Че ты мне "Миркаешь"?! — будто яд, сплюнул мне в лицо. — Ты всякой ***ни надумала, а виноват опять Мирашев?! Так, б***ь?! Какие бабы?! — гневно, криком уже, окончательно слетая с катушек. Вырываясь, отстраняясь от меня, разъяренно жестикулируя. — Че ты несешь?! Да мне, б***ь, тебя с головой хватает! — махнул рукой. — Мозг выносишь так, что куда мне еще одна?! Я же не железный! Или сколько ты там напридумала?!

Виновато опускаю очи.

Закачал головой в негодовании. Цыкнул, смолчал, сдержал еще какие-то ругательства.

— Но ты же... со мной не спишь, — робко, жутю давясь, будто лезвиями, добровольно разрезала нашу вселенную.

Вдруг рывок, ухватил за запястье, сжав до боли. Разворот — и потащил за собой в

сторону вокзала.

Отчаянно семеню следом, заплетаясь в собственных ногах.

— Мирон! Мира, мне больно! — отчаянно пишу.

Игнорирует. Внутрь здание. Касса платного туалета. К окошку — и, живо достав из кармана все, что у него там было, швырнул скомканные деньги на тарелку:

— Нам на все. Никого не пускать, пока мы там.

Зайти внутрь, выгнать всех, кто там "застрял", грозя стволом.

— Давай не здесь! — отчаянно прошу его, моля, полностью уже осознавая и принимая свою участь, тщетный раз сгорая от страха и волнения.

Но не слушает. Не отвечает. Не реагирует.

Спешно закрыл дверь, провернув замка барашек, и ко мне. Расстегнул пуговицу на моих джинсах и силой рванул змейку вниз — запищала брезгливо молния. Не сопротивляюсь. Рывком стащил штаны вниз вместе с бельем. Стою, гляжу, жду, как далеко он пойдет. Немо изнемогаю от ужаса и паники. За руку — грубо развернул к себе спиной. Подал вперед — прошлась. Нагнул — уперлась руками на тумбу, раковину. Дрожу, подкашиваются ноги. Но терплю, повинуюсь. Не так я представляла... свой (добровольный) "первый" раз... но...

Шорох, страх, ожидание — и слой, с напором, не сразу, но вошел, проник в меня. На глазах моих тотчас застыли слезы. Станные, жуткие, смешанные чувства, ощущения: горькой радости и некого... психопатического облегчения. Пытается двигаться во мне — но не особо ловко выходит. Больно — терплю: сама напросилась и лишь бы теперь не отпугнуть. Когда-то да должны были мы эту черту пересечь. Ему это надо — и уж лучше я буду "исполнять", "давать", чем кто-то иной...

Еще рывок — и айкнула нечаянно. Поморщилась от неприятных ощущений, взрывающих во мне волну прошлого... волну отвращения и страха. Взор испуганно в зеркало, что напротив. Он, Мирашев. И пусть за мной его почти не видно, но вижу его лицо, очертания... — жуть, тошнота отступает. «Во мне Мирон. Никто-то иной. А ОН», — сумасбродной мантрой слова, давясь собственной никчемностью и заливаясь отвращением к самой себе.

И снова движение — сухо, больно... неестественно.

Дефектная. Я — ДЕФЕКТНАЯ. Правильно все говорили... Я — урод. Фригидная. даже... на секс не способна. Только и могут что... больные извращенцы насиловать, наслаждаясь моими страданиями, криками... мольбой и плачем.

— Малышка, расслабься.

Поежилась от его голоса.

Еще движение — и не выдержала взвизгнула от боли.

Момент — и вышел.

Потекли позорно соленые потоки шальной рекой по моим щекам — облажалась. Теперь точно... облажалась.

Потеряю я его. Окончательно и безоговорочно... потеряю.

Какой-то... "правильной" шлюхе достанется, которая все знает и умеет, которая не бракованная. И в которой в башке — не вздор.

Вдруг движение — надел на меня белье, штаны. Обнял за плечи. Попытка развернуть к себе лицом — но тотчас отбиваюсь, вырываюсь, отталкиваю его в сторону — поддается. Страшно, чтоб заметил слезы. И то, если это уже не произошло. А потому опускаю усерднее

голову, увиливая и от предательского отпечатка в зеркалах. Шаги к кабинке:

— Я писать хочу, — вру; живо проталкиваюсь за дверь. Забилась в угол.

...тихо, немо, закрыв рот рукой, зажав со всей дури, завывла от унижительной, мерзкой, собственной неполноценности, никчемности, ущербности. «ПОТЕРЯЛА, — грохочет приговор, окончательно накрывая прозрением. — Я... его... потеряла».

Сейчас отвезет обратно, посадит под замок (?), а сам уедет черти куда, туда... где...

как там Алиса говорила... И то, это пока... чтоб не выглядеть балаболом, а дальше — и того... выбросит долой.

С*ка тупая ты, Ника! С*КА! Конченная уродка! Даже ноги раздвинуть "нормально" не в состоянии! Училась бы лучше у Ритки!.. А то пальцем на нее тыкала — а она оказалась в сотни раз лучше тебя!

В сотни!

...если не в тысячи.

Глубокие, до боли вдохи, прогоняя жалость к себе, комкая боль от грядущего окончательного падения — и собраться с духом. Тряпкой стала. Какой ты, тупая овца, тряпкой стала! Только и давишь сопли... а еще на Мирашева заришься! С*ка убогая!

Вдох-выдох. И, в очередной раз стерев «остатки» позора со щек, выйти к умывальникам.

Живо за локоть схватил меня мой Супостат и потащил, "ублюдскую", на выход.

Глава 34. Запретный плод

Глава 34. Запретный плод

Открыл Мирон дверь в квартиру и, впервые не пропуская меня вперед, первым зашел сам. Замер вдруг на пороге (покорно торможу). И вот оно: раздался, послышался взволнованный женский голос — Алиса.

— Ты прости... я ее искала, — отчаянно запищала, запричитала та. — Я вообще в шоке. Все вышло так по-тупому... Я в туалет — а она... Странная, вообще, какая-то...

— На**й отсюда! — жестко, убийственно, отчего даже я поежилась от жути. Заледенело все внутри, чуя расправу.

— Ч-что? — заикнулась девушка несмело, едва наскребла силы на звук, побеждая шок.

— Пи**уй, говорю, отсюда... БЫСТРО! — исступленно, психопатически-хладнокровно.

И снова жуткая, пугающая, режущая тишина.

Отозвалась та, замаявшись:

— Ты чего... Мирусь?

Не ответил, сдержался. Чиркнул зубами. Внезапно разворот — и ко мне, обнял за плечи, сам в сторону — напором, силой затащил в квартиру — покорно подчиняюсь... Шаги несмело вперед, мимо нее, застывшей в ужасе.

Рассмеялась Алиса... нервически.

— Я жду, б***ь! — резво, но уже как-то более сдержано Мирашев, ей.

И снова оной смех:

— Да все понятно, — неожиданно смело, дерзко, отчего даже меня передернуло от такой ее безрассудности. Обмерла я, устремив взор на идиотку. Глаза в глаза — сцепились их взгляды.

Скривилась барышня с презрением:

— Всё понятно, — повторила растянuto, паясничая, та. — Вот так, да? — закивала головой, заливаясь сарказмом. — Как нужна — так сразу "Алисочка"... и номер даже разузнал. Вызвонил: приди, помоги! А я, дура, и примчалась быстренько. Идиотка! А как всё, не надо — так пошла на**, - скривилась, заливаясь ядовитой ухмылкой. — Как интересно получается... Так еще что бы... ладно! Так вон на эту... — метнула на меня взор, окатив презрением, — променял. Так хоть было бы на кого! — с головы до ног измерила меня взглядом, обливая заодно ненавистью, словно кислотой. Немного помолчав: — И че она там напи**дела? А? — борзое. Молчит, выжидает, изучает ее глазами Мирон — а с виду... ни единой лишней эмоции, каменное лицо. — Сдала, значит?.. Ну-ну, — едко. — И че она вообще... чужие разговоры подслушивает? — и снова ужалила меня взглядом. Очи в очи с ним: — Только учти... Мирашев. Сейчас она меня слила, а однажды — и ты на моем месте окажешься! — ткнула пальцем. — Попомни мои слова.

Загоготал вдруг, но как-то сдержанно, даже добро, отчего меня даже уже трясти начало от таких накатов его непредсказуемости:

— Все высказала? — ехидно.

Оторопела и та от таких перемен. Заморгала лихорадочно. Смолчала.

— Ты сама себя только что "слила", — приговором. Ухмыльнулся: — А ее — оправдала. Так что да... на** такие помощники. Обратишься ты еще ко мне... Вещи собрала, ноги в

руки — и пи***уй отсюда. Пока цела... Такие друзья мне не нужны. А шалавы — подавно. Повезло Майору: с такой женой — и врагов не надо.

Захлопнул с лязгом за ней дверь. Взор на меня.

Сдержанно, но не без злости:

— Еще раз вытворишь нечто подобное, — внушающим раскатом грома, — не приеду. Не стану искать. Ты не собака, чтоб тебя постоянно на привязи держать. Не нужен — вали. Нужен — хватит ерзаться. Определись. И если ты каждого е**нутаго будешь слушать — надолго нас не хватит. Учти это на будущее, хорошо?

Покорно закивала я головой, соглашаясь, облитая шоком, будто жидким азотом — задрожала от наката холода.

Но не продолжил. Ничего более — вдруг разворот — и пошагал на кухню. Зашумела вода из крана.

Несмело я за ним. Тихим, охриплым шепотом:

— А ты что... куда больше не поедешь?

— Пока нет, — раздраженно гаркнул. — Надо будет — позвонят.

Домыл руки, закрутил кран.

Шаги к холодильнику. Живо отрыл дверцу, зашуршал пакетами...

В душ. Спрятаться за непрозрачной дверью. Забраться в ванную, врубить погорячее воду — и с головой... нырнуть в отчаяние и тяжелые мысли.

Ничего уже не понимаю. И вроде бы всё хорошо, всё красиво рассказывает, рисует... И тем не менее... как надолго его хватит?

Хочу... Очень хочу! Безумно хочу быть с ним рядом... даже если я — сплошное разочарование, а он... он... даже не знаю, что сказать: помесь чего с чем... да и вообще... Он — полная своеобразность... Мы как тот мазохист с садистом. И вроде... приятно, но перегни палку — и наступит всему... конец. Это даже не... глупый мотылек на пламя летит, и не неопытный йог или фаерщик играет с полымем. Нет. Это будто... самоубийца играет со Смертью, где так или иначе — победа будет лишь в поражении.

Замотаться в полотенце — и несмело выйти из ванны в коридор.

— Че-то ты долго... — неожиданно где-то сбоку, отчего невольно вздрогнула.

Прокашлялась, шумный вздох, прогоняя остатки слез, — и устремила взор на Миравшева. Оперся плечом на наличник двери спальни. Меряющий взор на меня с головы до ног.

— А что? — осиплым голосом осмеливаюсь отозваться я.

— А ниче... — ухмыльнулся коварно; хитро прищурился. Резко оторвался от стены, стремительный ход ближе. Поежилась я, дернулась невольно назад, но тотчас силой осекла себя, остановила. — Иди ко мне, — уверенное движение его рук и сорвал с меня полотенце. Наглый, вожденный, властный взгляд, скользя по нагому телу, по запретным местами, будто впервые меня такую видит (дрожу от смущения и волнения, жуть шипами пробивает рассудок и тело). Миг — и подхватил меня себе на руки. Поддалась, обвилась ногами вокруг поясицы. Сгораю уже от страха.

Пристальный, сверлящий взор мне в глаза:

— Не сплю, говоришь...

Нервно сглотнула я слюну. Волнение еще сильнее расписало плоть. Но отступить — не

имею права... да и не хочу.

Робким шепотом, отвечая на вызов:

— Нет.

Лукаво ухмыльнулся:

— Ну значит... пора наверстывать.

Шаги едва ли на ощупь в спальню — и повалил на кровать.

Лихорадочный пляс взгляда, касаясь на короткие мгновения то моих губ, то глаз.

Провел, погладил по голове:

— Верь мне, хорошо? — с вызовом очи в очи, замерев на жуткое, требовательное мгновение.

И снова сглотнула я скопившуюся слюну, давясь каким-то жгучим, первородным, животным страхом, вот только тревога эта не от кошмара шла. А иная — чуждая мне доселе.

Мышцы сжались внизу живота... Жар разлился, отчетливо отбивая пульсации ход.

Паника обдала шальной волной, захлестнув с головою сполна, — но еще держусь...

— Мы можем еще подождать... если тебе это надо, — будто гром раздалось надо мной.

Резво дернулась от испуга я, захлебываясь ужасом, что кольнул в сердце:

— Нет, — поспешно.

Чего-чего... а больше рисковать, давать возможность другим отобрать у меня Мирона, отобрать тот единственный... шанс, что и так чудом остался, достался... быть хоть как-то Ему интересной, я не стану. Да и... вдруг это последняя моя возможность быть с тем, кого так искренне... кто столь... дорог сердцу?..

Мгновения изучения пляса эмоций на моем лице — и снова шепотом:

— А на самом деле?..

— Я хочу, — тихо, неуверенно, но мольбою.

— Тогда доверься...

Нежный, ласковый поцелуй, будто бабочка, коснулся моих губ... А затем пылкой, жаркой дорожкой стал спускаться по шее к ключице, скользя, касаясь, дразня влажным языком кожу. Сжал мою грудь рукой. Дрогнула я под его напором, но удержал, а затем и вовсе прилип устами к торчащему от возбуждения соску. Облизал его и сжал губами, нежно прикусил зубами — и снова попытка моя убежать от наваждения чувств, но удерживает деспот в своем плене. И нет больше права... на спор. Стиснул руками до сладкой боли — и покатались поцелуи стремительно вниз. Дернулась, сжалась я, но напор сильнее — и развел бедра в стороны. Дрожу уже откровенно, лихорадочно. Страшно безумно, будто и... не со мной несколько часами ранее... он то творил на вокзале...

Миг — и пискнула я, выдавая себя сполна. Нежное блуждание языка вокруг пупка — и покатались далее...

— Не надо! — отчаянно.

Обмер в удивлении. Взор в глаза. Молчит, выжидает.

— Тебе же неприятно... не надо, — несмело повела я, осознавая весь ужас своей предыстории... испорченности.

Хмыкнул:

— Было бы мне неприятно, не хотел бы... — отчасти грубо вышло, а потому тотчас осекся, — не делал бы. Доверься мне, Ник. Пожалуйста.

Нервно сглотнула скопившуюся слюну. На глаза проступила влага. Миг сомнений, волнения — и покорно, сдаваясь, откинулась я вновь на подушку. Зажмурила веки, подавляя

в себе бурю жуткого страха.

— Если только тебе неприятно... — несмело отозвался вновь.

— Нет. Нормально... наверно, — взволнованно, излишне торопко обронила я.

Поцелуй, нежный... будто кто тысячами игл меня кольнул, коснулся внутренней стороны бедра — и снова дернулась я от непривычных, убийственных чувств. От удовольствия... которое казалось... просто за гранью, казалось невозможным его выдержать достойно.

И снова вензеля... скользя к запретному. Еще миг — и потекли по моим щекам слезы. Уж лучше пулю в лоб, чем так измываться. Напор, ласка — и тысячу звезд взорвалось во мне, вырывая из груди неосознанный стон. Содрогнулась я, попытка сбежать, но удержал. Силой, причиняя невольно боль. Боль... которая казалась впервые поистине сладкой. Нежные касания, поцелуи... сумасброд эмоций и чувств. По накалу, по экспоненте — и взрыв, кромсая всю меня изнутри и лишая тяжелой, брэнной физической оболочки. Закричала, взвизгнула я, не в силах противостоять ощущениям. Еще миг — и провалилась в прострацию... Впервые все эти странные слова и описания неведомых чувств наслаждения, нирваны, эйфории... страсти обрели смысл. И снова стон, крик мой на грани рыка. Слезы превратились в откровенные рыдания, отчего просто стала задыхаться. Более того, не хотела отвлекаться на вдохи... Через раз, а то и вовсе замирая в блаженстве... Я умирала от его движений и ласк — и я хотела этой грани, хотела еще — даже если в конце этого пути... реальная смерть. Еще миг — и вдруг повис надо мной. Очередная волна страха — и вошел в меня, разрывая сознание на части. Плавно, нежно... будто мы были созданы друг для друга. Я чувствовала Его в себе — и не было ни боли чуждой, ни дискомфорта, ни чего-либо еще... неприемлемого. Движения, напор — и каждый такой рывок — будто тысячи бомб во мне взрывалось, рассыпая осколки блаженства — но иного, невероятного, еще более сумасбродного, нежели доселе. Редко моргая, я не отрывала от Его лица взгляд. Мирон. Мой Мирон со мной... и уже только этого — мне было достаточно для счастья. Но очередное давление его власти — и я снова себя теряла, заливаясь вожделенным, разрывным стоном, криком. В глазах темнело, а ресницах проступала очередная волна невозможности справиться с чувствами. Еще мгновения участия, моменты удовольствия — и вдруг откровенный, всепоглощающий всплеск неги раздался, разразился внутри меня, заливая, наливая какой-то трепетной, колкой, теплой энергией. Вдох — и отстранился, вышел из меня, расходясь уже сверху на мне и сам в усладе...

Очередной гром в моем сознании понимания — и откровенно зарыдала, завывала я, не в силах сдержаться.

— Ты чего? — дернулся тотчас, пристыжено рассмеявшись, Мирашев. Вмиг завалился на бок и придвинулся ко мне ближе. Дыханием обдал губы: — Малышка! Ника! — силой содрал, убрал мои руки с лица. — Ты чего? — испуганно. — Сейчас еще продолжим, если хочешь... Или чего? — от тревоги еще сильнее просел голос. — Просто я очень...

— Нет, — резво перебиваю его, не давая винить себя. Невольно залилась психопатическим смехом, глотая рыдания. — Я не то...

Глаза в глаза — отваживаюсь.

Заботливо стер с моих щек слезы. Печально, тревожно улыбнулся.

— Просто... — криво усмехнулась и я. Закусила губу. Стыдно сознаться во всем том, что... надумала, что было, что... — Я думала... — пристыжено прячу взгляд. — Я думала... я неправильная, — тихий, едкий, самой над собой смех. — Дефектная... фригидная.

Понимаешь? — и вновь истерически ржу. — Что у меня там...

Загоготал бесстыдно. Шумный вздох — и не дал договорить. Короткий поцелуй в губы:

— Всё у тебя «там» хорошо. Это за тем придурком... который не смог или не сумел тебя нормально завести, возбудить, косяк, а не... за тобой. Так что... — задумчиво. Немного помолчав, тут же добавил: — Это с него надо спросить, с того, кто вдолбил этот бред в твою голову, а не... — не договорил, да и я не дала.

Пристыжено улыбнулась, тихо рассмеялась. Взволновано сглотнула слюну, осознавая полностью, как идиотически все это прозвучит:

— Ты мой... первый, если так можно сказать, — несмело. — Ну... добровольно.

Отдернулся невольно. Отстранился на расстояние взгляда Мирон. Глаза в глаза. На лице отпечатался шок.

Дрогнули губы, но звука не последовало.

И вдруг ухмылка. Провел по волосам, погладил меня по голове:

— Хорошая ж ты моя... — криво усмехнулся, заливаясь то ли стыдом, то ли откровенной виной. — Так это я тот придурок, да? — гыгыкнул.

Опустила я тотчас очи и закачала головой, не в силах подавить в себе улыбку.

— Нет... дело даже не в том...

Хмыкнул, шумный вздох — завалился на спину. Но лишь на миг, затем, будто что-то вспомнив, в момент приподнялся, дернулся куда-то вбок, взвизгнул выдвижной ящик тумбы. Шорох — и вдруг ко мне приблизился. Вытер свою «радость» салфеткой — и снова в сторону, выбросил бумажку.

Разлегся на кровати, устремив взор в потолок. Колкие, пугающие мгновения тишины, его размышлений, а потому живо бросаюсь к нему — легла на грудь — обнял, прижал к себе.

— Прости меня... хорошо? — внезапно отозвался, отчего я даже вздрогнула. Тотчас провернулась, сложила ладонь на ладонь — и уложила сверху подбородок. Уставилась ему в лицо:

— За что? — нервически, смущенно улыбаюсь.

— За всё, — печаль искривила его уста.

Взор мне в глаза.

— Дурак, — обижено буркнула я. Резво убрала руки и в мгновение прижалась поцелуем к его груди; уткнула нос, а затем и вовсе разлеглась, как на подушке, прижавшись ухом, слушая родное сердцебиение. — Ты мне сказку подарил... Более того, я наконец-то узнала, как это быть... по-настоящему счастливой.

— Но и слез немало подарил...

— Слез, — перебиваю. — Их мне все дарили, а вот радость — единицы. Вернее, тетя — как мама, ее забота... Федька как брат — своей дружбой. А ты — с тобой... и того все иначе. Совсем не так. Вы хоть и похожи чем-то с Рожей. Всё равно, — поднялась. Взгляд в глаза: — С тобой я полноценная. Даже более чем с ним. С тобой — я наконец-то... женщина. Не Некит... а Ника... И это — не позорно... а, я не знаю, там... достоинство, что ли... — криво улыбнулась, давась неловкостью от такого глупого откровения.

Провел по волосам, погладил меня:

— Какое ж ты еще... дитё, — пристыжено рассмеялся, на мгновение от смущения спрятав взор.

Удивленно вскинула я бровями. Смолчала.

Продолжил:

— Созревшая телом, с закаленным, правильным характером, но... тем не менее... — привстал — покорно расселась и я рядом. Очи в очи. — Да уж... — опустил взгляд.

— Что? — испуганно рявкнула я.

И снова в глаза в глаза учтиво:

— Знал бы... во многом иначе с тобой себя вел.

— Не переспал бы? — невольно грубо, с укором, с боязнью вышло, чувствуя, что все пошло уже куда-то не туда; чиркнул страх... потерять, оттолкнуть Его после всего своей глупостью и незрелостью. — Или жалости больше?

— Понимания, — ухмыльнулся добро, терпеливо. Обхватил рукой вдруг меня за шею и притянул к себе. Пылкий, ласковый поцелуй в губы — и, немного отстранившись, шепнул: — Ну что... продолжим, или на сегодня хватит?

Победно тотчас заулыбалась, рассмеялась счастливо я. Но вместо ответа — смело, запоем прилипла к его губам своими. Нагло повалила его на кровать — поддался, заливаясь радостным смехом. Его напор, немое веление — и забралась, села я сверху... Еще миг, его ловкость — и оба застонали от шальных, лишаящих рассудка, ощущений и чувств...

Ч. 7. Глава 35. Юбилей

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. «Кровавая вендетта»

Глава 35. Юбилей

(Н и к а)

Еще несколько недель кануло в Лету.

Пришли первые результаты повторных анализов, в том числе на гепатит, — пока отрицательно. Ждем срока очередной контрольной сдачи...

С Рожей... тоже все стало более-менее ясно. Мирашев, как и обещал, взялся основательно за его дело. Влив немалые средства, перевернул все с ног на голову. Так что вскоре... можно было надеяться, что суд, если и не вынесет оправдательный приговор на основании недостаточности улик для обвинения подсудимого, то вlepит минимальный срок на щадящих условиях содержания.

На печаль, или на благо... виновных же во всей этой ситуации, кто стоял за этой подставой, пока так не отыскивали. А значит... и моя тайна была в безопасности.

На встречу с Федей я так и не решилась, хотя и появилась тому возможность. Не смогла... духу не хватило, ведь, так или иначе, станет вопрос о том... нет, не то, что со мной произошло (он этого не знает... и, надеюсь, никогда не узнает). А вот кто и почему покровительствует нам, то эта тема разрывала его на части. Поначалу даже отказывался от непонятной, «якобы бескорыстной», помощи, но чередa рассудительных бесед с адвокатом — и сдался, подчинился мой Рогожин — разум возобладал над его страхом и паникой. Не ради себя, а ради меня, оставшейся без присмотра, пошел на сделку, где сам обязался возратить все затраченные средства на защиту, едва разморозят его капитал. Наивный... будто когда-нибудь нам будут по карману такие «золотые» услуги. Да и магазины его... давно уже истощены радетельной заботой некогда верного и добродушного партнера по бизнесу — Мазура. Странно, почему столь очевидный факт предательства Валентином Федей Мирон игнорировал, в том числе и нежелание помогать своему некогда товарищу в беде... Ведь ответ был на поверхности — кто во всем... этом виноват. Но, так или иначе, Мирашев верил в каких-то левых, непричастных к их кругу, врагов, конкурентов, которые «вдруг» захотели убрать соперников и на которых, вроде как, намекал в свое время, сердобольный, но ныне перепуганный (где-то пропавший) «братуха Мажа». И именно их он изничтожит, отомстив за нас с Рожей, за меня... едва появятся зацепки, выйдет на их след — и «поймает за я**а».

На меня же — хоть и обижался, что не признаюсь (поражаясь... что даже ради брата не соглашаюсь на вскрытие «непонятно с чего организовавшихся» тайн), но терпел... и добродушно принимал этот мой «за*б» вместе с остальными «б***скими тараканами» (и вновь цитата).

Конец июля, 2009 г.

Уже и перевалило за середину лета. В голове такой кавардак, что и не заметила... как резво добрались до этой точки. А там и Мирашев признался, что скоро, в начале августа, у него день рождения, а потому к печальным заботам прибавились еще и волнительные переживания о том, что бы ему такое подарить и как пережить тот массовый, сумасбродный

сабантуй.

Ну а пока, если верить убеждениям Мирона, у меня появилась «благодатная» возможность отрепетировать столь «ужасное событие» (цитата его иронии надо мной относительно «беспочвенной паники», ибо «планы очень даже просты: насинячиться до реников и довести до оргазма свою Мальвину»). Тот еще... креативный, романтичный Буратино мне достался.

Так что... юбилей. Альберт Константинович Вольский, виновник торжества, которому стукнул... полтинник.

Едва мы вышли с Миром из авто, как тут же, прямо на парковке, и встретил нас (весь при параде: дорогой темно-синий костюм, белая рубашка, расстегнутая на две пуговицы; золотая цепь изящного плетения, толщиной в палец, в довершение образа солидного дядьки) крупный мужчина средних лет. И пусть позади нас шли еще гости, он не особо спешил их приветствовать. А вот, едва увидал Миравева, как тотчас кинулся навстречу, распахивая радужные, братские, теплые объятия.

Ответить взаимностью, выразить благодарность за приглашение и выступить с воодушевленной, от всего сердца, речью и вручить конверт с сертификатом, подтверждающим право собственности на, теперь уже его личные, «метр на два» с прилегающим участком в элитном месте на (закрытом с недавних пор для захоронений) не менее престижном, нежели сам «награждаемый», городском кладбище...

Загоготал Альберт Константинович, вчитавшись в строки:

— Миравев, б***ь! — весело вскрикнул, заметав лихорадочно взор то на Миру, то обратно на документ. — Ты, как всегда, храбрый и веселый!

Гыгыкнул Мирон:

— А че ж грустить?! Все ж там будем...

— Так ты ж бессмертный, — внезапно послышалось где-то из-за спины юбиляра. Шаги ближе — не обозналась я: Майоров... да не один, с ее величеством Алисой...

Молчаливое кивание головой (ее, мое) — в знак приветствия. Мужчины же — радостно пожали друг другу руки и обнялись, похлопав по плечу.

— О! Косой, и ты здесь?! — ликующе, искренне удивившись, крикнул, отозвался неожиданно Вольский, роняя кому-то позади нас.

— Ну так? — ехидное. Будто кто шандарахнул меня тысячью вольт, передернуло на месте. Обмерла, оцепенела от знакомых нот.

— А Валю где потерял? Опять, что ль, тот в запой ушел без нас? Или на Канары урвал с какой-нибудь новой прощмандевкой?

Заржал его собеседник — не решаюсь обернуться. Сердце нещадно заколотилось, предчувствуя недоброе.

— Да я че ему... нянька? Где-то шляется. На мороз упал. Может, куш сорвал — пока не профестивалит все, не успокоится.

Загоготал тотчас народ... в том числе и мой Мирон.

Молнией прошибло, пронзая, цепляя каждую мою клетку; перехватило дыхание. Сжалась я от жути. Разворот — взор в лицо Изуверу.

— Ник, ты че? — в удивлении уставился на меня Миравев, вперился в ужасом распытое лицо, в очи — где бликом билось эхо смерти.

Серой пеленой вмиг заслонило мои глаза, по щекам потекли слезы.

Обомлел и "гость".

— Ника, б***ь! — отдернул меня вдруг Мирон за локоть. Побелел, не менее моего.

Резвый разворот — взгляд на ублюдка, и снова мне в очи:

— Это он, да?! — деспотичное, громоханием.

Вдруг шум, шорох.

Кинулся бежать этот с*кин сын. Будто кто кислотой обдал Мирашева. Вырывал свою руку из моей — и следом рванул за ним. По инерции мои шаги вдогонку, но мгновение — и обмерла я, как и Мирон, на стоянке, застыли ни с чем: умчал этот ублюдок от него, от нас — живо прыгнул за руль своей тачки — и по газам, долой. Торопливо стерла я слезы (невольно размазывая тушь) — и пошагала в своему защитнику, желая прикипеть, спрятаться за ним, осознавая внезапно... как близко к своим неистовым врагам оказалась... Дико взревел, завопил Мирашев, сдирая эмоции ладонями с лица:

— С*КА! ВСЕ РАВНО ЧЕТВЕРТУЮ!

Бешенный, полный ярости взгляд около. Лицо его переменялось до неузнаваемости.

Кровожадность разразилась бесовским плясом в глазах.

— МАЙОР!

Тотчас шаги позади меня — обернулась. Еще немного — и поравнялся рядом. Молчит, ждет указ Виктор.

— Ее... — кивнул головой на меня Мирон, не роняя взор, — под твою ответственность. Пусть только хоть одна с*ка к ней приблизится — стреляй не глядя. МАЗУР!

Поежилась я от услышанного.

— Нет его, — уведомил, уточнил кто-то из товарищей. Скривился от гнева Мирашев. Взор по горизонту, за нашими спинами: — ВОЛЬСКИЙ! — приказом, — звони своим — пусть тормозят гниду. А мы, Колян, Серега — со мной, поедem пировать, — психопатическая ухмылка Миры, играя скулами, искажая, превращая его лицо окончательно в лик кошмара.

— Я с вами, — загоготал вождь юбилар и, набирая уже чей-то номер в телефоне на ходу, подался в сторону джипа, в который уже заскочили остальные.

— Пошли в дом! — и хоть не грубо, но жестким велением отозвался, рывкнул на меня Майоров.

Секунды сомнений — и поддаюсь, подчиняюсь требованию. Но страх... ужас дрожью, дробью, морозом уже пробивал конечности. Предчувствие жуткое, пугающее. Кому из них можно верить? И кто еще... готов кого предать... ради иных идеалов?

В дом. Через кухню в комнаты...

Его родимого заметила еще с порога на столе — а потому нарочно прибавляю скорость. Поспевает за мной Виктор, но недостаточно, дабы вовремя заметить подвох, еще миг — и живо делаю выпад, движение — хватаю нож — тотчас обернулась:

— Стоять!

— Ты чего, б***ь?! — в момент испуганно взревел, давясь шоком, Майоров.

— Ни шагу ко мне! — воплю иступленно.

— У тя че, б***ь, с*ка... крыша поехала?! —

Попытка сдвинуться с места, ко мне ближе, а потому тотчас отступаю назад, и снова четкое, резвое веление, грозя лезвием:

— Не приближайся, мразь!

— Ты че, е**нулась? Не трону тебя!

— Как тогда, да?! — рычу буйно. — На даче?.. Когда на огороде... х** свой мерзкий хотел в меня впихнуть?!

— Слышь, ты! За базаром следи! У тебя че... кукушка слетела? Как и у этого? — кивнул в сторону окна. — Че за ***ня у вас там случилась? — и снова шаг ко мне ближе.

— НЕ ПОДХОДИ! — завопила я из последних сил, уже трясясь от ярости, чувствуя, что отступать некуда (уперлась в стол).

— Да кто тебя тронет?! Что ты несешь?! Ты же баба Мирона! Здесь все свои!

— Знаю я ваших! — отчаянно. — НА*** СВАЛИЛ!

— Слышишь?! Ты сейчас довые**ваешься! Точно уе*у!

— Да отстань ты от нее! — неожиданно вмешался женский голос. И снова знакомые ноты. Перевожу взор в сторону двери — Алиса. — Пусть хоть тут сидит, хоть куда хочет валит! — продолжила. — Она такая же, как и твой Мира, — оба конченные на всю голову. И с ними связываться — себе дороже. Пускай сам ее потом, где хочет, ищет и разбирается... если ей жить надоело и лезет, творит что попало и рвется непонятно куда!

(М и р а)

Нагнали... нагнали с*ку...

Где ГАИшники не смогли тормознуть, там наши взяли — тараном.

За шкуру падаль — и в багажник...

...Пусть во мне уже кипела кровь, торопиться было нельзя. Не-е-ет. Не сегодня...

Жилу за жилой, каплю за каплей — всё выжму из тебя, гнида... ВСЁ!

Всё мне расскажешь. Шаг за шагом — а потом и сам всё пройдешь, пока не изойдешься и не вымолишь себе смерть...

(М и р а)

Орал. Вопил. Молился...

Да только сегодня — я не я. И нет во мне больше человечности.

Если тогда были лишь догадки и предположения, то теперь... картина срослась — детали заняли свои пазы.

И быстрее сам сдохну, чем уступлю: никакой пощады, хоть в каком-либо виде, этим чертям...

...

За окном уже и сумерки сгустились: то ли дождь собрался, то ли вечер грянул.

— Че там по времени? — облизался я, оторвав взгляд от этой твари, что валялся в луже не только крови, но и иного, такого же гнилого, как и он сам, позора. Взор около — психопатическая тишина. Уже не только скулить, но и дышать, мразь, перестал.

Вытер нож об штанину, сложил его и спрятал в карман, завершая больного зверя пир.

— Около семи. А че?.. — прожевал эмоции Потапов.

— Да что, Миру не знаешь? Мало всё ему... — загоготал Вольский и подошел ближе. Замер около меня. Стоит, жуёт свои семки и лыбу на все, выбитые в 90-х, а нынче — золото и металлокерамику, давит.

— Да не. Х** уже с ним. Хватит. Поехали, — раздраженно рявкнул я. — Малая ждет.

— А его куда? — кивнул головой Колян на жмурика. — Туда, к нам?

— Нет, — поспешно. — Не в этот раз. На пришибские склады. Там бросим. Пусть знает

С*ка, что я теперь в курсе... и иду по Него... Где бы не прятался — везде найду... Найду и четвертую. — Немного помолчав: — Да и чтоб... остальным неповадно было.

(М и р а)

Едва тормознул Потапов тачку у хаты Вольского, как тотчас я кинулся на улицу. Через двор — и на веранду. Обмер, пришибленный к месту, завидев Майорова. С*ка, сидит один, без моей Полоумной, за банкетным, б***ь, столом, что-то жует и чем-то, п**дец как, грузится.

— ГДЕ ОНА?! — ошалевши, взревел я, давясь предчувствием. Поежился от страха.

— Где-где? — раздраженно-невнятное. Даже, г****н, не смотрит мне в глаза. Вдруг движение руки — и махнул на парковку, напротив: — Вон, в тачке твоей закрылась. Спит... Концерт, б***ь, тут устроила, — гневное. — Ножом бегала, угрожала. Не была б твоя — научил бы... уму разуму.

— Че?! Какой на*** нож?! — исступленно. Похолодело все у меня внутри, разрывая ужасом. Разворот — и кинулся со всех ног.

Попытка открыть дверь, рвануть на себя — тщетно, не поддается. Бешеный взор по сторонам (а сердце грохочет, что товарняк — вот-вот лопнет от жути), и снова за стекло пялюсь, присматриваюсь — лежит, не шевелится.

— И где он, б***ь?! — окончательно теряя рассудок, воплю я.

— Кто? — удивленно выдал, неспешно подходя ко мне Майор, что-то дожевывая.

— Ты че, с*ка, такой спокойный?! Если с ней че-то не так — я тебя, б***ь, заживо закопаю!

Скривился. Смолчал тот.

Резвый разворот, взгляд по сторонам — отыскал я камень (часть дизайнерского бордюра), схватил — и расе**шил стекло к х**м собачим...

Дернулась тотчас Мальвина, взор испуганно заматав по бокам, струшивая заодно с себя лихорадочно осколки — резко мне в лицо:

— Ты чего? — ошарашено. Уперлась руками и подтянулась, расселась в кресле, отходя от сна.

Но не реагирую — живо уже нырнул внутрь и дернул за защелку — открыл дверь...

(Н и к а)

Взгляд на него всего — и понимаю нечто ужасное: его вся одежда в крови. Едва хотела кинуться к нему, как тотчас пресек — сам ухватил меня за руку и силой вытащил на улицу из салона — поддалась.

— Ты ранен? — испуганно твякнула я, заикаясь, не обращая внимания на его странный беспредел.

— Нет, — грохотом. В мгновение вывернул мне руки, осматривая запястья, а потом резво — сжал за плечи. Взор вынужденно в глаза. Встряхнул: — Где нож?!

— Какой? — растерянно я.

— Какой, б***ь! Какой у тебя был! — сумасбродным ревом, сплевывая ярость. — С которым ты тут вышивала! Че за х**ня, б***ь?! Тебя вообще нельзя ни с кем оставить?!

И вновь схватил вдруг за руку. Потащил за собой.

В сторону дома...

— Я... Я испугалась, — отчаянно только и смогла... что выдавить в свое оправдание,

глотаю жуть последующей расправы.

Через все смежные комнаты уверенным, стремительным шагом, пока не замерли в самой конечной — в тупике.

Вдруг разворот к себе — и, не теряя времени, вмиг принялся гневно, уверенно, бесцеремонно раздевать, сдирать с меня все вещи, словно с какой-то провинившейся шл*хи.

— Давай не здесь... — испуганно, робким шепотом отозвалась я... взвешивая предположения. Нервно сглотнула (стою, что статуя, покорная, не шевелюсь, не сопротивляюсь).

Молчит, игнорит, проворно творит затеянное и дальше. Еще рывок — и пошло вдогонку уже и белье, полностью оставляя меня нагой.

— Там на улице столько народу, — тихим, тревожным шепотом, страшась даже, что услышит.

Но напор его, едва не разрывая на мне кружева — и поддаюсь, помогаю, высвобождаюсь от одежды.

Вдруг схватил за плечи и потащил к большому, напольному зеркалу. Уставил перед ним, замерев за моей спиной.

Опустила пристыжено взор я.

— Нет, б***ь! — взбешенно рявкнул, встряхнув силой. — Смотри! — боюсь, дрожу, а потому сам уже силой ухватил за подбородок и поднял мою голову. Невольно подчиняюсь — взгляд обрушиваю на себя голую, отпечаток в серебряной глади. И снова поежилась. Машинально дернулась, желая спрятаться, прикрыться руками, но не дал, силой вывернув их назад, заломив их за спину.

— СМОТРИ! — иступленный рык. — Смотри на нее! На себя! — покоряюсь. Впиваюсь в отражение, леденея на уровне глаз. Еще мгновение сумасбродства — и наконец-то продолжил, скользя взглядом по открытым моим видам: — Дело не в шелках, с*ка, не в красивой одежде! — мороз побежал по коже от его крика. Позорные слезы застыли на ресницах, но еще держусь. — Не в побрякушках, которые, б***ь, на тебя нацепил! И даже не в моське или фигуре! Хотя они у тебя ох**енные. НЕТ, С*КА! — взор мне в очи — сцепились взгляды: — Дело в звере... который там живет, — прижал, надавил ладонью на мою грудь, у свода ключиц. — Которого избили, измучили, запугали, смешали с д*рьмом... но не сломили! И никогда не сломят! Так что... ХВАТИТ НЫТЬ! Хватит давиться позором и страхом! Я всех их найду! Всех достану — и разорву! Начиная с твоего одноклассника и заканчивая... Мазуром. Всех!

Будто гром из раскаленных небес. Поежилась, дернулась я в ужасе, но удержал. Сжал за плечи. Приблизился вплотную. На ухо:

— Почему не сказала? — убийственное, пронзая, заставляя занять сердце в груди.

Задрожала я от жуткого, животного страха. Будто сам демон сейчас дышит мне в затылок, требуя душу, взамен лобзая своим кошмаром.

— Почему не сказала?! — грохочет приговор.

Нервически сглотнула я слюну, молчу, прячу позорно взгляд, боясь сознаться...

— Мне эта с*ка... — внезапно отозвался, продолжив, — п**дел прямо в глаза. Клялся, гнида, что ни**я не знает про всю ту е**тень!.. Что был далек и не вмешивался, разгребая свое д*рьмо! И ты... ты дала ему уйти! Тогда еще, в парке... А я, тупой, слепоглухой уе*ок, и не догадался! Хотя же все же очевидно было! Б***ь, да он же... практически был в моих

руках!.. — жалящая тишина, пронзающая, казалось, до костей. Вдох-выдох... его, мой. — Не жить этой твари... — уже более сдержано, — так или иначе. И уж лучше... он сам себя... чем, когда я до него доберусь.

Невольно глаза в глаза со мной, отчего тотчас я вздрогнула, дернулась невольно в его хватке, пронзенная бесовским полымем, сочившимся из взгляда, но удержал. Притиснулся вплотную к моему уху вновь и, обдавая дыханием, будто тот аспид, зашипел:

— Всех... Ника. Хочешь ты того или нет... всех вспорю... без стыда и жалости, без суда и следствия. Всех.

Силой разворот, сжимая за плечи, очи в очи маниакальным взором, а на лице — психопатическая ухмылка:

— Ты моя баба. И тр*хать тебя... буду только я! — стиснул еще сильнее, отчего едва уже сдерживаю писк. — А уж тем более... недобровольно.

Вмиг впился, будто с цепи сорвавшись, грубым, повелительным поцелуем мне в губы — покорно отвечаю. Напор — шаги вслепую, попятилась — уперлись в стену. Скользнул руками по голому телу, жадно, до откровенной боли сжимая мою плоть. Еще миг — и подхватил себе на руки.

Чуть в сторону — и усадил на тумбу. Резво раздвинул ноги и приблизился вплотную. Ловкие, почти на автомате действия — и тотчас вскрикнула я, окончательно утопая в его власти. Резкие, деспотические, шальные движения, окончательно расставляя все точки над «и» и закрепляя мое рабство под своим началом.

Сдерживала крик, сдерживала плач от его топорности... Но минуты «истязаний» — и в какой-то момент осознание того, что всё это творит со мной Мирашев, а не кто-то иной, перебороло, победило всё: нездоровой, шизофренической волной захлестнуло, превращая боль в наслаждение, вырываясь стонами, роняя меня с головой в какой-то жуткий, откровенно развратный, пошлый... полоумный, наверняка, неестественный, сладострастный экстаз, транс... омут дикой жестокости и непоколебимой защиты, абсолютной неприкосновенности извне и безмятежной неги... вседозволенности.

Еще мгновения, еще его напор — и обмер во мне, разливаясь тирана блаженством...

Не сразу, но момент — и коченела я, осознавая... произошедшее.

...Стремительно приблизился к моему уху. Сражаясь, наперебой с учащенным дыханием, что все еще не хотело приходить в норму (да и сердце колотилось, словно ошалевшее), шепнул:

— Я люблю тебя, — будто кто иглами меня пронзил. Замерла, не дыша, совершенно уже разбитая, растерзанная шоком. По коже побежали мурашки. — И ни с кем... не собираюсь тебя делить. Я быстрее сам сдохну, чем это произойдет — запомни это... раз и навсегда. И никогда! Слышишь? НИКОГДА(!)...не смей во мне сомневаться.

Глава 36. Contra spem spero

Глава 36. Contra spem spero

(Н и к а)

И хоть тяжело каждый такой выпад, «взрыв» Мирашева, мне давался... однако, именно они, эти вспышки всех чувств в одночасье, меняли его до неузнаваемости — и не просто на миг, а навсегда, все больше и больше превращая... из дикого зверя в человека. Как, в конечном счете, однажды и сознался он сам: «Я просто... больше не боюсь казаться слабым, проявляя свои чувства к тебе. И это не может не радовать, ведь спасает, в итоге, нас обоих».

02 августа, 2009 г.

Рогожин. Почти полгода заключения... ни за какой хр*н. Но, не это уже самое главное. Важно лишь то, что удалось... Нам, ему, моему Мирашеву, удалось сломать тот гнет, тот камень, что тащил Федьку на дно. Поняв, откуда ноги растут, кто за всем этим стоит... и на какие рычаги было надавлено, Мирон... пусть и не с легкостью, но все же смог выдушить из «правосудия» более-менее справедливость.

В зал суда, да даже... в самое здание — мне духу не хватило зайти. Мирашев туда не торопился, а я — тем более: если все не срастется толково, то приговор... вот так, воочию, уж точно не выдержу. Хотя... наверно, просто не хочу «выдерживать». Нет сил уже ни на что. Нервов. И так сколько всего пережили. Я нынче уже, как тот Мирон, — с пол-оборота да на максимум взлетаю. Вот только если Мирашев все вокруг громит, то я — лишь себя изничтожаю, заживо съедаю, ни на грамм не щадя.

А потому... сели на каменном выступе, обрамлении высокой клумбы, и принялись покорно выжидать вердикта... который нам, если не сам Федька, то его адвокат... принесет и огласит.

«...Рогожина Ф. Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30. ч.1 ст. 228.1 УК — оправдать, за отсутствием в его деянии состава преступления в соответствии с п.3 ч.2 ст.302 УПК.

Меру пресечения — содержание под стражей Рогожина Ф. Р. отменить, освободить его из-под стражи в зале суда. Рогожин Ф. Р. имеет право на реабилитацию, а также право на возмещение имущественного и морального вреда в порядке, предусмотренном законом...»

Когда открылась дверь и наружу вместе с адвокатом вышел Он... я даже не сразу поверила своим глазам.

— Ну, че сидишь? — гыгыкнул Мирон и стукнул меня локтем в бок.

Первыми... сорвались слезы. А после — и вовсе дикий, жуткий... агонии, догорающей адекватности, писк вырвался из моей груди. Еще миг — вскочила с места. Рванула вперед...

Казалось... земля загорелась под ногами.

Кинулась Ему на шею, едва не сбив с ног. Пошатнулся, но удержал равновесие, а вместе с ним и меня заодно.

— Ладно, я побежал, а то очень спешу! — послышался знакомый голос, но игнорирую.

— Ага, давай, — кивнул головой мой Федор.

— Ни... — только склонился мне что-то сказать, как не дала договорить: тотчас впилась дружеским, но жадным, голодным поцелуем в губы. А далее, словно полоумная, принялась семенить по всему лицу.

Ржет, смущенный:

— Некит, ты че? — пытается вырваться. Еще его напор — и поддаюсь. Останавливаюсь, немного отстранившись, давая себе возможность хорошо разглядеть родные глаза, улыбку...

— Отпустили, да?! — отчаянно, мольбою глупою, едва осознанно.

— Нет, — гогочет. — Сбежал...

Рассмеялась и я пристыжено.

— Насовсем же, да? — все еще не могу поверить, давясь соплями и горечью облегчения, остатками всего того, что столько времени гноило мне душу.

— Да, Ник. ДА! — излишне громко, радостно; улыбается добро, а у самого тоже уже блестят от переизбытка чувств глаза. — Оправдали!

Вдруг шорох позади нас. Несмелые шаги. Движение взгляда Рожи — и окоченел от ужаса.

Резво отстранилась я от брата, обернулась — Мирашев... застыл в метре от нас. Ехидная, лживая улыбка исказила его уста, кроя истинные эмоции:

— Ну, поздравляю, — миг сопротивления... комканья своего «я» (явно ради меня) — и протянул руку Рогожину в знак приветствия.

— А этот х** че здесь делает?! — гневно, давясь скрытой тревогой, рявкнул Федор.

Обомлела я от услышанного, будто кто помоями окатил. И хоть это было ожидаемо, предсказуемо, но шок, обида, стыд взрывом негодования в момент раскромсали всю меня на части.

— Понятно, — хмыкнул Мирон и скрестил руки на груди. Полуоборот от нас, взор около; шумный вздох.

— Он со мной! — резво вмешиваюсь в эту жуть.

Ошарашенный, колкий взгляд устремил на меня Федька:

— В смысле? — оторопел еще больше. — В смысле «с тобой»? — колкая пауза, немо вымаливая подтвердить, что он ошибается, что просто совпадение, просто встреча, случайная встреча. — Ты серьезно?! С ним?! НИКА?!! — и вновь бесконечные секунды тишины терзаний. — Так это что... он меня, что ли, вытащил, да?! — жестким, с отвращением, рыком.

Едко прыснул от смеха Мирашев, ничего не ответил, лишь только сильнее отвернулся.

— Ты больная, что ли?! — завопил на всю глотку Рожа, и вовсе уже слетая с катушек, едва очередная волна прозрения накатила на него. — СЕРЬЕЗНО?! Да, с*ка, лучше б я там сгнил! — разъяренно махнул рукой. — Чем ты ради этого тр*халась со всякими отморозками!

Заржал громко Мирашев, перебивая мои мысли, попытку ответить:

— Так еще не поздно что-то изменить! — ядовито-убийственное. Кивнул головой на дверь Суда: — Не далеко ушли! Иди — кайся! Да не скупись! Побольше проси!

— Мирон, замолчи! — буйно рявкнула на него, метнув не менее их, взбешенный взгляд. Тотчас взор на Федьку, уже покрасневшего от исступления: — И ты заткнись! — приказом на брата.

— Да пошли вы! — вдруг разворот — и пошагал по ступенькам вверх мой полоумный.

Словно кто кислотой облил меня — даже пошатнулась на месте. Но едва хотел Мирон подхватить, помочь выровняться, как вмиг увиливаю.

Кидаюсь следом за безумцем:

— У тебя совсем крыша поехала, да?! — ору, словно сумасшедшая. Успеваю, хватаю за локоть — послушно тормозит.

Взор мне в лицо, желая испепелить:

— Руку убрала! — с презрением.

— Ты совсем чокнулся, да?! Че за концерт тут устроил?!

— Просто, в отличие от некоторых, — рыком, — у меня еще есть гордость... и честь.

Рывок — выдрал свою руку из моей. Разворот — вновь пошагал дальше.

Рассмеялась я ядовито, не сдвинувшись уже ни с места. Закивала головой:

— Да ты что?! — паясничая, криком вдогонку. — И как далеко ты на них уедешь, а?! Или куда? На зону, да? Опять мне письма мелким подчерком строчить?!

Резко по тормозам. Обернулся, взгляд в очи:

— НЕ БОИСЬ, Б***Ь! НЕ СТАНУ!

— ТЫ ПРИДУРОК! — неистово, горестно, сплевывая разочарование и гнев в лицо. Шаги мои покорно ближе. На глаза проступили слезы. Болью давясь из-за непонимания... из-за предательства всех наших с Миравым стараний и надежд. — Я ЕГО ЛЮБЛЮ!

Оторопел Федька, не дыша.

Жуткие, режущие, палящие мгновения молчания, тишины — и тихим, осиплым, полным мучений и страха, голосом:

— А он? Он... любит тебя? Или будешь, как Ритка? Бежать за теми, за тем, кому и на**й не нужна?

— Любит, — несмело, не сразу... но ответила я.

Вдруг шорох позади.

Шаги ближе.

Приговором:

— Люблю, — узнаю голос Миравы...

Поежилась невольно. Мурашки по телу...

Залилась я доброй, смущенной, кривой улыбкой, спрятав взгляд.

Не оборачиваюсь — но и не надо, еще миг — и замер вплотную ко мне мой Тиран — чувствую спиной родное тепло.

— Ну так женись, — дерзкое, с вызовом, Рогожина, едва нашел силы на звук. — Или слабо? Только пи**деть можешь?!

Рассмеялся ядовито Мирон:

— А это... уже не твое дело, — гаркнул. — Мы сами решим... что нам и когда делать.

Загоготал, паясничая, Федор... едко, горько, опечалено. Взор около; закивал головой. Резво мне в лицо:

— И ты этой... скользкой твари веришь? — заледенела его ухмылка, а глаза заблестели от боли, от разочарования... во мне.

— Как себе, — не лгу. Четко и искренне. Серьезно.

Застыл Рогожин.

— Федя... — Отваживаюсь... вопреки всем своим собственным запретам и уговорам самой себя, на откровение: — Ты даже не представляешь, что этот человек для меня сделал. И это даже не... сегодняшнее решение Суда, — от удивления вздрогнули того брови, но

смолчал. Выжидает. — Я его люблю... и это не просто слова. И не тебе решать с кем и как мне быть. Больше нет. Прошли те времена... А муж он мне или так... — неважно. Я знаю, что без него — я не хочу, да и не смогу жить. И этого достаточно, — приговором.

Побледнел. Нервно сглотнул слюну. Молчит. Тяжело, шумно дышит, распятый ужасом прозрения, Рожа.

— Он мне нужен... какой бы не был. И поверь, я не лучше.

Согласился... Причем на все мои уговоры, Федька согласился...

Да и будто был выбор?

Первые дни — пока побудет, поживет вместе с нами, в квартире Мирашева, а затем, как доберется до своих активов и хоть как-то разгребется с долгами и уже закрытыми магазинами (пламенный привет Мазура, высосавшего из них практически всё), пойдет своей дорогой дальше (раз так уж сильно того хочет).

Быстро день ляпнул. Пока туда-сюда, пока приехали, пока еду приготовила, накормила всех, душ, телевизор — а там и ночь уже настала.

Благо, места у Мирашева дохр*на. Так что, Федьке постелила в одной спальне, в нашей с Мирой — я, а в залу... отправила... не в наказание, но и не в поощрение... Мирона одного почивать. Не хватило мне духу в одной кровати спать с моим Буратино, когда за стеной брат, готовый только за одно касание Мирашева своей рукой моей руки — удавить, а тут...

Вот только это я... А моему «учтивому кавалеру» это было не по чем. Едва только погас у меня свет... как скребется. Еще миг — и нырнул под одеяло, негодяя кусок.

— Мира! Придурок! — гогочу я, задыхаясь от его пошлых, откровенных ласк. Еще миг — и вынырнул с другой стороны.

Лицом к лицу со мной:

— И снова ты обзываешься? — хохочет.

— А разве нет повода? — надулась тотчас. — Я же тебя просила... по-человечески, потерпи.

— А надо было сразу меня слушать — сняли бы ему хату, как тогда. И сейчас бы вдоволь... скрипели пружинами.

— А тебе лишь бы поскрипеть! — ржу, заливаясь смущением. — Не принял бы он ее! Ты же видишь — сплошные заскоки!

Скользнул по телу ладонью, нагло забрался под футболку — сжал мою нагую грудь.

— Я соскучился... И так, то нервы, то предвкушение... Малыш, — запойный, жаркий поцелуй в шею, дразня языком, — я же не железный.

— Ты — деревянный! — гогочу тихо, силой пытаюсь оттолкнуть нахала, сгрести его с себя — поддается, но лишь настолько, сволочь, чтоб вновь добраться до моего пупка и откровенно, с вызовом приняться исполосовать влажным языком всю меня, играя с чувствами, ощущениями, доводя... не только до мурашек, но и стонов.

— И сознайся, Мальвина... — шепот вдруг стал вкрадчивый, околдовывающий, будто заговор... — Заводит очень... когда нельзя, но очень-очень хочется... и если чуток смелости... — вдруг движение — и потащил вниз с меня белье. Игривое движение языка около запретных мест — и дернулась я, словно пронзенная стрелой. Удержал грубой силой, отчего еще сильнее от желания сжались у меня мышцы внизу живота, запульсировала похоть. Тотчас ухватила я подушку — и закрыла ею себе лицо, рот, дабы... если и не могу

уже остановить этот поезд, то хотя бы чтоб не уничтожил он нас всех. Еще миг — и развел бедра в стороны. Протиснулся к вожделенному. Коварные мгновения интриги, блуждающих ласк около — и взорвал мой мир яркими красками. Очередной крик, рык поражения... признания власти своего Тирана, сдавленный синтетикой, разорвал тишину. «Адские», роняющие в транс, терзания — и вдруг пошло, нагло вошел в меня пальцем Мирон. Живо приподнялся, стащив с моего лица подушку. Губы к губам. Коварно, развратно улыбнулся.

Не сразу реагирую, но еще миг, и, сражаясь не менее умопомрачительными ощущениями, нежели были доселе, обрушиваю взор в лицо:

— Что? — задыхаюсь.

И снова едва смогла удержать, подавить обличающий нас мой стон:

— Ну так что... Буратино может воспользоваться своим «золотым ключиком»?

Загоготала я тотчас, теряя прежний настрой. Но еще миг — и осеклась, закусив губу. Его дерзкий напор, ловкость — и позорно вскрикнула я от удовольствия, вновь признавая его власть.

Но вдох — и рычу догорающей шуткой:

— Так вот где он у тебя!

Гыгыкнул. Смолчал, закачав лишь в негодовании головой (вот как, ему шутить можно, а мне...).

— Ну так? — его резвое.

Участь — и снова взвыла я, захлебываясь уже слюной. Зажмурилась, подавляя слезы слабости и радости, счастья.

Вдох — и решаюсь: силой отстранила его от себя. Живо к штанам своего негодяя — и потащила их вниз. Поддался.

Силой ухватил меня за талию — и обернул к себе спиной...

Но вдруг звон, стук, шорох какой-то за дверью. Гневное, тихое, сдержанное чертыханье.

Обмерли мы оба, пристыженные, так и не содеяв запретное.

— Блин, не спит! — наконец-то нашла я силы на звук — вырвалось из меня испуганно.

— И че? — гаркнул озлобленно, раздраженно Мирон.

— И ниче! — рывкаю уже я взбешенно, силой выдираясь из хватки «налетчика». — Я так не могу!

— Пи**дец! — возмущенно сплюнул. Расселся на кровати, утопая, давясь обломом.

Чиркнуло у меня внутри: чертовы идиоты! Что один, что другой! Два барана! Никто не хочет никого понимать, уступить.

Живо бросаюсь на край кровати, ищу кружева — одеть белье. Штаны схватить со стула.

— Не понял, ты куда?! — ошарашено, излишне громко, как для шепота, взревел Миращев.

— Пойду гляну! А ты жди! — приказом злобным, махнула на него пальцем. — Этого успокою, спать отправлю. А потом тобой займусь, — гневно. — Что дети малые! Только что в башке — совсем недетские... мысли.

— У меня уж точно, — гыгыкнул Мира, заливаясь уже смехом. Завалился, разлегся на кровати, раскинувшись звездочкой.

Обомлела я от такой охальной картины:

— Ты че... серьезно? — гаркаю на него.

— А? — не менее удивленный устремил на меня взгляд, приподняв даже голову.

— Прикройся хоть! — ржу, видя эту ядовитую картину, которую, если не дай боже,

завидит Рогожин, точно не переживет — и кто-то кого-то в этот раз уже точно зарешает.

— А че он? — гогочет; разлегся вновь на подушке — поерзался для удобства, но исполнить мое веление даже не подумал. — Думаешь, придет проверять твою комнату... чтоб никто шальной сюда не заскочил? Или он слишком маленький... и не знает, как это мальчики с девочками делают?

Закатила я раздраженно глаза под лоб, скривилась. Шумный вздох.

— Ладно! Фиг с тобой. Ты еще хуже, упрямее, чем он! Только носа не показывай!

— Ага, — паясничает, залившись смехом. — Именно нос не покажу.

— Моченый, — закачала я головой, сдаваясь — тоже гогоча уже ему в такт. — Ладно, скоро буду.

— Да иди уже, иди! А я тут с твоими фотками сейчас посублимирую... и спать завалюсь.

Шумный, раздраженный вздох мой:

— Мирашев! — злобно стиснула я губы. — Да пошел ты в *опу!

И, признавая уже окончательно свою обиду... и желание, загыгкала позорно я (тупой смех! как и тот, кто меня им заразил! скотина!)

Ухмыльнулась я этой подлой роже, что сверлила меня хитрым взглядом, заливаясь не менее коварной улыбкой. Сдалась:

— Жди! Скоро буду! И все равно, ты — гад!

— Пока ты соберешься... я не только коней двину, но и брательник твой уже состарится и помрет где-то там, в уголку, на кухне, где посудой звенел.

Показала обиженно язык — и выскочила за дверь, невольно громко, с лязгом закрывая за собой дверь.

Глава 37. Исповеди ноты

Глава 37. Исповеди ноты

И вправду, кухня...

Несмелые шаги к окну, где и расселся Федька. Облокотилась я рядом на подоконник. Взгляд на сигарету в руках брата, на пепельницу:

— Ты опять куришь? — несмело.

Отвернулся, скривившись. Взор на улицу. Прожевал слюну, горечь, и вместе с эмоциями сплюнул за окно. Затяжка, сбил пепел на блюде — и вновь взгляд утопил в ночном полумраке.

— Федя... поговори со мной, а, — отчаянно, давась неким страхом.

— А ты вон, — разворот — и махнул рукой (не сразу, но все же... отважился). — Туда сходи, поговори. Смотри, кипит там, небось, весь.

— Рож! Ну че ты опять заводишься?! А?

— Да ниче! — раздраженно гаркнул. Еще один вдох дымом — и потушил в пепельнице окуроч, выбросил долой. Разворот — и только хотел уйти, как тотчас перехватываю, останавливаю его ход.

Нехотя, но все же поддается. Шаг назад — и оперся на подоконник. Замерла послушно и я рядом, присев. Плечом к плечу:

— Федька... ну, не надо, прошу. Я тебя столько не видела! Так соскучилась, а ты!

— Ну так пришла бы, — дерзко. Взор в глаза. Скривился от раздражения.

— А я и ходила, — не вру. — Сколько билась там головой об забор. Пороги оббивала, каждому *** кланялась. Уже не знала, как улыбаться и просить. Хотя бы... если даже и не видеть, то спросить, узнать как дела. Чтоб действительно передачку передали, а не заныкали и по своим карманам не распихали. Ты думаешь, мне здесь весело было? Мало я слез пролила? И посадили бы тебя! ПОСАДИЛИ БЫ! Если бы не Миравев!

Заиграл скулами. Отвернулся. Смолчал.

— Да, он сделал это ради меня. Но... когда все у нас начиналось, никто и подумать не мог... что наш... союз коснется и тебя. Во-первых, Мирон долго еще был не в курсе, что тебя закрыли... Этот... — страшно, мерзко даже произнести имя того ублюдка вслух, но... — Валентин... он же втихую все обставил, зарыл тебя — и ждал только, пока крест вознесут. А я... я ума не могла приложить... кто и за что так с тобой. Если не врал ты, то и того... всё хуже, страшнее. Понимаешь? И то... что рядом со мной оказался человек, которому под силу было не только меня... с того света вытащить, но и тебя, то...

— В смысле, с того света? — резко перебил меня Рогожин, обернувшись. Нахмурился. — Эта с*ка, Мазур, че... и до тебя дое**вался?

— Да. Пытался, было... Да не в том дело! — резво перебиваю сама себя, не желая врать (но и правду вскрывать никак нельзя). — Рожа! Федя! Мирон... он... он... — запнулась я, подбирая слова, опустив взгляд. — КОРОЧЕ! — гаркаю я, сделав глубокий, шумный вздох, прогоняя боль. — Это мой выбор. И он не связан с тобой — уж никак! Понимаешь? — глаза в глаза. — Миравев... мы с ним познакомились еще до того, как ты вышел. И с того момента... у нас все завязалось. Просто... поняли это... лишь спустя годы.

Обмлел, не дыша.

Нервно сглотнула я... из-за такой его странной, пугающей своей неизвестностью, реакции.

Жгучие, убийственные минуты тишины, а потом отчаянно решаю перекрыть все, повернуть на другую тему:

— Ты лучше скажи... Как у тебя все вышло так? С... этим. Вы же... друзья офигенные были. Он тебя, считай, из-за решетки тогда раньше времени вытащил, все организовал по прибытию. Дело открыли. Как два сапога пара были! А потом — бац... и рухнуло всё.

Хмыкнул вдруг:

— «Бац», — спаясничал, повторил за мной. — Вот ты так же мыслишь, как и я поначалу. А потом мне люди рассказали... Что он за крендель... и как поступает. Не лучше твоего этого, — кивнул головой. — Если я и считал его другом, то он меня — нет. Только пользовался. Притворялся. У таких, как они, — и снова кивок головы, — друзей вообще не бывает. По крайней мере, не такие лохи, шестерки, как я. Организовать дело — организовал я, всё поставил на конвейер... считай. Бабло само в руки потекло. А этот давай давить сразу на тему, мол, что он спонсор... и без него бы всего этого не было. А я — так, сбоку припеку, пригрелся нечаянно, нахально — свински и неблагодарно. Но я же не мышил себе! — отчаянная жестикуляция. — Я всё обратно вкладывал. Всю прибыль! На*** зарплату — выуживал по минимуму, на самое необходимое, а всё остальное — обратно же в дело. Один магазин — мало. Откроем два, раз получается. А там и три. Четыре — но уже немного иной, но смежной направленности: фурнитура, стройматериалы. Всё, короче, было бы зае**сь, да и уже получалось! Если бы не его жадность. Класть ему было на перспективы — уже подавай! Я психонул — и сказал: забирай свою долю со всеми процентами инфляции, с отступными в эквиваленте, рубим бизнес на части, как посчитаем справедливо, — и расход. Хочешь на себя просаживать бабло — сади, а я его буду пускать в оборот. А то я экономлю на всем, стараюсь приумножить — а эта с*ка... как какой-то неисправный сливной бочок — только и течет из него в сортир. Тот, конечно, сразу на дыбы: «Ты меня кинуть хочешь! Вот так и помогай людям!» Б***ь! Круто он загибать стал, он свою прибил себе, а я свою — на общее благо. Короче, до**зделись мы так, что однажды приезжаю в офис, а за мной следом ребята в масках, заломили... мордой в пол — и наркоту якобы нашли. Сразу в СИЗО, под замок... Но... знаешь, — заржал вдруг горько, — я даже тогда не мог предположить... что наши «братские», дружеские терки... могли вот до такого довести. Что он мог меня кинуть. Ладно, там... на часть бабла, да, надул бы, — закивал головой, всматриваясь мне в лицо. — Не знаю... или еще как. Отобрал бы все магазины, схемы, а мне всучил только нал — короче... Нет. Я был для него тупой пешкой — и он меня быстро убрал, считая, что и сам прекрасно справится с налаженной схемой. И, б***ь? Буквально на днях, с*ка, адвокат сказал, что последний магазин мой с молотка пошел. Как так?.. Только не понятно. Приговора не было, арест на имуществе должен был быть, заморожено все — а хрен там. Оказалось, что на мне — только тачка, которая в кредит, и за которую долг нев***енный... А в остальном — гол, как сокол. Некуда даже пойти, податься... На хавчик даже лавэ нет, не говоря уже... — закачался нервно из стороны в сторону, упершись ладонями в подоконник, — хату снять или, как думалось, за услуги адвоката отдать. Но ладно бы... Вольскому, как тут этот... юрист пел, но, б***ь, Мирашеву... — взор пристально мне в глаза. Скривился: — Ты же понимаешь... что Мазур — это его пешка, шестерка? Он хоть и зовет его другом, братом, но если че...

— Знаю, — закивала головой.

— И, по сути, — хмыкнул, заливаясь странной, растерянной улыбкой. — Он отвоевывал меня у самого себя. Его же люди меня закрыли — а теперь... пришлось доставать.

Скривилась печально я, спрятав взор. Тихо... несмело:

— Знаю...

— И Ник... если они друг друга не особо щадят, и х** уже знает, кто кому брат, а кто кому... враг, то что можно ждать в отношении тебя? А? — горько, взмолившись. — Не женится он на тебе, поверь, — болезненно; дрогнул голос в печали. — Он всех баб шл*хами считает. Кончеными шал*вами... Понимаешь? За людей не воспринимает... Так только... «объект для тр*ха». Существо, которому можно присунуть. Ну зачем тебе это д*рьмо, а? — скривился горестно.

Хмыкнула я... невольно себе под нос, вспоминая, как не раз мне в свое время пришлось его уговаривать... переспать со мной.

— Федя... — шумный, печальный вздох. — Мне все равно. Я вижу, что со мной он другой... не такой — и мне этого хватает. Он мне дал шанс, и я им воспользуюсь. Как и в свою очередь — я ему тоже даю шанс, и если облажается — сильно унижаться не стану, поверь.

Рассмеялся Рогожин горько, зажмурившись на миг:

— Глупая... шанс. Он никому... никогда шансов не дает: чего бы это не касалось. А тут...

Хмыкнула я обижено. Опустила взор.

Черт! Рожа! Но... не рассказывать же тебе все то, что было, что прошли, не вгонять же тебя в ужас и самобичевание, только ради того, чтобы посеять зерно сомнения в «гнилушности» этого человека. Не могу, да и нельзя... Сам же того не переживешь — небось, еще больше дел наделаешь, чем мой «отмороженный» Мирашев.

А потому... лживая улыбка, кроя боль, и отваживаюсь взглянуть в глаза:

— Пусть время нас рассудит, а не ты... Хорошо?

Вздернул от удивления бровями:

— И не жаль... жизнь ради этого просадить?

Ухмыльнулась:

— Она уже давно просажена, — опустила я очи. — И продолжается... вопреки всему — лишь благодаря ему. — Глаза в глаза: — Не спрашивай, что да как — не скажу. Не хочу... но поверь, если не благодарность, то хотя бы уважение... просто потому, что Я ЭТО ПРОШУ.. прояви к нему, хорошо? Я его люблю. ОЧЕНЬ. — Спрятала взор, замотав головой лихорадочно: — Я долго сопротивлялась, боялась этого слова, чувства... но, — и снова смелый взгляд в лицо брату, — но это правда. Я его люблю, как никого и никогда... и я с ним безумно счастлива, даже если это ненадолго. Хоть сколько — но хоть раз в жизни... я этого заслуживаю. Разве нет?

— У тебя и так это будет.

— Откуда ты знаешь? — рассмеялась я горько, невольно взвизгнув от возмущения. — Вот ты знал полгода назад... где окажешься? Нет? Нет. А еще вчера — что у Мирашева на кухне мы с тобой сидеть будем и о жизни говорить? Тоже нет... — ухмыляюсь. — Вот именно. Может, меня завтра уже собьет машина насмерть. А может, и нет... НО... так или иначе, Жарова права: я не хочу больше бежать и что-то искать, где-то там... за горизонтом, в очередном... «светлом будущем». Нет! Я хочу быть здесь и сейчас. Тем более... что тот, кого мое сердце столько искало, и то, что я просила у судьбы, — всё уже и так получила, сполна.

И именно с ЭТИМ человеком, даже вопреки всем «но»: его странностям, жестокости, заскокам, резким переменам настроения... цинизму и прочему-прочему. Я его люблю. Федька! — отчаянно вскрикнула я, заржав от смущения. — Он же почти... такой же как и ты!.. — глаза в глаза с вызовом. — Только я с ним чувствую себя более полноценной. Чувствую себя женщиной. Разве не этого я так хотела, и ты для меня хотел? Наставлял? А?

Хмыкнул. Рассмеялся вдруг, пораженчески, стыдливо спрятав на мгновение взгляд.

— По-твоему я — неадекват? — и снова в очи.

Заржала и я, закачав невольно головой:

— Я не это в вас вижу. А силу воли, храбрость, верность, как своим убеждениям, так и близким, кого допускаете в свой мир, кого любите. Твердую опору, защиту... понимание. Тепло... и прочее-прочее... Фе-дя! — отчаянно, в тщетный раз взывая услышать меня. — Я. ЕГО. ЛЮБЛЮ, — застучала себя в грудь кулаком. — Разве ЭТОГО мало?! Я наконец-то.. кроме тебя и своей мамы, твоих родителей, кого-то еще очень люблю!.. Но иной, яркой, всепоглощающей любовью, от которой дух захватывает, и парю... в космосе. И я хочу сохранить это чувство, пойти за ним. А слезы — слезы и так будут, только в промежутках между ними — я буду... БЕЗУМНО счастлива... вопреки всему... и даже своим некогда верованиям и ожиданиям.

Еще немного философии, воспоминаний, его историй... о том, как прошли эти месяцы, о той пресловутой драке, когда... Федьку чуть жизни не лишили, и когда он в ответ — едва на тот свет всех ублюдков не отправил... — и разошлись по комнатам.

В спальню — не то к «себе», не то... по факту, к Мирашеву.

Спал уже, сопел тихо, планомерно.

Шаг ближе к кровати — и в полумраке замечаю что-то странное на подушке.

Присмотрелась (нагнувшись ближе): моя фотка (которую я ему в наказание подарила, чтоб везде с собой таскал, когда по делам ездит, — чтоб смотрел на нее, на мой грозный вид на ней, и не думал творить гадости).

«Скотина», — буркнула тихо себе под нос и тотчас залилась смехом.

Стащить с себя штаны — и забраться в постель, под одеяло. Спиной поближе к своему вредине. И вдруг движение — обнял, прижал к себе. Но что-то явно не так. Какое-то странное, жуткое напряжение зависло между нами — каменный он какой-то весь.

Обмерла я испуганно — страшно даже моргнуть. Вдруг шорох, шумный вздох, приблизился стремительно — и тихо, несмело мне на ухо:

— Выходи за меня замуж... — грохотом, будто гвоздями приколачивая мое сознание к черепушке.

Глава 38. Et tu, Brute?

Глава 38. Et tu, Brute?

Признаться Федьке, что Мирашев сделал мне предложение и я на него согласилась, пока не хватало духу... И это я уже неделю ношусь с этой не разродившейся тайной. Хотя... в остальном я намного стала смелее. Да и Рожа уже проще стал реагировать. Нет, как и прежде, эти двое смотрели друг на друга, как сычи, если не кто похлеще, желая перегрызть «врагу» глотку, но уже не выступали и открытых скандалов не затевали.

Днем — что одного, что второго, не было дома, и я куковала, маялась, чем только в голову приходило, кроме дел по хозяйству, в гордом одиночестве. Вечером же — молча поужинать — и по щелям: Федька в «свою» комнату — телевизор смотреть, а мы с Мирашевым — в зал. Он — на приставке шпилить, а я — за комп: тоже игры, соцсеть или по форумам лазить.

Наступала ночь — и вместе с Мироном шла в спальню... уже не таясь. Так или иначе, а Рогожину все же придется принять... наши с Мирашевым отношения, хотя открыто скрипеть кроватью я так и не отважилась. А «не скрипеть» — «не отваживался» МIRON, в особенности основываясь на том, что здесь стоит якобы отличная звукоизоляция (для каких целей — не уточнял ни он, ни я). В общем, искали компромисс. Испытали в своих похабных целях всю прилегающую к скрипучей кровати мебель, пол, и даже балкон (на который выход был из зала). Сменить же кровать — слишком много возни и «палева», и не факт, что поможет. Да и потом, сама за это дело не возьмусь, а когда Мирашев бывает дома, тогда, как назло, и Рожа ошивается то в квартире, то где-то рядом, во дворе.

Так что... живем, как живется.

С магазинами — пока все глухо. Хотя часть средств Федор все же смог реанимировать, сделав кое-какой возврат (спасибо своим же старым связям). Снимать квартиру — пока не снимал, хотя уже активно искал, подбирал варианты, что поближе к старому офису... да подешевле. Принять помощь от Мирашева не желал ни в каком виде, а МIRON за спиной уже ничего не хотел делать, говоря, что Рожа не маленький: «Выросли зубы — пусть охотится и грызет: либо свежее мясо, если не растерял сноровку, либо, как и большинство, — дожевывает за остальными, обсасывая кости, трусливо забившись в угол».

Давить, требовать... или еще чего — я не собиралась, да и не хотела. Ведь прав: чай, не маленькие... оба. Сами разберутся. Мне хватало и того, чтоб учиться приспосабливаться к накатам волн нервозности моего суженого-ряженого... и, ко всему, думать... что, как и когда... со свадьбой. Точной даты не определили, и даже заявление пока не подали. Но дело даже было не в этом, и не в Мироне, а во мне — я еще не готова... к таким резким переменам. Мне пока с головой хватает возвращения Рогожин и их с Мирашевым тихой войны.

И снова ночь, и снова мой кавалер уламывает меня «...поделиться с ним радостью на мягкой, удобной кровати, а не на мерзком, твердом полу».

— Либо так, либо на бочок — и баньки, — паясничаю я, заливаясь ехидным смехом.

— Ну... тогда уж ты будешь лежать на полу, а я сверху, — гыгыкнул.

— Размечтался, — треснула его по носу. — Я — дама нежная, мне нужно свои бока беречь!

Едва только постелили плед, стащили с себя всю одежду и принялись за шальную прелюдию, как тотчас забренчал телефон. Взвыл отчаянно мой зверь, не желая отрываться от «долгожданного» пиршества, но дела... дела всегда (почти) были на первом месте.

А потому в очередной раз облизал, укусил мою грудь — и вынужденно отстранился.

— Слушаю, — грозное. Отчего даже еще притягательнее стал мой «герой». Не выдерживаю — и подползаю к нему на четвереньках. Прижимаюсь поцелуем к запретному месту, творя безобразие. Вздогнул, не выдержал — застонал обличающее, отчего в момент прокашлялся, давясь неловкостью. — ДА ЛАДНО! — внезапно. Силой остановил, отдернул меня от себя — подчиняюсь. Заледенела я в ужасе, видя... распятое шоком лицо. — И ГДЕ? — едкое, кислотное... — враз побежали мурашки по всему моему телу. Узнала я эти нотки в его голосе. А там и вовсе в глазах моего демона заплясал разгорающийся шальной огонек, а на устах расплылась психопатически-вожделенная ухмылка.

— РО-ГО-ЖИН! — неожиданно завопил на всю глотку. А меня — словно током пронзило. Мигом обошел сбоку, за белье, брюки — и спешно принялся одеваться Мирон. Буквально секунды — и уже стоял, почти как на параде, разве что финальные пуговицы рубашки застегивая.

Живо спохватилась и я — напялила на себя его домашнюю футболку.

Семеню следом за ним в коридор. Стоит уже в растерянности у двери Рожа, глаза заспанные потирает:

— Че орешь?

Гыгыкнул Мирашев и залился еще шире маниакальной своей ухмылкой:

— Зубы наточил?

— Че? — нахмурился брат, вовсе не понимая.

— Мазура, говорю, нашли. Готов рвать с*ке глотку?

— Да оставьте его! Ну, чего вы лезете? Ну, сбежала крыса! Зачем опять вляпываться в д*рьмо из-за нее? — горько причитаю, отчаянно перебирая ногами по ступенькам за этими двумя. Вдруг резко по тормозам Федька. Взор мне в глаза — а на устах... странная улыбка:

— Некит, ты серьезно? — а в глазах... узнаю: тот самый блеск, что и у Мирашева в очах в такие моменты...

«Точно такой же, — грохочет приговор. — И крови на его руках... будет не меньше», — замирает в ужасе сердце.

И пусть мне мой «без пяти минут муж» строго-настрого приказал оставаться дома и запереться за семью замками, подчиниться... в этот раз я не могла.

Услышала. Каким-то странным, судьбоносным образом... что, где и почему из телефонной речи собеседника я не то что не запомнила, а даже и не уловила, а вот адрес — адрес тот еще как. Причем, даже знаю, где это: неподалеку от нашего универа, за семейной общагой...

Одеться. Открыть сейф. Взять немного денег, забрать пистолет Мирона (спрятав в сумку) — и вызвать такси...

Не знаю почему, но там — я должна быть. Должна видеть лицо того, кто все это сделал

с нами...

...и окончательно решить: остановить Палачей, или самой... сделать так, чтоб этот кошмар, а верней, его «блюстителю» — исчез навсегда.

И было страшно. Жутко... и я не знала, что творю. Все было в каком-то странном тумане. Дрожь пробирала конечности, доводя до откровенного лихорадочного пляса. И если придется достать ствол и стрелять — не факт, что это мне будет под силу: и как бы уже самой не пасть жертвой обстоятельств.

Глубокие, шумные вздохи, как роженица между схватками, — стараюсь не думать обо всем этом.

— Девушка, вам плохо? — метнул на меня удивленный взгляд водитель через плечо.

— Тошнит слегка, — не вру. — Но ничего страшного.

— Нет, ну вы тут это... — задержался, замельтешил тот.

— За чистку салона оплачу, если что... — гаркаю злобно.

Дура, и надо было такое ляпнуть?! Хотя бы... нигде не высадил с перепугу по пути, а довез до цели...

Вкусные чаевые — и водитель готов был даже меня ждать обратно.

— Нет, благодарю.

Отыскать нужный подъезд — и нырнуть в него. Попытка сообразить, на котором этаже злосчастная квартира.

Пешком, по лестнице — так вернее.

Еще несколько пролетов — и обмерла у старой, коричневой, оббитой слоем дерматина, двери.

И что теперь?

Пробивает током мою голову страх. Задыхаюсь. Холод хлещет, хуже мерзкого барина, по спине плетью.

Но момент — и касаюсь железной ручки. Несмело надавила вниз — рыкнуло полотно, взвизгнули петли.

— Ты че, не закрыл? — слышу шепот, различаю, узнаю голос Мирона.

Шаги неуверенно внутрь — и тотчас подлетел, преградил мне путь Рогожин. Оторопел от ужаса, осознав, кто перед ним, замер в растерянности — и сказать ничего не может. Не дышит.

Или это я его уже так сильно игнорирую — взгляд мой прикипел к кровавой дорожке, что усердно вела от самого порога — в комнату.

— Кто там? — вновь слышу Миравева, звук наперебой с каким-то не то храпом, не то свистом, воплем.

Страшно, жутко, но иду, семеню за багровой нитью кошмара.

Момент и замираю на пороге — осматривая оживший ад.

Окровавленный, до месива избитый, Мазуров лежал на полу, забившись под диван, а рядом с ним сидел на корточках задумчивый, встревоженный «незванным гостем», но довольный... Мира с окровавленным ножом в руках.

— Это еще че за х**ня?! А ты каким р*ком тут?! — бешено завопил, вмиг сорвавшись на ноги. Стремительный ход ко мне, но силой отталкиваю — смотрю, вглядываюсь в лицо своему супостату, изуверу, который так усердно, наперебой с (уже ныне покойным) своим

товарищем пробовали меня на вкус всевозможными способами...

...и не знаю, ничего не могу понять, что у меня сейчас внутри: и ни страх, и ни жалость, и ни ненависть, и ни желание отомстить — пустота. Еще миг, еще один взмах моих ресниц — и потекли по щекам пресные слезы.

Я... не знаю...

Вдруг шорох, стук в коридоре, звон ключей извне.

— Ты закрыл двери? — кинул вновь взволнованным шепотом Мирон Федору.

— Да.

Шумный вздох. В момент ухватил меня Мира за плечи и прижал к себе. Оттащил к стене. Аккуратно оттолкнул в сторону, пряча себе за спину, — покорно поддаюсь; достал из-за пояса пистолет.

Спрятался с другой стороны от входа в комнату и Рогожин.

Испуганный взор мой позади себя — лежит, сопит Мажа, вздымается лениво его грудная клетка... но глаза закрыты.

Жуткие, убийственные секунды выжидания, жалящей тишины. Скрип пола. Неуверенная, тихая, мягкая чья-то поступь... Еще момент, заворот «визитера» — и отчаянный, ошалевший девичий визг раздался на всю квартиру, расходясь звонкой луной. Резво кинулась та к Мазуру.

— СТОЯТЬ, Б***Ь! — огорошивая всех нас, бешено завопил Мирашев, наведя уже на нее ствол.

Дернулась идиотка, словно от огня, в сторону, невольно завалившись на пол около избитого. Стремительно обернулась к угрозе... К нам... лицом.

— Дура... беги, — послышалось сычом шепот полуживого Валентина.

Окоченела я от прозрения. Казалось, в этот миг сердце мое встало.

— А вы, б***ь, что здесь делаете?! — неожиданно, откуда-то глотнув смелости, завопила эта большая — усердие подняться.

— Сидеть, с*ка! — рывкнул на нее Мирон, тщательней прицелившись.

— Да пошли вы на***! — завизжала эта тупорылая скотина и кинулась к Мазуру. Обняла за плечи и попыталась заглянуть в лицо. — Хороший мой, — лихорадочно принялась гладить его по голове. — Ты живой? Ты как? Я сча скорую вызову!

— Да, ***** тебя * ***, ты, что ли, бессмертная?! — заорал, ошалев, Мирашев, окончательно слетая с катушек.

— Это вы с ним сделали, уроды?! — метнула на меня, на Федьку отчаянный взгляд. — С*ки убогие!

— Да я тебе сейчас черепуху снесу, ***** ты тупая!

Гребет, не слушает, пытается то ли посадить Мажу, то ли куда-то тащить.

— Ну, б***ь. Сама напросилась, — живо снял с предохранителя ствол. Похолодело у меня тотчас все внутри. — Свалила от него, с*ка малолетняя! — в глазах запылал приговор.

— Слушай, остынь, а?! — послышалось грозное Рогожина.

— Ты че творишь, Мирон? — заступаю и я наперед. — Это сестра моя, Ритка!

— Да мне по***! — завопил уже мне в лицо Мирон. А я смотрю на него — и не узнаю. Да и не он это вовсе: кто-то иной, кто... казалось, и меня едва различает, осознает.

— Я тебе не дам это сделать! — твердое мое. Приказом.

Шаг ближе — отчего дуло вмиг впилося мне в грудь.

— А ты-то, б***ь, куда, дура?! — испуганно рывкнул на меня Рожа и ступил шаг ближе.

— А ты?! — я, уже глядя на него.

Одумался, Мирон, пораженчески опустил пистолет. Щелкнул вновь предохранитель.

— Я вас всех за решетку засажу, мрази вы конченные! — внезапно послышалось за моей спиной, отчего я даже вздрогнула. Заледенела от еще большего ужаса, от прозрения. — Зай, ты как? — очередным уколом по всем нашим фибрам растоптанных душ... режет эта чекнутая усерднее.

Резво оборачиваюсь:

— Ты серьезно?! — детонацией. — Он Рожу засадил! Убить хотел! А ты... ты, мало того, что готова за него сдохнуть сама, так и нас порешать?

— Да мне по*** на вас! — бешено. Взор мне в очи. — Вы уроды! — живо поднялась на ноги, с выпадом ко мне, шатаясь, яростно махая руками, тыча пальцем. — Точно так же, как и я для вас всегда была ублюдком! Так что один — один, с*ки! Хоть сдохните! Мне на вас по***! А он меня любит! И я вам его не отдам!

— Он твою сестру вместе другими мужиками оттр*хал и бросил в лесу подыхать! А ты, б***ь малолетняя, за него заступаешься?! ДА?! — внезапно отозвался, неистово завопил Мирашев, отчего меня будто кто заживо освежевал. Окоченела я от шока. Боюсь даже дрогнуть, а не то что.... обернуться в сторону Федьки.

— А не*** было перед кем попало ноги раздвигать! — завизжало в ответ это несуразное мелкое существо. — Ш*лавам только такая и участь!

Казалось, сейчас из моих ушей... кровь пойдет. От таких всплесков реальности.

На глазах очередной волной проступили слезы.

— Да я тебя, п**да малолетняя, сам, своими же руками, удушю! — в момент спрятал пистолет Мирашев и кинулся к ней. Среагировала я — наперехват. И сама не поняла, как остановила. Не удержались — повалились мы оба на пол.

Вдруг шорох, рывок — кинулся к нам Рогожин. Выхватил из-за пояса у Мирона пистолет, на автомате действия — и выстрел. Жуткий, палящий, убийственный взрыв.

Завизжала тотчас Малая, словно ополоумевшая, закрывая уши руками. Дернулась, вскрикнула машинально — но и заостенела в следующий миг я.

Жуткий, больной стон, вой раздался на всю квартиру. Скрутился в мгновение ублюдок, хватаясь за живот.

— Вы че, твари, наделали?! — еще сильнее завопила, заревела, давясь уже слезами, Ритка. Кинулась к этой мрази, силясь помочь ему зажать рану. Взор на меня, на Рожу через плечо: — С*ки вы! Я беременна от него! А вы... вы так с отцом моего ребенка!

И сама не сразу поняла, как что уже со мной... Дернулся вдруг ко мне Мирашев и обнял, сжал до боли. Обхватил, утопил лицо в ладонях. Попытка заглянуть в глаза — а я вою. Только теперь понимаю, что дико, исступленно... ору, как тогда... в лесу, когда мир мой раскололся надвое. Все, что копилось во мне и держалось все эти недели, уже месяцы — вновь оборвалось — и я полетела в бездну неосознания.

Жадно целует, обнимает, что-то кричит мне в лицо Мирон — а я не слышу, не вижу... будто за стеклом. Вдруг силой в охапку — и потащил на выход.

На лестницу — но не вниз — вверх. А там крыша — еще подъезд... И временами Федька перед глазами, но меня уже нет...

Ч. 8. Глава 39. Отпущение

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. Per aspera ad astra

Глава 39. Отпущение

Август, 2009 г.

(Н и к а)

Очнулась в чужой кровати, в чужой комнате...

Но не больница, и не тюрьма...

Провернуться — болит все до ужаса. Попытка подняться — голова пошла кругом.

Но я сражаюсь — цепляясь за мебель, что учтивой дорожкой вдоль стены стояла, — пробираюсь на вход. Дернула ручку двери — поддалось полотно.

В коридор. Опираясь на стену, скользя по обоям — иду на выход. Где-то сбоку шорох, в дальней комнате. Страшно окликнуть кого-то из своих, а потому терплю — и если что, то хоть маленький, но будет шанс... сбежать.

Поворот, взор за угол — и вижу... Рогожин. Стоит, с серьезным, задумчивым видом, что-то жарит на сковородке.

— Федь... — несмело.

Дрогнул испуганный. Устремил на меня взгляд.

— Где мы? — не уступаю я.

— У меня... — приговором. Похолодело тотчас у меня все внутри от шока.

«Как?» «Что?» «Почему?»

— Где ОН? — только и смогла я выдавить из себя.

Шумный, раздраженный вздох. Обмер, сверля глазами:

— Че, опять ничего не помнишь? Уже ж вроде без лекарств... — скривился от горечи, на мгновение спрятав взгляд.

— Н-ну, — запнулась я, пожав плечами. — Как бежали, помню...

— Слова Мазура, — грубо, перебивая мои сопли.

Стою, выжидаю. Боюсь даже моргнуть.

Понял. Опустил печально голову, закачав в негодовании:

— Это было... В общем, — глубокий вдох. Очи в очи со мной: — Всё это было не без крышевания... Мирой.

Глаза мои выпучились, невольно поежилась.

Заикнувшись, прохрипела в ужасе:

— Что... всё?

Нервически сглотнул слюну. Вдруг развернулся, за лопатку деревянную и давай ворочать еду на сковороде:

— То, что было... со мной... — Прокашлялся: — С тобой...

— Ч-что?.. — волосы мои встали дыбом.

— А то... — с вызовом психопатическим. Вперился взором: — Мирашев дал добро на беспредел — и Мазур уж разгулялся.

— Что за бред? — ошарашено, а у меня аж челюсть сводит; немеет тело.

— Хочешь, вон... — кивнул куда-то головой и шмыгнул вдруг носом. — Отойдет от анестезии — сама спросишь.

— Кто? — казалось, мой рассудок уже вовсе рассыпался пеплом, являя полное зависание.

— Кто-кто? — злобно. — МАЖА!

— Он жив? — от шока еще сильнее выпучила я глаза. Будто кто шипами всю нащиговал.

— Ага. С*ка, и не кашляет. Прооперировали, заштопали эту тварь — и будет жить, гнида.

— А... а... — запнулась я, уже, казалось, сидя от ужаса, осознавая жуть вероятностей. Невольно оседаю на мягкий уголок. Взгляд около. — И что теперь тебе? Что ты будешь делать?

— Ничего, — приговором. — У Миравшева договоренность с Мазуром: вякнет че кому... или попытается мстить — Мира его сам разматает на куски. А так... вон, чуть отойдет и на*** свалит с города.

— А Рита?

— А че твоя Рита? — едко, громко, плеща ядом. — Хочет, пусть пи**ует с ним, а нет — вон, к родакам тащит ублюдка.

— Она так-то и твоя сестра.

— БОЛЬШЕ — НЕТ! — рявкнул. Нервно сглотнула я слюну. — УМЕРЛА. Там... вместе Мазура. Я этой с*ке... не прощу то, что он жив. И Миравшев не грохнул эту гниду... лишь потому что... ты попросила из-за этой шалавы.

— Где сейчас Миравшев? — испуганно я, мурашки побежали по телу.

— Не знаю, — уже более сдержано. Опустил голову. Задумчивый взгляд коло — и выключил газ. Сдвинул сковороду. — Башню ему снесло... Устроил по городу войну: третьего этого твоего нашел. А дальше — пропал: уже несколько дней его не могут найти.

Жуткий, пронзительный звук... смертельным пискom, визгом вырвался из моей груди. На глаза рухнула тьма...

«С*ка, ты же бессмертный!» — отчаянно грохотало моё сердце, моля; выла горестно душа.

Только живи... Мы все пройдем. Всё! Только... живи.

Майоров. Что Федька, что я — только в этом человеке и видели возможность хоть какую-то ниточку, информацию найти о Миравшеве. Ибо... более близкого — у него никого больше не осталось.

А потому — вызвать такси и рвануть в сторону их дома.

— Че, загулял твой кобель, да? — ядом прыснула на меня Алиса и радостно захохотала. Тотчас оторвалась от наличника двери — и пошла внутрь дома.

— Не слушай эту дуру, — гаркнул внезапно Виктор и кивнул нам, приглашая пройти. — Он, конечно, и делся где-то... Но тут дело в другом.

— А че там Мазур, знаешь че? — торопливо, едва ли не перебивая, выдал Рогожин, зайдя следом за хозяином жилища в кабинет.

Хмыкнул Майор:

— Рожа... даже и не думай.

— Че? — разворот — но так и не присел в кресло. Взор в лицо Виктору.

— Сделка есть сделка. И не вмешивайся. Пусть живет, — кивнул головой Майоров. — А

ты не парься... С его-то замашками — сам скоро себя угробит.

— У него ребенок скоро будет, — грубо рыкнула я, вмешиваясь.

— Да, — уверенно, но с явным сарказмом, выдал, закивал головой мужчина. — А он ему нужен?

Оторопела я:

— А как же Ритка?..

— Да дура эта ваша Ритка! Мазур сам не знает, че ему надо... Но семья...

— Захочет жить — будет следить за семьей, — резво, приказом отозвался Федя. — Мне по*** на слова Миры — это их терки. А мое решение таково: пока с Малой, пока заботится о ней, и о их... «чаде»... пока и будет жить. А обидит — пожалеет, что не Мира его кончал. Так и передай.

Разворот — пошагал на выход Рогожин. Прочь.

Живо бросаюсь за братом:

— Рожа, стой!

Игнорирует. Еще шаги мои по инерции — и замираю растеряно посреди коридора.

Шорох сзади — оборачиваюсь.

— Где я могу его найти? Где Мирашев?

Скривился:

— А ты уверенна, что хочешь его найти? После всего?

Лихорадочно закивала я головой:

— Да.

Обмер в удивлении, в рассуждениях. Вдруг шумный вздох — и странные эмоции рекой отпечатались на лице Виктора. Подошел ближе:

— Ника... — голос дрогнул. — Понимаешь... — несмело. — Бывает так... когда дел по горло... и уже не заморачиваешься, просто физически не успеваешь, да и морально... сил не хватает... вникать в детали. В общем, — скривился. — Есть проблема, есть решающий и способ решить — и ты просто даешь добро, не задумываясь о средствах, способах... о нюансах, лишь бы был результат. На войне... как на войне, сама понимаешь. — Нервно сглотнула я слюну, молчу, внимаю каждому звуку. — Так и Мирашев. Пришел Мазур... выдал: так и так, вот такой, мол, расклад, такие терки. Мира и одобрил: твой подопечный — ты и решай. Он же не думал... что тот так далеко зайдет. А, тем более... что был неправ.

Хмыкнула я, опустив взор, осознавая нечто большее, чем этот мне врет:

— Он же не думал, — отваживаюсь на правду. Глаза в глаза: — Что я окажусь ему нужна. Была бы какая другая на моем месте — ему было бы по**й... кто кого и как размотал. И за что. Верно? — язвительно улыбаюсь, сама не зная, почему не хочу признать обеления, хотя сама же внутри, в душе всячески сейчас оправдываю, и всегда оправдывала Мирашева.

Вдруг шаг ближе — и коснулся моих плеч. Вздрыгнула, но не оттолкнула, не вырвалась. Опустила лишь голову — жду:

— Ника... Мира знал... только что Мазур с Рогожиным в каких-то контрах находится. А что и почему конкретно — нет. Да, ему было по... похр*н. И да, он знал... что Мажа будет давить на Федора, но как именно и как далеко это зайдет — тут уж... сама понимаешь: исключительно Валентина политика и решение.

— Он бабло, бизнес у него хотел отжать, — резко, давась обидой, злобно в глаза рявкнула. — В самый подлый, мерзкий способ! Крыса гнилая!

— Я его не оправдываю... Но ты думаешь, мы святые? Рожа твой? Мирашев?

Пристыжено опускаю очи.

— Все мы — га**оны, если на свет покрутить. А вплотную — то ниче, вроде как, жить можно... Вон как Ритка твоя... за него держалась. Небось, так же, как и ты... за Миру. А ведь есть те, кто ненавидят его, твоего Мирашева. И если ты его прощаешь — то остальные нет. Ты уверенна... что хочешь его найти?

Резво устремляю взор в очи. Твердо:

— Да. А если я ему не нужна — то пусть сам мне это скажет!

— Ну, тогда по коням... — качнул головой, выпуская из своей хватки. Язвительно ухмыльнулся. — Устроим вам очную ставку.

Рогожина Майоров отказался с собой брать, потому уговорила Федьку одного ехать обратно, домой к себе, на такси. А мы — в Виктора тачку — и в неизвестном мне направлении. И пусть... было страшно слепо верить этому человеку, вероятность увидеть Мирашева, убедиться, что тот жив... перекрывала всю трусость. Да и грела мысль о пистолете Мирона, про который я вовремя вспомнила и, перепрыгав из сумки в карман, взяла с собой.

Если че, стрелять буду... не щадя и не глядя.

Какое-то странное, полуразваленное, заброшенное здание на краю города.

А там и вовсе — спуститься в подвал и серпантинном лабиринта, порой протискиваясь между жуткими компашками, судя по виду, шалав и наркоманов, послушно семенить за Майором.

Еще немного — и откинув ширму из серой, непрозрачной уже от пыли и прочей грязи, клеенке, зашли в небольшую комнату. Почти все пространство и занимало: диван угловой, разложенный, да круглый стол, на котором валялись пустые бутылки из-под алкоголя, недопитая минералка; стояли стаканы, полная пепельница окурков, разбросаны остатки еды (что на тарелке, что на газете сальной).

— Ну, чего смотришь? — гаркнул вдруг Виктор и кивнул на одного из спящих «полутрупов». — Забирай, коль еще нужен.

Кольнуло осознание... ужас вперемишку с радостью, захлебываясь психопатическим взрывом облегчения. Живо кинулась вперед. Сложно было узнать в зачуханом, замученном, грязном, заросшем (небритом), отъявленном бомже (разве что одежда, костюм на вид, вроде как, дорогих марок)... своего Мирашева. Присела рядом, но едва только потянулась к нему, хотела коснуться лица, как в момент дернулся и дико взревел, практически не открывая век:

— Ушла, с*ка! — ударил, пнул меня от себя, отчего не удержалась на краю — и тотчас грохнулась на пол. Взвизгнула невольно, чебурахнувшись об стол.

Спешно подскочил ко мне Майор, подхватил под руки и помог встать. Застыла я в растерянности. Не могу понять, что... почему. И как дальше (а это чудовище лишь причмокнуло смачно — и перевернулось набок).

Вдруг резкий выпад Виктора, уверенное движение — и схватил со стола бутылку с минералкой. Быстро открутил пробку — и перевернул над спящим Миромом, бесстыдно поливая, выливая воду тому на моську. Задержался, замахал руками, прикрыл лицо, встревоженный, но явно еще сильно пьяный Мира, грозно запричитав, давясь матом:

— С*ка, б***ь! Какого ***?! Я сейчас встану и кого-то вы**у стволом!

Еще миг — последние капли и, вытер, стер остатки воды с рожи. Попытка ровнее сесть

(не то лечь, опираясь на спинку дивана) и навести фокус на нахала.

Невольно пошатывая головой, будто болванка, уставился поочередно — то на меня, проморгался, то на Майорова. И снова на меня:

— О-па... пи***ец. С белочкой прискакал... — вдруг рывок, усердия — и махнул отчаянно рукой передо мной. Рывкнул (язык заплелся): — Уйди, е*-**ный глюк!

— Сам ты глюк! — гневно рыкнул Виктор и стукнул, пнул ногой об его ногу. — Давай, раздупляйся — и домой поехали.

— Не поеду! Тут теперь мой дом! — обижено надул губы, что барышня. Вдруг стремительное движение — и, гравитации спасибо, перевернулся набок — плюхнулся, соскользнул со спинки на сидушку. Уткнулся носом в обивку — и смачно засопел.

И снова отваживаюсь — присела рядом. Пытаюсь повернуть, заглянуть Мирашеву в лицо. Подалась ближе и, давясь жутким амбре запойного перегара, несмело позвала:

— Мир... Мирон...

Вздрагнул. Тотчас распахнул веки. Пристальный взор мне в глаза. Поморщился.

Не ударил, не столкнул, как прежде. Напротив — вдруг движение руки и махнул перед моим лицом:

— Вот же, б***ь, настырная какая... — и обмер, покорно зажмурившись. Шумный вздох.

Навалилась я ему на грудь, едва ли не прижимаясь своими губами к его:

— Мирон! — отчаянно. — Ты меня слышишь? Поехали домой...

Гыгыкнул вдруг:

— И тяжелая... — и снова открыл очи. Взоры сцепились. За густой щетиной сложно было различить ухмылку, но уголки глаз поморщились, а в зенках заплясал знакомую чечетку не менее знакомый бес. Дрогнула рука — коснулся меня — провел по волосам: — Но красивая... даже лучше, чем на фотке.

— Дурак! Я настоящая! — немного помолчав, подавляя в себе бурю жутких чувств страха и горечи. — Ну... поехали домой, прошу.

— Нет, — коротко, но не столь уже категорично. Зажмурился, голова склонилась набок. Засопел.

— Ладно, — громом послышалось где-то за моей спиной. — Отойди. Видимо, совсем только недавно догнал. Так дотащим...

Подчинилась.

Закряхтел, засопел Виктор. Ловкие, возможно, привычные движения — и подхватил под руки. Рывок — и выровнялся на ногах, кое-как удерживая рядом с собой анабиозного Мирашева.

Кивнул головой на выход:

— Придержи клеенку...

— И часто у него такое? — осмеливаюсь я на вопрос, когда наконец-то приехали домой (в квартиру Мирашева), и дотащили это тело до кровати, взгромоздили на постель.

Скривился Виктор. Жуткая, жалящая тишина...

Глубокий вдох — и решился. Взор мне в глаза:

— Второй раз. А первый... х**ву тучу лет назад был, когда батя его умер. Мы тогда его неделями из запоя выводили, то и дело, что по подвалам да по притонам отлавливая. Хорошо, что никакая тварь его спяну на наркоту тогда не присадила, а то были бы дела...

— А сейчас? — от испуга дрогнул мой голос, кольнуло сердце.

— Нет, вроде... — протянул, поморщившись. — Да и он это дело, вообще, так-то ненавидит, — скривился. — У него несколько хороших товарищей... по этой причине «ушло» — потому, — еще усерднее замотал головой, — никак не приемлет. Если видит, что наши кто — сразу: или лечиться, или с вещами на выход. — Хмыкнул вдруг, на мгновение спрятав взгляд: — Он так и Маже, в свое время, жизнь спас... Так что нет, — взор около задумчиво. — Ладно! — шумный вздох. — Крягу вызвоню. Вечером, или когда он там сможет, придет — прокапает. А пока сейчас продуктов принесу, воды, да прочее — самое необходимое. И, как немного отойдет, переодень да помой его, — скривился, кивнул головой на сопящего Мирона. — А то, б***ь, что с помойки притащили. Еще не хватало, какую болячку к вам в дом занести...

— Майоров! — окликнула я Виктора, стоя у входной двери, едва тот уже стал спускаться по лестнице.

Покорно замер. Обернулся:

— Да?

— Прости меня за все... что было.

Улыбнулся (как-то добро, понимающе, благодарно):

— То ли еще будет. Мы с ним плохие мальчики, — рассмеялся, тотчас закивав головой.

— Спасибо тебе за все...

— Это тебе... спасибо. Что не отказалась от него. Наверно... ты первая.

Обмерла я. Нервно сглотнула слюну:

— А ты?..

Ухмыльнулся:

— Меня-то дела с ним еще держат. А тебя что?

Смущенно опустила взор.

— То-то же... Хотя да. Ты права... Прежде всего он мне друг. И я рад... — осмеливаюсь вновь устремить взгляд ему в глаза, отвечает тем же, — что он наконец-то нашел... того, кто любит его, и кого он любит. Берегите друг друга.

Подмигнул дружески — бойко разворот.

Побежал, пустился по ступенькам на выход.

Закрывать дверь на замок.

Забраться в постель, прижаться к Мирону... Может, и "как с помойки"... но зато мой, родной...

Словно током меня пронзили слова, мысли о том, что скоро, вероятно, придет Кряжин. А потому тотчас вырываюсь из полудрема — слетаю с кровати. Снять, стащить со своего благоверного грязную одежду, а затем — с миской и полотенцем — да попытаться хоть немного помыть его: лицо, руки, да так... где особо не сопротивлялся (матерясь, что-то отчаянно бурча под нос и отмахиваясь от назойливой, буйной «белки»).

Не хотела я, чтоб кто-то еще видел его в таком состоянии... А особенно его брат.

Насколько помню, у них же такие же... «радушные» отношения, как и у нас с Риткой. А потому — скрыть его слабость, и вместо нее нарисовать его любимый пофигизм и нахальную беспредельность.

Не ошиблась. А, вернее, Майоров и с этим не подвел. Буквально еще чуть больше часа — и позвонил кто-то в дверь. Живо в коридор. Взглянуть в глазок — и торопливо открыть замок...

— Какого *** ты здесь делаешь?! — невнятно, но злобно, давясь яростью, гаркнул на доктора МIRON, едва хоть чуть-чуть стал приходить в себя и раскрыл глаза.

— Я его позвала, — нагло вклиниваюсь, вынужденно солгав.

Вздрогнул. В момент перевел, уставился взором на меня, стоящую позади копошащегося рядом с ним Кряги.

Смолчал. Еще резиновые мгновения бурения взглядом — и вдруг зажмурился, отвернулся в другую сторону.

Стерпела горечь и я.

Долгие минуты манипуляций, контроля... попыток все это вытворить, не смотря на временами сопротивление моего гаденьша.

Еще движение стрелок часов — и наконец-то... отклонялся, обронив в мое сознание в очередной раз инструкцию, что за чем делать, и как поступать, если что-то пойдет не так.

— Справишься? — пристально уставился мне в очи.

— Да, — лихорадочно закивала я головой: будто у меня есть выбор?

— Ну, и отлично. А то мне уже пора бежать. Но если что — звони. Есть мой номер?

— Нет, — вздрогнула невольно. Но в момент догнала эту мысль иная: — Я, если что, с Мирашевского набере. Просто мой... я не знаю где, — добавила едва слышно, замаявшись в еще большем смущении, стыде.

— Хорошо. Не стесняйся...

Провести до двери, вновь поблагодарить и покорно закрыть за ним плотно, провернуть замков барашки.

Шаги в комнату — легла рядом, жадно прижалась к своему Мирашеву.

Вдруг движение его руки — и коснулся несмело ею моей — сжались пальцы. Обрушиваю взор из-подо лба ему в лицо: веки закрыты, но на устах... разлеглась едва заметная... счастливая улыбка, вновь поморщив уголки родных глаз.

Глава 40. «Епитимия»

Пару дней на то, чтоб из озлобленного, замученного зверя... моего Мирона превратить хоть в какое-то подобие человека. Но нет худа без добра, как и добра — без худа... А потому, так или иначе, не очень-то и вовремя... но наступил, грянул долгожданный "День Икс".

20 августа, 2009 г.

— С Днем рождения! — кинулась я к Миращеву. Жадный поцелуй в губы.

— Спасибо... — гогочет, прижимая меня в ответ.

— Слушай... тут такое дело... — задумчиво повела я, страшась его реакции на последующее.

— Нет, прости, родная... — неожиданно отозвался (не без ноток ехидности), резво, опечалено; нагло перебивая меня. — Но моложе... я уже не стану...

Не выдержала — заржала идиотически, ведясь на шутку. Немного отстранилась.

Прокашлялась, собирая остатки сосредоточения в себе:

— Мирон, я серьезно... — надула губы (во многом наиграно). — Мне это важно...

— Ну, ладно, — скривился, комично разыгрывая раздражение. — Че там? — не сбавляя улыбки. Притиснул к себе сильнее. Нос к носу, на расстоянии дыхания.

Мгновения томления в его тепле — и наконец-то совладала с собой. Робко:

— Ты можешь... сегодня не пить? — с неким испугом... давясь эхом прошлого.

— Не буду, Малыш... И вообще, — стиснул меня крепче и чмокнул в губы. — Ничего не хочу сегодня, — шумный вздох.

Ну да... не успел сказать, а я, заливаясь восторгом, окунуться в шок, как тут же зазвенел телефон. Дернулся, достал тотчас из кармана аппарат и взглянул на экран. Но вместо привычных движений (принять вызов), неожиданно зажал кнопку выключения. Секунды — и запищала музыка, оповещая вслух о решении абонента. Спрятал обратно в штаны. Повернулся ко мне и с жадностью, крепче сжал в своих объятиях. Уткнулся, зарылся носом в волосы:

— Сегодня... — несмело, — я весь твой...

Долгие минуты близости, рассуждений, незримой ласки — и внезапно, отчего я даже вздрогнула невольно, снова заговорил:

— Прости меня... за всё.

Заледенела я, поежившись.

Хотя... так или иначе... этот разговор нам не избежать, как бы не строили вид, что всё... в порядке.

— Побреешься — прощу, — решаюсь из последних сил на шутку.

— Не... это слишком сложно... — коротко гыгыкнул Миращев, но тотчас осекся, вновь стал сдержанным: — Я серьезно. Ник... Прости. Я же не думал... Он тогда, помню пришел... все мозги оттр*хал своим нытьем. Че-то ему не то, и не так, и он чего-то очк*ет — я даже не вникал. Выбесил, с*ка, помню. Ну, я и гаркнул, мол... делай, че хочешь, только отье**сь. Я же не думал, что он... так далеко зайдет. А уж тем более... когда сам крыса. И еще мне пи**ел, жертву из себя, г**дона кусок, строил... А потом... я и вовсе всё забыл.

— Мирон... — колко невольно вышло, давась горечью. — Что было... то было.

Вдруг резвое движение — и выдрался из моей хватки — замерла я в растерянности, наблюдая за его движением.

Шаг куда-то в сторону шкафа — и открыл дверцу. Спешно набрал код — и нырнул в сейф.

Пистолет. В его руках запестрел ствол. Поежилась я от ужаса, холодом стеганул страх. Живо ко мне — и протянул рукояткой вперед.

— Бери! — жестким велением.

— Ты че, дурак? — невольно попятилась. В момент его шаги ближе, следом за мной.

— Бери, я сказал! И стреляй.

Ржу испуганно, нервически, давась кошмаром. Лихорадочно качаю головой:

— Не дожدهшься! — Отчаянная моя попытка переиграть всё на шутку: — Да и потом... — задыхаюсь, давлюсь словами, заикаюсь, — ты же «бессмертный», — и снова нервный смешок. — Толку-то? Футболку только порву.

— Я серьезно! — с напором. Хватает мои руки в свои и силой втискивает, вкладывает пистолет, дулом к себе. Нервно отдергиваюсь, отчего тотчас из расслабленных моих и его пальцев выскальзывает оружие и падает на пол. Вмиг хватаю Мирашева за ладони, пресекая попытку наклониться за ним.

Глаза в глаза:

— Мира! Мирон... Перестань, прошу! — задрожала я от уже зарождающейся истерики. Неохотно поддается. — Хватит уже... с меня. Пожалуйста! — Шаг вплотную — и притискиваюсь к нему — робко, не сразу, но все же отвечает, обнимает меня, прижимает к себе. — Да и потом, — ржу уже смущенно ему на ухо, давась слезами. — Хрен ты у меня так... быстро отмажешься. Моя мстя... будет долгой и нудной, — резво осекаю себя, закусив губу. Но миг — и отваживаюсь... на самое страшное, искреннее: — Я об этом с самого начала догадывалась. — Дрогнул, хотел, было, отстраниться, вырваться из моей хватки, но сейчас... я, сгорающий в агонии исповеди смертник, сильнее — покоряется, послушно замирает. — Глупо... было надеяться... на безрассудную смелость твоих шестерок. Они без твоего разрешения даже... нужду не справят, а не то, что бы... Разве не так? — дрогнул мой голос. — Разве я этого не видела? Они боятся тебя — а потому... — смолчала я, намеренно не договорив.

Окоченел Мирашев. Мгновение — и вдруг взорвалось в нем очередное прозрение:

— Ты поэтому не хотела мне рассказывать? Да? — Немного помолчав, добавил: — Не из-за мести, а из-за правды?

— Из-за выбора, — поспешно уточняю я. — И да, правды... — жгучая тишина. Не шевелится, не дышит мой флагеллант. — И потом... Мира... мы и так уже наказаны тем, что нам... с этим жить. Зачем еще что-то добавлять?

— Выходи за меня?

— Что? — дернулась уже я от неожиданности. Немного отстранилась, взор в лицо. — В смысле? Я же и так согласилась.

Поддался. Глаза в глаза.

Ухмыльнулся горько:

— В свете всего этого д*рьма... ты еще хочешь быть моей женой?

Обмерла я. Невольным перезвоном мурашки по телу...

— Ну... да, — несмело киваю головой.

— Сегодня, — громом.

Округлились очи.

— В смысле? А вдруг... и там же, вроде как, месяц...

— Не вдруг, — грубо перебил. — И не месяц. Ты выйдешь СЕГОДНЯ... за меня замуж?

Поежилась, взволнованно сглотнув слюну. Вдох, и сражаясь с непонятным страхом и радостью наперебой, кривлюсь в нервной улыбке:

— Да. Выйду.

Побрился, помылся, нарядился мой Мирашев... и принялся дожидаться, пока я завершу свои нелепые манипуляции модницы.

Выдвинулись в путь.

— А тачка моя где? — растерянno протянул Мирон, почесав затылок, окидывая взглядом двор.

— Не знаю, — язвлю, сквозь улыбку.

— Ну ладно... — гыгыкнул пристыжено. — Тогда такси...

— Тогда такси, — повторила за ним, паясничая.

Тотчас нырнул в карман и достал телефон. Живо набрал какой-то номер:

— Да, здравствуйте, — прокрутился на каблуках, бесцельный взор около. — Нам бы машинку...

Ювелирка, а затем — ЗАГС...

Пока ждали в кабинете «тетеньку», которая (воодушевленная внушительным денежным презентом) кинулась куда-то искать «пакет всех необходимых документов», дабы свершить нашу, столь дерзостную, затею (не особо вписывающуюся в распорядок дня, да и в правила предоставления услуг государственной регистрации брака), я села за стол, а Мирон — принялся усердно рисовать круги шагами по и без того маленькой, давящей на мозги, комнатухе.

— Паспорт дай, а то еще помнешь, — нервически гаркнула я на своего жениха, видя, как тот охально сжимает «орластого» в своей руке.

Молча подчинился. Шаги ближе — покорно протянул мне:

— Не бойсь, штампов нелегальных нет, — не удержался от язвы.

Мигом ухватила.

— Хе-хе. Это я, чтоб не сбежал.

Живо раскрыла документ, не удержавшись от соблазна, взглянуть на фотку этой наглой рожи в его двадцать.

Обмерла в шоке. Но не от картинки (почти не изменился), а от написанных там слов: «Мирослав Мирашев».

— Как так?

— Че такое? — в момент кинулся ко мне. Сдвинул мои пальцы, давая взору больше свободы. В непонимании взгляд мне в очи: — Ну?

— Мирослав? — еще больше округлила я глаза.

— А... это, — скривился от раздражения. Махнул рукой. — Напугала, б***ь. Думал уже что-то не то. Что не свой взял.

— А у тебя есть и чужие? — ржу.

— Ну, мало ли, — пожал плечами. Шаги вновь по кабинету. Задумчиво: — Где по делам

пересекалось и попуталось.

— Так МIRON и МИРОСЛАВ — это же разные имена! — не унимаюсь я, распятая прозрением.

— И че? — обмер; вперил в меня взор. — Бесит оно меня. А менять — лень. Да и МИРОН тоже уже мало кто зовет, разве что ты, да так — самые близкие. МИРА — да и МИРА.

— Ну, всё равно... МИРОСЛАВ...

— Да тупо звучит! — резво ко мне шаг — и вырвал из моих, забрал свой паспорт. Свернул — и тотчас спрятал во внутренний карман. — МИРОСЛАВ МИРАШЕВ. МИРАШЕВ МИРОСЛАВ — б***ь, язык сломать можно! О***нный подарок от любящей матери!

Скривилась я, отведя взгляд в сторону.

— А дети у нас... — повела задумчиво, не без издевки, — будут МИРОСЛАВОВИЧИ? Или МИРОНОВИЧИ?

— МИРА младшие! — гаркнул злобно, но еще миг — и не выдержал — загоготал. — Ты меня сейчас добесишь!

— И че будет? — нагло, излишне храбро ржу. Взор на своего без пяти минут муженька.

Улыбается:

— Консумация! Раньше даже, чем подписи в этом зло***чем документе поставим. Где там эта курица? — метнул взгляд в сторону входа.

Послышались шаги в коридоре.

— Эх, не успели! — паясничаю я, шумно вздохнув. — Такое наказание профукать.

— Ты сча добазаришься, — заржал.

Но уже скрипнули петли, содрогнулось полотно.

Его, моя подпись. Обменяться кольцами. Волнительные взгляды... мои позорные, но счастливые слезы — и коснулся, прилип жарким поцелуем к моим губам... мой муж.

— Теперь надо своим сказать...

— Давай завтра... Я Кряге, Вольскому и Майору позвоню. А к твоим — съездим, лично пригласим... Да и познакомимся заодно... — шумный вздох. — А на выходные — застолье устроим.

— А Рожа?

Пожал плечами:

— А че с ним? Вроде ж... замирили... более-менее. Но, если хочешь, могу сам поговорить.

— Нет, — тотчас лихорадочно я закачала головой. — Не надо. Я сама. Сначала к нему заедем — расскажу. Наедине... — замолчала, вспомнив «кое о чем». Нервически сглотнула слюну. И все же осмеливаюсь: — А Ритка?

— А че с ней? — гаркнул раздраженно.

— Позовем?

— А надо? — дерзко, с вызовом; поморщил лоб.

— Ну, — замялась я, спрятав взор. — Дура она, конечно... но сестра все же, — взгляд в лицо мужу.

Ухмыльнулся снисходительно:

— Ну... зови. А там по***: придет — не придет. Лишь бы без своего муженька.

— А они че... поженились? — ошарашено округлила я очи.

— Откуда я знаю? — гаркнул раздраженно. — Но судя по заявлениям твоего Федора — у этого га**она только одна дорога, хочет он того... или нет. Так что... не сегодня, так завтра... раз уж пузожитель... появился.

Ухмыльнулась криво.

Вдруг приблизился, обнял меня, прижавшись к спине. Завороженным шепотом на ухо:

— А нам своих делать надо...

— А тебе бы только «делать» — заржала я, смущенная.

— Ну так... я уже очень проголодался. А то твоя фотка совсем несговорчивая была...

— А белочка? — не выдержала, и не сдержалась от едкой иронии.

Загоготал пристыжено. В момент оторвался, спрятав взгляд:

— А ты вообще... зараза. Водой меня поливала и жаждой мучила три дня.

— Слышь, ты... — дерзко сквозь смех. — Во-первых, это Майор тебя поливал. А, во-вторых, изнемогающий мой... такими темпами... и алкашом стать недолго...

— Да я шучу, — рассмеялся стыдливо. Шаги ближе — и обнял меня. Притянул к себе. И снова шепотом на ухо: — Ну его нафиг это дело. Ты со мной — и мне больше ничего не надо.

— Ну что, Мирашева... домой? — вперил в меня свой пронзительный взгляд Мирон.

— Домой, — закивала я головой, заливаясь счастливой улыбкой.

Взор моего муженька по сторонам, отчего я даже оторопела.

— Ну, — гаркнула, удивляясь. — Вызывай такси. Или че завис? Опять, что ли, свою тачку "потерял"? — бесстыдно заржала.

— Да сейчас-с, — задумчиво протянул. — Может, так где поймаем. А то еще ждать... А тут уже пробки начались. Глянь, — махнул рукой на проезжую часть, что за моей спиной, в конце сквера. — Всё, считай, до самого моста стоит. Короче, — резво, приказом, — жди здесь. Я вон к тому, — кивнул куда-то вдаль, — к частнику сбегая. Если свободен... маякну. А то че... зря тебе мотаться, бегать за мной?..

Быстрые шаги, не дожидаясь моего участия, согласия.

Черти что. Как никогда...

Обомлела я от еще большего шока.

Не слушаюсь: неспешно потопала в заданном направлении.

Странные, непонятные какие-то терки Мирашева с водителем, расплатился (заранее?!). ... разворот — и, радостно улыбаясь, махнул мне рукой — прибавляю скорость своей улитке.

— Ну че? — на автомате кидаю муженьку, едва замерла рядом (ведь таксист вообще отошел куда-то в сторону и (!) принялся лениво, задумчиво... курить).

— Че-че? — паясничает гаденыш. — Садись, — кивнул на автомобиль.

Странно, страшно, неясно — но подчиняюсь.

Едва я нырнула в салон, как поспешно завалился следом за мной, на заднее сидение, и Мирон.

Что-то явно не так: хищника взгляд, а в глазах — блеск расправы.

Резкий выпад, движение, сгреб в охапку и зажал в углу...

Ржу истерически, усердие сопротивляться.

— Мир, ты чего? Не тут же... Не в такси! Да и водитель же...

— Он в курсе, — перебивая.

— Че? — визгом тотчас зашлась я. — Т-ты... ты придурок что ли?! — давлюсь шоком,

заикаясь. — Да и народу вокруг скольк...

Не дал договорить — припал, прилип, впился наглым, запойным поцелуем мне в губы. Дерзко руками забрался под юбку, к белью. Рванул кружева. Раздвинул ноги.

— Мирашев, не вздумай! Не надо! — ору, глотая воздух, и страх заодно, давясь от неловкости смехом; силой выдираюсь, отбиваюсь от него.

Но... проворные манипуляции вердиктом — и вскрикнула от прилива шального удовольствия. Жесткие, повелительные движения, приговаривая к безропотному подчинению своему ожившему Тирану.

Спасибо хоть... что на задних стеклах тонировка... А там вскоре — и передние окна запотели...

Еще движения... Мгновения наших неприкрытых стонов — и обмер во мне, разливаясь и заполняя нас обоюдным ярким, сумасбродным, трепещущим блаженством.

Наперебой с учащенным дыханием, на ухо:

— Ну вот теперь... можно и домой, жена моя.

Эпилог. Si vis pacem, para bellum

Эпилог. Si vis pacem, para bellum

И вот оно. День... когда весь мир наш перевернется, или же... нам дадут шанс на жизнь. На будущее... отменив прежнее "вето".

— Одень платье, — внезапно отвесил свое щедрое пожелание мой муженек.

Обмерла я, невольно вздернув головой:

— Это еще зачем? — уставилась ему в глаза. — Я кроссы хотела...

— Ну, и обувай их. Но сверху — платье.

— Ты в своем уме? — таращу на него очи.

Шаги ко мне вплотную, поправляя ворот своей рубашки.

Хитрый, ехидный взгляд... и не менее ядовитая улыбка:

— В своем... Просто... — взор скатился к моим губам. — Если мы здоровы... то... — немного потянул интригу, — отпразднуем.

— А если... нет? — злобно, обижено рявкаю я: бесит меня уже этот его пофигизм... относительно этой темы.

— А если нет, — еще шире стала его бесовская улыбка, — то погорюем.

Не успела я даже взглянуть на бумажку, которую мне вручили, как тотчас наглая рожа отобрала у меня документ. Жуткий, пугающий... сосредоточенный вид Мирашева. Нервно сглотнул слюну — поежилась я. Чувствую, что вот-вот сердце мое встанет.

Вдруг взор мне в глаза Мирослава... непроницаемой немой картиной жалит меня.

— Ну, б***ь! — не выдерживаю и рявкаю на него.

Пожал плечами, скривился:

— Да п***ец... — шумный вздох, скривился. Опустил очи. — Был шанс... и нету.

— Че? — живо кидаюсь выдираю из всех сил результаты анализов, невольно разрывая бумажку на части. Впиваюсь взглядом в вердикт.

Вдруг жуткий, едкий хохот:

— Я же говорил тебе... что бессмертный. А ты не верила. А теперь и тебя этим заразил...

"Отрицательно"

— С*ка ты, — ржу я истерически, давась слезами.

— Не... че ты? — враз стал серьезный Мирон. — У нас еще через три месяца есть шанс на успех.

— Какой же ты... придурок! — заиливаюсь краской смущения. Шок все еще не отпускает, заживо съедает меня. Облегчение, которое все еще не возможно до конца осознать. Взгляд в глаза ржущему муженьку: — Придурок! — гаркнула вновь, и тотчас обижено поджала губы.

— Да ладно тебе! — развеселое. Обнял, притянул к себе. Жаркий поцелуй в губы. — Всё будет хорошо... я же обещал?

Глаза в глаза:

— И все же... ты придурок.

— Да запомнил я уже, запомнил... Можешь больше не повторять, — бесстыдно гогочет,

скотина.

— Идиот, — ржу.

— Ну вот... Хотя что-то новое. А вообще, — цыкнул, паясничая, — все равно ты уже вышла за меня, потому, — коварно замигал бровями, — ничего страшного: всё равно моя.

Еще через три... и шесть: отрицательно.

Хоть и обещал мне клятвенно Мирашев не издеваться и больше надо мной так не шутить, без приколов не обошлось... Не умеет этот человек быть чувственным и учтивым, особенно когда об этом его кто-то просит...

Зимой Ритка родила мальчика. И да, кстати, поженились они с Мазуром почти сразу после нас с Мироном... — никого тоже не звали из родных. Родителей... также, как и мы с Мирашевым, уведомили постфактум. Но дорожка безобразия уже была протоптана нами — а потому Малой влетело не очень-то: дули губы недолго, особенно узнав, что скоро станут дедом с бабой.

Батя с Рожей так и не помирился, но пару-тройкой слов, без истерик и без мата, все же перекинулись. Вот как раз... когда Маргариту из роддома забирали. И вообще, та еще "выписка" получилась. Ведь и мы с Мирашевым заявили. Конечно... это все было больше показательной выходкой, угрозой (если хотите), нежели... Но... и без искренности не обошлось. Лично я радовалась за свою сестру, хоть она и открыто ненавидела меня. Как я лишь потом догадалась (а, вернее, подсказали)... она завидовала мне, ревновала. И дело даже было, что самое смешное, не в моем союзе с Мирашевым (некогда «боссе» ее ненаглядного) и трепетной дружбе с Федькой. Нет... эта тупая овца меня ненавидела за тот факт, что (цитата, все же однажды выплюнутая, вылетевшая в мою сторону из ее паршивого рта) я «спала с ее мужем». Я... с*ка, спала... с ее мужем. У меня до сих пор волосы дыбом от этих слов.

Ну... да Бог им обоим судья: что ей, отмороженной на всю голову, что ее "прекрасному принцу". Ребенка только жаль, особенно... если вдруг каким-то чудом он не пойдет в них, то бишь... будет умнее. Но... как уж есть. Это их чадо — и им его растить, и воспитывать.

Женька моя, Жарова (а ныне — уже Ларцева), еще раньше родила девочку. Видела их потом, как годик исполнился — позвали в гости. И опять без сопровождения меня Мирой не обошлось. То еще веселье случилось. Но я очень рада, что как и в прошлый раз (на защите диплома), эти двое (Мирослав и Алексей) хорошо ладили. По крайней мере, после первой стопки — едва ли не закадычными друзьями стали... и уже даже «бабы "принялись" мешать мудрым, мужским разговорам о жизни». Несложно догадаться... кто автор сих слов.

Майор и Алиса. Да уж... та еще парочка. Но я очень благодарна Виктору за то, что он для меня сделал, когда Мирон пропал: всё простила, всё забыла... даже на его жену перестала зубы точить. А та... и того на своей волне поплыла. Через годик-другой залетела. Мирон ржал, что отцовство надо еще перепроверить... Ну а я... лишь уповала, что вопреки всем их разногласиям и гуляниям на стороне, если уже сколько лет в браке... то дитя их общее — и лишь сплотит их. Может быть, даже... образумив, если не на весь их век, то хоть на время... пока малой подрастет.

А я... Ну куда уж без нас?

Родила, да не одного. Этой моей «сволочи» мало было одной девочки, уж очень хотелось еще и пацана — эдакую... «младшую смену для Мирь». А потому через три года после Миланы... я родила еще и Мирона младшего.

Больше книг на сайте - Knigolub.net